Р1 | А2210
Т87 | 51714
Тургенев И.С.
...и. собр. соч. Т.6
5р.
Г1804
А 2210
5 руб

Книга должна быть
возвращена не позже
указанного здесь срока

Колич. предыд. выдач_____

2212-14.4.11

ИВАНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ

ТУРГЕНЕВЪ

Томъ VI.

Р1
Т 87

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

И. С. ТУРГЕНЕВА

ТОМЪ VI.

Шестое изданіе.

Дмитровская уездная Библиотека
Московской области

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Глазунова, Казанская ул., № 8.

1913.

ТУ-ПО-СО-СП-1913 (т. 6)

Собр. соч.

Собственность Глазунова.

ОТДѢЛЪ III.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ КНИГАХЪ.

КНИГА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ

ШЕСТОГО ТОМА:

	стр.
ЗАТИШЬЕ	1
ПЕРЕПИСКА	92
ЯКОВЪ ПАСЫНКОВЪ	129
ФАУСТЪ.	179
ПОѢЗДКА ВЪ ПОЛѢСЬЕ	230
АСЯ	252
ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ	310
ПРИЗРАКИ	388
ДОВОЛЬНО	425
СОБАКА	440

ЗАТИШЬЕ.

I.

Въ довольно большой, недавно выбѣленной комнатѣ господскаго флигеля, въ деревнѣ Сасовѣ, —го уѣзда, Т.... губерніи, сидѣлъ за старымъ, покоробленнымъ столикомъ, на деревянномъ узкомъ стулѣ, молодой человѣкъ въ пальто и разсматривалъ счеты. Двѣ стеариновыя свѣчки, въ дорожныхъ серебряныхъ шандалахъ, горѣли передъ нимъ; въ одномъ углу на лавкѣ стоялъ открытый погребецъ, въ другомъ—слуга устанавливалъ желѣзную кровать. За низкой перегородкой ворчалъ и шипѣлъ самоваръ; собака ворочалась на только-что принесенномъ сѣнѣ. Въ дверяхъ стоялъ мужикъ въ новомъ армякѣ, подпоясанный краснымъ кушакомъ, съ большой бородой и умнымъ лицомъ, по всѣмъ признакамъ—староста; онъ внимательно глядѣлъ на сидѣвшаго молодого человѣка. У одной стѣны стояло очень ветхое, крошечное фортепіано, возлѣ столь же древняго комода съ дырами вмѣсто замковъ; между окнами виднѣлось темное зеркальце; на перегородкѣ висѣлъ старый, почти весь облупившійся портретъ напудренной женщины, въ робронѣ и съ черной ленточкой на тонкой шеѣ.

Судя по замѣтной кривизнѣ потолка и покатости щелистаго пола, флигелекъ, въ который мы ввели читателя, существовалъ давнымъ-давно; въ немъ никто постоянно не жилъ, онъ служилъ для господскаго пріѣзда. Молодой человѣкъ, сидѣвшій за столомъ, былъ именно владѣлецъ деревни Сасовой. Онъ только наканунѣ прибылъ изъ главнаго своего имѣнія, отстоящаго верстъ за сто оттуда, и на другой же день собирался уѣхать, окончивши осмотръ хозяйства, выслушавши требованія крестьянъ и повѣривъ всѣ бумаги.

— Ну, однако, довольно, — промолвилъ онъ, приподнявъ голову:—усталъ. Ты теперь можешь идти,—прибавилъ онъ, обращаясь къ старостѣ:—а завтра приходи пораньше, да съ утра повѣсти мужиковъ, чтобы на сходку явились, слышишь?

— Слушаю.

— Да земскому вели мнѣ вѣдомость за послѣдній мѣсяцъ представить. Однако, ты хорошо сдѣлалъ,—продолжалъ баринъ, оглянувшись,—что стѣны выбѣлилъ. Все какъ будто чище.

Староста молча тоже оглянулъ стѣны.

— Ну, теперь ступай.

Староста поклонился и вышелъ.

Баринъ потянулся.

— Эй!—крикнулъ онъ.—Дайте мнѣ чаю.... Пора спать.

Слуга отправился за перегородку и скоро вернулся съ стаканомъ чаю, связкой городскихъ котелокъ и сливочникомъ на желѣзномъ подносѣ. Баринъ принялся пить чай, но не успѣлъ онъ отхлебнуть двухъ глотковъ, какъ въ сосѣдней комнатѣ послышался стукъ вошедшихъ людей и чей-то пискливый голосъ спросилъ:

— Владиміръ Сергѣичъ Астаховъ дома? Можно ихъ видѣть?

Владиміръ Сергѣичъ (такъ именно звали молодого че-

ловѣка въ пальто) съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на своего человѣка и торопливымъ шопотомъ проговорилъ:

— Поди, узнай, кто это?

Человѣкъ вышелъ и прихлопнулъ за собой плохо затворявшуюся дверь.

— Доложи Владиміру Сергѣичу, — раздался тотъ же пискливый голосъ:—что сосѣдъ ихъ Ипатовъ желаетъ ихъ видѣть, буде не обезпокоитъ; да со мной еще пріѣхалъ другой сосѣдъ, Бодряковъ, Иванъ Ильичъ, тоже желаютъ почтеніе свое засвидѣтельствовать.

Невольное движеніе досады вырвалось у Владиміра Сергѣича. Однако, когда слуга его вошелъ въ комнату, онъ сказалъ ему:

— Проси.

И онъ всталъ въ ожиданіи гостей.

Дверь отворилась и появились гости. Одинъ изъ нихъ, плотный сѣдой старичёкъ съ круглой головкой и свѣтлыми глазками, шелъ впереди; другой, высокій, худощавый мужчина лѣтъ тридцати-пяти, съ длиннымъ смуглымъ лицомъ и безпорядочными волосами, выступалъ, переваливаясь, сзади. На старичкѣ былъ опрятный сѣрый сюртукъ, съ большими перламутровыми пуговицами; розовый галстучекъ, до половины скрытый отложнымъ воротничкомъ бѣлой рубашки, свободно обхватывалъ его шею; на ногахъ у него красовались штиблеты, пріятно пестрѣли клѣтки его шотландскихъ панталонъ, и вообще онъ весь производилъ впечатлѣніе пріятное. Его товарищъ, напротивъ, возбуждалъ въ зрителѣ чувство менѣе выгодное: на немъ былъ черный старый фракъ, застегнутый наглухо; штаны его, изъ толстаго зимняго трико, подходили подъ цвѣтъ его фрака; ни около шеи, ни у кистей рукъ не виднѣлось бѣлья. Старичёкъ первый приблизился къ Владиміру Сергѣичу и, любезно поклонившись, заговорилъ тѣмъ же тоненькимъ голоскомъ:

— Честь имѣю рекомендоваться, — ближайшій вашъ сосѣдъ и даже родственникъ, Ипатовъ, Михайло Николаичъ. Давно желалъ имѣть удовольствіе съ вами познакомиться. Надѣюсь, что не обезпокоилъ.

Владиміръ Сергѣичъ отвѣчалъ, что онъ очень радъ и самъ желалъ, и что безпокойства никакого нѣтъ и не угодно ли сѣсть... чаю выкушать.

— А этотъ дворянинъ,—продолжалъ старичёкъ, выслушавъ съ привѣтной улыбкой недомолвленныя рѣчи Владиміра Сергѣича и протянувъ руку въ направленіи господина во фракѣ:—тоже вашъ сосѣдъ.... и мой хорошій знакомый, Иванъ Ильичъ, сильно желалъ съ вами познакомиться.

Господинъ во фракѣ, по лицу котораго никто бы не предположилъ, чтобы онъ чего-нибудь могъ сильно пожелать въ своей жизни—до того разсѣянно и въ то же время сонливо было выраженіе этого лица,—господинъ во фракѣ поклонился неловко и вяло. Владиміръ Сергѣичъ поклонился ему въ отвѣтъ и вторично попросилъ гостей присѣсть.

Гости сѣли.

— Очень радъ,—началъ старичёкъ, пріятно разставивъ руки, между тѣмъ какъ его товарищъ принялся, слегка раскрывъ ротъ, оглядывать потолокъ: — очень радъ, что имѣю, наконецъ, честь видѣть васъ лично. Хотя вы постояннымъ жительствомъ вашимъ и обрѣтаетесь въ довольно отдаленномъ отъ здѣшнихъ мѣстъ уѣздѣ, однако мы считаемъ васъ тоже своимъ, кореннымъ, такъ-сказать, владѣльцемъ.

— Мнѣ это очень лестно,—возразилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Лестно ли, нѣтъ ли, а оно такъ. Вы, Владиміръ Сергѣичъ, извините, мы здѣсь, въ —омъ уѣздѣ, народъ прямой, по простотѣ живемъ: говоримъ, что думаемъ, безъ

обиняковъ. У насъ даже, скажу вамъ, на именины другъ къ другу ѣздятъ не иначе, какъ въ сюртукахъ. Право! Такъ ужъ у насъ заведено. Въ сосѣднихъ уѣздахъ насъ за это сюртучниками называютъ и даже упрекаютъ яко-бы въ дурномъ тонѣ, но мы на это и вниманія не обращаемъ! Помилуйте, въ деревнѣ жить—да еще чиниться?

— Конечно, что̀ можетъ быть лучше.... въ деревнѣ.... этой натуральности въ обращеніи,—замѣтилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— А между тѣмъ,—возразилъ старичёкъ:—и у насъ въ уѣздѣ живутъ люди, можно сказать, умнѣйшіе, европейски образованные люди, хоть и фраковъ не носятъ. Вотъ хоть бы, напримѣръ, историкъ нашъ, Евсюковъ, Степанъ Степанычъ: онъ россійской исторіей съ самыхъ древнѣйшихъ временъ занимается и въ Петербургѣ извѣстенъ, ученѣйшій человѣкъ! Въ городѣ нашемъ старинное шведское ядро, знаете.... тамъ оно среди площади поставлено.... вѣдь это онъ его открылъ. Какъ же! Центелеръ, Антонъ Карлычъ.... тотъ естественную исторію изучилъ: впрочемъ, говорятъ, эта наука всѣмъ нѣмцамъ далась. Когда у насъ, лѣтъ десять тому назадъ, забѣжавшую гіену убили, такъ вѣдь это Антонъ Карлычъ открылъ, что она дѣйствительно была гіена, по причинѣ особеннаго устройства ея хвоста. Вотъ еще Кабурдинъ есть у насъ помѣщикъ: тотъ больше легкія статейки пишетъ; очень бойкое у него перо, въ Галатеѣ есть его статейки. Бодряковъ.... не Иванъ Ильичъ, нѣтъ, Иванъ Ильичъ этимъ неглижируетъ, а другой Бодряковъ, Сергѣй.... какъ бишь его по батюшкѣ-то, Иванъ Ильичъ.... какъ бишь?

— Сергѣичъ,—подхватилъ Иванъ Ильичъ.

— Да, Сергѣй Сергѣичъ,—тотъ стихами занимается. Ну, конечно, не Пушкинъ, а иногда такъ отбреетъ, что хоть бы въ столицѣ. Вы его эпиграмму на Агея Ѳомича знаете?

— На какого Агея Ѳомича?

— Ахъ, извините; я все забываю, что вы все-таки не здѣшній житель. На нашего исправника. Очень смѣшная вышла эпиграмма. Иванъ Ильичъ, ты, кажется, ее помнишь?

— Агей Ѳомичъ, — равнодушно заговорилъ Бодряковъ —

.... не даромъ славно
Дворянскимъ выборомъ почтенъ....

— Надо вамъ сказать,—перебилъ Ипатовъ: — что его выбрали почти-что одними бѣлыми шарами, ибо человѣкъ онъ наидостойнѣйшій.

— Агей Ѳомичъ,—повторилъ Бодряковъ,—

.... не даромъ славно
Дворянскимъ выборомъ почтенъ:
Онъ пьетъ и кушаетъ исправно....
Такъ какъ же не исправникъ онъ?

Старичёкъ засмѣялся.

— Хе, хе, хе! а вѣдь недурно? Съ тѣхъ поръ, повѣрите ли вы, всякій изъ насъ скажетъ, напримѣръ, Агею Ѳомичу: здравствуйте—и ужъ непремѣнно прибавитъ: „такъ какъ же не исправникъ онъ?“ И Агей Ѳомичъ, вы думаете, сердится? Нисколько. Нѣтъ—у насъ этого и въ заведеніи нѣтъ. Вотъ, спросите хоть Ивана Ильича.

Иванъ Ильичъ только глазами повелъ.

— Сердиться за шутку, какъ это можно! Вотъ, хоть бы Иванъ Ильичъ: его у насъ прозываютъ Складная-Душа, потому что онъ весьма скоро на все соглашается. Что жъ? развѣ Иванъ Ильичъ за это обижается? Никогда!

Иванъ Ильичъ посмотрѣлъ, медленно мигая, сперва на старичка, потомъ на Владиміра Сергѣича.

Названіе „Складная-Душа“, дѣйствительно, очень шло къ Ивану Ильичу. Въ немъ и слѣда не было того, что̀ называется волей или характеромъ. Всякій, кто только хо-

тѣлъ, могъ увезти его съ собой куда угодно; стòило только сказать ему: Иванъ Ильичъ, поѣдемте, — онъ бралъ шапку и ѣхалъ; а подвернись тутъ другой и скажи ему: Иванъ Ильичъ, останьтесь,—онъ клалъ шапку и оставался. Нрава онъ былъ миролюбиваго и тихаго, весь свой вѣкъ прожилъ холостякомъ, въ карты не игралъ, но любилъ сидѣть возлѣ играющихъ и глядѣть имъ поочереди въ лица. Безъ общества онъ жить не могъ и уединенія не переносилъ; онъ тогда впадалъ въ уныніе; впрочемъ, это съ нимъ случалось очень рѣдко. За нимъ водилась еще одна особенность: вставъ рано поутру съ постели, онъ вполголоса напѣвалъ старинный романсъ:

Въ деревнѣ нѣкогда баронъ
Жилъ съ деревенской простотою....

Вслѣдствіе этой особенности Ивана Ильича, его прозывали также щуромъ, извѣстно, что щуръ въ клѣткѣ поетъ только разъ въ теченіе дня, рано поутру. Таковъ былъ Иванъ Ильичъ Бодряковъ.

Разговоръ между Ипатовымъ и Владиміромъ Сергѣичемъ продолжался довольно долго, но уже не въ прежнемъ, такъ-сказать, умозрительномъ направленіи. Старичёкъ разспрашивалъ Владиміра Сергѣича объ его имѣніи, о состояніи его лѣсныхъ и другихъ дачъ, объ усовершенствованіяхъ, которыя онъ уже ввелъ или только намѣревался ввести въ своемъ хозяйствѣ; сообщилъ ему нѣсколько своихъ собственныхъ наблюденій, посовѣтовалъ, между прочимъ, для истребленія луговыхъ кочекъ, обсыпать ихъ кругомъ овсомъ, чтò будто бы побуждаетъ свиней срывать ихъ своими носами и т. п. Наконецъ, однако, замѣтивъ, что у Владиміра Сергѣича слипались глаза и въ самыхъ словахъ проявлялась нѣкоторая медлительность и безсвязность, старичёкъ всталъ и, любезно поклонившись, объявилъ, что онъ не намѣренъ болѣе стѣснять своимъ при-

сутствіемъ, но что надѣется имѣть удовольствіе видѣть у себя дорогого гостя не позже завтрашняго дня, къ обѣду.

— А въ мою деревню,—прибавилъ онъ,—не говоря уже малое дитя, первая встрѣчная, смѣю сказать, курица или баба вамъ дорогу укажетъ, стоитъ только спросить Ипатовку. Лошади сами добѣгутъ.

Владиміръ Сергѣичъ отвѣчалъ съ небольшой, впрочемъ, свойственной ему запинкой, что постарается.... что если ничего не воспрепятствуетъ....

— Нѣтъ, ужъ мы васъ будемъ ждать навѣрное,—перебилъ его ласково старичёкъ, крѣпко пожалъ ему руку и проворно вышелъ, воскликнувъ у двери въ полуоборотъ:— безъ церемоніи!

Складная-Душа Бодряковъ поклонился молча и исчезъ вслѣдъ за своимъ товарищемъ, предварительно споткнувшись на порогѣ.

Проводивъ нежданныхъ гостей, Владиміръ Сергѣичъ тотчасъ раздѣлся, легъ въ постель и заснулъ.

Владиміръ Сергѣичъ Астаховъ принадлежалъ къ числу людей, которые, осторожно попытавши свои силы на двухъ-трехъ различныхъ поприщахъ, сами говорятъ о себѣ, что рѣшились наконецъ взглянуть на жизнь съ практической точки зрѣнія, и посвящаютъ досугъ умноженію своихъ доходовъ. Онъ былъ не глупъ, довольно скупъ и очень разсудителенъ, любилъ чтеніе, общество, музыку, но все въ мѣру.... и держалъ себя очень прилично. Ему было всего двадцать-семь лѣтъ. Подобныхъ ему молодыхъ людей развелось въ послѣднее время много. Онъ былъ средняго роста, хорошо сложенъ, черты лица имѣлъ пріятныя, но мелкія: выраженіе ихъ почти никогда не мѣнялось, глаза его глядѣли всегда однимъ и тѣмъ же сухимъ и свѣтлымъ взоромъ; лишь изрѣдка смягчался онъ легкимъ оттѣнкомъ не то грусти, не то скуки; учтивая улыбка

почти не покидала его губъ. Волосы у него были прекрасные, бѣлокурые, шелковистые и въ длинныхъ завиткахъ. За Владиміромъ Сергѣичемъ считалось около шестисотъ душъ хорошаго имѣнія, и онъ думалъ о бракѣ, бракѣ по наклонности, но въ то же время выгодномъ. Особенно хотѣлось ему сыскать жену со связями. Онъ находилъ, что у него недостаточно было связей. Словомъ, онъ заслуживалъ вошедшее недавно въ моду названіе джентльмена.

Вставши на другое утро, по обыкновенію, очень рано, джентльменъ нашъ занялся дѣлами и, должно отдать ему справедливость, занялся ими довольно дѣльно, что̀ не всегда можно сказать про молодыхъ практическихъ людей у насъ на Руси. Онъ терпѣливо выслушалъ сбивчивыя просьбы и жалобы мужиковъ, удовлетворилъ ихъ насколько могъ, разобралъ возникшіе споры и несогласія между родными, однихъ усовѣстилъ, на другихъ прикрикнулъ, провѣрилъ отчетъ земскаго, вывелъ на свѣжую воду двѣ-три плутни старосты, словомъ—распорядился такъ, что и самъ остался собою доволенъ, и крестьяне, возвращаясь со сходки ко дворамъ, отзывались о немъ хорошо. Несмотря на слово, данное наканунѣ Ипатову, Владиміръ Сергѣичъ рѣшился-было обѣдать дома, и даже заказалъ своему походному повару любимый рисовый супъ съ потрохами; но вдругъ, быть-можетъ, вслѣдствіе чувства довольства, наполнившаго его душу съ утра, остановился посреди комнаты, ударилъ себя рукою по лбу и не безъ нѣкоторой удали громко воскликнулъ: „А поѣду-ка я къ этому старому краснобаю!“ Сказано, сдѣлано; чрезъ полчаса онъ уже сидѣлъ въ своемъ новенькомъ тарантасѣ, запряженномъ четвернею добрыхъ крестьянскихъ лошадей, и ѣхалъ въ Ипатовку, до которой считалось не болѣе двѣнадцати верстъ отличной дороги.

II.

Усадьба Михаила Николаевича Ипатова состояла изъ двухъ отдѣльныхъ господскихъ домиковъ, построенныхъ другъ противъ друга по обѣимъ сторонамъ огромнаго проточнаго пруда. Длинная плотина, обсаженная серебристыми тополями, замыкала этотъ прудъ; почти въ уровень съ ней виднѣлась красная крыша небольшой мельницы-колотовки. Построенные одинаково, выкрашенные одной лиловой краской, домики, казалось, переглядывались черезъ широкую водную гладь блестящими стеклами своихъ маленькихъ, чистыхъ оконъ. Посрединѣ каждаго изъ домиковъ выдавалась круглая терраса и возвышался острый фронтонъ, подпертый четырьмя тѣсно поставленными бѣлыми колоннами. Вокругъ всего пруда шелъ старинный садъ: липы тянулись по немъ аллеями, стояли сплошными купами; заматерѣлыя сосны съ блѣдно-желтыми стволами, темные дубы, великолѣпные ясени высоко поднимали тамъ и сямъ свои одинокія верхушки; густая зелень разросшихся сиреней и акацій подступала вплоть до самыхъ боковъ обоихъ домиковъ, оставляя открытыми однѣ ихъ переднія стороны, отъ которыхъ бѣжали внизъ по скатамъ извилистыя, убитыя кирпичемъ дорожки. Пестрыя утки, бѣлые и сѣрые гуси плавали отдѣльными станицами по свѣтлой водѣ пруда: онъ никогда не зацвѣталъ, благодаря обильнымъ ключамъ, бившимъ въ его „головѣ“ со дна крутого и каменистаго оврага. Мѣстоположеніе усадьбы было хорошо: привѣтливо, уединенно и красиво.

Въ одномъ изъ двухъ маленькихъ домиковъ жилъ самъ Михаилъ Николаевичъ; въ другомъ жила его мать, дряхлая старуха лѣтъ семидесяти. Взъѣхавши на плотину, Владиміръ Сергѣичъ не зналъ, къ какому дому направиться. Онъ оглянулся—дворовый мальчикъ удилъ рыбу, стоя

босикомъ на полусгнившей карягѣ. Владиміръ Сергѣичъ окликнулъ его.

— Да вамъ къ кому, къ старой барынѣ, аль къ барчуку?—возразилъ мальчикъ, не сводя глазъ съ поплавка.

— Къ какой барынѣ?—отвѣтилъ Владиміръ Сергѣичъ:—я къ Михаилу Николаичу.

— А! къ барчуку? Ну, такъ ступайте направо.

И мальчикъ дернулъ удочкой и вытащилъ изъ неподвижной воды небольшого серебристаго карася. Владиміръ Сергѣичъ отправился направо.

Михаилъ Николаичъ игралъ въ шашки съ Складной-Душою, когда ему доложили о пріѣздѣ Владиміра Сергѣича. Онъ очень обрадовался, вскочилъ съ креселъ, выбѣжалъ въ переднюю и въ передней трижды съ нимъ облобызался.

— Вы меня застаете съ моимъ неизмѣннымъ пріятелемъ, Владиміръ Сергѣичъ,—заговорилъ словоохотливый старичёкъ:—съ Иваномъ Ильичемъ, который, скажу мимоходомъ, совершенно очарованъ вашей обходительностью. (Иванъ Ильичъ молча глянулъ въ уголъ). Онъ былъ такъ добръ, остался со мной въ шашки играть, а мои всѣ пошли въ садъ гулять: но я сейчасъ за ними пошлю....

— Да зачѣмъ же безпокоить,—началъ-было Владиміръ Сергѣичъ....

— Какое безпокойство, помилосердуйте. Эй, Ванька, сбѣгай за барышнями скорѣй.... скажи, гость, молъ, пожаловалъ. А каково вамъ здѣшняя мѣстность нравится, вѣдь недурна, не правда ли? Кабурдинъ стихи на нее сочинилъ. „Ипатовка, пріютъ любезный“, такъ начинается,—дальше тоже хорошо, только не все помню. Садъ великъ, вотъ бѣда: не по средствамъ. А эти два дома, столь между собою схожіе, какъ вы изволили, можетъ-быть, замѣтить, были построены двумя братьями, отцомъ моимъ Николаемъ и дядей Сергѣемъ; они же и садъ развели; друзья были

примѣрные.... Дамонъ и.... вотъ тебѣ на! забылъ, какъ другого звали....

— Пифіонъ,—замѣтилъ Иванъ Ильичъ.

— Полно, такъ ли? Ну, все равно. (Дома старикъ говорилъ гораздо развязнѣе, чѣмъ въ гостяхъ).—Вамъ, Владиміръ Сергѣичъ, вѣроятно, не безызвѣстно, что я вдовецъ, лишился жены; старшія дѣтки въ казенныхъ заведеніяхъ, а со мной только двѣ меньшенькихъ, да свояченица живетъ, женина сестра, вотъ вы ее сейчасъ увидите. Да что жъ это, я васъ ничѣмъ не потчую? Иванъ Ильичъ, распорядись, братецъ, насчетъ закуски.... какую вы водку предпочитать изволите?

— Я до обѣда ничего не пью.

— Помилуйте, какъ это можно! А впрочемъ, какъ вамъ будетъ угодно. Гостю воля, гостю честь. Вѣдь здѣсь у насъ по простотѣ. Здѣсь у насъ, осмѣлюсь такъ выразиться, не то чтобы захолустье, а затишье, право затишье, уединенный уголокъ—вотъ что! Но что же вы не сядете?

Владиміръ Сергѣичъ сѣлъ, не выпуская изъ рукъ шляпы.

— Позвольте васъ облегчить,—проговорилъ Ипатовъ, и, деликатно отнявъ у него шляпу, отнесъ ее въ уголъ, потомъ возвратился, съ ласковой улыбкой посмотрѣлъ гостю въ глаза и, не зная, что̀ бы такое сказать ему пріятное, спросилъ его самымъ радушнымъ образомъ, любитъ ли онъ играть въ шашки?

— Я плохо играю во всѣ игры,—отвѣтилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— И это съ вашей стороны прекрасно,—возразилъ Ипатовъ:—но шашки, это не игра, а скорѣе забава, препровожденіе празднаго времени; не такъ ли, Иванъ Ильичъ?

Иванъ Ильичъ взглянулъ на Ипатова равнодушнымъ взглядомъ, словно думая про себя: „а чортъ ихъ знаетъ—игра ли онѣ или забава“, но, погодя немного, онъ промолвилъ:

— Да; шашки—ничего.

— Вотъ, говорятъ, шахматы другое дѣло, — продолжалъ Ипатовъ:—говорятъ, это игра претрудная. Но помоему.... а, да вотъ и мои идутъ!—перебилъ онъ самъ себя, взглянувъ въ полурастворенную стеклянную дверь, выходившую въ садъ.

Владиміръ Сергѣичъ всталъ, обернулся и увидалъ сперва двухъ дѣвочекъ лѣтъ около десяти, въ розовыхъ ситцевыхъ платьицахъ и большихъ шляпахъ, проворно взбѣгавшихъ по ступенямъ террасы; вскорѣ за ними появилась дѣвушка лѣтъ двадцати, высокаго роста, полная и стройная, въ темномъ платьѣ. Всѣ онѣ вошли въ комнату, дѣвочки чинно присѣли передъ гостемъ.

— Вотъ-съ, рекомендую,—проговорилъ хозяинъ:—мои дочки-съ. Эту вотъ Катей зовутъ-съ, а эту Настей, а это вотъ моя свояченица, Марья Павловна, о которой я уже имѣлъ удовольствіе вамъ говорить. Прошу любить да жаловать.

Владиміръ Сергѣичъ поклонился Марьѣ Павловнѣ, она отвѣтила ему едва замѣтнымъ наклоненіемъ головы.

Марья Павловна держала въ рукѣ большой раскрытый ножъ; ея густые русые волосы слегка растрепались, небольшой зеленый листокъ запутался въ нихъ, коса выбилась изъ-подъ гребня, смуглое лицо зарумянилось и красныя губы раскрылись; платье казалось измятымъ. Она дышала быстро; глаза ея блестѣли; видно было, что она работала въ саду. Она тотчасъ же вышла изъ комнаты; дѣвочки побѣжали за ней.

— Туалетъ-съ немножко въ порядокъ привести,—замѣтилъ старикъ, обращаясь къ Владиміру Сергѣичу: — безъ этого нельзя-съ.

Владиміръ Сергѣичъ осклабился ему въ отвѣтъ и слегка задумался. Марья Павловна его поразила. Давно не видывалъ онъ такой прямо-русской, степной красоты. Она

скоро вернулась, сѣла на диванъ и осталась неподвижной. Волосы свои она убрала, но платья не перемѣнила, не надѣла даже манжетокъ. Черты ея лица выражали не то, чтобы гордость, а суровость, почти грубость; лобъ ея былъ широкъ и низокъ, носъ коротокъ и прямъ; лѣнивая и медленная усмѣшка изрѣдка кривила ея губы; презрительно хмурились ея прямыя брови. Она почти постоянно держала свои большіе, темные глаза опущенными. „Я знаю, казалось, говорило ея непривѣтное молодое лицо: я знаю, что вы всѣ на меня смотрите; ну, смотрите; надоѣли!“ Когда же она поднимала свои глаза, въ нихъ было что-то дикое, красивое и тупое, напоминавшее взоръ лани. Сложена она была великолѣпно. Классическій поэтъ сравнилъ бы ее съ Церерой или Юноной.

— Что вы дѣлали въ саду? — спросилъ ее Ипатовъ, желавшій вовлечь ее въ разговоръ.

— Сухіе сучья рѣзали и копали гряды,—отвѣчала она голосомъ нѣсколько низкимъ, но пріятнымъ и звучнымъ.

— И что жъ, вы устали?

— Дѣти устали; я нѣтъ.

— Я знаю, — возразилъ съ улыбкой старикъ: — ты у меня настоящая Бобелина! А у бабушки были?

— Были; она почиваетъ.

— Вы любите цвѣты? — спросилъ ее Владиміръ Сергѣичъ.

— Люблю.

— Отчего ты шляпы не надѣваешь, когда выходишь,— замѣтилъ ей Ипатовъ:—посмотри, какъ ты раскраснѣлась и загорѣла.

Она молча провела рукой по лицу. Руки у ней были невелики, но немного широки и довольно красны. Она не носила перчатокъ.

— И садоводство вы любите? — опять спросилъ ее Владиміръ Сергѣичъ.

— Да.

Владиміръ Сергѣичъ принялся разсказывать, какой у него въ сосѣдствѣ прекрасный садъ у богатаго помѣщика Н*.—Главный садовникъ, нѣмецъ, одного жалованья получаетъ двѣ тысячи рублей серебромъ, — сказалъ онъ между прочимъ.

— А какъ зовутъ этого садовника?—спросилъ вдругъ Иванъ Ильичъ.

— Не помню, кажется Мейеръ или Миллеръ. А вамъ на что?

— Такъ-съ, — отвѣтилъ Иванъ Ильичъ. — Фамилію узнать.

Владиміръ Сергѣичъ продолжалъ свой разсказъ. Дѣвочки, дочери Михаила Николаича вошли, тихонько сѣли и тихонько стали слушать....

Слуга показался въ дверяхъ и доложилъ, что Егоръ Капитонычъ пріѣхалъ.

— А! проси, проси!—воскликнулъ Ипатовъ.

Вошелъ старичёкъ низенькій и толстенькій, изъ породы людей, называемыхъ коротышками или карандашами, съ пухлымъ и въ то же время сморщеннымъ личикомъ, въ родѣ печенаго яблока. На немъ была сѣрая венгерка съ черными шнурками и стоячимъ воротникомъ; его широкіе плисовые шаровары, кофейнаго цвѣта, оканчивались далеко выше щиколокъ.

— Здравствуйте, почтеннѣйшій Егоръ Капитонычъ,— воскликнулъ Ипатовъ, идя ему навстрѣчу: — давненько мы съ вами не видались.

— Да что,—возразилъ Егоръ Капитонычъ картавымъ и плаксивымъ голосомъ, раскланявшись предварительно со всѣми присутствовавшими:—вѣдь вы знаете, Михаилъ Николаичъ, свободный ли я человѣкъ?

— А чѣмъ же вы не свободный человѣкъ, Егоръ Капитонычъ?

— Да какъ же, Михаилъ Николаичъ: семейство, дѣла.... А тутъ еще Матрена Марковна.

И онъ махнулъ рукой.

— А что жъ Матрена Марковна?

И Ипатовъ слегка подмигнулъ Владиміру Сергѣичу, какъ бы желая заранѣе возбудить его вниманіе.

— Да извѣстно, — возразилъ Егоръ Капитонычъ, садясь,—все мною недовольна, будто вы не знаете? Что я ни скажу, все не такъ, не деликатно, не прилично. А почему не прилично, Господь Богъ знаетъ. И барышни, дочери мои то-есть, туда же, съ матери примѣръ берутъ. Я не говорю: Матрена Марковна прекраснѣйшая женщина, да ужъ очень строга насчетъ манеръ.

— Да чѣмъ же ваши манеры дурны, Егоръ Капитонычъ, помилуйте?

— Я и самъ то же думаю, да видно, ей угодить мудрено. Вчера, напримѣръ, говорю я за столомъ: Матрена Марковна (и Егоръ Капитонычъ придалъ голосу своему самое вкрадчивое выраженіе): Матрена Марковна, говорю я, что̀ это, какъ Алдошка лошадей не бережетъ, ѣздить не умѣетъ, говорю; вороного-то жеребца совсѣмъ закачало. И-ихъ, Матрена Марковна какъ вспыхнетъ, какъ примется стыдить меня: выражаться ты, дескать, прилично не умѣешь въ дамскомъ обществѣ; барышни тотчасъ изъ-за стола повскакали, а на другой день Бирюлевскимъ барышнямъ, женинымъ племянницамъ, уже все извѣстно. А чѣмъ я дурно выразился? посудите сами. И что̀ бы я ни сказалъ, иногда неосторожно, точно,—съ кѣмъ этого не бываетъ, особенно дома, — Бирюлевскимъ барышнямъ на другой день уже все извѣстно. Просто не знаешь, какъ быть. Иногда сижу я этакъ, думаю съ своей манерой,— я—вы, можетъ, знаете—дышу тяжело,—Матрена Марковна опять меня стыдить примется: не сопи, говоритъ, кто нынче сопитъ! Что̀ ты бранишься, говорю я, Матрена

Марковна, помилуй, надо соболѣзновать, а ты бранишься. Ужъ я теперь дома больше не думаю. Сижу и на низъ все такъ гляжу. Ей-Богу. А то еще на-дняхъ, спать мы ложились; Матрена Марковна, говорю я, что̀ ты это, матушка, своего казачка какъ избаловала, вѣдь онъ, говорю, поросенокъ этакой, хоть бы въ воскресенье лицо-то вымылъ. Что жъ? вѣдь, кажется, далеко, нѣжно сказалъ, а и тутъ не потрафилъ: опять начала меня Матрена Марковна стыдить: не умѣешь, говоритъ, въ дамскомъ обществѣ держать себя; а на другой день Бирюлевскимъ барышнямъ все извѣстно. Гдѣ ужъ тутъ о выѣздахъ думать, Михаилъ Николаичъ?

— Это для меня удивительно, что вы говорить изволите,—возразилъ Ипатовъ:—я этого не ожидалъ отъ Матрены Марковны; кажется, она....

— Прекраснѣйшая женщина,—подхватилъ Егоръ Капитонычъ:—примѣрная, можно сказать, супруга и мать, насчетъ манеръ только строга. Говоритъ, во всемъ нуженъ ансамбль, и будто у меня его нѣтъ. Я по-французски, вы знаете, не говорю, такъ только понимаю. Но какой же ансамбль, котораго у меня нѣтъ?

Ипатовъ, который самъ не больно былъ силенъ во французскомъ языкѣ, только плечами пожалъ.

— А что̀ ваши дѣтки, сыновья то-есть?—спросилъ онъ Егора Капитоныча, немного погодя.

Егоръ Капитонычъ посмотрѣлъ на него сбоку.

— Что̀ сыновья, ничего. Я ими доволенъ. Барышни, тѣ отъ рукъ отбились, а сыновьями я доволенъ. Лёля служитъ хорошо, начальство его одобряетъ; Лёля у меня ловкій ребенокъ. Ну, Михецъ—тотъ не такъ; филантропъ какой-то вышелъ.

— Отчего филантропъ?

— Господь его знаетъ, ни съ кѣмъ не говоритъ, дичится. Матрена Марковна его больше конфузитъ. Что, гово-

51714 /А 2210
Дмитр... Библиотек

ритъ, съ отца примѣръ берешь-то? Ты его уважай, а въ манерахъ подражай матери. Выровняется, пойдетъ и онъ.

Владиміръ Сергѣичъ попросилъ Ипатова познакомить его съ Егоромъ Капитонычемъ. Между ними завязался разговоръ. Марья Павловна не принимала въ немъ участія; къ ней подсѣлъ Иванъ Ильичъ, да и тотъ сказалъ ей всего слова два; дѣвочки подошли къ нему и начали что-то шопотомъ разсказывать.... Вошла ключница, худая старуха, повязанная темнымъ платкомъ и объявила, что обѣдъ готовъ. Всѣ отправились въ столовую.

Обѣдъ продолжался довольно долго. Ипатовъ хорошаго держалъ повара, и вина онъ выписывалъ недурныя, хотя не изъ Москвы, а изъ губернскаго города. Ипатовъ жилъ, какъ говорится, въ свое удовольствіе. Душъ за нимъ числилось не болѣе трехсотъ, но онъ никому не былъ долженъ и имѣнье привелъ въ порядокъ. За столомъ разговаривалъ больше самъ хозяинъ; Егоръ Капитонычъ ему вторилъ, но въ то же время не забывалъ себя: кушалъ и пилъ на славу. Марья Павловна все молчала, лишь изрѣдка отвѣчая полу-улыбками на торопливыя рѣчи двухъ дѣвочекъ, сидѣвшихъ по обоимъ ея бокамъ; онѣ, повидимому, очень ее любили; Владиміръ Сергѣичъ пытался нѣсколько разъ заговорить съ нею, однако безъ особеннаго успѣха. Складная-Душа Бодряковъ даже ѣлъ лѣниво и вяло. Послѣ обѣда всѣ пошли на террасу пить кофе. Погода была прекрасная; изъ сада несло сладкимъ запахомъ липъ, стоявшихъ тогда въ полномъ цвѣту: лѣтній воздухъ, слегка охлажденный густою тѣнью деревьевъ и влажностью близкаго пруда, дышалъ какой-то ласковой теплотой. Вдругъ изъ-за тополей плотины примчался конскій топотъ, и, спустя мгновенье, показалась всадница въ длинной амазонкѣ и круглой сѣрой шляпѣ на гнѣдой лошади; она ѣхала галопомъ; казачокъ скакалъ сзади ея на небольшомъ бѣломъ клешперѣ.

— А!—воскликнулъ Ипатовъ:—Надежда Алексѣевна ѣдетъ—вотъ пріятный сюрпризъ.

— Одна?—спросила Марья Павловна, стоявшая до того мгновенья неподвижно у дверей.

— Одна.... видно, Петра Алексѣича что-нибудь задержало.

Марья Павловна глянула исподлобья, краска разлилась по ея лицу, она отворотилась.

Между тѣмъ, всадница въѣхала черезъ калитку въ садъ, подскакала къ террасѣ и легко спрыгнула на землю, не дождавшись ни своего казачка, ни Ипатова, который направился-было къ ней навстрѣчу. Проворно подобравъ подолъ своей амазонки, вбѣжала она по ступенямъ, и, вскочивъ на террасу, весело воскликнула:

— Вотъ и я!

— Милости просимъ! — промолвилъ Ипатовъ. — Вотъ неожиданно-то, вотъ мило! Позвольте поцѣловать вашу ручку....

— Извольте,—возразила гостья:—только стащите перчатку сами.—Я не могу. И, протянувъ ему руку, кивнула головой Марьѣ Павловнѣ.—Маша, вообрази, братъ не будетъ сегодня,—сказала она съ маленькимъ вздохомъ.

— Я и такъ вижу, что его нѣтъ,—вполголоса отвѣчала Марья Павловна.

— Онъ велѣлъ тебѣ сказать, что занятъ. Ты не сердись. Здравствуйте, Егоръ Капитонычъ; здравствуйте, Иванъ Ильичъ. Здравствуйте, дѣти... Вася,—прибавила гостья, обратившись къ своему казачку:—вели хорошенько проводить Красавчика, слышишь? Маша, дай мнѣ, пожалуйста, булавку, шлейфъ приколоть.... Михаилъ Николаичъ, подите-ка сюда.

Ипатовъ подошелъ къ ней поближе.

— Кто это новое лицо? — спросила она его довольно громко.

— Это сосѣдъ, Астаховъ, Владиміръ Сергѣичъ, знаете, чье Сасово. Хотите, я васъ съ нимъ познакомлю?

— Хорошо.... послѣ. Ахъ, какая прекрасная погода,— продолжала она.—Егоръ Капитонычъ, скажите, Матрена Марковна неужели даже въ такую погоду ворчитъ?

— Матрена Марковна не ворчить ни въ какую погоду, сударыня, а она только строга насчетъ манеръ....

— А что̀ дѣлаютъ Бирюлевскія барышни? Неправда ли, на другой день уже все имъ извѣстно....

И она засмѣялась звонкимъ и серебристымъ смѣхомъ.

— Вы все изволите смѣяться,—возразилъ Егоръ Капитонычъ.—Впрочемъ, когда же и смѣяться, какъ не въ ваши года.

— Егоръ Капитонычъ, милый, не сердитесь! Ахъ, я устала, позвольте сѣсть....

Надежда Алексѣевна опустилась въ кресла и шаловливо надвинула шляпу на самые глаза.

Ипатовъ подвелъ къ ней Владиміра Сергѣича.

— Позвольте, Надежда Алексѣевна, представить вамъ сосѣда нашего, господина Астахова, о которомъ вы, вѣроятно, много слышали.

Владиміръ Сергѣичъ поклонился, а Надежда Алексѣевна посмотрѣла на него изъ-подъ околышка своей круглой шляпы.

— Надежда Алексѣевна Веретьева, наша сосѣдка,— продолжалъ Ипатовъ, обращаясь къ Владиміру Сергѣичу.—Живетъ здѣсь съ братцемъ своимъ, Петромъ Алексѣичемъ, отставнымъ гвардіи поручикомъ. Большая пріятельница моей свояченицѣ, и вообще къ нашему дому благоволитъ.

— Цѣлый формулярный списокъ, — промолвила съ усмѣшкой Надежда Алексѣевна, попрежнему поглядывая на Владиміра Сергѣича изъ-подъ шляпы.

А Владиміръ Сергѣичъ, между тѣмъ, думалъ про себя

„да вѣдь и эта прехорошенькая“. И точно, Надежда Алексѣевна была очень милая дѣвица. Тоненькая и стройная, она казалась гораздо моложе, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ. Ей уже минулъ двадцать-седьмой годъ. Лицо она имѣла круглое, головку небольшую, пушистые бѣлокурые волосы, острый, почти нахально вздернутый носикъ и веселые, нѣсколько лукавые глазки. Насмѣшливость такъ и свѣтилась въ нихъ, такъ и зажигалась въ нихъ искрами. Черты лица ея, чрезвычайно оживленныя и подвижныя, принимали иногда выраженіе почти забавное; въ нихъ проглядывалъ юморъ. Изрѣдка, большей частью внезапно, тѣнь раздумья набѣгала на ея лицо,—тогда оно становилось кроткимъ и добродушнымъ, но долго предаваться раздумью она не могла. Она легко схватывала смѣшныя стороны людей и порядочно рисовала каррикатуры. Съ самаго рожденія ее всѣ баловали, и это тотчасъ можно было замѣтить: люди, избалованные въ дѣтствѣ, сохраняютъ особый отпечатокъ до конца жизни. Братъ ее любилъ, хотя увѣрялъ, что она жалится не какъ пчела, а какъ оса, потому что пчела ужалитъ, да и умретъ, а осѣ ужалить ничего не значитъ. Это сравненіе ее сердило.

— Вы надолго сюда пріѣхали?—спросила она Владиміра Сергѣича, опустивъ глаза и вертя въ рукахъ хлыстикъ.

— Нѣтъ, я располагаю завтра же выѣхать отсюда.

— Куда?

— Домой.

— Домой? Зачѣмъ, смѣю спросить?

— Какъ зачѣмъ? Помилуйте, дома у меня дѣла есть, не терпящія отлагательства.

Надежда Алексѣевна посмотрѣла на него.

— Развѣ вы такой.... аккуратный человѣкъ?

— Я стараюсь быть аккуратнымъ человѣкомъ,—возразилъ Владиміръ Сергѣичъ.—Въ наше положительное вре-

мя всякій порядочный человѣкъ *долженъ* быть положительнымъ и аккуратнымъ.

— Это совершенно справедливо,—замѣтилъ Ипатовъ.— Не правда ли, Иванъ Ильичъ?

Иванъ Ильичъ только глянулъ на Ипатова, а Егоръ Капитонычъ промолвилъ:

— Да, это такъ.

— Жаль, — сказала Надежда Алексѣевна:—а у насъ именно недостаетъ jeune premier. Вы вѣдь умѣете играть комедіи?

— Я никогда не испытывалъ силъ своихъ на этомъ поприщѣ.

— Я увѣрена, что вы хорошо бы сыграли. У васъ осанка такая.... важная, это для нынѣшнихъ jeune premier необходимо. Мы съ братомъ собираемся завести здѣсь театръ. Впрочемъ, мы не однѣ комедіи будемъ играть, мы все будемъ играть—драмы, балеты и даже трагедіи. Чѣмъ Маша не Клеопатра или не Федра? Посмотрите-ка на нее!

Владиміръ Сергѣичъ обернулся.... Прислонившись головою къ двери и скрестивъ руки, Марья Павловна задумчиво глядѣла въ даль.... Въ это мгновенье ея стройныя черты дѣйствительно напоминали облики древнихъ изваяній. Послѣднихъ словъ Надежды Алексѣевны она не разслышала; но, замѣтивъ, что взгляды всѣхъ внезапно на нее устремились, она тотчасъ догадалась, въ чемъ было дѣло, покраснѣла и хотѣла уйти въ гостиную.... Надежда Алексѣевна проворно схватила ее за руку и, съ кокетливой ласковостью котенка, притянула къ себѣ и поцѣловала эту почти мужскую руку. Марья Павловна вспыхнула еще ярче.

— Ты все шалишь, Надя,—промолвила она.

— Развѣ я не правду про тебя сказала? Я готова сослаться на всѣхъ.... Ну полно, полно, не буду. А я опять-

таки скажу,—продолжала Надежда Алексѣевна, обратившись къ Владиміру Сергѣичу:—жаль, что вы ѣдете. Правда, есть у насъ одинъ jeune premier, самъ навязывается, да ужъ очень плохъ.

— Кто такой? позвольте узнать.

— Бодряковъ, поэтъ. Гдѣ жъ поэту быть jeune premier! Во-первыхъ, онъ такъ одѣвается, что ужасъ; во-вторыхъ, эпиграммы онъ пишетъ, а передъ всякой женщиной, даже предо мной, представьте, робѣетъ. Пришепётываетъ, одна рука у него всегда выше головы и ужъ не знаю что. Скажите, пожалуйста, мосьё Астаховъ, всѣ ли поэты таковы?

Владиміръ Сергѣичъ слегка выпрямился.

— Я ни одного изъ нихъ не зналъ лично, да и, признаться, не искалъ никогда ихъ знакомства.

— Да, вѣдь вы положительный человѣкъ. Придется взять Бодрякова, нечего дѣлать. Другіе jeune premier еще хуже. Этотъ, по крайней мѣрѣ, роль наизусть выучитъ. Маша у насъ, кромѣ трагическихъ ролей, будетъ исполнять должность примадонны.... Вы, мосьё Астаховъ, не слыхали, какъ она поетъ?

— Нѣтъ, — возразилъ, осклабясь, Владиміръ Сергѣичъ:—я и не зналъ....

— Что съ тобою сегодня, Надя?—заговорила съ недовольнымъ видомъ Марья Павловна.

Надежда Алексѣевна вскочила.

— Ради Бога, Маша, спой намъ что-нибудь, пожалуйста.... Я отъ тебя не отстану, пока ты не споешь намъ что-нибудь, Маша, душка. Я бы сама спѣла, чтобы занять гостя, да вѣдь ты знаешь, какой у меня нехорошій голосъ. За то, посмотри, какъ я славно буду тебѣ аккомпанировать.

Марья Павловна помолчала.

— Отъ тебя не отдѣлаешься,—сказала она наконецъ.—

Ты, какъ избалованное дитя, привыкла исполнять всѣ свои прихоти. Изволь, я буду пѣть.

— Браво, браво,—воскликнула Надежда Алексѣевна и захлопала въ ладоши.—Господа, пойдемте въ гостиную. А что касается до прихотей,—прибавила она, смѣясь:—это тебѣ припомнится. Можно ли при незнакомыхъ людяхъ выставлять мои слабости? Егоръ Капитонычъ, Матрена Марковна *такъ* васъ стыдитъ при чужихъ?

— Матрена Марковна,—пробормоталъ Егоръ Капитонычъ:—очень почтенная дама; только насчетъ манеръ....

— Ну, пойдемте, пойдемте, — перебила его Надежда Алексѣевна и вошла въ гостиную.

Всѣ отправились вслѣдъ за ней. Она сбросила съ себя шляпу и сѣла за фортепіано. Марья Павловна стала возлѣ стѣны, довольно далеко отъ Надежды Алексѣевны.

— Маша,—проговорила она, подумавъ немного:—спой намъ „Хлопецъ сѣе жито“.

Марья Павловна запѣла. Голосъ у нея былъ чистъ и силенъ, и пѣла она хорошо — просто и безъ вычуръ. Всѣ слушали ее съ большимъ вниманіемъ, а Владиміръ Сергѣичъ не могъ скрыть свое изумленье. Когда Марья Павловна кончила, онъ подошелъ къ ней и началъ ее увѣрять, что онъ никакъ не ожидалъ....

— Погодите, то-ли еще будетъ!—перебила его Надежда Алексѣевна.—Маша, потѣшу я твою хохлацкую душу, спой намъ теперь „Гоминъ-гоминъ по дуброви....“

— Развѣ вы малоросска?—спросилъ ее Владиміръ Сергѣичъ.

— Я родомъ изъ Малороссіи,—отвѣчала она и принялась пѣть „Гоминъ-гоминъ....“

Сначала она выговаривала слова равнодушно, но заунывно-страстный, родной напѣвъ расшевелилъ понемногу ее самое, щеки ея покраснѣли, взоръ заблисталъ, голосъ зазвучалъ горячо. Она кончила.

— Боже мой! какъ ты это хорошо спѣла,—проговорила Надежда Алексѣевна, склонясь надъ клавишами.— Какъ жаль, что брата здѣсь не было!

Марья Павловна тотчасъ опустила глаза и усмѣхнулась своей обычной, горькой усмѣшкой.

— А надо бы еще что-нибудь,—замѣтилъ Ипатовъ.

— Да, если бъ вы были такъ добры,—прибавилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Извините меня, я больше пѣть сегодня не буду,— промолвила Марья Павловна и вышла вонъ изъ комнаты.

Надежда Алексѣевна посмотрѣла ей вслѣдъ, сперва задумалась, потомъ улыбнулась, принялась наигрывать однимъ пальцемъ „Хлопецъ сѣе жито“, потомъ вдругъ заиграла блестящую польку, и, не кончивъ ея, взяла громкій аккордъ, захлопнула крышку фортепіано и встала.

— Жаль, что не съ кѣмъ потанцовать,—воскликнула она:—вотъ бы кстати!

Владиміръ Сергѣичъ подошелъ къ ней.

— Какой чудесный голосъ у Марьи Павловны, —замѣтилъ онъ:—и съ какимъ она чувствомъ поетъ!

— А вы любите музыку?

— Да.... очень.

— Такой учёный человѣкъ и любите музыку!

— Да почему же вы думаете, что я ученый?

— Ахъ, да; извините, я все забываю, вы положительный человѣкъ. Куда же это ушла Маша? Постойте, я схожу за ней.

И Надежда Алексѣевна выпорхнула вонъ изъ гостиной.

— Вертушка, какъ изволите видѣть,—промолвилъ Ипатовъ, подходя къ Владиміру Сергѣичу:—но сердце добрѣйшее. И какое воспитаніе получила, вы не можете представить: на всѣхъ языкахъ объясняется. Ну, люди они съ состояніемъ, оно понятно.

— Да,—разсѣянно произнесъ Владиміръ Сергѣичъ:—

очень любезная дѣвица. Но, позвольте спросить, супруга ваша тоже родомъ была изъ Малороссіи?

— Точно такъ-съ. Покойница жена моя была малороссіянка, такъ же, какъ и сестра ея, Марья Павловна. Жена моя, сказать по правдѣ, даже выговоръ не совсѣмъ имѣла чистый; хотя она россійскимъ языкомъ владѣла въ совершествѣ, однако, все-таки не совсѣмъ правильно изъяснялась; знаете, такъ *и* за *ы*, да *ха*, да *же;* ну, Марья Павловна, та еще въ малыхъ лѣтахъ изъ родины выѣхала. А вѣдь малороссійская кровь все видна, не правда ли?

— Удивительно поетъ Марья Павловна, — замѣтилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Дѣйствительно, недурно. А впрочемъ, что же это намъ чаю не несутъ? И куда это барышни ушли? Пора чай пить.

Барышни возвратились не скоро. Между тѣмъ принесли самоваръ, накрыли столъ для чаю. Ипатовъ послалъ за ними. Онѣ пришли обѣ вмѣстѣ. Марья Павловна сѣла за столъ разливать чай, а Надежда Алексѣевна подошла къ двери террасы и стала глядѣть въ садъ. Послѣ свѣтлаго лѣтняго дня наступилъ ясный и тихій вечеръ: заря пылала; до половины облитый ея багрянцемъ, широкій прудъ стоялъ неподвижнымъ зеркаломъ, величаво отражая въ серебристой мглѣ своего глубокаго лона и всю воздушную бездну неба, и опрокинутыя, какъ бы почернѣвшія деревья, и домъ. Все замолкло кругомъ. Шума уже не было нигдѣ.

— Посмотрите, какъ хорошо,—сказала Надежда Алексѣевна подошедшему къ ней Владиміру Сергѣичу:—вонъ тамъ, внизу, въ прудѣ звѣзда зажглась подлѣ огонька въ домѣ; онъ красный, она золотая. А вотъ и бабушка ѣдетъ,—прибавила она громко.

Изъ-за куста сирени показалась небольшая колясочка. Два человѣка везли ее. Въ ней сидѣла старуха, вся заку-

танная, вся сгорбленная, съ головой, склоненной на самую грудь. Бахрома ея бѣлаго чепца почти совсѣмъ закрывала ея изсохшее и съеженное личико. Колясочка остановилась передъ террасой. Ипатовъ вышелъ изъ гостиной, за нимъ выбѣжали его дочки. Онѣ, какъ мышата, въ теченіе всего вечера, то и дѣло шныряли изъ комнаты въ комнату.

— Добраго вечера желаю вамъ, матушка, — сказалъ Ипатовъ, подходя къ старухѣ и возвысивъ голосъ.—Какъ вы себя чувствуете?

— Пріѣхала посмотрѣть на васъ,—глухо и съ усиліемъ проговорила старушка. — Вишь, какой славный вечеръ. День-то я спала, а теперь ноги заломили. Охъ, мнѣ эти ноги! Не служатъ, а болятъ.

— Позвольте, матушка, представить вамъ нашего сосѣда, господина Астахова, Владиміра Сергѣича.

— Очень рада,—возразила старуха, окинувъ его своими большими и черными, но уже потускнѣвшими глазами.—Прошу полюбить моего сынка. Человѣкъ онъ хорошій; воспитаніе я ему дала, какое могла; извѣстно, дѣло женское. Малодушіе въ немъ еще есть, да Богъ дастъ поостепенится, а пора бы; пора мнѣ сдать ему дѣла. Это вы, Надя,—прибавила старуха, взглянувъ на Надежду Алексѣевну.

— Я, бабушка.

— А Маша чай разливаетъ?

— Да, бабушка, разливаетъ чай.

— А кто еще тамъ?

— Иванъ Ильичъ, да Егоръ Капитонычъ.

— Матрены Марковны мужъ?

— Онъ, бабушка.

Старуха пожевала губами.

— Ну, хорошо. Да что, Миша, я никакъ старосты не добьюсь; вели ему прійти ко мнѣ завтра пораньше, у меня

съ нимъ дѣла будетъ много. Безъ меня, у васъ, я вижу, все не такъ идетъ. Ну, довольно, устала я, везите меня, вы.... Прощайте, батюшка, имени и отчества не помню,— прибавила она, обратившись къ Владиміру Сергѣичу:— извините старуху. А вы, внучки, не провожайте меня. Не надо. Вамъ бы только все бѣгать. Сидите, сидите, да уроки твердите, слышите. Маша васъ балуетъ. Ну, ступайте.

Съ трудомъ приподнятая голова старушки опять упала къ ней на грудь....

Колясочка тронулась и тихо укатилась.

— Сколько лѣтъ вашей матушкѣ? — спросилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Всего семьдесятъ-третій годъ пошелъ: да вотъ, ужъ двадцать-шесть лѣтъ, какъ ноги у ней отнялись; это съ ней случилось скоро послѣ кончины покойнаго батюшки. А была красавицей.

Всѣ помолчали.

Вдругъ Надежда Алексѣевна вздрогнула.

— Что это, летучая, кажется, мышь пролетѣла? Ай, какой ужасъ!

И она поспѣшно вернулась въ гостиную.

— Пора мнѣ домой ѣхать. Михаилъ Николаичъ, велите осѣдлать мою лошадь.

— И мнѣ пора,—замѣтилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Куда же вы?—промолвилъ Ипатовъ.—Переночуйте здѣсь. Надеждѣ Алексѣевнѣ всего двѣ версты ѣхать, а вамъ цѣлыхъ двѣнадцать. Да и вы, Надежда Алексѣевна, куда спѣшите? Подождите мѣсяца, онъ теперь скоро взойдетъ. Еще свѣтлѣе будетъ ѣхать.

— Пожалуй,—сказала Надежда Алексѣевна:—я давно не ѣздила при лунѣ.

— А вы ночуете?—спросилъ Ипатовъ Владиміра Сергѣича.

— Я, право, не знаю.... Впрочемъ, если я не стѣсню....

— Нисколько, помилуйте, я сейчасъ велю вамъ комнату приготовить.

— А вѣдь хорошо ѣхать верхомъ при лунѣ,—заговорила Надежда Алексѣевна, какъ только подали свѣчи, принесли чай, и Ипатовъ съ Егоромъ Капитонычемъ засѣли играть въ преферансъ вдвоемъ, а Складная-Душа безмолвно усѣлся возлѣ нихъ:—особенно по лѣсу, между кустами орѣшника. И жутко, и пріятно, и какая странная игра свѣта и тѣни—все кажется, какъ будто кто-то крадется за вами или впереди....

Владиміръ Сергѣичъ снисходительно осклабился.

— А то вотъ еще, — продолжала она: — случалось ли вамъ сидѣть въ теплую, темную, тихую ночь возлѣ лѣса; мнѣ всегда кажется тогда, что сзади, близко, надъ самымъ ухомъ, какъ будто двое горячо спорятъ чуть слышнымъ шопотомъ.

— Это кровь стучитъ,—проговорилъ Ипатовъ.

— Вы очень поэтически описываете,—замѣтилъ Владиміръ Сергѣичъ.

Надежда Алексѣевна посмотрѣла на него.

— Вы думаете?... Въ такомъ случаѣ, Машѣ мои описанія не понравились бы.

— Почему? развѣ Марья Павловна не любитъ поэзіи?

— Нѣтъ; она находитъ, что все это сочинено, все неправда; этого-то она и не любитъ.

— Странный упрекъ! — воскликнулъ Владиміръ Сергѣичъ.—Сочинено! да какъ же иначе? на что же послѣ этого сочинители?

— Ну, вотъ, подите; впрочемъ, вѣдь и вы не должны любить поэзіи.

— Напротивъ, я люблю хорошіе стихи, когда они дѣйствительно хороши и благозвучны и, какъ бы это сказать, представляютъ идеи, мысли....

Марья Павловна встала.

Надежда Алексѣевна быстро обернулась къ ней.

— Куда ты, Маша?

— Дѣтей уложить. Девять часовъ скоро.

— Да развѣ безъ тебя они не лягутъ?

Но Марья Павловна взяла дѣтей за руки и ушла съ ними.

— Она сегодня не въ духѣ,—замѣтила Надежда Алексѣевна: — и я знаю отчего, — прибавила она вполголоса.—Но это пройдетъ.

— Позвольте спросить,—началъ Владиміръ Сергѣичъ,—вы зиму гдѣ намѣрены провести?

— Можетъ-быть, здѣсь, можетъ-быть—въ Петербургѣ. Мнѣ кажется, я въ Петербургѣ соскучусь.

— Въ Петербургѣ-то, помилуйте! Какъ это возможно?

И Владиміръ Сергѣичъ пустился описывать всѣ удобства, всѣ выгоды и прелести столичной жизни. Надежда Алексѣевна слушала его со вниманіемъ, не сводя съ него глазъ. Она словно изучала его черты и изрѣдка посмѣивалась про себя.

— Я вижу, вы очень краснорѣчивы,—сказала она наконецъ:—придется прожить зиму въ Петербургѣ.

— Вы не будете раскаиваться,—замѣтилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Я никогда ни въ чемъ не раскаиваюсь: не стоитъ труда. Сдѣлалъ глупость, старайся поскорѣй забыть ее—вотъ и все.

— Позвольте спросить,—заговорилъ послѣ небольшого молчанія Владиміръ Сергѣичъ на французскомъ языкѣ:—вы давно знакомы съ Марьей Павловной?

— Позвольте спросить,—возразила съ быстрой усмѣшкой Надежда Алексѣевна:—почему вы именно этотъ вопросъ мнѣ по-французски сдѣлали?

— Такъ.... безъ всякой особенной причины....

Надежда Алексѣевна опять усмѣхнулась.

— Нѣтъ, я не очень давно ее знаю. А не правда ли, она замѣчательная дѣвушка?

— Она очень оригинальна, — промолвилъ Владиміръ Сергѣичъ сквозь зубы.

— А что̀ — это въ вашихъ устахъ, въ устахъ положительныхъ людей, похвала? не думаю. Можетъ-быть, и я вамъ кажусь оригинальной? Однако,—прибавила она, поднимаясь съ мѣста и взглянувъ въ раскрытое окно:— луна должно быть взошла, это ея отблескъ надъ тополями. Пора ѣхать.... Пойду, прикажу осѣдлать Красавчика.

— Ужъ онъ осѣданъ-съ,—проговорилъ казачокъ Надежды Алексѣевны, выступая изъ тѣни сада въ полосу свѣта, падавшую на террасу.

— А! ну, прекрасно! Маша, гдѣ же ты? приди проститься со мною.

Марья Павловна появилась изъ сосѣдней комнаты. Мужчины встали изъ-за карточнаго стола.

— Такъ вы ужъ и ѣдете?—спросилъ Ипатовъ.

— Ѣду, пора.

Она приблизилась къ двери сада.

— Какая ночь! — воскликнула она:—подойдите, подставьте ей лицо; чувствуете вы, она какъ будто дышетъ? и какой запахъ! всѣ цвѣты теперь проснулись. Они проснулись—а мы спать собираемся.... Да, кстати, Маша,— прибавила она:—я вѣдь сказала Владиміру Сергѣичу, что ты не любишь поэзіи. А теперь прощайте.... вотъ, и лошадь мою ведутъ....

И она проворно сбѣжала по ступенямъ террасы, легко взобралась на сѣдло, сказала „до завтра!“ и, ударивъ лошадь хлыстикомъ по шеѣ, поскакала къ плотинѣ.... казачокъ пустился рысью за ней.

Всѣ посмотрѣли ей вслѣдъ....

— До завтра! — раздался еще разъ ея голосъ изъ-за тополей.

Стукъ копытъ долго слышался въ тишинѣ лѣтней ночи. Наконецъ, Ипатовъ предложилъ вернуться въ домъ.

— Оно, точно, хорошо на воздухѣ,—сказалъ онъ:—а надо же партію нашу доиграть.

Всѣ послушались его. Владиміръ Сергѣичъ началъ разспрашивать Марью Павловну, почему она поэзіи не любитъ.

— Мнѣ стихи не нравятся, — возразила она какъ бы нехотя.

— Да вы, можетъ-быть, мало стиховъ читали?

— Я сама ихъ не читала, а мнѣ читали.

— И неужели ни одни вамъ не понравились?

— Ни одни.

— Даже Пушкина стихи?

— Даже Пушкина.

— Отчего?

Марья Павловна не отвѣчала, а Ипатовъ, оборотясь черезъ спинку стула, замѣтилъ съ добродушнымъ смѣхомъ, что она не только стиховъ, но и сахару не любитъ, и вообще ничего сладкаго терпѣть не можетъ.

— Да вѣдь есть стихи не сладкіе,—возразилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Напримѣръ?—спросила его Марья Павловна.

Владиміръ Сергѣичъ почесалъ у себя за ухомъ.... Онъ самъ немного стиховъ зналъ на память, особенно не сладкихъ.

— Да, вотъ,—воскликнулъ онъ наконецъ:—знаете вы „Анчаръ“ Пушкина? Нѣтъ? Ужъ это стихотвореніе никакъ не можетъ назваться сладкимъ.

— Прочтите,—проговорила Марья Павловна и потупилась.

Владиміръ Сергѣичъ сперва посмотрѣлъ въ потолокъ,

нахмурился, помычалъ немного про себя и наконецъ прочелъ „Анчаръ“.

Послѣ первыхъ четырехъ стиховъ Марья Павловна медленно подняла глаза, а когда Владиміръ Сергѣичъ кончилъ, такъ же медленно сказала:

— Пожалуйста, прочтите опять.

— Стало-быть, эти стихи вамъ понравились?—спросилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Прочтите еще.

Владиміръ Сергѣичъ повторилъ „Анчаръ“. Марья Павловна встала, вышла въ другую комнату и вернулась съ листомъ бумаги, чернильницей и перомъ.

— Пожалуйста, напишите это для меня,—сказала она Владиміру Сергѣичу.

— Извольте, съ удовольствіемъ,—возразилъ онъ, принимаясь писать:—но, признаюсь, я удивляюсь, отчего эти стихи могли вамъ такъ понравиться. Я ихъ прочелъ собственно для того, чтобы показать вамъ, что не всѣ стихи бываютъ сладкіе.

— Признаюсь!—воскликнулъ Ипатовъ.—Что ты думаешь объ этихъ стихахъ, Иванъ Ильичъ?

Иванъ Ильичъ, по своему обыкновенію, только взглянулъ на Ипатова, но не вымолвилъ ни слова.

— Вотъ-съ—готово,—произнесъ Владиміръ Сергѣичъ, поставивъ восклицательный знакъ въ концѣ послѣдняго стиха.

Марья Павловна поблагодарила его и унесла исписанный листокъ къ себѣ.

Черезъ полчаса подали ужинъ, а черезъ часъ всѣ гости разошлись по своимъ комнатамъ. Владиміръ Сергѣичъ неоднократно обращался къ Марьѣ Павловнѣ, но вести разговоръ съ ней было трудно, и разсказы его, казалось, не слишкомъ ее занимали. Ложась спать, онъ бы, вѣроятно, скоро заснулъ, если бъ не помѣшалъ ему сосѣдъ, Егоръ

Капитонычъ. Мужъ Матрёны Марковны, уже совершенно раздѣвшись и лежа въ постели, очень долго разговаривалъ съ своимъ слугою, все наставленія ему читалъ. Каждое слово его явственно доходило до слуха Владиміра Сергѣича: одна тонкая перегородка ихъ раздѣляла.

— Держи свѣчку передъ своею грудью, — говорилъ Егоръ Капитонычъ жалобнымъ голосомъ:—держи такъ, чтобы я лицо твое могъ видѣть. Состарѣлъ ты меня, состарѣлъ, безсовѣстный ты человѣкъ, состарѣлъ совершенно.

— Да чѣмъ, помилуйте, состарѣлъ я васъ, Егоръ Капитонычъ?—послышался глухой и заспанный голосъ слуги.

— Чѣмъ? я скажу чѣмъ. Сколько разъ я тебѣ говорилъ: Митька, говорилъ я тебѣ, когда ты со мной куда въ гости поѣдешь, всегда забирай по двѣ штуки каждаго платья, особенно.... держи свѣчку передъ грудью.... особенно нижняго. А сегодня что̀ ты со мной сдѣлалъ?

— Что-съ?

— Что-съ? завтрашній день что̀ я надѣну?

— Да тоже, что и сегодня-съ.

— Состарѣлъ ты меня, злодѣй, состарѣлъ. Я ужъ и сегодня не зналъ, куда отъ жары дѣться. Держи свѣчку передъ грудью, говорятъ тебѣ, да не спи, когда баринъ съ тобой бесѣдуетъ.

— Да и Матрена Марковна сказала-съ, что довольномолъ, на что такую пропасть всегда съ собой забираете. Только трется даромъ.

— Матрена Марковна.... Развѣ это женское дѣло, въ это входить? Состарѣли вы меня. Охъ, состарѣли!

— Да и Яхимъ тоже говорилъ-съ.

— Какъ ты сказалъ?

— Я говорю, Яхимъ тоже говорилъ-съ.

— Яхимъ! Яхимъ!—повторилъ съ укоризной Егоръ Капитонычъ:—эхъ, состарѣли меня, окаянные, говорить порусски не умѣютъ путемъ. Яхимъ! что за Яхимъ? Ефимъ,

ну это куда еще ни шло, сказать можно; для того, что настоящее, греческое имя есть Евѳимій, понимаешь ты меня?... держи свѣчку передъ грудью.... такъ для скорости, пожалуй, можно сказать Ефимъ, но ужъ никакъ не Яхимъ. Яхимъ!—прибавилъ Егоръ Капитонычъ, напирая на букву *я*. — Состарѣли меня, злодѣи. Держи свѣчку передъ грудью!

И долго еще продолжалъ Егоръ Капитонычъ наставлять слугу своего уму-разуму, несмотря на вздохи, покашливанья и другіе знаки нетерпѣнія Владиміра Сергѣича....

Наконецъ, онъ отпустилъ своего Митьку и заснулъ; но и отъ этого Владиміру Сергѣичу не стало легче: Егоръ Капитонычъ такъ сильно и густо храпѣлъ, съ такими игривыми переходами отъ высокихъ тоновъ къ самымъ низкимъ, съ такими присвистываніями и даже прищелкиваніями, что, казалось, сама перегородка вздрагивала ему въ отвѣтъ; бѣдный Владиміръ Сергѣичъ чуть не плакалъ. Въ отведенной ему комнатѣ было очень душно, и перина, на которой онъ лежалъ, охватывала все его тѣло какимъ-то ползучимъ жаромъ.

Въ отчаяньи Владиміръ Сергѣичъ наконецъ всталъ, раскрылъ окно и съ жадностью сталъ вдыхать благовонную ночную свѣжесть. Окно выходило въ садъ: на небѣ было свѣтло, круглый ликъ полной луны то отражался ясно въ прудѣ, то вытягивался въ длинный золотой снопъ медленно переливавшихся блестокъ. На одной изъ дорожекъ сада Владиміръ Сергѣичъ увидалъ какую-то фигуру въ женскомъ платьѣ; онъ приглядѣлся: это была Марья Павловна; въ лучахъ луны лицо ея казалось блѣднымъ. Она стояла неподвижно и вдругъ заговорила.... Владиміръ Сергѣичъ вытянулъ осторожно голову....

Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ Анчару—властнымъ взглядомъ....

дошло до его слуха....

„Каково“, подумалъ онъ: „стало-быть, подѣйствовали стишки....“

И онъ съ удвоеннымъ вниманіемъ сталъ вслушиваться.... Но Марья Павловна скоро умолкла и поворотила лицо свое еще прямѣе къ нему; онъ могъ различить ея темные, большіе глаза, ея строгія брови и губы....

Вдругъ она вздрогнула, обернулась, вошла въ тѣнь, падавшую отъ сплошной стѣны высокихъ акацій, и исчезла. Владиміръ Сергѣичъ постоялъ довольно долго у окна, потомъ однакожъ легъ, но заснулъ не скоро.

„Странное существо,—думалъ онъ, переворачиваясь съ боку на бокъ,—а говорятъ, въ провинціи нѣтъ ничего особеннаго.... Какъ бы не такъ! Странное существо! Спрошу ее завтра, что̀ она дѣлала въ саду“.

А Егоръ Капитонычъ все храпѣлъ попрежнему.

III.

На другое утро Владиміръ Сергѣичъ проснулся довольно поздно, и тотчасъ, послѣ общаго чая и завтрака въ столовой, поѣхалъ къ себѣ домой оканчивать свои хозяйственныя распоряженія, какъ ни удерживалъ его старикъ Ипатовъ. Марья Павловна также присутствовала за чаемъ; однако, Владиміръ Сергѣичъ не счелъ за нужное разспрашивать ее объ ея вчерашней поздней прогулкѣ; онъ принадлежалъ къ числу людей, которымъ тяжело предаваться два дня сряду какимъ бы то ни было необычнымъ мыслямъ и предположеніямъ. Пришлось бы толковать о стихахъ, а такъ называемое „поэтическое“ настроеніе весьма скоро его утомляло. Цѣлый день до обѣда онъ провелъ въ полѣ, покушалъ съ большимъ аппетитомъ, соснулъ, и, проснувшись, взялся-было за счеты земскаго, но не окончивши первой страницы, велѣлъ заложить тарантасъ

и отправился въ Ипатовку. Видно, и положительные люди носятъ въ груди не каменное сердце, и скучать не любятъ они такъ же, какъ и остальные, простые смертные.

Въѣзжая на плотину, услыхалъ онъ голоса и звуки музыки. У Ипатовыхъ въ домѣ хоромъ пѣли русскія пѣсни. Онъ засталъ все общество, оставленное имъ поутру, на террасѣ; всѣ, и Надежда Алексѣевна между прочими, сидѣли въ кружкѣ около мужчины лѣтъ тридцати-двухъ, смуглаго, черноволосаго и черноглазаго, въ бархатной курткѣ, съ небрежно повязаннымъ краснымъ платкомъ на шеѣ и гитарою въ рукахъ. Это былъ Петръ Алексѣевичъ Веретьевъ, братъ Надежды Алексѣевны. Увидавши Владиміра Сергѣича, старикъ Ипатовъ съ радостнымъ восклицаніемъ пошелъ ему навстрѣчу, подвелъ его къ Веретьеву и представилъ ихъ другъ другу. Обмѣнявшись съ новымъ знакомымъ обычными привѣтствіями, Астаховъ почтительно поклонился его сестрѣ.

— А мы, Владиміръ Сергѣичъ, по-деревенски, пѣсни поемъ,—началъ Ипатовъ и, указывая на Веретьева, прибавилъ:—Петръ Алексѣичъ у насъ запѣвала—и какой! вы извольте послушать.

— Это очень пріятно, — возразилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Не угодно ли присоединиться къ хору?—спросила его Надежда Алексѣевна.

— Душевно бы радъ, да голосу нѣту.

— Это не бѣда! Посмотрите, и Егоръ Капитонычъ поетъ, и я пою. Тутъ только нужно подтягивать. Садитесь-ка; а ты, братъ, начинай.

— Какую бы теперь намъ пѣсню спѣть?—проговорилъ Веретьевъ, перебирая струны гитары и, остановившись вдругъ, глянулъ на Марью Павловну, сидѣвшую возлѣ него. — Теперь, кажется, очередь за вами, — сказалъ онъ ей.

— Нѣтъ, пойте вы,—возразила Марья Павловна.

— Вотъ, есть пѣсня: „Внизъ по матушкѣ по Волгѣ,— промолвилъ съ важностью Владиміръ Сергѣичъ.

— Нѣтъ, это мы къ концу приберегаемъ, — отвѣчалъ Веретьевъ и, ударивъ по струнамъ, протяжно затянулъ: „Солнце на закатѣ“.

Онъ пѣлъ славно, бойко и весело. Его мужественное лицо, и безъ того выразительное, еще болѣе оживлялось, когда онъ пѣлъ: изрѣдка подергивалъ онъ плечами, внезапно прижималъ струны ладонью, поднималъ руку, встряхивалъ кудрями и соколомъ взглядывалъ кругомъ. Онъ въ Москвѣ не разъ видалъ знаменитаго Илью, и подражалъ ему. Хоръ дружно ему подтягивалъ. Звучной струей отдѣлялся голосъ Марьи Павловны отъ всѣхъ другихъ голосовъ; онъ словно велъ ихъ за собою; но одна она пѣть не хотѣла, запѣвалой до конца остался Веретьевъ.

Много другихъ еще пѣли пѣсенъ....

Между тѣмъ, вмѣстѣ съ вечеромъ, надвигалась гроза. Уже съ полудня парило и въ отдаленіи все погрохатывало; но вотъ широкая туча, давно лежавшая свинцовой пеленой на самой чертѣ небосклона, стала расти и показываться изъ-за вершинъ деревьевъ, явственнѣе началъ вздрагивать душный воздухъ, все сильнѣе и сильнѣе потрясаемый приближавшимся громомъ; вѣтеръ поднялся, прошумѣлъ порывисто въ листьяхъ, замолкъ, опять зашумѣлъ продолжительно, загудѣлъ; угрюмый сумракъ побѣжалъ надъ землею, быстро сгоняя послѣдній отблескъ зари; сплошныя облака, какъ бы сорвавшись, поплыли вдругъ, понеслись по небу; дождикъ закапалъ, молнія вспыхнула краснымъ огнемъ, и громъ грянулъ тяжко и сердито.

— Уйдемте, — промолвилъ старикъ Ипатовъ.—А то промочитъ, пожалуй.

Всѣ встали.

— Сейчасъ, — воскликнулъ Веретьевъ:—еще послѣднюю пѣсню. Слушайте:

Ахъ вы сѣни, мои сѣни,
Сѣни новыя мои....

запѣлъ онъ громкимъ голосомъ, проворно забивъ всей рукой по струнамъ гитары. „Сѣни новыя, клѣновыя“ подхватилъ хоръ, какъ бы невольно увлеченный. Дождикъ почти въ то же мгновенье хлынулъ ручьями; но Веретьевъ допѣлъ „Мои сѣни“ до конца. Изрѣдка заглушаемая ударами грома, удалая пѣсенка казалась еще удалѣе подъ шумную дробь и журчанье дождя. Наконецъ, раздался послѣдній взрывъ хора—и все общество съ хохотомъ вбѣжало въ гостиную. Особенно громко смѣялись дѣвочки, дочери Ипатова, стряхивая съ своихъ платьевъ дождевыя брызги. Ипатовъ, однакоже, для предосторожности, закрылъ окно и заперъ дверь, и Егоръ Капитонычъ его похвалилъ, замѣтивъ, что Матрена Марковна также всегда, во время грозы, все приказываетъ запереть, для того, что электричество способнѣе дѣйствуетъ въ пустомъ промежуткѣ. Бодряковъ посмотрѣлъ ему въ лицо, посторонился и уронилъ стулъ. Подобныя маленькія несчастья случались съ нимъ безпрестанно.

Гроза прошла очень скоро. Двери и окна снова раскрылись и комнаты наполнились влажнымъ благовоніемъ. Принесли чай. Послѣ чаю старички усѣлись опять за карты. Иванъ Ильичъ къ нимъ, по обыкновенію, присоединился. Владиміръ Сергѣичъ подошелъ-было къ Марьѣ Павловнѣ, сидѣвшей подъ окномъ съ Веретьевымъ; но Надежда Алексѣевна подозвала его къ себѣ и тотчасъ вступила съ нимъ въ жаркій разговоръ о Петербургѣ и петербургской жизни. Она нападала на нее; Владиміръ Сергѣичъ началъ защищать ее. Надежда Алексѣевна, казалось, старалась удержать его близъ себя.

— О чемъ вы это спорите?—спросилъ Веретьевъ, вставая и приближаясь къ нимъ.

Онъ лѣниво переваливался на ходу; во всѣхъ его движеніяхъ замѣчалась не то небрежность, не то усталость.

— Все о Петербургѣ, — отвѣтила Надежда Алексѣевна.—Владиміръ Сергѣичъ не нахвалится имъ.

— Городъ хорошій, — замѣтилъ Веретьевъ:—а по-моему вездѣ хорошо. Ей-Богу. Были бы двѣ-три женщины, да, извините за откровенность, вино, и человѣку, право, ничего не остается желать.

— Это меня удивляетъ,—возразилъ Владиміръ Сергѣичъ:—неужели же вы дѣйствительно одного мнѣнія, что для образованнаго человѣка не существуетъ....

— Можетъ-быть.... точно.... я съ вами согласенъ,— перебилъ его Веретьевъ, за которымъ, при всей вѣжливости, водилась привычка не дослушивать возраженія:—но это не по моей части, я не философъ.

— Да и я не философъ,—отвѣтилъ Владиміръ Сергѣичъ: — и нисколько не желаю быть имъ; но тутъ рѣчь идетъ совсѣмъ о другомъ.

Веретьевъ разсѣянно глянулъ на свою сестру, а она, слегка усмѣхнувшись, нагнулась къ нему и вполголоса прошептала:

— Петруша, душка, представь намъ Егора Капитоныча, сдѣлай одолженье.

Лицо Веретьева мгновенно измѣнилось и, Богъ вѣдаетъ какимъ чудомъ, стало необыкновенно похоже на лицо Егора Капитоныча, хотя между чертами того и другого рѣшительно не было ничего общаго, и самъ Веретьевъ едва только сморщилъ носъ и опустилъ углы губъ.

— Конечно, — началъ онъ шептать голосомъ, совершенно напоминавшимъ голосъ Егора Капитоныча:—Матрена Марковна дама строгая насчетъ манеръ, но супруга за то примѣрная. Правда, что̀ бы я ни сказалъ....

— Бирюлевскимъ барышнямъ все извѣстно, — подхватила Надежда Алексѣевна, едва удерживая хохотъ.

— Все на другой же день извѣстно, — отвѣтилъ Веретьевъ съ такой уморительной ужимкой, съ такимъ смущеннымъ косвеннымъ взглядомъ, что даже Владиміръ Сергѣичъ разсмѣялся.

— У васъ, я вижу, большой талантъ къ подражанію,— замѣтилъ онъ.

Веретьевъ провелъ рукой по лицу, черты его приняли обычное выраженіе, а Надежда Алексѣевна воскликнула:

— О, да! онъ всѣхъ умѣетъ передразнить, кого только захочетъ.... Онъ на это мастеръ.

— И меня бы, напримѣръ, сумѣли представить? — спросилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Еще бы!—возразила Надежда Алексѣевна:—разумѣется.

— Ахъ, сдѣлайте одолженіе, представьте меня,—промолвилъ Астаховъ, обращаясь къ Веретьеву.—Я прошу васъ безъ церемоній.

— А вы ей и повѣрили? — отвѣтилъ Веретьевъ, чуть-чуть прищуривъ одинъ глазъ и придавъ своему голосу звукъ Астаховскаго голоса, но такъ осторожно и легко, что одна Надежда Алексѣевна это замѣтила и прикусила губы; — вы, пожалуйста, ей не вѣрьте, она вамъ еще не то наскажетъ про меня.

— И какой онъ актеръ, если бъ вы знали,—продолжала Надежда Алексѣевна:—всевозможныя роли играетъ. Такъ чудесно! Онъ нашъ режиссеръ и суфлеръ, и все, что̀ хотите. Жаль, что вы скоро ѣдете.

— Сестра, твое пристрастіе тебя ослѣпляетъ,—произнесъ важнымъ голосомъ, но все съ тѣмъ же оттѣнкомъ, Веретьевъ.—Что подумаетъ о тебѣ господинъ Астаховъ? Онъ сочтетъ тебя за провинціалку.

— Помилуйте,—началъ-было Владиміръ Сергѣичъ....

— Петруша, знаешь что̀,—подхватила Надежда Алексѣевна:—представь, пожалуйста, какъ пьяный человѣкъ никакъ не можетъ достать платокъ изъ кармана; или нѣтъ, лучше представь, какъ мальчикъ муху на окнѣ ловитъ, и она у него жужжитъ подъ пальцами.

— Ты совершенное дитя,—отвѣчалъ Веретьевъ.

Однако онъ всталъ и, подойдя къ окну, возлѣ котораго сидѣла Марья Павловна, началъ водить рукой по стеклу и представлять, какъ мальчикъ ловитъ муху. Вѣрность, съ которой онъ подражалъ ея жалобному писку, была точно изумительна. Казалось, дѣйствительная, живая муха билась у него подъ пальцами. Надежда Алексѣевна засмѣялась, и понемногу всѣ засмѣялись въ комнатѣ. У одной лишь Марьи Павловны лицо не измѣнилось, губы даже не дрогнули. Она сидѣла съ опущенными глазами, наконецъ подняла ихъ и, серьезно взглянувъ на Веретьева, промолвила сквозь зубы:

— Вотъ охота дѣлать изъ себя шута.

Веретьевъ тотчасъ отвернулся отъ окна и, постоявъ немного посреди комнаты, вышелъ на террасу, а оттуда въ садъ, уже совершенно потемнѣвшій.

— Забавникъ этотъ Петръ Алексѣичъ!—воскликнулъ Егоръ Капитонычъ, ударивъ съ размаху козырной семеркой по чужому тузу.—Право, забавникъ!

Надежда Алексѣевна встала и, торопливо подойдя къ Марьѣ Павловнѣ, спросила ее вполголоса:

— Что̀ ты сказала брату?

— Ничего,—отвѣтила та.

— Какъ ничего, не можетъ быть.

И погодя немного, Надежда Алексѣевна промолвила: „пойдемъ!“—взяла Марью Павловну за руку и принудила ее встать и отправиться вмѣстѣ съ нею въ садъ.

Владиміръ Сергѣичъ поглядѣлъ обѣимъ дѣвицамъ вслѣдъ не безъ недоумѣнія. Впрочемъ, отсутствіе ихъ продолжа-

лось недолго: черезъ четверть часа онѣ возвратились, и Петръ Алексѣичъ вошелъ вмѣстѣ съ ними.

— Какая прекрасная ночь!—воскликнула, входя, Надежда Алексѣевна.—Какъ хорошо въ саду!

— Ахъ, да, кстати, — промолвилъ Владиміръ Сергѣичъ:—позвольте узнать, Марья Павловна, васъ ли это я видѣлъ вчера въ саду ночью?

Марья Павловна быстро взглянула ему въ глаза.

— Еще вы, сколько я могъ разслышать, декламировали „Анчаръ“ Пушкина.

Веретьевъ слегка нахмурился и также принялся смотрѣть на Астахова.

— Это, точно, была я,—сказала Марья Павловна:—но только я ничего не декламировала: я никогда не декламирую.

— Можетъ-быть, мнѣ показалось,—началъ Владиміръ Сергѣичъ:—однако....

— Вамъ показалось,—холодно промолвила Марья Павловна.

— Что это за „Анчаръ?“—спросила Надежда Алексѣевна.

— А вы не знаете?—возразилъ Астаховъ:—Пушкина стихи: „На почвѣ чахлой и скупой“, будто вы не помните?

— Не помню что-то.... Этотъ анчаръ—ядовитое дерево?

— Да.

— Какъ датуры.... Помнишь, Маша, какъ хороши были датуры у насъ на балконѣ, при лунѣ, съ своими длинными бѣлыми цвѣтами. Помнишь, какой изъ нихъ лился запахъ, сладкій, вкрадчивый и коварный.

— Коварный запахъ! — воскликнулъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Да, коварный. Чему вы удивляетесь? Онъ, говорятъ,

опасенъ, а привлекаетъ. Отчего злое можетъ привлекать? Злое не должно быть красивымъ?

— Ого! Какія умозрѣнія! — замѣтилъ Петръ Алексѣичъ:—куда мы удалились отъ стиховъ!

— Я эти стихи прочелъ вчера Марьѣ Павловнѣ, — подхватилъ Владиміръ Сергѣичъ:—и они ей чрезвычайно понравились.

— Ахъ, прочтите ихъ, пожалуйста,—сказала Надежда Алексѣевна.

— Извольте-съ.

И Астаховъ прочелъ „Анчаръ".

— Слишкомъ напыщенно, — произнесъ какъ бы нехотя Веретьевъ, какъ только Владиміръ Сергѣичъ кончилъ.

— Стихотвореніе слишкомъ напыщенно?

— Нѣтъ, не стихотвореніе.... Извините меня, мнѣ кажется, вы не довольно просто читаете. Дѣло говоритъ само за себя; впрочемъ, я могу ошибаться.

— Нѣтъ, ты не ошибаешься,—сказала Надежда Алексѣевна съ разстановкой.

— О, да вѣдь это извѣстно! я въ твоихъ глазахъ геній, даровитѣйшій человѣкъ, который все знаетъ, все бы могъ сдѣлать, да только лѣнь, къ несчастью, его одолѣваетъ: не правда ли?

Надежда Алексѣевна только головой качнула.

— Я съ вами не спорю, вы это лучше должны знать,— замѣтилъ Владиміръ Сергѣичъ, и немного надулся. — Это не по моей части.

— Я ошибся, извините, — поспѣшно произнесъ Веретьевъ.

Между тѣмъ игра кончилась.

— Ахъ, кстати,—заговорилъ Ипатовъ, вставая:—Владиміръ Сергѣичъ, мнѣ поручилъ одинъ здѣшній помѣщикъ, сосѣдъ, прекраснѣйшій и почтеннѣйшій человѣкъ, Аки-

линъ, Гаврила Степанычъ, просить васъ, не сдѣлаете ли вы ему честь, не пожалуете ли къ нему на балъ, т.-е. я это такъ, для красоты слога, говорю: балъ, а просто на вечеринку съ танцами, безъ церемоній? Онъ бы самъ къ вамъ непремѣнно явился, да побоялся обезпокоить.

— Я очень благодаренъ господину помѣщику,—возразилъ Владиміръ Сергѣичъ, — но мнѣ непремѣнно нужно ѣхать домой....

— Да вѣдь что̀ вы думаете, когда балъ-то? Вѣдь завтра балъ. Гаврила Степанычъ завтра именинникъ. Одинъ день куда ни шелъ, а ужъ какъ вы его обрадуете! И всего отсюда десять верстъ. Если позволите, мы же васъ и довеземъ.

— Я, право, не знаю,—началъ Владиміръ Сергѣичъ.— А вы ѣдете?

— Всѣмъ семействомъ! И Надежда Алексѣевна и Петръ Алексѣичъ, всѣ ѣдутъ!

— Вы можете, если хотите, теперь же меня пригласить на пятую кадриль,—замѣтила Надежда Алексѣевна.—Первыя четыре уже разобраны.

— Вы очень любезны; а на мазурку вы уже приглашены?

— Я? Дайте вспомнить.... нѣтъ, кажется, не приглашена.

—Въ такомъ случаѣ, если вы будете такъ добры, я бы желалъ имѣть честь....

— Стало-быть, вы ѣдете? Прекрасно. Извольте.

— Браво! — воскликнулъ Ипатовъ. — Ну, Владиміръ Сергѣичъ, одолжили. Гаврило Степанычъ просто въ восторгъ придетъ. Не правда ли, Иванъ Ильичъ?

Иванъ Ильичъ хотѣлъ-было, по неизмѣнной привычкѣ своей, промолчать, однако почелъ за лучшее произнести одобрительный звукъ.

— Что тебѣ была за охота,—говорилъ, часъ спустя, Петръ Алексѣичъ своей сестрѣ, сидя съ ней въ легонькой таратайкѣ, которой правилъ самъ:—что тебѣ была за охота навязаться этому кисляю на мазурку?

— У меня на то свои планы, — возразила Надежда Алексѣевна.

— Какіе,—позвольте узнать?

— Это моя тайна.

— Ого!

И онъ слегка ударилъ бичомъ лошадь, которая начала-было прясть ушами, фыркать и упираться. Ее пугала тѣнь отъ большого ракитоваго куста, падавшая на дорогу, тускло озаренную мѣсяцемъ.

— А ты танцуешь съ Машей? — спросила Надежда Алексѣевна въ свою очередь брата.

— Да,—сказалъ онъ равнодушно.

— Да! да! — повторила Надежда Алексѣевна съ укоризной.—Вы, мужчины,—прибавила она, помолчавъ:—рѣшительно не стоите того, чтобы васъ любили порядочныя женщины.

— Ты думаешь? Ну, а этотъ петербургскій кисляй, этотъ стòитъ?

— Скорѣе, чѣмъ ты.

— Вотъ какъ!

И Петръ Алексѣичъ проговорилъ со вздохомъ:

Что за коммиссія, Создатель,
Быть.... братомъ выросшей сестры!

Надежда Алексѣевна засмѣялась.

— Много я тебѣ хлопотъ доставляю, нечего сказать. Мнѣ такъ вотъ коммиссія съ тобою.

— Неужели?—я этого никакъ не подозрѣвалъ.

— Я не насчетъ Маши говорю.

— На какой же счетъ?

Лицо Надежды Алексѣевны слегка опечалилось.

— Ты самъ знаешь,—проговорила она тихо.

— А, понимаю!—что дѣлать-съ, Надежда Алексѣевна, люблю-съ выпить съ добрымъ пріятелемъ, грѣшный человѣкъ, люблю-съ.

— Полно, братъ, пожалуйста, не говори такъ!... Этимъ не шутятъ.

— Трамъ-трамъ-тамъ-пумъ,—забормоталъ Петръ Алексѣичъ сквозь зубы.

— Это твоя погибель, а ты шутишь....

— „Хлопецъ сѣе жито, жинка каже макъ“,—громко запѣлъ Петръ Алексѣичъ, ударилъ возжами лошадь, и она помчалась шибкой рысью.

IV.

Пріѣхавши домой, Веретьевъ не раздѣвался, и часа два спустя, заря только-что начинала заниматься въ небѣ, его уже не было въ домѣ.

На полдорогѣ между его имѣніемъ и Ипатовкой, надъ самой кручью широкаго оврага, находился небольшой березовый „заказъ“. Молодыя деревья росли очень тѣсно, ничей топоръ еще не коснулся до ихъ стройныхъ стволовъ; негустая, но почти сплошная тѣнь ложилась отъ мелкихъ листьевъ на мягкую и тонкую траву, всю испещренную золотыми головками куриной слѣпоты, бѣлыми точками лѣсныхъ колокольчиковъ и малиновыми крестиками гвоздики. Недавно вставшее солнце затопляло всю рощу сильнымъ, хотя и не яркимъ свѣтомъ; вездѣ блестѣли росинки, кой-гдѣ внезапно загорались и рдѣли крупныя капли; все дышало свѣжестью, жизнью и той невинной торжественностью первыхъ мгновеній утра, когда все уже такъ свѣтло и такъ еще безмолвно. Только и слышались, что разсыпчатые голоса жаворонковъ надъ отдаленными полями,

да въ самой рощѣ двѣ-три птички, не торопясь, выводили свои коротенькія колѣнца и словно прислушивались потомъ, какъ это у нихъ вышло. Отъ мокрой земли пахло здоровымъ, крѣпкимъ запахомъ, чистый, легкій воздухъ переливался прохладными струями. Утромъ, славнымъ лѣтнимъ утромъ, вѣяло отъ всего, все глядѣло и улыбалось утромъ, точно румяное, только-что вымытое личико проснувшагося ребенка.

Невдалекѣ отъ оврага, посреди лужайки, сидѣлъ на раскинутомъ плащѣ Веретьевъ. Марья Павловна стояла подлѣ него, прислонясь къ березѣ и заложивъ назадъ руки.

Они оба молчали. Марья Павловна неподвижно глядѣла въ даль; бѣлый шарфъ скатился съ ея головы на плечи, набѣгавшій вѣтеръ шевелилъ и приподнималъ концы ея наскоро причесанныхъ волосъ. Веретьевъ сидѣлъ наклонившись и похлопывалъ вѣткой по травѣ.

— Что жъ,—началъ онъ наконецъ:—вы на меня сердитесь?

Марья Павловна не отвѣчала.

Веретьевъ взглянулъ на нее.

— Маша, вы сердитесь?—повторилъ онъ.

Марья Павловна окинула его быстрымъ взоромъ, слегка отвернулась и промолвила:

— Да.

— За что?—спросилъ Веретьевъ и отбросилъ вѣтку.

Марья Павловна опять не отвѣчала.

— Впрочемъ, вы, точно, имѣете право сердиться на меня,—началъ Веретьевъ послѣ небольшого молчанья.—Вы должны считать меня за человѣка не только легкомысленнаго, но даже....

— Вы меня не понимаете,—перебила Марья Павловна.—Я совсѣмъ не за себя сержусь на васъ.

— За кого же?

— За васъ самихъ.

Веретьевъ поднялъ голову и усмѣхнулся.

— А! понимаю!—заговорилъ онъ.—Опять! опять васъ начинаетъ тревожить мысль: отчего я ничего изъ себя не сдѣлаю? Знаете что, Маша: вы удивительное существо, ей-Богу. Вы такъ много заботитесь о другихъ и такъ мало о себѣ самой. Въ васъ эгоизма совсѣмъ нѣтъ, право. Другой такой дѣвушки, какъ вы, на свѣтѣ нѣтъ. Одно горе: я рѣшительно не стою вашей привязанности; это я говорю не шутя.

— Тѣмъ хуже для васъ. Чувствуете и ничего не дѣлаете.—Веретьевъ опять усмѣхнулся.

— Маша, выньте изъ-за спины, дайте мнѣ вашу руку,—проговорилъ онъ съ ласковой вкрадчивостью въ голосѣ.

Марья Павловна только плечомъ пожала.

— Дайте мнѣ вашу красивую, честную руку, мнѣ хочется облобызать ее почтительно и нѣжно. Такъ вѣтренный ученикъ лобызаетъ руку своего снисходительнаго наставника.

И Веретьевъ потянулся къ Марьѣ Павловнѣ.

— Полноте! — промолвила она.—Вы все смѣетесь да шутите, и прошутите такъ всю вашу жизнь.

— Гмъ! прошутить жизнь! Новое выраженіе! Вѣдь вы, Марья Павловна, я надѣюсь, употребили глаголъ шутить—въ смыслѣ дѣйствительномъ?

Марья Павловна нахмурила брови.

— Полноте, Веретьевъ,—повторила она.

— Прошутить жизнь,—продолжалъ Веретьевъ и приподнялся: — а вы хуже моего распорядитесь: вы просурьёзничаете всю вашу жизнь. Знаете, Маша, вы мнѣ напоминаете одну сцену изъ Пушкинскаго Донъ-Жуана. Вы не читали Пушкинскаго Донъ-Жуана?

— Нѣтъ.

— Да, я вѣдь и забылъ, вы стиховъ не читаете. Тамъ къ одной Лаурѣ приходятъ гости, она ихъ всѣхъ прого-

няетъ и остается съ однимъ, Карлосомъ. Они оба выходятъ на балконъ, ночь удивительная. Лаура любуется, а Карлосъ вдругъ начинаетъ ей доказывать, что она со временемъ состарится.—Что жъ, отвѣчаетъ Лаура, теперь, можетъ-быть, въ Парижѣ холодъ и дождь, а здѣсь у насъ: „ночь лимономъ и лавромъ пахнетъ“. Что̀ загадывать о будущемъ? Оглянитесь, Маша, развѣ и здѣсь не прекрасно? Посмотрите, какъ все радуется жизни, какъ все молодо. И мы сами развѣ не молоды?

Веретьевъ приблизился къ Марьѣ Павловнѣ; она не отодвинулась отъ него, но не повернула къ нему головы.

— Улыбнитесь, Маша, — продолжалъ онъ: — только доброй вашей улыбкой, а не вашей обыкновенной усмѣшкой. Я люблю вашу добрую улыбку. Поднимите ваши гордые, строгіе глаза.—Что же вы? Вы отворачиваетесь. Протяните мнѣ хоть руку.

— Ахъ, Веретьевъ,—начала Маша:—вы знаете, я не умѣю говорить. Вы мнѣ разсказали объ этой Лаурѣ. Но вѣдь она женщина.... Женщинѣ простительно не думать о будущемъ.

— Когда вы говорите, Маша,—возразилъ Веретьевъ:—вы безпрестанно краснѣете отъ самолюбія и стыдливости, кровь такъ и приливаетъ алымъ потокомъ въ ваши щеки, я ужасно это люблю въ васъ.

Марья Павловна взглянула прямо въ глаза Веретьеву.

— Прощайте, — промолвила она и накинула шарфъ себѣ на голову. Веретьевъ удержалъ ее.

— Полноте, полноте, подождите!—воскликнулъ онъ.— Ну, что̀ вы хотите? Приказывайте! Хотите вы, чтобы я поступилъ на службу, сдѣлался агрономомъ? Хотите, чтобы я издалъ романсы съ аккомпаниментомъ гитары, напечаталъ бы собраніе стихотвореній, рисунковъ, занялся бы живописью, ваяньемъ, плясаньемъ на канатѣ? Все, все я сдѣлаю, все, что прикажете, лишь бы вы были мною довольны! Ну, право же, Маша, повѣрьте мнѣ.

Марья Павловна опять взглянула на него.

— Все это вы только на словахъ, не на дѣлѣ. Вы увѣряете, что слушаетесь меня....

— Конечно, слушаюсь.

— Слушаетесь, а вотъ, я сколько разъ васъ просила....

— О чемъ?

Марья Павловна запнулась.

— Не пить вина,———промолвила она наконецъ.

Веретьевъ засмѣялся.

— Эхъ, Маша, Маша! И вы туда же! Сестра моя тоже объ этомъ убивается. Да, во-первыхъ, я вовсе не пьяница; а во-вторыхъ, знаете ли вы, для чего я пью? Посмотрите-ка, вонъ, на эту ласточку.... Видите, какъ она смѣло распоряжается своимъ маленькимъ тѣломъ, куда хочетъ, туда его и броситъ! Вотъ взвилась, вонъ ударилась книзу, даже взвизгнула отъ радости, слышите? Такъ вотъ я для чего пью, Маша, чтобы испытать тѣ самыя ощущенія, которыя испытываетъ эта ласточка.... Швыряй себя, куда хочешь, несись, куда вздумается....

— Да къ чему же это?—перебила Маша.

— Какъ къ чему?—изъ чего же тогда жить?

— А развѣ безъ вина этого нельзя?

— Нельзя: всѣ мы попорчены, измяты. Вотъ страсть.... та такое же производитъ дѣйствіе. Оттого-то я васъ люблю.

— Какъ вино.... покорно благодарю.

— Нѣтъ, Маша, я васъ люблю не какъ вино. Постойте, я вамъ это докажу когда-нибудь, вотъ когда мы женимся и поѣдемъ съ вами за границу. Знаете ли, я уже заранѣе думаю, какъ я приведу васъ передъ Милосскую Венеру. Вотъ кстати будетъ сказать:

Стоитъ ли съ важностью очей
Передъ Милосскою Кипридой—
Ихъ двѣ, и мраморъ передъ ней
Страдаетъ, кажется, обидой....

Что это я сегодня все говорю стихами? Это утро, должно-быть, на меня дѣйствуетъ. Что за воздухъ! точно вино пьешь.

— Опять вино,—замѣтила Марья Павловна.

— Что жъ такое! Этакое утро, да вы со мной, и не чувствовать себя опьяненнымъ! „Съ важностью очей....“ Да,—продолжалъ Веретьевъ, глядя пристально на Марью Павловну:—это такъ.... А вѣдь я помню, я видалъ, рѣдко, но видалъ эти темные великолѣпные глаза, я видалъ ихъ нѣжными! И какъ они прекрасны тогда! Ну, не отворачивайтесь, Маша, ну, по крайней мѣрѣ, засмѣйтесь.... покажите мнѣ глаза ваши хотя веселыми, если уже они не хотятъ удостоить меня нѣжнымъ взглядомъ.

— Перестаньте, Веретьевъ,—проговорила Марья Павловна.—Пустите меня, мнѣ пора домой.

— А вѣдь я васъ разсмѣшу,—подхватилъ Веретьевъ:—ей-Богу, разсмѣшу. Э, кстати, посмотрите, вонъ заяцъ бѣжитъ....

— Гдѣ?—спросила Марья Павловна.

— Вонъ, за оврагомъ, по овсяному полю. Его, должно-быть, кто-нибудь вспугнулъ; они по утрамъ не бѣгаютъ. Хотите, я его остановлю сейчасъ.

И Веретьевъ громко свистнулъ. Заяцъ тотчасъ присѣлъ, повелъ ушами, поджалъ переднія лапки, выпрямился, пожевалъ, понюхалъ воздухъ и опять пожевалъ. Веретьевъ проворно сѣлъ на корточки, на подобіе зайца, и сталъ водить носомъ, нюхать и жевать какъ онъ. Заяцъ провелъ раза два лапками по мордочкѣ, встряхнулся,—онѣ, должно-быть, были мокры отъ росы,—уставилъ уши и покатилъ дальше. Веретьевъ потеръ себя руками по щекамъ и также встряхнулся.... Марья Павловна не выдержала и засмѣялась.

— Браво!—воскликнулъ Веретьевъ и вскочилъ:—браво! Вотъ, то-то и есть, вы не кокетка. Знаете ли, что если

бы у какой-нибудь свѣтской барышни были такіе зубы, какъ у васъ, она бы вѣчно смѣялась! Но за то я и люблю васъ, Маша, что вы не свѣтская барышня, не смѣетесь безъ нужды, не носите перчатокъ на вашихъ рукахъ, которыя и цѣловать оттого такъ весело, что онѣ загорѣли и силу въ нихъ чувствуешь.... Я люблю васъ за то, что вы не умничаете, что вы горды, молчаливы, книгъ не читаете, стиховъ не любите....

— А хотите, я вамъ прочту стихи? — перебила его Марья Павловна, съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Стихи?—спросилъ съ изумленіемъ Веретьевъ.

— Да, стихи, тѣ самые, которые вчера читалъ этотъ петербургскій господинъ.

— Опять Анчаръ?... Такъ вы, точно, его декламировали въ саду, ночью? Онъ къ вамъ идетъ.... Но развѣ онъ вамъ такъ понравился?

— Да, понравился.

— Прочтите.

Марья Павловна застыдилась....

— Читайте, читайте,—повторилъ Веретьевъ.

Марья Павловна начала читать. Веретьевъ сталъ передъ ней, скрестилъ руки на груди и принялся слушать. При первомъ стихѣ Марья Павловна медленно подняла глаза къ небу: ей не хотѣлось встрѣчаться взорами съ Веретьевымъ. Она читала своимъ ровнымъ, мягкимъ голосомъ, напоминавшимъ звуки віолончели; но когда она дошла до стиховъ:

И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки....

ея голосъ задрожалъ, недвижныя, надменныя брови приподнялись наивно, какъ у дѣвочки, и глаза съ невольной преданностью остановились на Веретьевѣ....

Онъ вдругъ бросился къ ея ногамъ и обнялъ ея колѣни.

— Я твой рабъ,—воскликнулъ онъ: — я у ногъ твоихъ, ты мой владыка, моя богиня, моя волоокая Гера, моя Медея....

Марья Павловна хотѣла оттолкнуть его; но руки ея замерли на густыхъ его кудряхъ, и она, съ улыбкой замѣшательства, уронила голову на грудь....

V.

Гаврила Степанычъ Акилинъ, у котораго назначенъ былъ балъ, принадлежалъ къ числу помѣщиковъ, возбуждающихъ удивленіе сосѣдей искусствомъ жить хорошо и открыто при незначительныхъ средствахъ. Имѣя не болѣе четырехсотъ душъ крестьянъ, онъ принималъ всю губернію въ огромныхъ, имъ самимъ воздвигнутыхъ каменныхъ палатахъ съ колоннами, башней и флагомъ на башнѣ. Имѣніе это досталось ему отъ отца и никогда не отличалось благоустройствомъ; Гаврила Степанычъ долго находился въ отсутствіи, служилъ въ Петербургѣ;—наконецъ, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, вернулся онъ на родину въ чинѣ коллежскаго ассесора, съ женою и тремя дочерьми, въ одно и то же время принялся за преобразованія и за постройки, немедленно завелъ оркестръ и началъ давать обѣды. Сначала всѣ пророчили ему скорое и неминуемое разореніе; не разъ носились слухи о продажѣ имѣнія Гаврилы Степаныча съ молотка; но годы шли, обѣды, балы, пирушки, концерты слѣдовали другъ за другомъ обычной чередой, новыя строенія какъ грибы выростали изъ земли, а имѣніе Гаврилы Степаныча съ молотка все-таки не продавалось, и самъ онъ поживалъ попрежнему, даже потолстѣлъ въ послѣднее время. Тогда толки сосѣдей приняли другое направленіе;

стали намекать на какія-то важныя, будто бы утаенныя суммы, заговорили о кладѣ.... „И хотя бы хозяинъ онъ былъ хорошій“, — такъ разсуждали дворяне между собою, —„а то вѣдь нѣтъ! нисколько! Вотъ, вѣдь, что̀ удивленія достойно и непонятно“. Какъ бы то ни было, но къ Гаврилѣ Степанычу всѣ ѣздили очень охотно: онъ принималъ гостей радушно и въ карты игралъ по какой угодно цѣнѣ. Это былъ маленькій, сѣденькій человѣчекъ съ востроѣ головкой, желтымъ лицомъ и желтыми глазами, всегда тщательно выбритый и надушенный одеколономъ; онъ и въ будни, и въ праздники носилъ просторный синій фракъ, застегнутый доверху, большой галстукъ, въ который имѣлъ привычку прятать подбородокъ, и щеголялъ бѣльемъ; онъ жмурилъ глаза и вытягивалъ губы, когда нюхалъ табакъ, и говорилъ весьма привѣтливо и мягко, съ безпрестанными слово-ериками. Съ виду Гаврила Степанычъ не отличался бойкостью и вообще наружностью не бралъ и не глядѣлъ умницей, хотя по временамъ въ его глазахъ свѣтилось лукавство. Старшихъ двухъ дочерей онъ выгодно пристроилъ, младшая оставалась еще въ домѣ, невѣстой. Была у Гаврилы Степаныча и жена, существо незначительное и безсловесное.

Владиміръ Сергѣичъ, въ семь часовъ вечера, явился къ Ипатовымъ во фракѣ и бѣлыхъ перчаткахъ. Онъ засталъ уже всѣхъ совершенно одѣтыми; дѣвочки чинно сидѣли, боясь измять свои бѣленькія накрахмаленныя платьица; старикъ Ипатовъ, увидя Владиміра Сергѣича во фракѣ, ласково попенялъ ему и указалъ на свой сюртукъ; на Марьѣ Павловнѣ было темно-розовое кисейное платье, которое очень шло къ ней. Владиміръ Сергѣичъ сказалъ ей нѣсколько любезностей. Красота Марьи Павловны его привлекала, хотя она видимо его дичилась; Надежда Алексѣевна ему тоже нравилась, но непринужденность ея обращенія его нѣсколько смущала. Притомъ въ ея рѣчахъ,

взглядахъ, самыхъ улыбкахъ часто высказывалась насмѣшливость, и это безпокоило его столичную и благовоспитанную душу. Онъ бы не прочь былъ подтрунить съ нею надъ другими, но ему непріятно было думать, что она въ состояніи, пожалуй, посмѣяться надъ нимъ самимъ.

Балъ уже начался; гостей собралось довольно много, и доморощенный оркестръ трещалъ, гудѣлъ и взвизгивалъ на хорахъ, когда семейство Ипатовыхъ вмѣстѣ съ Владиміромъ Сергѣичемъ вступило въ залу акилинскаго дома. Хозяинъ встрѣтилъ ихъ у самыхъ дверей, поблагодарилъ Владиміра Сергѣича за чувствительное доставленіе пріятнаго сюрприза,—такъ онъ выразился,—и, взявъ Ипатова подъ руку, повелъ его въ гостиную, къ карточнымъ столамъ. Гаврила Степанычъ воспитаніе получилъ плохое, и все у него въ домѣ, и музыка, и мебель, и кушанья, и вина, не только не могло назваться первостепеннымъ, но даже и во вторую степень не годилось. За то всего было въ волю, и самъ онъ не ломался, не кичился.... дворяне больше ничего отъ него и не требовали и оставались совершенно довольны его угощеніемъ. За ужиномъ, напримѣръ, подавали икру, нарѣзанную въ кусочки и сильно посоленую; но никто не мѣшалъ брать ее пальцами и запить ее было чѣмъ: правда, дешевенькимъ, но все же винограднымъ виномъ, а не другимъ какимъ-либо напиткомъ. Пружины въ мебели Гаврилы Степаныча были, дѣйствительно, нѣсколько безпокойны по причинѣ ихъ неподатливости и тугости; но, не говоря уже о томъ, что во многихъ диванахъ и креслахъ пружинъ не было вовсе, всякъ могъ подложить подъ себя гарусную подушку, а подобныхъ подушекъ, вышитыхъ собственными руками супруги Гаврилы Степаныча, лежало вездѣ многое множество—и тогда уже ничего не оставалось желать.

Словомъ, домъ Гаврилы Степаныча пришелся какъ нельзя болѣе подъ ладъ общежительному и безцеремонно-

му образу мыслей обитателей —го уѣзда, и единственно скромность г. Акилина была причиною тому, что на дворянскихъ съѣздахъ въ предводители избирался не онъ, а отставной майоръ Подпекинъ, человѣкъ весьма почтенный и достойный, хотя онъ и зачесывалъ себѣ волосы на правый високъ изъ-за лѣваго уха, красилъ усы въ лиловую краску и, страдая одышкой, въ послѣобѣденное время впадалъ въ меланхолію.

Итакъ, балъ уже начался. Танцовали кадриль въ десять паръ. Кавалерами были офицеры близъ-стоявшаго полка, юные, а иные и не совсѣмъ юные помѣщики, два-три чиновника изъ города. Все было какъ слѣдуетъ, все шло своимъ порядкомъ. Предводитель игралъ въ карты съ отставнымъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и богатымъ бариномъ, владѣльцемъ трехъ тысячъ душъ. Дѣйствительный статскій совѣтникъ носилъ на указательномъ пальцѣ перстень съ алмазомъ, говорилъ очень тихо, не раздвигалъ соединенныхъ каблуковъ ногъ своихъ, поставленныхъ въ положеніе, употребляемое танцорами прежнихъ временъ, и не поворачивалъ головы, до половины закрытой отличнѣйшимъ бархатнымъ воротникомъ; богатый баринъ, напротивъ, все чему-то смѣялся, поднималъ брови и сверкалъ бѣлками глазъ. Поэтъ Бодряковъ, человѣкъ вида неуклюжаго и дикаго, разговаривалъ въ углу съ ученымъ историкомъ Евсюковымъ: они оба держали другъ друга за пуговицы. Возлѣ нихъ одинъ дворянинъ, съ необыкновенно длинной таліей, излагалъ какія-то смѣлыя мнѣнія передъ другимъ дворяниномъ, съ робостью смотрѣвшимъ ему въ лобъ. Вдоль стѣнъ сидѣли маменьки въ пестрыхъ чепцахъ, у дверей жались господа простого покроя, молодые со смущенными, пожилые съ смирными лицами; но всего не опишешь. Повторяемъ: все было, какъ слѣдуетъ.

Надежда Алексѣевна пріѣхала еще раньше Ипатовыхъ;

Владиміръ Сергѣичъ увидалъ ее танцующею съ молодымъ человѣкомъ красивой наружности, въ щегольскомъ фракѣ, съ выразительными глазами, тонкими черными усиками и блестящими зубами; золотая цѣпочка висѣла полукругомъ у него на желудкѣ. На Надеждѣ Алексѣевнѣ было голубое платье съ бѣлыми цвѣтами; небольшой вѣнокъ изъ тѣхъ же цвѣтовъ обвивалъ ея кудрявую головку; она улыбалась, играла вѣеромъ, весело посматривала кругомъ, она чувствовала себя царицей бала. Владиміръ Сергѣичъ подошелъ къ ней, поклонился и, любезно заглянувъ ей въ лицо, спросилъ ее, помнитъ ли она вчерашнее обѣщаніе?

— Какое обѣщаніе?

— Вѣдь вы со мною танцуете мазурку?

— Да, конечно съ вами.

Молодой человѣкъ, стоявшій рядомъ съ Надеждой Алексѣевной, внезапно покраснѣлъ.

— Вы, mademoiselle, вѣроятно, забыли, — началъ онъ:—что вы уже прежде дали мнѣ слово на сегодняшнюю мазурку.

Надежда Алексѣевна смѣшалась.

— Ахъ, Боже мой, какъ же быть?—заговорила она:—извините меня, пожалуйста, мосьё Стельчинскій, я такая разсѣянная: мнѣ, право, такъ совѣстно....

Мосьё Стельчинскій ничего не отвѣчалъ и только глаза опустилъ; Владиміръ Сергѣичъ слегка пріосанился.

— Будьте такъ добры, мосьё Стельчинскій, — продолжала Надежда Алексѣевна:—мы вѣдь съ вами старинные знакомые, а мосьё Астаховъ у насъ чужой: не ставьте меня въ затруднительное положеніе, позвольте мнѣ танцовать съ нимъ.

— Какъ вамъ угодно,—возразилъ молодой человѣкъ.—Однако, вамъ начинать.

— Благодарствуйте,—промолвила Надежда Алексѣевна и порхнула навстрѣчу своего визави.

Стельчинскій глянулъ ей вслѣдъ, потомъ посмотрѣлъ на Владиміра Сергѣича. Владиміръ Сергѣичъ въ свою очередь посмотрѣлъ на него и отошелъ въ сторону.

Кадриль скоро кончилась. Владиміръ Сергѣичъ походилъ немного по залѣ, потомъ направился въ гостиную и остановился у одного изъ карточныхъ столовъ. Вдругъ онъ почувствовалъ, что кто-то сзади прикоснулся къ его рукѣ; онъ обернулся — передъ нимъ стоялъ Стельчинскій.

— Мнѣ нужно съ вами въ сосѣднюю комнату на пару словъ, если вы позволите,—промолвилъ онъ по-французски очень вѣжливо и съ нерусскимъ выговоромъ.

Владиміръ Сергѣичъ послѣдовалъ за нимъ.

Стельчинскій остановился у окна.

— Въ присутствіи дамы, — началъ онъ на томъ же языкѣ,—я не могъ сказать ничего другого, какъ то, что я сказалъ; но вы, я надѣюсь, не думаете, что я дѣйствительно намѣренъ уступить вамъ мое право на мазурку съ m-lle Veretieff.

Владиміръ Сергѣичъ изумился.

— Какъ такъ?—спросилъ онъ.

— Да такъ же-съ,—спокойно отвѣчалъ Стельчинскій, положилъ руку за пазуху и раздулъ ноздри.—Не намѣренъ,—да и только.

Владиміръ Сергѣичъ тоже положилъ руку за пазуху, но ноздрей не раздулъ.

— Позвольте вамъ замѣтить, милостивый государь,—началъ онъ:—вы чрезъ это можете вовлечь m-lle Veretieff въ непріятность, и я полагаю....

— Мнѣ самому это было бы крайне непріятно, но никто не мѣшаетъ вамъ отказаться, объявить себя больнымъ или уѣхать....

— Я этого не сдѣлаю. За кого вы меня принимаете?

— Въ такомъ случаѣ, я вынужденъ буду требовать отъ васъ удовлетворенія.

— То-есть въ какомъ это смыслѣ.... удовлетворенія?

— Извѣстно, въ какомъ смыслѣ.

— Вы меня вызовете на дуэль?

— Точно такъ-съ, если вы не откажетесь отъ мазурки.

Стельчинскій постарался выговорить эти слова какъ можно равнодушнѣе. У Владиміра Сергѣича сердце ёкнуло. Онъ посмотрѣлъ своему недуманному-негаданному противнику въ лицо. „Фу, ты, Господи, какая глупость!“ подумалъ онъ.

— Вы не шутите?—произнесъ онъ громко.

— Я вообще не имѣю привычки шутить,—отвѣтилъ съ важностью Стельчинскій:—и въ особенности съ людьми, мнѣ незнакомыми. Вы не отказываетесь отъ мазурки?—прибавилъ онъ, помолчавъ немного.

— Не отказываюсь, — возразилъ Владиміръ Сергѣичъ, какъ бы размышляя.

— Прекрасно! Мы завтра деремся.

— Очень хорошо.

— Завтра поутру мой секундантъ будетъ у васъ.

И, учтиво поклонившись, Стельчинскій удалился, видимо довольный собою.

Владиміръ Сергѣичъ остался еще нѣсколько мгновеній у окна.

„Вотъ тебѣ на!—думалъ онъ:—вотъ тебѣ и новыя знакомства! Нужно было пріѣзжать! Хорошо! Славно!“

Однако онъ, наконецъ, оправился и вышелъ въ залу.

Въ залѣ уже танцовали польку. Передъ глазами Владиміра Сергѣича промелькнула Марья Павловна съ Петромъ Алексѣичемъ, котораго онъ до того мгновенія не замѣтилъ; она казалась блѣдной и даже печальной; потомъ пронеслась Надежда Алексѣевна, вся свѣтлая и радост-

ная, съ какимъ-то маленькимъ, кривоногимъ, но пламеннымъ артиллеристомъ; на второй туръ она пошла со Стельчинскимъ. Стельчинскій, танцуя, сильно встряхивалъ волосами.

— Что, батюшка,—раздался вдругъ за спиной Владиміра Сергѣича голосъ Ипатова:—только глядите, а сами не танцуете? А признайтесь-ка, даромъ, что у насъ, такъ-сказать, затишье, вѣдь не дурно и у насъ, ась?

„Хорошо, къ чорту, затишье", подумалъ Владиміръ Сергѣичъ и, пробормотавъ что-то въ отвѣтъ Ипатову, отошелъ въ другой уголъ залы.

„Надо будетъ секунданта сыскать, — продолжалъ онъ свои размышленія,—а гдѣ его къ чорту, найти? Веретьева нельзя, другихъ я никого не знаю; чортъ знаетъ, что за нелѣпость такая!"

Владиміръ Сергѣичъ, когда сердился, любилъ поминать чорта.

Въ это мгновеніе, глаза Владиміра Сергѣича упали на Складную-Душу, Ивана Ильича, стоявшаго въ бездѣйствіи у окна.

„Ужъ не его-ли?" подумалъ онъ и, пожавъ плечами, прибавилъ почти вслухъ: придется—его".

Владиміръ Сергѣичъ подошелъ къ нему.

— Со мной очень странное происшествіе сейчасъ случилось,—началъ нашъ герой съ натянутой улыбкой: — вообразите, меня какой-то незнакомый молодой человѣкъ на дуэль вызвалъ; отказаться нѣтъ никакой возможности; мнѣ необходимо нуженъ секундантъ; не хотите ли вы?

Хотя Иванъ Ильичъ отличался, какъ извѣстно, невозмутимымъ равнодушіемъ, но такое необыкновенное предложеніе поразило и его. Полный недоумѣнія уставился онъ на Владиміра Сергѣича.

— Да,—повторилъ Владиміръ Сергѣичъ:—я бы очень вамъ былъ обязанъ: я здѣсь ни съ кѣмъ незнакомъ. Вы одни....

— Не могу,—промолвилъ Иванъ Ильичъ, словно просыпаясь:—совершенно не могу.

— Отчего же? Вы боитесь непріятностей, но, я надѣюсь, все это останется въ тайнѣ....

Говоря эти слова, Владиміръ Сергѣичъ чувствовалъ самъ, что краснѣлъ и смущался.

„Какъ глупо: какъ все это ужасно глупо!“ мысленно твердилъ онъ въ то же время.

— Извините меня, никакъ не могу,—повторилъ Иванъ Ильичъ, замоталъ головой и попятился, причемъ опять повалилъ стулъ.

Въ первый разъ въ жизни ему приходилось отвѣчать на просьбу отказомъ; да вѣдь и просьба же была какова!

— По крайней мѣрѣ, — продолжалъ встревоженнымъ голосомъ Владиміръ Сергѣичъ, поймавъ его за руку:—вы ужъ сдѣлайте одолженіе, никому не говорите о томъ, что̀ я вамъ сказалъ, я васъ покорнѣйше прошу объ этомъ.

— Это я могу, это я могу, — поспѣшно возразилъ Иванъ Ильичъ:—а то не могу, воля ваша, рѣшительно не въ состояніи.

— Ну, хорошо, хорошо,—промолвилъ Владиміръ Сергѣичъ:—но не забудьте, я надѣюсь на вашу скромность.... Я объявлю завтра этому господину,—пробормоталъ онъ про себя съ досадой:—что я не могъ найти секунданта, пусть онъ самъ распорядится, какъ знаетъ, я здѣсь человѣкъ чужой. И чортъ меня дернулъ обратиться къ этому господину! Да что же было дѣлать?

Владиміру Сергѣичу было очень и очень не по себѣ.

Между тѣмъ, балъ продолжался. Владиміръ Сергѣичъ весьма бы желалъ уѣхать тотчасъ, но до конца мазурки нечего было думать объ отъѣздѣ. Какъ дать восторжествовать противнику? Къ несчастью Владиміра Сергѣича, танцами распоряжался одинъ молодой, развязный господинъ, съ длинными волосами и впалой грудью, по кото-

рой, въ видѣ маленькаго водопада, извивался черный атласный галстукъ, проколотый огромной золотой булавкой. Молодой этотъ господинъ слылъ по всей губерніи за человѣка, до тонкости изучившаго всѣ обычаи и уставы высшаго свѣта, хотя онъ въ Петербургѣ прожилъ всего шесть мѣсяцевъ и выше домовъ коллежскаго совѣтника Сандараки и зятя его статскаго совѣтника Костандараки проникнуть не успѣлъ. На всѣхъ балахъ танцами распоряжался онъ, подавалъ музыкантамъ знакъ хлопаньемъ въ ладоши, посреди воя трубъ и визга скрипокъ кричалъ: „En avant deux! или „Grande chaine“ или: „A vous, mademoiselle!“ и то и дѣло леталъ, стремительно скользя и шаркая по залѣ, весь блѣдный и въ поту. Мазурку онъ никогда раньше полуночи не начиналъ. „И это милость—говорилъ онъ—я бы васъ въ Петербургѣ до двухъ часовъ проморилъ“. Длиненъ показался этотъ балъ Владиміру Сергѣичу. Онъ бродилъ, какъ тѣнь, изъ залы въ гостиную, изрѣдка обмѣниваясь холодными взглядами съ своимъ соперникомъ, не пропускавшимъ ни одного танца, попросилъ-было Марью Павловну на кадриль, но она уже была приглашена—и раза два перекинулся словами съ заботливымъ хозяиномъ, котораго, казалось, безпокоила скука, написанная на лицѣ новаго гостя. Наконецъ, загремѣла желанная мазурка. Владиміръ Сергѣичъ отыскалъ свою даму, принесъ два стула и сѣлъ съ ней въ послѣднихъ парахъ, почти напротивъ Стельчинскаго.

Въ первую пару сѣлъ, какъ оно и слѣдовало ожидать, молодой человѣкъ распорядитель. Съ какимъ лицомъ онъ началъ мазурку, какъ поволокъ за собою свою даму, какъ ударялъ при томъ ножкой въ полъ и вздергивалъ головой—описать все это едва ли не выше пера человѣческаго.

— А вы, мосьё Астаховъ, мнѣ кажется, скучаете?—начала Надежда Алексѣевна, внезапно обратясь къ Владиміру Сергѣичу.

— Я? Нисколько. Почему вамъ это кажется?

— Да такъ, по выраженію вашего лица.... Вы, съ тѣхъ поръ какъ пріѣхали, ни разу не усмѣхнулись. Я этого отъ васъ не ожидала. Вамъ, господамъ положительнымъ людямъ, нейдетъ дичиться и хмуриться à la Byron. Предоставьте это сочинителямъ.

— Я замѣчаю, Надежда Алексѣевна, что вы часто называете меня положительнымъ человѣкомъ, какъ бы въ насмѣшку. Вы, должно-быть, считаете меня холоднѣйшимъ и благоразумнѣйшимъ существомъ, неспособнымъ ни на что такое.... А знаете ли, что̀ я вамъ доложу: положительному человѣку часто бываетъ очень нелегко на сердцѣ, но онъ не считаетъ нужнымъ выказывать передъ другими, что̀ у него тамъ, внутри происходитъ; онъ предпочитаетъ молчать.

— Что̀ вы хотите сказать этимъ?—спросила Надежда Алексѣевна, окинувъ его взоромъ.

— Ничего-съ, — возразилъ съ притворнымъ равнодушіемъ Владиміръ Сергѣичъ и принялъ таинственный видъ.

— Однако?

— Право, ничего.... Когда-нибудь узнаете, послѣ.

Надежда Алексѣевна хотѣла-было продолжать свои разспросы, но въ это мгновенье дѣвица, хозяйская дочь, подвела къ ней Стельчинскаго и другого кавалера въ синихъ очкахъ.

— Жизнь или смерть?—спросила она ее по-французски.

— Жизнь,—воскликнула Надежда Алексѣевна:—я не хочу смерти.

Стельчинскій наклонился; она пошла съ нимъ.

Кавалеръ въ синихъ очкахъ, назвавшійся смертью, пошелъ съ хозяйской дочерью. Оба имени были придуманы Стельчинскимъ.

— Скажите, пожалуйста, кто этотъ господинъ Стель-

чинскій?—спросилъ Владиміръ Сергѣичъ Надежду Алексѣевну, какъ только та возвратилась на свое мѣсто.

— Онъ у губернатора служитъ, очень любезный молодой человѣкъ. Онъ не здѣшній. Немножко фатъ, но это у нихъ всѣхъ въ крови. Я надѣюсь, вы никакихъ съ нимъ не имѣли объясненій по поводу мазурки?

— Никакихъ, помилуйте,—возразилъ съ маленькой запинкой Владиміръ Сергѣичъ.

— Я такая забывчивая! Вы не можете себѣ представить!

— Я долженъ радоваться вашей забывчивости: она доставила мнѣ удовольствіе танцовать сегодня съ вами.

Надежда Алексѣевна посмотрѣла на него, слегка прищурясь.

— Въ самомъ дѣлѣ? Вамъ пріятно танцовать со мною?

Владиміръ Сергѣичъ отвѣчалъ ей комплиментомъ. Понемногу онъ разговорился. Надежда Алексѣевна была очень мила всегда и особенно въ тотъ вечеръ; Владиміру Сергѣичу она показалась прелестной. Мысль о завтрашнемъ поединкѣ, раздражая его нервы, придавала блескъ и оживленіе его рѣчамъ; подъ вліяніемъ ея онъ позволилъ себѣ небольшія преувеличенія въ выраженіи чувствъ своихъ.... „Куда ни шло!“ думалъ онъ. Во всѣхъ словахъ его, въ подавленныхъ вздохахъ, въ омрачавшихся внезапно взорахъ проступало что-то таинственное, невольно грустное, что-то изящно-безнадежное. Онъ, наконецъ, доболтался до того, что уже началъ разсуждать о любви, о женщинахъ, о своемъ будущемъ, о томъ, какъ онъ понимаетъ счастье и чего требуетъ отъ судьбы.... Онъ изъяснялся иносказательно, намеками. Наканунѣ возможной смерти, Владиміръ Сергѣичъ кокетничалъ съ Надеждой Алексѣевной.

Она слушала его внимательно, посмѣивалась, качала головой, то спорила съ нимъ, то притворялась недовѣрчивой.... Разговоръ, часто прерываемый подходившими

кавалерами и дамами, принялъ подъ конецъ направленіе нѣсколько странное.... Владиміръ Сергѣичъ сталъ уже разспрашивать Надежду Алексѣевну о ней самой, объ ея характерѣ, объ ея симпатіяхъ.... Она сперва отшучивалась, потомъ вдругъ, совершенно неожиданно для Владиміра Сергѣича, спросила его, когда онъ ѣдетъ?

— Куда,—проговорилъ онъ съ изумленіемъ.

— Къ себѣ домой.

— Въ Сасово?

— Нѣтъ, домой, въ вашу деревню, за сто верстъ отсюда.

Владиміръ Сергѣичъ опустилъ глаза.

— Хотѣлось бы поскорѣй,—промолвилъ онъ съ озабоченнымъ лицомъ. — Думаю завтра.... если только живъ буду. Вѣдь у меня дѣла! Но почему вамъ вдругъ вздумалось спросить меня объ этомъ?

— Такъ!—возразила Надежда Алексѣевна.

— Однако, какая причина?

— Такъ!—повторила она.—Меня удивляетъ любопытство человѣка, который ѣдетъ завтра, а сегодня желаетъ узнать мой характеръ....

— Но позвольте.... — началъ-было Владиміръ Сергѣичъ....

— Ахъ, вотъ, кстати.... прочтите,—со смѣхомъ перебила его Надежда Алексѣевна, протягивая ему билетъ съ конфетки, которую она только-что взяла съ сосѣдняго столика, а сама поднялась навстрѣчу Марьѣ Павловнѣ, остановившейся передъ ней вмѣстѣ съ другой дамой.

Марья Павловна танцовала съ Петромъ Алексѣичемъ. Лицо ея покрылось румянцемъ, разгорѣлось, но не повеселѣло.

Владиміръ Сергѣичъ взглянулъ на билетъ — на немъ плохими фразцузскими буквами было напечатано:

Qui me néglige, me perd.

Онъ поднялъ глаза и встрѣтилъ взоръ Стельчинскаго, устремленный прямо на него. Владиміръ Сергѣичъ усмѣхнулся принужденно, облокотился на спинку стула и положилъ ногу на ногу.

— Вотъ, молъ, тебѣ!

Пламенный артиллеристъ примчалъ Надежду Алексѣевну къ ея стулу, тихо повертѣлся съ ней предъ нимъ, поклонился, звякнулъ шпорами и ушелъ. Она сѣла.

— Позвольте узнать,—началъ съ разстановкой Владиміръ Сергѣичъ:—какъ мнѣ понять этотъ билетъ....

— А что бишь на немъ стояло,—проговорила Надежда Алексѣевна.—Ахъ, да! Qui me néglige, me perd. Что жъ! это прекрасное житейское правило, которое на каждомъ шагу можетъ пригодиться. Для того, чтобъ успѣть въ чемъ бы то ни было, не нужно ничѣмъ пренебрегать.... Должно добиваться всего: можетъ-быть, хоть что-нибудь достанется. Но мнѣ смѣшно: я.... я вамъ, практическому человѣку, толкую о житейскихъ правилахъ....

Надежда Алексѣевна засмѣялась, и уже напрасно, до самаго конца мазурки, старался Владиміръ Сергѣичъ возобновить прежній разговоръ. Надежда Алексѣевна уклонялась отъ него съ своенравіемъ прихотливаго ребенка. Владиміръ Сергѣичъ толковалъ ей о своихъ чувствахъ, а она либо не отвѣчала ему вовсе, либо обращала его вниманіе на платья дамъ, на смѣшныя лица иныхъ мужчинъ, на ловкость, съ которой танцовалъ ея братъ, на красоту Марьи Павловны, заговаривала о музыкѣ, о вчерашнемъ днѣ, о Егорѣ Капитонычѣ и супругѣ его Матренѣ Марковнѣ.... и только при самомъ концѣ мазурки, когда Владиміръ Сергѣичъ началъ съ ней раскланиваться, съ ироническою улыбкой на губахъ и во взорѣ проговорила:

— Итакъ, вы рѣшительно завтра ѣдете?

— Да; и, можетъ-быть, очень далеко, — значительно промолвилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Желаю вамъ счастливаго пути.

И Надежда Алексѣевна быстро приблизилась къ своему брату, весело шепнула ему что-то на ухо, потомъ спросила громко:

— Благодаренъ мнѣ? да? не правда ли? а то бы онъ *ее* пригласилъ на мазурку.

Онъ пожалъ плечами и промолвилъ:

— Все-таки ничего изъ этого не выйдетъ....

Она увела его въ гостиную.

„Кокетка!“ — подумалъ Владиміръ Сергѣичъ и, взявъ шляпу въ руку, выскользнулъ незамѣтно изъ залы, сыскалъ своего лакея, которому онъ заранѣе приказалъ быть на-готовѣ, и уже надѣвалъ пальто, какъ вдругъ, къ крайнему его изумленію, лакей доложилъ ему, что ѣхать нельзя, что кучеръ неизвѣстно какимъ образомъ напился пьянъ и что разбудить его нѣтъ никакой возможности. Выбранивъ кучера необыкновенно кратко, но чрезвычайно сильно (дѣло происходило въ передней, посторонніе свидѣтели присутствовали) и объявивъ лакею, что если завтра чуть свѣтъ кучеръ не будетъ въ исправности, то никто въ мірѣ не въ состояніи себѣ представить, что̀ изъ этого можетъ выйти, Владиміръ Сергѣичъ вернулся въ залу и попросилъ дворецкаго отвести ему комнатку, не дожидаясь ужина, уже приготовляемаго въ гостиной. Хозяинъ дома вдругъ словно выросъ изъ-подъ полу возлѣ самаго локтя Владиміра Сергѣича (Гаврила Степанычъ носилъ сапоги безъ каблуковъ и потому двигался безо всякаго шума) и началъ его удерживать, увѣряя, что за ужиномъ будетъ икра первый сортъ; но Владиміръ Сергѣичъ отговорился головною болью. Полчаса спустя, онъ уже лежалъ на небольшой кроваткѣ, подъ короткимъ одѣяломъ, и силился заснуть.

Но ему не спалось. Какъ ни ворочался съ боку на бокъ, какъ ни старался онъ думать о чемъ-нибудь дру-

гомъ, фигура Стельчинскаго неотвязно торчала предъ нимъ.... Вотъ онъ цѣлится.... вотъ онъ выстрѣлилъ.... „Убитъ Астаховъ“, говоритъ кто-то. Владиміръ Сергѣичъ не могъ назваться храбрецомъ, да и трусомъ онъ не былъ; но даже мысль о поединкѣ, съ кѣмъ бы то ни было, никогда ему въ голову не приходила.... Драться! съ его благоразуміемъ, мирными наклонностями, уваженіемъ приличій, мечтами о будущемъ благосостояніи и о выгодной партіи! Если бы дѣло шло не о собственной особѣ, онъ бы расхохотался, до того нелѣпа и смѣшна казалась ему вся эта исторія. Драться! съ кѣмъ и за что?!

— Тьфу ты, чортъ! что за вздоръ!—восклицалъ онъ невольно вслухъ.—Ну, а если онъ точно убьетъ меня,—продолжалъ онъ свои размышленія: — надо, однако, принять свои мѣры, распорядиться.... Кто-то пожалѣетъ обо мнѣ?

И онъ съ досадой закрывалъ свои широко раскрытые глаза, натягивалъ одѣяло на шею.... но все-таки заснуть не могъ....

Заря уже брезжила на небѣ, и утомленный лихорадкой безсонницы, Владиміръ Сергѣичъ начиналъ впадать въ дрёмоту, какъ вдругъ почувствовалъ какую-то тяжесть на ногахъ. Онъ открылъ глаза.... На его постели сидѣлъ Веретьевъ.

Владиміръ Сергѣичъ изумился чрезвычайно, особенно когда замѣтилъ, что на Веретьевѣ не было сюртука, что у него изъ-подъ разстегнутой рубашки выказывалась обнаженная грудь, волосы падали на лобъ и само лицо казалось измѣненнымъ. Владиміръ Сергѣичъ приподнялся съ постели....

— Позвольте спросить.... — началъ онъ, разставивъ руки....

— Я къ вамъ пришелъ, — заговорилъ Веретьевъ сиплымъ голосомъ:—извините меня въ такомъ видѣ.... Мы

тамъ немного выпили.... Я желалъ васъ успокоить. Я сказалъ себѣ: тамъ лежитъ джентльменъ, которому, вѣроятно, не спится.—Поможемъ ему.—Внемлите: вы не деретесь завтра и можете спать....

Владиміръ Сергѣичъ изумился еще болѣе.

— Что вы такое сказали?—пробормоталъ онъ.

— Да; все это улажено, — продолжалъ Веретьевъ;—этотъ господинъ съ береговъ Вислы.... Стельчинскій.... извиняется передъ вами.... завтра вы получите письмо.... Повторяю вамъ:—все кончено.... Храните!

И сказавши эти слова, Веретьевъ всталъ и направился невѣрными шагами къ двери.

— Но позвольте, позвольте,—началъ Владиміръ Сергѣичъ.—Какъ вы могли узнать, и почему я могу повѣрить....

— Ахъ! вы думаете, что я.... того....—(и онъ слегка качнулся впередъ).... Говорятъ вамъ.... онъ къ вамъ завтра письмо пришлетъ.... Вы не возбуждаете во мнѣ особенной симпатіи, но великодушіе — моя слабая сторона. Да и что̀ тутъ толковать.... Вѣдь это все такіе пустяки.... А признайтесь,—прибавилъ онъ, подмигнувъ глазомъ:—вы таки струхнули, а?

Владиміръ Сергѣичъ разсердился.

— Позвольте, наконецъ, милостивый государь,—промолвилъ онъ....

— Ну, хорошо, хорошо,—перебилъ его Веретьевъ съ добродушной улыбкой.—Не горячитесь. Вѣдь вы не знаете, у насъ безъ этого ни одного бала не бываетъ.... Это ужъ такъ заведено. Послѣдствій это никогда никакихъ не имѣетъ. Кому охота подставлять свой лобъ? Ну, а почему же не покуражиться, а? надъ пріѣзжимъ, напримѣръ? In vino veritas. А впрочемъ, ни вы, ни я, мы не знаемъ полатыни. Однако, я вижу по вашей фигурѣ, что вы хотите спать. Спокойной ночи желаю вамъ, господинъ положи-

тельный человѣкъ, благонамѣренный смертный. Примите это пожеланіе отъ другого смертнаго, который самъ гроша мѣднаго не стоитъ. Addio, mio caro!

И Веретьевъ вышелъ вонъ.

— Это чортъ знаетъ что такое!—воскликнулъ, немного погодя, Владиміръ Сергѣичъ и ударилъ кулакомъ въ подушку:—это просто ни на что не похоже!... Это надо будетъ объяснить! Я этого не потерплю!

Со всѣмъ тѣмъ, пять минутъ спустя, онъ уже спалъ кроткимъ и крѣпкимъ сномъ. Ему на сердцѣ стало легче.... Минувшая опасность наполняетъ сладостью и смягчаетъ духъ человѣка.

Вотъ что происходило передъ неожиданнымъ ночнымъ свиданьемъ Веретьева и Владиміра Сергѣича:

У Гаврилы Степаныча жилъ въ домѣ троюродный его племянникъ и занималъ въ нижнемъ этажѣ дома холостую квартиру. Когда случались балы, молодые люди, въ промежуткахъ танцевъ, забѣгали къ нему покурить наскоро Жукова, а послѣ ужина собирались у него же для дружеской попойки. Въ ту ночь къ нему нашло довольно много гостей. Стельчинскій и Веретьевъ были въ числѣ ихъ; Иванъ Ильичъ Складная-Душа тоже приплелся туда вслѣдъ за другими. Сдѣлали жжёнку. Хотя Иванъ Ильичъ обѣщалъ Астахову не говорить никому о предстоявшемъ поединкѣ, однако, когда Веретьевъ случайно спросилъ его, о чемъ онъ разсуждалъ съ этимъ кисляемъ (Веретьевъ иначе не называлъ Астахова), Складная-Душа не вытерпѣлъ и повторилъ весь свой разговоръ съ Владиміромъ Сергѣичемъ отъ слова до слова.

Веретьевъ засмѣялся, потомъ задумался.

— Да съ кѣмъ онъ дерется?—спросилъ онъ.

— А этого я сказать не могу, — возразилъ Иванъ Ильичъ.

— По крайней мѣрѣ, съ кѣмъ онъ разговаривалъ?

— Съ разными лицами.... Съ Егоромъ Капитонычемъ. Ужъ не съ нимъ ли онъ дерется?

Веретьевъ отошелъ отъ Ивана Ильича.

Итакъ, сдѣлали жжёнку, начали пить. Веретьевъ сидѣлъ на самомъ видномъ мѣстѣ; веселый и разгульный, онъ первенствовалъ въ собраньяхъ молодежи. Онъ сбросилъ сюртукъ и галстукъ. Его попросили пѣть, онъ взялъ гитару и спѣлъ нѣсколько пѣсенъ. Головы понемногу разгорячились; молодежь принялась провозглашать тосты. Стельчинскій вскочилъ вдругъ, весь красный, на столъ и, высоко поднявъ надъ головою стаканъ, воскликнулъ громко:

— За здоровье.... ужъ я знаю кого,—подхватилъ онъ торопливо, выпилъ вино, разбилъ стаканъ о полъ и прибавилъ: — пускай же завтра точно такъ же разлетится въ дребезги мой врагъ!

Веретьевъ, который уже давно наблюдалъ за нимъ, быстро поднялъ голову....

— Стельчинскій, — промолвилъ онъ: — во-первыхъ, сойди со стола: это неприлично, да у тебя же и сапоги прескверные, а во-вторыхъ, поди-ка сюда, я тебѣ что-то сообщу.

Онъ отвелъ его въ сторону.

— Послушай, братъ, ты, я знаю, дерешься завтра съ этимъ джентльменомъ изъ Петербурга.

Стельчинскій дрогнулъ.

— Какъ.... кто тебѣ сказалъ?

— Я тебѣ говорю. И мнѣ также извѣстно, за кого ты дерешься.

— А именно? Это любопытно знать.

— Ахъ, ты, Талейранъ этакой! Да, разумѣется, за мою сестру. Ну, ну, не притворяйся удивленнымъ. Это придаетъ тебѣ гусиное выраженіе. Не могу представить, какъ это у васъ тамъ вышло, но только это вѣрно. Полно,

братъ,—продолжалъ Веретьевъ:—къ чему тутъ прикидываться? Вѣдь я знаю, ты за ней давно ухаживаешь.

— Да все-таки это не доказываетъ....

— Перестань, пожалуйста. Но послушай-ка, что̀ я теперь тебѣ скажу. Я этого поединка ни подъ какимъ видомъ не допущу. Понимаешь? Вся эта глупость обрушится на сестру. Извини: пока я живъ.... этому не бывать. Мы съ тобой пропадемъ—туда и дорога, а ей еще долго надо жить и жить счастливо. Да, клянусь,—прибавилъ онъ съ внезапнымъ жаромъ: — всѣхъ другихъ выдамъ, даже тѣхъ, которые были бы готовы всѣмъ пожертвовать для меня, а у ней волоска никому тронуть не позволю.

Стельчинскій принужденно захохоталъ.

— Ты пьянъ, любезный, и бредишь.... вотъ и все.

— А ты, небось, нѣтъ? Но пьянъ ли я, нѣтъ ли, это совершенно все равно. А говорю я дѣло. Не будешь ты драться съ этимъ бариномъ, за это я ручаюсь. И охота была тебѣ съ нимъ связываться! Приревновалъ, что ли? Вотъ, правду говорятъ, что влюбленные люди глупы! Да она и танцовала-то съ нимъ для того только, чтобъ онъ не вздумалъ пригласить.... Ну, да не объ этомъ дѣло. А дуэли этой не бывать.

— Гм! желалъ бы я посмотрѣть, какъ ты мнѣ помѣшаешь?

— А такъ же вотъ, что если ты сейчасъ не дашь мнѣ слова отказаться отъ этой дуэли, я самъ съ тобой драться буду.

— Будто?

— Милый мой, не сомнѣвайся въ этомъ. Оскорблю тебя, дружище, сейчасъ же, при всѣхъ, самымъ фантастическимъ образомъ, и потомъ хоть черезъ платокъ. А я думаю, это тебѣ будетъ непріятно, по многимъ причинамъ, ась?

Стельчинскій вспыхнулъ, началъ говорить, что это *ин-*

тимидація, что онъ никому не позволитъ вмѣшиваться въ его дѣла, что онъ не посмотритъ ни на что.... и кончилъ тѣмъ, что покорился и отказался отъ всякихъ покушеній на жизнь Владиміра Сергѣича. Веретьевъ его обнялъ, и не прошло еще полчаса, какъ ужъ оба они въ десятый разъ пили Bruderschaft, т.-е. пили, запустивъ руку за руку.... Юноша-распорядитель также выпилъ Bruderschaft съ ними и сперва не отставалъ отъ нихъ, но заснулъ наконецъ самымъ невиннымъ образомъ, и долго лежалъ на спинѣ въ состояніи совершеннаго безчувствія.... Выраженіе его маленькаго, поблѣднѣвшаго личика было и забавно, и жалко.... Боже! что̀ сказали бы свѣтскія дамы, его знакомыя, если бъ увидѣли его въ такомъ уничиженіи! Но, къ его счастью, онъ не зналъ ни одной свѣтской дамы.

Иванъ Ильичъ также отличился въ ту ночь. Сперва онъ удивилъ гостей, внезапно затянувъ: „Въ деревнѣ нѣкогда баронъ“.

— Щуръ! щуръ запѣлъ!—закричали всѣ:—когда это бываетъ, чтобы щуръ пѣлъ по ночамъ!

— Да будто я одну только пѣсню знаю, — возразилъ разгоряченный виномъ Иванъ Ильичъ:—я умѣю и другія.

— Ну, ну, ну, покажи намъ свое искусство.

Иванъ Ильичъ помолчалъ и вдругъ началъ басомъ: „Крамбабули, отцовъ наслѣдье“, но такъ нескладно и странно, что общій взрывъ хохота тотчасъ заглушилъ его голосъ, и онъ умолкъ.

Когда всѣ разошлись, Веретьевъ отправился къ Владиміру Сергѣичу, и между ними произошелъ непродолжительный, уже упомянутый разговоръ.

На другой день Владиміръ Сергѣичъ уѣхалъ очень рано къ себѣ въ Сасово. Цѣлое утро провелъ онъ въ волненіи, чуть-было не принялъ пріѣзжаго купца за секунданта, и отдохнулъ только тогда, когда лакей принесъ ему письмо

отъ Стельчинскаго. Владиміръ Сергѣичъ нѣсколько разъ прочелъ это письмо—оно очень было ловко написано.... Стельчинскій начиналъ со словъ: la nuit porte conseil, Monsieur—ни въ чемъ не извинялся, потому что, по его мнѣнію, онъ своего противника ничѣмъ не оскорбилъ; впрочемъ, сознавался, что наканунѣ излишне погорячился и кончилъ объявленіемъ, что состоитъ въ полномъ распоряженіи господина Астахова (de M-r Astakhof), но самъ уже удовлетворенія болѣе не желаетъ. Сочинивъ и отправивъ отвѣтъ, исполненный въ одно и то же время вѣжливости, доходившей до игривости, и чувства достоинства, въ которомъ, однако, не замѣчалось ничего хвастливаго, Владиміръ Сергѣичъ сѣлъ за обѣдъ, потирая руки, съ великимъ удовольствіемъ покушалъ и тотчасъ же послѣ стола отправился во-свояси, не выславъ даже подставы впередъ. Дорога, по которой онъ ѣхалъ, проходила верстахъ въ четырехъ отъ усадьбы Ипатова.... Владиміръ Сергѣичъ посмотрѣлъ на нее.

— Прощай, затишье!—молвилъ онъ съ усмѣшкой.

Образы Надежды Алексѣевны и Марьи Павловны предстали на мгновеніе его воображенью: онъ махнулъ рукой, отворотился и задремалъ.

VI.

Прошло три мѣсяца слишкомъ. Осень уже давно наступила: пожелтѣвшіе лѣса обнажались, синицы прилетѣли и, вѣрный признакъ близости зимы, вѣтеръ начиналъ завывать и ныть. Но дождей большихъ еще не бывало, и грязь на дорогахъ не успѣла раствориться. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, Владиміръ Сергѣичъ отправился для окончанія нѣкоторыхъ дѣлъ въ губернскій городъ. Утро онъ провелъ въ разъѣздахъ, а вечеромъ поѣхалъ въ клубъ. Въ огромной, мрачной залѣ клуба встрѣтилъ онъ

нѣсколько знакомыхъ и, между прочимъ, стараго отставного ротмистра, Флича, всѣмъ извѣстнаго дѣльца, остряка, картежника и сплетника. Владиміръ Сергѣичъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ.

— Ахъ, кстати,—воскликнулъ вдругъ отставной ротмистръ:—на-дняхъ здѣсь проѣзжала одна ваша знакомая, кланяться вамъ велѣла.

— Какая это знакомая?

— Стельчинская.

— Я ни съ одной Стельчинской не знакомъ.

— Вы ее въ дѣвушкахъ знавали.... Она урожденная Веретьева.... Надежда Алексѣевна. Мужъ ея у нашего губернатора служилъ. Вы его тоже, должно-быть, видали.... Живчикъ такой, съ усиками.... Славную штучку подцѣпилъ, и съ состояньемъ.

— Вотъ какъ, — проговорилъ Владиміръ Сергѣичъ.— Такъ она за него вышла.... Гм! А куда жъ это они уѣхали?

— Въ Петербургъ. Она еще вамъ напомнить велѣла про какой-то билетикъ съ конфетки.... Что это былъ за билетикъ, позвольте полюбопытствовать?

И старый сплетникъ такъ и выставилъ впередъ свой острый носъ.

— Не помню, право, шутка какая-нибудь,—возразилъ Владиміръ Сергѣичъ.—А позвольте узнать, гдѣ теперь ея братъ?

— Петръ? Ну, тому плохо.

Господинъ Фличъ возвелъ кверху свои маленькіе, лисьи глазки и вздохнулъ.

— А что?—спросилъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Загулялъ! Пропалъ человѣкъ.

— Да гдѣ онъ теперь?

— Совершенно неизвѣстно, гдѣ. Уѣхалъ куда-нибудь за цыганками, это вѣрнѣе всего. Въ губерніи его нѣтъ, за это я ручаюсь.

— А Ипатовъ старикъ, все тамъ же живетъ?

— Михаилъ Николаичъ? Чудачекъ-то? Все тамъ же.

— И все у него въ домѣ.... попрежнему?

— Какъ же, какъ же. Вотъ, что̀ бы вамъ жениться на его свояченицѣ? Вѣдь это не женщина, это просто монументъ, право. Хе, хе. У насъ ужъ и поговаривали.... что-молъ, дескать....

— Вотъ какъ-съ,—промолвилъ, прищуривъ глаза, Владиміръ Сергѣичъ.

Въ это мгновенье Фличу предложили партію, и разговоръ прекратился.

Владиміръ Сергѣичъ располагалъ возвратиться домой скоро, но вдругъ получилъ съ нарочнымъ донесеніе отъ старосты, что въ Сасовѣ сгорѣло шесть дворовъ, и рѣшился самъ туда съѣздить. Отъ губернскаго города до Сасова считалось верстъ шестьдесятъ. Владиміръ Сергѣичъ прибылъ въ знакомый уже читателю флигелекъ къ вечеру, тотчасъ же велѣлъ призвать старосту и земскаго, побранилъ ихъ какъ слѣдуетъ, осмотрѣлъ утромъ мѣсто пожара, принялъ надлежащія мѣры, и послѣ обѣда, поколебавшись немного, отправился въ гости къ Ипатову. Владиміръ Сергѣичъ остался бы дома, если бъ не услыхалъ отъ Флича объ отъѣздѣ Надежды Алексѣевны; ему не хотѣлось съ ней встрѣчаться; но онъ былъ не прочь взглянуть еще разъ на Марью Павловну.

Владиміръ Сергѣичъ засталъ, какъ и въ первое свое посѣщеніе, Ипатова за шашками съ Складною-Душою. Старикъ ему обрадовался; Владиміру Сергѣичу показалось, однако, лицо его озабоченнымъ и рѣчь его не лилась свободно и охотно, какъ прежде.

Съ Иваномъ Ильичемъ Владиміръ Сергѣичъ переглянулся молча. Обоихъ ихъ немножко покоробило; впрочемъ, они скоро успокоились.

— Всѣ ваши здоровы?—спросилъ Владиміръ Сергѣичъ, усаживаясь.

— Всѣ, слава Богу, покорнѣйше благодарю, — отвѣтилъ Ипатовъ. — Одна Марья Павловна не совсѣмъ.... того, все больше въ своей комнатѣ находится.

— Простудилась?

— Нѣтъ.... такъ. Къ чаю явится.

— А Егоръ Капитонычъ? что онъ подѣлываетъ?

— Ахъ! Егоръ Капитонычъ убитый человѣкъ. У него жена умерла.

— Не можетъ быть.

— Въ сутки умерла отъ холеры. Вы бы не узнали его теперь, просто на себя не похожъ сталъ. „Безъ Матрены Марковны, говоритъ, жизнь мнѣ въ тягость. Умру, говоритъ, и слава Богу, говоритъ; не желаю, говоритъ, жить“. Да, пропалъ бѣднякъ.

— Ахъ, Боже мой, какъ это непріятно!—воскликнулъ Владиміръ Сергѣичъ.—Бѣдный Егоръ Капитонычъ!

Всѣ помолчали.

— Ваша сосѣдка, я слышалъ, замужъ вышла,—заговорилъ Владиміръ Сергѣичъ, слегка покраснѣвъ.

— Надежда Алексѣевна? Да, вышла.

Ипатовъ косвенно посмотрѣлъ на Владиміра Сергѣича.

— Какъ же.... какъ же, вышла и ужъ уѣхала.

— Въ Петербургъ?

— Въ Санктпетербургъ.

— Марья Павловна, я думаю, скучаетъ по ней? Кажется, она очень съ ней была дружна.

— Конечно, скучаетъ. Безъ этого нельзя. А впрочемъ, что до дружества касается, скажу вамъ, дѣвичья дружба еще хуже мужской. Пока на глазахъ, хорошо, а то и поминай какъ звали.

— Вы думаете?

— Да, ей-Богу такъ. Вотъ, хоть бы Надежда Алексѣев-

на. Какъ уѣхала, ни одного письма къ намъ не написала, а вѣдь какъ обѣщалась, божилась даже. Правда, ей теперь не до того.

— А давно она уѣхала?

— Да ужъ недѣль шесть будетъ. На другой же день послѣ свадьбы ускакала, по иностранному.

— Говорятъ, и брата ея тоже здѣсь нѣтъ?—проговорилъ Владиміръ Сергѣичъ, немного погодя.

— Да, тоже. Вѣдь они люди столичные; станутъ они долго въ деревнѣ жить!

— И неизвѣстно, куда онъ уѣхалъ?

— Неизвѣстно.

— Пощебелилъ, да и за щеку, — замѣтилъ Иванъ Ильичъ.

— Пощебелилъ, да и за щеку,—повторилъ Ипатовъ.— Ну, а вы, Владиміръ Сергѣичъ, что̀ подѣлывали хорошенькаго?—прибавилъ онъ, оборотясь на стулѣ.

Владиміръ Сергѣичъ началъ разсказывать о себѣ, Ипатовъ его слушалъ, слушалъ и воскликнулъ наконецъ:

— Да что жъ это Маша нейдетъ? Иванъ Ильичъ, ты бы сходилъ за ней.

Иванъ Ильичъ отправился вонъ изъ комнаты и, вернувшись, объявилъ, что Марья Павловна сейчасъ придетъ.

— Что, у ней голова болитъ? — спросилъ Ипатовъ вполголоса.

— Болитъ,—отвѣтилъ Иванъ Ильичъ.

Дверь раскрылась и вошла Марья Павловна. Владиміръ Сергѣичъ всталъ, поклонился и отъ изумленія не могъ произнесть слова: такъ измѣнилась Марья Павловна съ тѣхъ поръ, какъ онъ ее видѣлъ въ послѣдній разъ! Румянецъ исчезъ съ ея похудѣвшихъ щекъ; широкая черная кайма окружила ея глаза; горько сжались губы; все лицо ея, неподвижное и темное, казалось окаменѣлымъ.

Она подняла глаза, и въ нихъ не было блеску.

— Какъ ты себя чувствуешь?—спросилъ ее Ипатовъ.

— Я здорова,—отвѣчала она и сѣла къ столу, на которомъ уже кипѣлъ самоваръ.

Владиміръ Сергѣичъ порядкомъ-таки поскучалъ въ тотъ вечеръ. Да и всѣ были не въ духѣ. Разговоръ принималъ все такой невеселый оборотъ.

— Вѣдь вишь,—сказалъ между прочимъ Ипатовъ, прислушиваясь къ завываньямъ вѣтра: — какія ноты выводитъ! Лѣто-то ужъ давно прошло; вотъ и осень проходитъ, вотъ и зима на носу. Опять завалитъ кругомъ сугробами. Хоть бы поскорѣе снѣгъ выпалъ. А то въ садъ выйдешь, тоска нападетъ.... Словно развалина какая-то. Деревья вѣтками стучатъ. .. Да, прошли красные дни!

— Прошли,—повторилъ Иванъ Ильичъ.

Марья Павловна молча посмотрѣла въ окно.

— Богъ дастъ, вернутся,—замѣтилъ Ипатовъ.

Никто не отозвался ему.

— А помните, какъ здѣсь тогда хорошо пѣсни пѣли!—сказалъ Владиміръ Сергѣичъ.

— Мало ли чего!—вздохнувъ, отвѣтилъ старикъ.

— Но вы бы могли, — продолжалъ Владиміръ Сергѣичъ, обращаясь къ Марьѣ Павловнѣ:—у васъ такой прекрасный голосъ.

Она не отвѣтила ему.

— А что ваша матушка?—спросилъ Владиміръ Сергѣичъ Ипатова, не зная уже, о чемъ вести разговоръ.

— Слава Богу, перебивается помаленьку при своихъ недугахъ. Еще сегодня въ колясочкѣ каталась. Она, доложу вамъ, какъ надломленное дерево, скрыпъ да скрыпъ, и глядишь, иное молодое, крѣпкое повалится, а она все стоитъ да стоитъ. Эхъ, хе, хе!

Марья Павловна уронила руки на колѣни и наклонила голову.

— А все же, плохое ея житье, — заговорилъ опять Ипатовъ:—справедливо сказано: „старость не радость".

— А молодость не въ радость, — промолвила Марья Павловна, словно про себя.

Владиміръ Сергѣичъ хотѣлъ-было вернуться на ночь домой, но такая сдѣлалась на дворѣ темнота, что онъ не рѣшился ѣхать. Ему отвели ту же комнату наверху, въ которой онъ, три мѣсяца тому назадъ, провелъ безпокойную ночь, по милости Егора Капитоныча....

„Храпитъ ли онъ теперь?" подумалъ Владиміръ Сергѣичъ, и вспомнилъ его наставленія слугѣ, вспомнилъ внезапное появленіе Марьи Павловны въ саду....

Владиміръ Сергѣичъ подошелъ къ окну я приложился лбомъ къ холодному стеклу. Его собственное лицо тускло глянуло на него съ надворья, словно въ черную завѣсу уперлись его глаза, и только спустя немного времени могъ онъ различить на беззвѣздномъ небѣ вѣтки деревьевъ, порывисто крутившіяся среди мрака. Ихъ тормошилъ неугомонный вѣтеръ.

Вдругъ, Владиміру Сергѣичу показалось, будто что-то бѣлое промелькнуло по землѣ.... Онъ всмотрѣлся, усмѣхнулся, пожалъ плечами и, воскликнувъ вполголоса: „что значитъ воображенье!" легъ въ постель.

Онъ заснулъ очень скоро, но и въ этотъ разъ не было ему суждено провести спокойную ночь. Его разбудила бѣготня, поднявшаяся въ домѣ.... Онъ отдѣлилъ отъ подушки голову.... слышались смятенные голоса, восклицанія, торопливые шаги, двери хлопали; вотъ, раздался женскій плачъ, крики поднялись въ саду, другіе крики отозвались дальше.... Тревога въ домѣ росла, становилась шумнѣе съ каждымъ мгновеніемъ.... „Пожаръ!" мелькнуло въ умѣ Владиміра Сергѣича. Онъ трухнулъ, вскочилъ съ кровати и бросился къ окну; но зарева не было; только въ саду проворно двигались по дорожкамъ, мимо деревьевъ,

красныя огненныя точки — то бѣгали люди съ фонарями. Владиміръ Сергѣичъ подошелъ быстро къ двери, отворилъ ее и наткнулся прямо на Ивана Ильича. Блѣдный, растрепанный, полураздѣтый, онъ мчался, самъ не зная куда.

— Что такое? что случилось?—спросилъ съ волненіемъ Владиміръ Сергѣичъ, сильно схвативъ его за руку.

— Пропала, утопла, въ воду бросилась, — отвѣтилъ Иванъ Ильичъ задыхавшимся голосомъ.

— Кто въ воду бросился, кто пропалъ?

— Марья Павловна! Кому жъ, какъ не Марьѣ Павловнѣ? Погубилъ онъ ее, сердешную! Помогите! Батюшки, побѣжимте скорѣе! Голубчики, скорѣе!

И Иванъ Ильичъ ринулся внизъ по лѣстницѣ.

Владиміръ Сергѣичъ кое-какъ надѣлъ сапоги, накинулъ шинель на плечи и пустился вслѣдъ за нимъ.

Въ домѣ онъ уже никого не встрѣтилъ, всѣ выскочили въ садъ; однѣ только дѣвочки, дочери Ипатова, попались ему въ корридорѣ, возлѣ передней; помертвѣвъ отъ испуга, стояли онѣ въ своихъ бѣлыхъ юбочкахъ, съ сжатыми руками и голыми ножками, возлѣ ночника, поставленнаго на полу. Черезъ гостиную, мимо опрокинутаго стола выбѣжалъ Владиміръ Сергѣичъ на террасу. Сквозь чащу, по направленію къ плотинѣ, мелькали огни, тѣни....

— За баграми! скорѣе за баграми!—слышался голосъ Ипатова.

— Неводъ, неводъ, лодку!—кричали другіе голоса.

Владиміръ Сергѣичъ побѣжалъ на крикъ. Онъ нашелъ Ипатова на берегу пруда; фонарь, повѣшенный на суку, ярко освѣщалъ сѣдую голову старика. Онъ ломалъ руки и шатался какъ пьяный; возлѣ него женщина, лежа на травѣ, билась и рыдала; кругомъ суетились люди. Иванъ Ильичъ уже вошелъ по колѣни въ воду и щупалъ дно шестомъ; кучеръ раздѣвался, дрожа всѣмъ тѣломъ; два человѣка

тащили вдоль берега лодку; слышался рѣзкій топотъ копытъ по улицѣ деревни.... Вѣтеръ несся съ визгомъ, какъ бы силясь задуть фонари, а прудъ плескалъ и шумѣлъ, чернѣя грозно.

— Что я слышалъ,—воскликнулъ Владиміръ Сергѣичъ, подбѣгая къ Ипатову:—возможно ли?

— Багры, давайте багры!—простоналъ старикъ ему въ отвѣтъ....

— Да вы, можетъ-быть, ошибаетесь, помилуйте, Михаилъ Николаичъ....

— Нѣтъ, какое ошибается!—заговорила слезливымъ голосомъ женщина, лежавшая на травѣ, горничная Марьи Павловны:—сама я, окаянная, слышала, какъ она, голубушка моя, въ воду бросилась, какъ билась въ водѣ, какъ закричала: спасите, а тамъ еще разочекъ: спасите!

— Какъ же ты не помѣшала ей, помилуй!

— Да какъ, батюшка, сударикъ мой, помѣшать? вѣдь я, когда ея хватилась, то ужъ ея въ комнатѣ не было, а мое сердечко, знать, чуяло: послѣдніе-то денечки она все такъ тосковала и не говорила ничего; да ужъ я знала, я прямо такъ въ садъ и побѣжала, словно надоумилъ меня кто; слышу, вдругъ бултыхъ что-то въ воду: спасите, слышу, кричитъ.... спасите.... Охъ, голубчики мои! Охъ, свѣтики мои!

— Да тебѣ, можетъ-быть, такъ почудилось?

— Какое почудилось! Да и гдѣ она? куда дѣвалась?

„Такъ вотъ что мнѣ показалось бѣлое въ темнотѣ“, подумалъ Владиміръ Сергѣичъ....

Между тѣмъ, прибѣжали люди съ баграми, притащили неводъ, стали разстилать его по травѣ, народу набралось пропасть, суета поднялась, толкотня.... кучеръ схватилъ багоръ, староста другой, оба вскочили въ лодку, отчалили и принялись искать баграми въ водѣ; съ берега свѣтили имъ. Странны и страшны казались движенія ихъ и ихъ

тѣней во мглѣ, надъ взволнованнымъ прудомъ, при невѣрномъ и смутномъ блескѣ фонарей.

— Во.... вотъ зацѣпилъ,—закричалъ вдругъ кучеръ.

Всѣ такъ и замерли на мѣстѣ.

Кучеръ потянулъ къ себѣ багоръ, нагнулся.... Что-то рогатое, черное, медленно всплыло....

— Каряга,—проговорилъ кучеръ и отдернулъ багоръ.

— Да вернись, вернись,—закричали съ берега:—баграми ничего не сдѣлаешь, надо неводомъ.

— Да, да, неводомъ,—подхватили другіе.

— Стойте, — промолвилъ староста:—и я зацѣпилъ.... что̀-то, кажись, мягкое,—прибавилъ онъ, погодя немного.

Бѣлое пятно показалось возлѣ лодки....

— Барышня!—вдругъ крикнулъ староста.—Она!

Онъ не ошибся.... Багоръ зацѣпилъ Марью Павловну за рукавъ ея платья. Кучеръ ее тотчасъ подхватилъ, вытащили изъ воды.... въ два сильныхъ толчка лодка очутилась у берега.... Ипатовъ, Иванъ Ильичъ, Владиміръ Сергѣичъ, всѣ бросились къ Марьѣ Павловнѣ, подняли ее, понесли на рукахъ домой, тотчасъ раздѣли ее, начали ее откачивать, согрѣвать.... Но всѣ ихъ усилія, ихъ старанія остались тщетными.... Марья Павловна не пришла въ себя.... Жизнь уже ее покинула.

Владиміръ Сергѣичъ, на другой день рано, оставилъ Ипатовку; передъ отъѣздомъ онъ пошелъ проститься съ покойницей. Она лежала на столѣ въ гостиной, въ бѣломъ платьѣ.... Густые ея волосы еще не совсѣмъ высохли, какое-то скорбное недоумѣніе выражалось на ея блѣдномъ лицѣ, не успѣвшемъ исказиться; раскрытыя губы, казалось, силились заговорить и спросить что-то.... стиснутыя крестъ на крестъ руки, какъ бы съ тоской, прижимались къ груди.... Но съ какой бы горестною мыслью не погибла бѣдная утопленница, смерть наложила на нее печать своего вѣчнаго безмолвія и смиренія.... и кто пойметъ,

что̀ выражаетъ мертвое лицо въ тѣ немногія мгновенія, когда оно въ послѣдній разъ встрѣчаетъ взглядъ живыхъ передъ тѣмъ, чтобы навсегда исчезнуть и разрушиться въ могилѣ?

Владиміръ Сергѣичъ постоялъ, съ приличной задумчивостью, передъ тѣломъ Марьи Павловны, перекрестился три раза и вышелъ, не замѣтивъ Ивана Ильича, тихо плакавшаго въ уголкѣ.... И не одинъ онъ плакалъ въ тотъ день, вся прислуга въ домѣ плакала горько: Марья Павловна оставила по себѣ добрую память.

Черезъ недѣлю, вотъ что̀ писалъ старикъ Ипатовъ въ отвѣтъ на пришедшее, наконецъ, письмо отъ Надежды Алексѣевны:

„За недѣлю передъ симъ, милостивая государыня Надежда Алексѣевна, несчастная свояченица моя, ваша знакомая, Марья Павловна, самовольно кончила жизнь свою, бросившись ночью въ прудъ, и мы уже предали землѣ ея тѣло. Она рѣшилась на сей горестный и ужасный поступокъ, не простившись со мною, не оставивъ даже письма или хотя бы записочки, для изъявленія своей послѣдней воли.... Но вамъ лучше всѣхъ извѣстно, Надежда Алексѣевна, на чью душу долженъ пасть этотъ великій и смертный грѣхъ! Суди Господь Богъ вашего братца, а моя свояченица не могла ни разлюбить, ни пережить разлуку....“

Надежда Алексѣевна получила это письмо уже въ Италіи, куда она уѣхала съ своимъ мужемъ, графомъ де-Стельчинскимъ, какъ его величали во всѣхъ гостинницахъ. Впрочемъ, онъ посѣщалъ не однѣ гостинницы: его часто видали въ игорныхъ домахъ, въ куръ-залахъ на водахъ.... Онъ сперва проигрывалъ много денегъ, потомъ пересталъ проигрывать, и лицо его приняло особое выраженіе, не то подозрительное, не то дерзкое, какое бываетъ у человѣка, съ которымъ совершенно неожиданнымъ образомъ случаются исторіи.... Съ женой онъ ви-

дался рѣдко. Впрочемъ, Надежда Алексѣевна не скучала въ его отсутствіи. Въ ней проявилась страсть къ искусствамъ и художествамъ. Она все больше зналась съ артистами и любила разсуждать о прекрасномъ съ молодыми людьми. Письмо Ипатова огорчило ее чрезвычайно, но не помѣшало ей, въ тотъ же день, поѣхать въ „Собачью Пещеру“ посмотрѣть, какъ задыхаются бѣдныя животныя, погруженныя въ сѣрные пары.

Она поѣхала не одна. Ее сопровождали разные кавалеры. Въ числѣ ихъ самымъ любезнымъ считался нѣкто г. Попеленъ, неудавшійся живописецъ изъ французовъ, съ бородкой и въ клѣтчатой курткѣ. Онъ пѣлъ жиденькимъ теномъ новѣйшіе романсы, острилъ весьма развязно, и хотя сложенья былъ худощаваго, однако кушалъ весьма много.

VII.

Былъ солнечный, морозный январьскій день; на Невскомъ гуляло множество народа. Часы на башнѣ Думы показывали три часа. По широкимъ плитамъ, усѣяннымъ желтымъ песочкомъ, шелъ, между прочими, старинный нашъ знакомый, Владиміръ Сергѣичъ Астаховъ. Онъ очень возмужалъ съ тѣхъ поръ, какъ мы разстались съ нимъ, обложился бакенбардами и пополнѣлъ во всемъ корпусѣ, но не постарѣлъ. Онъ подвигался за толпой, не торопясь и изрѣдка посматривая кругомъ: онъ ожидалъ жену свою; она вмѣстѣ съ своею матерью хотѣла подъѣхать въ каретѣ. Владиміръ Сергѣичъ уже лѣтъ пять какъ женился, именно такъ, какъ всегда желалъ: жена его была богата и съ самыми лучшими связями. Привѣтливо приподнимая превосходно вычищенную шляпу при встрѣчѣ съ многочисленными знакомыми, Владиміръ Сергѣичъ продолжалъ выступать свободною поступью довольнаго судьбою чело-

вѣка, какъ вдругъ, около самаго Пассажа, на него чуть не наткнулся какой-то господинъ, въ испанскомъ плащѣ и фуражкѣ, съ лицомъ уже порядкомъ изношеннымъ, крашеными усами и большими, слегка заплывшими глазами. Владиміръ Сергѣичъ съ достоинствомъ посторонился, но господинъ въ фуражкѣ посмотрѣлъ на него и вдругъ воскликнулъ:

— А! г. Астаховъ, здравствуйте!

Владиміръ Сергѣичъ ничего не отвѣчалъ и остановился въ изумленіи. Онъ не могъ понять, какимъ образомъ господинъ, рѣшившійся идти по Невскому въ фуражкѣ, зналъ его фамилію.

— Вы меня не узнаёте,—продолжалъ господинъ въ фуражкѣ:—я видѣлъ васъ лѣтъ восемь тому назадъ, въ деревнѣ, въ Т—ской губерніи, у Ипатовыхъ. Меня зовутъ Веретьевымъ.

— Ахъ! Боже мой! извините меня!—воскликнулъ Владиміръ Сергѣичъ: — но какъ вы измѣнились съ тѣхъ поръ....

— Да, я постарѣлъ,—возразилъ Петръ Алексѣичъ и провелъ по лицу рукою, на которой не было перчатки:— а вотъ вы не измѣнились.

Веретьевъ не столько постарѣлъ, сколько осунулся и опустился. Мелкія, тонкія морщины покрыли его лицо, и когда онъ говорилъ, его губы и щеки слегка подергивало. По всему замѣтно было, что сильно пожилъ человѣкъ.

— Гдѣ вы все это время пропадали, что васъ не было видно?—спросилъ его Владиміръ Сергѣичъ.

— Скитался кой-гдѣ. А вы все въ Петербургѣ находились?

— Большею частью въ Петербургѣ.

— Женаты?

— Женатъ.

И Владиміръ Сергѣичъ принялъ нѣсколько строгій

видъ, какъ бы желая сказать Веретьеву: „ты, братецъ, не вздумай просить меня, чтобы я представилъ тебя моей женѣ“.

Веретьевъ, казалось, понялъ его. Равнодушная усмѣшка чуть тронула его губы.

— А что ваша сестрица?—спросилъ Владиміръ Сергѣичъ.—Гдѣ она?

— Не могу вамъ сказать навѣрное. Должно-быть, въ Москвѣ. Я давно отъ нея писемъ не получалъ.

— Супругъ ея живъ?

— Живъ.

— А самъ г. Ипатовъ?

— Не знаю; вѣроятно, тоже живъ; а можетъ и умеръ.

— А тотъ господинъ, какъ бишь его, Бодряковъ, что ли?

— Тотъ-то, кого вы въ секунданты себѣ просили, помните, когда вы такъ струсили? А чортъ его знаетъ?

Владиміръ Сергѣичъ помолчалъ съ важностью на лицѣ.

— Я всегда съ удовольствіемъ вспоминалъ тѣ вечера,—продолжалъ онъ:—когда я имѣлъ случай (онъ чуть-было не сказалъ—честь) познакомиться съ вашей сестрицей и съ вами. Она очень любезная особа. Что̀, вы все такъ же пріятно поёте?

— Нѣтъ, голосъ пропалъ.... Да, хорошее тогда было время!

— Я еще разъ посѣтилъ потомъ Ипатовку, — прибавилъ Владиміръ Сергѣичъ, приподнявъ печально брови:—вѣдь такъ, кажется, звали ту деревню—въ самый день одного страшнаго событія....

— Да, да, это ужасно, это ужасно,—торопливо перебилъ его Веретьевъ.—Да, да. А помните, какъ вы чуть-было не подрались съ моимъ теперешнимъ зятемъ?

— Гм! помню!—возразилъ съ разстановкой Владиміръ Сергѣичъ.—Впрочемъ, я долженъ вамъ признаться, столь-

ко времени съ тѣхъ поръ прошло, мнѣ иногда все это представляется, какъ сонъ какой-то....

— Какъ сонъ,—повторилъ Веретьевъ, и его блѣдныя щеки покраснѣли:—какъ сонъ.... нѣтъ, это не былъ сонъ, по крайней мѣрѣ для меня. Это было время молодости, веселости и счастья, время безконечныхъ надеждъ и силъ неодолимыхъ, и если это былъ сонъ, такъ сонъ прекрасный. А вотъ, что мы теперь съ вами постарѣли, поглупѣли, да усы красимъ, да шляемся по Невскому, да ни на что не стали годны, какъ разбитыя клячи, повыдохлись, повытерлись, не то важничаемъ и ломаемся, не то бьемъ баклуши, да, чего добраго, горе виномъ запиваемъ,—вотъ это скорѣе сонъ, и сонъ самый безобразный. Жизнь прожита, и даромъ, нелѣпо, пошло прожита—вотъ что горько! Вотъ это-бы стряхнуть какъ сонъ, вотъ отъ этого-бы очнуться.... И потомъ—вездѣ, всюду одно ужасное воспоминаніе, одинъ призракъ.... А впрочемъ, прощайте.

Веретьевъ быстро удалился, но, поровнявшись съ дверьми одной изъ главныхъ кондитерскихъ Невскаго проспекта, остановился, вошелъ въ нее и, выпивъ у буфета рюмку померанцевой водки, отправился черезъ бильіардную, всю туманную и тусклую отъ табачнаго дыма, въ заднюю комнату. Тамъ онъ нашелъ нѣсколько знакомыхъ, прежнихъ товарищей: Петю Лазурина, Костю Ковровскаго, князя Сердюкова и еще двухъ господъ, которыхъ звали просто Васюкомъ и Филатомъ. Всѣ они были люди уже не молодые, хотя и холостые; у иныхъ волосы повылѣзли, а у другихъ сѣдина пробилась, лица ихъ покрылись морщинами, подбородки сдвоились, словомъ—господа эти всѣ уже давно, какъ говорится, перешли періодъ растенія. Всѣ они, однако, продолжали считать Веретьева человѣкомъ необыкновеннымъ, предназначеннымъ удивить вселенную, и онъ только потому и былъ умнѣе ихъ, что самъ очень хорошо сознавалъ свою совершенную и корен-

ную безполезность. И внѣ его кружка находились люди, которые думали о немъ, что, не погуби онъ себя, изъ него, чортъ знаетъ, что̀ бы вышло.... Эти люди ошибались: изъ Веретьевыхъ никогда ничего не выходитъ.

Пріятели Петра Алексѣича встрѣтили его съ обычными привѣтствіями. Онъ сначала озадачилъ ихъ своимъ мрачнымъ видомъ и желчными рѣчами, но вскорѣ успокоился, развеселился, и дѣло пошло своимъ обычнымъ порядкомъ.

А Владиміръ Сергѣичъ, какъ только ушелъ отъ него Веретьевъ, нахмурился и выпрямилъ станъ. Неожиданная выходка Петра Алексѣича чрезвычайно озадачила, даже оскорбила его.

„Поглупѣли, вино пьемъ, усы красимъ.... parlez pour vous, mon cher“, сказалъ онъ, наконецъ, почти вслухъ и, фыркнувъ раза два отъ прилива невольнаго негодованія, собрался-было продолжать свою прогулку.

— Кто это съ вами говорилъ? — раздался громкій и самоувѣренный голосъ за его спиною.

Владиміръ Сергѣичъ обернулся и увидѣлъ одного изъ своихъ хорошихъ знакомыхъ, нѣкоего г. Помпонскаго. Этотъ г. Помпонскій, человѣкъ высокаго роста и толстый, занималъ довольно важное мѣсто, и ни разу, съ самой ранней юности, не усомнился въ себѣ.

— Такъ, чудакъ какой-то, — проговорилъ Владиміръ Сергѣичъ, взявши г. Помпонскаго подъ-руку.

— Помилуйте, Владиміръ Сергѣичъ, развѣ позволительно порядочному человѣку разговаривать на улицѣ съ индивидуемъ, у котораго на головѣ фуражка? Это неприлично! Я удивляюсь! Гдѣ вы могли познакомиться съ такимъ субъектомъ?

— Въ деревнѣ.

— Въ деревнѣ.... Съ деревенскими сосѣдями въ городѣ не кланяются.... ce n'est pas comme il faut. Джентль-

менъ долженъ всегда держать себя джентльменомъ, если хочетъ, чтобы....

— Вотъ моя жена, — поспѣшилъ перебить его Владиміръ Сергѣичъ.—Пойдемте къ ней..

И оба джентльмена направились къ низенькой щегольской кареткѣ, изъ окна которой выглядывало блѣдное, усталое и раздражительно-надменное личико женщины еще молодой, но ужъ отцвѣтшей.

Изъ-за нея виднѣлась другая дама, тоже словно разсерженная, ея мать. Владиміръ Сергѣичъ отворилъ дверцы кареты, предложилъ женѣ руку. Помпонскій пошелъ съ его тещей, и обѣ четы отправились по Невскому въ сопровожденіи невысокаго, черноволосаго лакея въ гороховыхъ штиблетахъ и съ большой кокардой на шляпѣ.

1854 г.

ПЕРЕПИСКА.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ я въ Дрезденѣ. Я остановился въ гостинницѣ. Съ ранняго утра до поздняго вечера скитаясь по городу, я не почелъ за нужное познакомиться съ моими сосѣдями; наконецъ, случайнымъ образомъ дошло до моего свѣдѣнія, что въ домѣ находится русскій—больной. Я отправился къ нему и нашелъ человѣка въ жесточайшей чахоткѣ. Дрезденъ начиналъ мнѣ надоѣдать; я поселился у моего новаго знакомца. Съ больнымъ сидѣть скучно, но даже скука иногда пріятна; притомъ, мой больной не унывалъ и разговаривалъ охотно. Мы всячески старались убивать время: играли вдвоемъ въ дурачки, трунили надъ докторомъ. Мой землякъ разсказывалъ этому весьма лысому нѣмцу разныя небылицы на свой счетъ, которыя докторъ всегда „давно предугадывалъ“; передразнивалъ его, когда онъ удивлялся какому-нибудь необыкновенному, небывалому припадку, кидалъ его лекарства за окно и т. д. Я, впрочемъ, неоднократно замѣчалъ моему пріятелю, что не худо бы послать за хорошимъ врачемъ, пока время не ушло, что съ его болѣзнью шутить нельзя, и т. д. Но Алексѣй (моего знакомаго звали Але-

ксѣемъ Петровичемъ С....) всякій разъ отдѣлывался остротами насчетъ всѣхъ докторовъ вообще и своего въ особенности, и, наконецъ, въ одинъ ненастный осенній вечеръ, на мои неотступныя просьбы, отвѣчалъ такимъ унылымъ взглядомъ, такъ печально покачалъ головой и такъ странно улыбнулся, что я почувствовалъ нѣкоторое недоумѣнье. Въ ту же ночь Алексѣю сдѣлалось хуже и на другой день онъ скончался. Передъ самой смертью обычная веселость ему измѣнила: онъ съ безпокойствомъ заметался на постели, вздыхалъ, тоскливо озирался.... схватилъ меня за руку, съ усиліемъ прошепталъ: „а вѣдь тяжело умирать....“ уронилъ голову на подушку и залился слезами. Я не зналъ, что̀ сказать ему, и молча сидѣлъ передъ его постелью. Алексѣй, однакожъ, скоро восторжествовалъ надъ этимъ послѣднимъ, позднимъ сожалѣньемъ.... „Послушайте“,—сказалъ онъ мнѣ:—нашъ докторъ сегодня придетъ и найдетъ меня мертвымъ.... Воображаю себѣ его рожу....“ И умирающій постарался его передразнить.... Онъ попросилъ меня отослать всѣ его вещи въ Россію, къ родственникамъ, исключая небольшой связки, которую онъ подарилъ мнѣ на память.

Въ этой связкѣ находились письма—письма одной дѣвушки къ Алексѣю и копіи съ его писемъ къ ней. Всѣхъ ихъ было пятнадцать. Алексѣй Петровичъ С.... зналъ Марью Александровну Б.... давно, кажется, съ дѣтства. У Алексѣя Петровича былъ двоюродный братъ, у Марьи Александровны была сестра. Въ прежніе годы они всѣ жили вмѣстѣ, потомъ разъѣхались и долго не видались; потомъ случайно съѣхались всѣ опять въ деревнѣ, лѣтомъ, и влюбились—братъ Алексѣя въ Марью Александровну, самъ Алексѣй въ сестру ея. Лѣто прошло, наступила осень; они разъѣхались. Алексѣй, какъ человѣкъ разсудительный, скоро убѣдился въ томъ, что онъ вовсе не влюбленъ, и разстался съ своей красавицей

весьма благополучно; братъ его еще годика два переписывался съ Марьей Александровной.... но и онъ догадался наконецъ, что безсовѣстнымъ образомъ обманываетъ и ее, и себя и тоже умолкъ.

Я бы могъ вамъ разсказать кое-что о Марьѣ Александровнѣ, любезный читатель, но вы ее узнаете сами изъ ея писемъ. Алексѣй написалъ свое первое письмо къ ней вскорѣ послѣ ея окончательной размолвки съ его братомъ. Онъ находился тогда въ Петербургѣ, внезапно уѣхалъ за границу, занемогъ и въ Дрезденѣ умеръ. Я рѣшился напечатать его переписку съ Марьей Александровной, и надѣюсь на нѣкоторое снисхожденіе со стороны читателей уже потому, что эти письма не любовныя—сохрани Богъ! Любовныя письма читаются обыкновенно только двумя особами (за то тысячу разъ сряду), но ужъ третьей особѣ они несносны, если не смѣшны.

I.

Отъ Алексѣя Петровича къ Марьѣ Александровнѣ.

Санктпетербургъ, 1840 г. марта 7-го.

Любезная Марья Александровна!

Кажется, я еще ни разу не писалъ къ вамъ, и вотъ, пишу теперь.... Не правда ли, странное я выбралъ время? Вотъ что̀ меня къ этому побудило: Mon cousin Théodore сегодня былъ у меня и, какъ бы это сказать.... и сообщилъ мнѣ подъ величайшей тайной (онъ иначе ничего не сообщаетъ), что онъ влюбленъ въ дочь какого-то здѣшняго барина и на этотъ разъ непремѣнно намѣренъ жениться, и что ужъ онъ сдѣлалъ первый шагъ—объяснился! Я, разумѣется, поспѣшилъ поздравить его съ такимъ пріятнымъ для него событіемъ; онъ давно нуждался въ объясненіи.... но внутренно, признаюсь, я нѣсколько изумился. Хотя я зналъ, что между вами все было кончено, однако мнѣ ка-

залось.... Словомъ, я изумился. Я собирался-было выѣхать сегодня въ гости, но остался дома и намѣренъ поболтать немного съ вами. Если вамъ не угодно меня слушать, бросьте письмо тотчасъ же въ огонь. Объявляю вамъ, что я хочу быть откровеннымъ, хотя и чувствую, что вы имѣете полное право принять меня за довольно навязчиваго человѣка. Замѣтьте, однако, что я бы не взялъ пера въ руки, если бъ не зналъ, что вашей сестрицы нѣтъ съ вами: она, какъ мнѣ сказалъ Théodore, будетъ все лѣто гостить у вашей тетки, г-жи Б.... Дай ей Богъ всего хорошаго!

Итакъ, вотъ чѣмъ все разыгралось.... Но я не стану предлагать вамъ мою дружбу и т. д.; я вообще чуждаюсь торжественныхъ рѣчей и „задушевныхъ“ изліяній. Начавъ писать это письмо, я просто слѣдовалъ какому-то мгновенному влеченію; если во мнѣ таится другое чувство, пусть оно и останется пока подъ спудомъ.

Васъ я также утѣшать не стану. Утѣшая другихъ, люди, большею частью, желаютъ поскорѣй отдѣлаться отъ непріятнаго чувства невольнаго, себялюбиваго сожалѣнья.... Я понимаю искреннее, теплое участіе.... но подобное участіе не отъ всякаго принимаешь.... Пожалуйста, разсердитесь на меня.... Разсердившись, вы, вѣроятно, прочтете мое посланіе до конца.

Но какое право имѣю я писать къ вамъ, говорить о моей дружбѣ, о моихъ чувствахъ, объ утѣшеніи?—никакого, рѣшительно никакого, я въ этомъ долженъ сознаться, и надѣюсь только на вашу доброту.

Знаете ли вы, на что̀ похоже вступленіе моего письма? Вотъ на что: какой-нибудь господинъ N. N. вошелъ въ гостиную дамы, которая его совсѣмъ не ожидала, которая, можетъ-быть, ожидала другого.... Онъ догадывается, что пришелъ не во-время, но дѣлать нечего.... Садится, начинаетъ говорить.... Богъ знаетъ о чемъ: о поэзіи, о красотахъ природы, о выгодахъ хорошаго воспитанія....

словомъ, несетъ ужаснѣйшую дичь.... Но, между тѣмъ, первыя пять минутъ прошли, онъ усѣлся; дама покорилась судьбѣ, и вотъ г. N. N. оправляется, отдыхаетъ и начинаетъ разговаривать—какъ умѣетъ.

Однако, несмотря на всѣ эти разглагольствованія, мнѣ все-таки не совсѣмъ ловко. Я такъ и вижу передъ собою ваше недоумѣвающее, нѣсколько даже гнѣвное лицо: я чувствую, что вамъ почти невозможно не предположить во мнѣ какихъ-нибудь скрытныхъ намѣреній, и потому я, какъ римлянинъ, сдѣлавшій глупость, величественно закутываюсь въ свою тогу и безмолвно ожидаю вашего окончательнаго приговора....

А именно: позволите ли вы мнѣ продолжать писать къ вамъ?

Остаюсь искренно и душевно преданный вамъ—

Алексѣй С....

II.

Отъ Марьи Александровны къ Алексѣю Петровичу.

Село ....но, марта 22-го 1840.

Милостивый государь,

Алексѣй Петровичъ!

Я получила ваше письмо и, право, не знаю, что вамъ сказать. Я бы даже вовсе не отвѣчала вамъ, если бъ мнѣ не показалось, что подъ вашими шутками дѣйствительно скрывается чувство довольно дружелюбное. Ваше письмо произвело на меня впечатлѣніе непріятное. Въ отвѣтъ на ваши „разглагольствованія“, какъ вы говорите, позвольте мнѣ тоже предложить вамъ одинъ вопросъ: *къ чему?* Что вамъ до меня, что̀ мнѣ до васъ? Я не предполагаю въ васъ никакихъ дурныхъ намѣреній.... напротивъ, я благодарна вамъ за ваше участіе.... но мы другъ другу чужды, и я,

теперь по крайней мѣрѣ, не чувствую ни малѣйшаго желанія сблизиться съ кѣмъ бы то ни было.

Съ истиннымъ уваженіемъ остаюсь и т. д.

Марья Б....

III.

Отъ Алексѣя Петровича къ Марьѣ Александровнѣ.

Санктпетербургъ, марта 30.

Благодарю васъ, Марья Александровна, благодарю васъ за вашу записку, какъ она ни суха. Все это время я находился въ большомъ волненіи; я двадцать разъ на день думалъ о васъ и о моемъ письмѣ. Вы не можете себѣ представить, какъ язвительно я насмѣхался надъ самимъ собою; но теперь я въ отличномъ расположеніи духа и глажу себя по головкѣ. Марья Александровна, я вступаю въ переписку съ вами! Признайтесь, вы этого никакъ не могли ожидать послѣ вашего отвѣта; я самъ удивляюсь моей смѣлости.... была не была! Но успокойтесь: я хочу говорить съ вами не о васъ, а о себѣ. Вотъ видите ли: мнѣ непремѣнно нужно, говоря стариннымъ слогомъ, высказаться передъ кѣмъ-нибудь. Я не имѣю никакого права избрать васъ въ свои повѣренные—согласенъ; но послушайте: я не требую отъ васъ отвѣта на мои посланія; я даже не хочу знать, станете ли вы читать мои „разглагольствованія“, но не возвращайте мнѣ моихъ писемъ, ради всего святого!

Послушайте, я совершенно одинокъ на землѣ. Въ молодости я велъ жизнь уединенную, хотя, помнится, никогда не прикидывался Байрономъ; но, во-первыхъ, обстоятельства, во-вторыхъ, способность фантазировать и любовь къ фантазіи, довольно холодная кровь, гордость, лѣнь—словомъ, множество разныхъ причинъ отдалило меня отъ общества людей. Переходъ отъ жизни мечтательной къ дѣйствительной совершился во мнѣ поздно.... можетъ-быть,

слишкомъ поздно, можетъ-быть, до сихъ-поръ не вполнѣ. Пока меня тѣшили собственныя мои мысли и чувства, пока я былъ способенъ предаваться безпричиннымъ, молчаливымъ восторгамъ, и т. д., я не жаловался на свое одиночество. У меня не было товарищей—были такъ-называемые друзья. Иногда я нуждался въ ихъ присутствіи, какъ электрическая машина нуждается въ разрядникѣ—и только. Любовь.... объ этомъ предметѣ мы пока помолчимъ. Но теперь, признаюсь, теперь одиночество тяготитъ меня, а между тѣмъ, я не вижу никакого выхода изъ моего положенія. Я не виню судьбы; я одинъ виноватъ, и подѣломъ наказанъ. Въ молодости меня занимало одно: мое милое *я;* я принималъ свое добродушное самолюбіе за стыдливость; я чуждался общества—и вотъ, теперь я самъ себѣ надоѣлъ страшно. Куда дѣться? Я никого не люблю; всѣ мои сближенія съ другими людьми какъ-то натянуты и ложны; да и воспоминаній у меня нѣтъ, потому что во всей моей прошедшей жизни я ничего не нахожу, кромѣ собственной моей особы. Спасите меня: вамъ я не клялся восторженно въ любви; васъ я не оглушалъ потокомъ болтливыхъ рѣчей; я довольно холодно прошелъ мимо васъ, и оттого именно рѣшаюсь теперь прибѣгнуть къ вамъ. (Я и прежде объ этомъ подумывалъ, да вы тогда не были свободны....). Среди всѣхъ моихъ самодѣльныхъ ощущеній, радостей и страданій, единственно истиннымъ чувствомъ было то небольшое, но невольное влеченіе къ вамъ, которое завяло тогда, какъ одинокій колосъ среди негодныхъ травъ.... Дайте мнѣ хоть разъ посмотрѣть въ лицо другое, въ другую душу,—мое собственное лицо мнѣ опротивѣло; я похожъ на человѣка, который былъ бы осужденъ весь свой вѣкъ жить въ комнатѣ съ зеркальными стѣнами.... Я не требую отъ васъ никакихъ признаній—о, Боже, нѣтъ! Подарите меня безмолвнымъ участіемъ сестры, или хоть простымъ любопытствомъ читателя—я васъ займу, право, займу.

А впрочемъ, честь имѣю пребыть вашимъ искреннимъ другомъ.

А. С.

IV.

Отъ Алексѣя Петровича къ Марьѣ Александровнѣ.

Петербургъ, 7-го апрѣля.

Пишу опять къ вамъ, хотя и предвижу, что безъ вашего одобренія скоро замолчу. Я долженъ сознаться, что вы не можете не чувствовать нѣкоторой недовѣрчивости ко мнѣ. Что жъ? вы, можетъ-быть, и правы. Прежде я торжественно объявилъ бы вамъ (и самъ, пожалуй, себѣ бы на слово повѣрилъ), что, со времени нашей разлуки, я „развился“, ушелъ впередъ; съ снисходительнымъ, почти ласковымъ презрѣніемъ отозвался бы я о своемъ прошедшемъ, съ трогательной хвастливостью посвятилъ бы васъ въ тайны своей настоящей, дѣйствительной жизни.... но теперь, увѣряю васъ, Марья Александровна, мнѣ даже совѣстно и гадко вспоминать о томъ, какъ нѣкогда разыгрывалось и тѣшилось мое дрянное самолюбіе. Не бойтесь: я не стану вамъ навязывать никакихъ великихъ истинъ, никакихъ глубокихъ взглядовъ; у меня нѣтъ ихъ—этихъ истинъ и взглядовъ. Я сталъ добрымъ малымъ — право. Мнѣ скучно, Марья Александровна, мнѣ просто мочи нѣтъ какъ скучно. Вотъ отчего я къ вамъ пишу.... Мнѣ, право, кажется, что мы можемъ сойтись....

Однако, я рѣшительно не въ состояніи говорить съ вами, пока вы не протянете вашей руки, пока я не получу отъ васъ записки съ однимъ словомъ „да“.— Марья Александровна, хотите ли вы меня выслушать?— вотъ въ чемъ вопросъ.

Преданный вамъ А. С.

V.

Отъ Марьи Александровны къ Алексѣю Петровичу.

Село ....но, 14 апрѣля.

Какой вы странный человѣкъ! Ну—да.

Марья Б.

VI.

Отъ Алексѣя Петровича къ Марьѣ Александровнѣ.

Петербургъ, 2 мая, 1840.

Ура! Спасибо, Марья Александровна, спасибо! Вы очень доброе и снисходительное созданіе.

Начинаю, по обѣщанію, говорить о самомъ себѣ, и буду говорить съ удовольствіемъ, доходящимъ до аппетита.... Именно такъ. Обо всемъ на свѣтѣ можно говорить съ жаромъ, съ восторгомъ, съ увлеченіемъ, но съ аппетитомъ говоришь только о самомъ себѣ.

Послушайте, со мной на-дняхъ случилось престранное происшествіе: я въ первый разъ оглянулся на свое прошедшее. Вы поймите меня: каждый изъ насъ часто вспоминаетъ о бываломъ — съ сожалѣніемъ или съ досадой, или просто такъ, отъ нечего дѣлать; но бросить холодный, ясный взглядъ на всю свою прошедшую жизнь—вотъ, какъ прохожій, оборачиваясь, глядитъ съ высокой горы на пройденное имъ поле—можно только въ извѣстныя лѣта.... и тайный холодъ охватитъ сердце человѣка, когда это съ нимъ случается въ первый разъ. По крайней мѣрѣ, у меня оно болѣзненно сжалось. Пока мы молоды—*такого* рода оглядки невозможны. Но молодость моя миновала—и, какъ тому прохожему на горѣ, мнѣ все ясно стало видно....

Да, прошла моя молодость, прошла невозвратно!... Вотъ она лежитъ передо мной, вся, какъ на ладони....

Невеселое зрѣлище! Признаюсь вамъ, Марья Александровна, мнѣ очень жаль самого себя. Боже мой! Боже мой! Возможно ли, чтобъ я самъ до такой степени испортилъ собственную жизнь, такъ безжалостно путалъ и мучилъ себя.... Теперь я образумился, но ужъ поздно. Случалось ли вамъ спасти муху отъ паука? Случалось? Помните, вы посадили ее на солнцѣ; крылья, ножки у ней слѣплены, склеены.... Какъ она неловко движется, какъ неловко старается обчиститься!... Послѣ долгихъ усилій, она коекакъ оправляется, ползетъ, пытается расправить крылья.... но не гулять ужъ ей попрежнему, не жужжать беззаботно на солнцѣ, то влетая черезъ раскрытое окно въ прохладную комнату, то опять свободно выносясь на горячій воздухъ.... Она, по крайней мѣрѣ, не по своей волѣ попала въ грозныя сѣти.... а я!

Я былъ собственнымъ своимъ паукомъ!

И, между тѣмъ, я не могу слишкомъ винить себя. Да и кто, скажите на милость, кто бываетъ когда-нибудь въ чемъ-нибудь виноватъ—одинъ? Или, лучше сказать, всѣ мы виноваты, да винить-то насъ все-таки нельзя. Обстоятельства насъ опредѣляютъ; они наталкиваютъ насъ на ту или другую дорогу и потомъ они же насъ казнятъ. У каждаго человѣка есть своя судьба.... Постойте, постойте! Мнѣ на этотъ счетъ приходитъ въ голову хитро сплетенное, но справедливое сравненіе. Какъ облака сперва слагаются изъ паровъ земли, возстаютъ изъ нѣдръ ея, потомъ отдѣляются, отчуждаются отъ нея и несутъ ей наконецъ благодать или гибель, такъ около каждаго изъ насъ и изъ насъ же самихъ образуется.... какъ бы это сказать? образуется родъ стихіи, которая потомъ разрушительно или спасительно дѣйствуетъ на насъ же. Эту-то стихію я называю судьбой.... Другими словами и говоря просто: каждый дѣлаетъ свою судьбу, и каждаго она дѣлаетъ....

Каждый дѣлаетъ свою судьбу—да!... но нашъ братъ слишкомъ много ее дѣлаетъ—вотъ въ чемъ наша бѣда! Слишкомъ рано пробуждается въ насъ сознательность; слишкомъ рано начинаемъ мы наблюдать за самими собою.... У насъ, русскихъ, нѣтъ другой жизненной задачи, какъ опять-таки разработка нашей личности, и вотъ, мы, едва возмужалыя дѣти, уже принимаемся разрабатывать ее, эту нашу несчастную личность! Не получивъ извнѣ никакого опредѣленнаго направленія, ничего дѣйствительно не уважая, ничему крѣпко не вѣря, мы вольны дѣлать изъ себя, что̀ хотимъ.... нельзя же требовать отъ каждаго, чтобъ онъ тотчасъ понялъ безплодность ума, „кипящаго въ дѣйствіи пустомъ....“ и вотъ, опять на свѣтѣ однимъ уродомъ больше, больше однимъ изъ тѣхъ ничтожныхъ существъ, въ которыхъ привычки себялюбія искажаютъ самое стремленіе къ истинѣ, смѣшное простодушіе живетъ рядомъ съ жалкимъ лукавствомъ.... однимъ изъ тѣхъ существъ, обезсиленной, безпокойной мысли которыхъ незнакомо вовѣкъ ни удовлетвореніе естественной дѣятельности, ни искреннее страданіе, ни искреннее торжество убѣжденія.... Совмѣщая въ себѣ недостатки всѣхъ возрастовъ, мы лишаемъ каждый недостатокъ его хорошей, выкупающей стороны.... Мы глупы какъ дѣти, но мы не искренни какъ они; мы холодны какъ старики, но старческаго благоразумія нѣтъ въ насъ.... За то мы психологи. О, да, мы большіе психологи! Но наша психологія сбивается на патологію; наша психологія—это хитростное изученіе законовъ больного состоянія и больного развитія, до которыхъ здоровымъ людямъ нѣтъ никакого дѣла.... А главное, мы не молоды, въ самой молодости не молоды!

И между тѣмъ—зачѣмъ клеветать на себя? Будто ужъ и мы никогда не были молоды, будто въ насъ никогда не играли, не кипѣли, не дрожали силы жизни? И мы бывали

въ Аркадіи, и мы скитались по свѣтлымъ ея полямъ!... Случалось ли вамъ, гуляя по кустарнику, натыкаться на тѣхъ темныхъ кузнечиковъ, которые, прыгнувъ изъ-подъ самыхъ ногъ, съ трескомъ раскрываютъ вдругъ ярко-красныя крылья, перелетятъ нѣсколько шаговъ и тутъ же падаютъ опять въ траву? Точно такъ же и наша темная молодость иногда распускала на нѣсколько мгновеній и не на долгій полетъ свои пестрыя крылышки.... Помните ли вы наши безмолвныя вечернія прогулки вчетверомъ вдоль ограды вашего сада, послѣ какого-нибудь долгаго, теплаго, живого разговора? Помните ли вы тѣ благодатныя мгновенія? Природа ласково и величаво принимала насъ въ свое лоно. Мы входили, замирая, въ какія-то блаженныя волны. Кругомъ вечерняя заря разгоралась внезапнымъ и нѣжнымъ багрянцемъ; отъ заалѣвшагося неба, отъ просвѣтленной земли, отовсюду, казалось, вѣяло огнистымъ и свѣжимъ дыханьемъ молодости, радостнымъ торжествомъ какого-то безсмертнаго счастья; заря пылала; подобно ей, тихо и страстно пылали восторженныя наши сердца, и мелкіе листья молодыхъ деревьевъ чутко и смутно дрожали надъ нами, какъ будто отвѣчая внутреннему трепету неясныхъ чувствъ и ожиданій въ насъ. Помните вы эту чистоту, эту доброту и довѣрчивость помысловъ, это умиленіе благородныхъ надеждъ, это молчаніе полноты? Неужели мы и тогда не стоили чего-нибудь лучшаго, чѣмъ то, къ чему насъ довела жизнь? Отчего намъ было суждено только изрѣдка завидѣть желанный берегъ и никогда не стать на него твердой ногой, не коснуться его—

Не плакать сладостно, какъ первый іудей
На рубежѣ страны обѣтованной?

Эти два стиха Фета напомнили мнѣ другіе, его же.... Помните, какъ мы однажды, стоя на дорогѣ, увидѣли вдали облачко розовой пыли, поднятой легкимъ вѣтромъ

противъ заходящаго солнца? „Облакомъ волнистымъ“, начали вы, и мы всѣ тотчасъ притихли и стали слушать:

Облакомъ волнистымъ
Пыль встаетъ въ дали....
Конный или пѣшій—
Не видать въ пыли.
Вижу, кто-то скачетъ
На лихомъ конѣ....
Другъ мой, другъ далекій—
Вспомни обо мнѣ!

Вы замолкли.... Мы такъ и вздрогнули всѣ, какъ будто дуновеніе любви промчалось по нашимъ сердцамъ, и каждаго изъ насъ—я въ томъ увѣренъ—неотразимо потянуло въ даль, въ ту неизвѣстную даль, гдѣ призракъ блаженства встаетъ и манитъ среди тумана. И, между тѣмъ, замѣтьте странность: зачѣмъ, казалось, намъ было стремиться въ даль? Развѣ мы не были влюблены другъ въ друга? Развѣ счастіе не было „такъ близко, такъ возможно?“ А я еще сейчасъ васъ спрашивалъ: отчего мы не коснулись желаннаго берега? Оттого, что ложь ходила рука-объ-руку съ нами; оттого, что она отравляла лучшія наши чувства; оттого, что все въ насъ было искусственно и натянуто, что мы вовсе не любили другъ друга, а только силились любить, воображали, что любимъ....

Но полно, полно! Къ чему растравлять свои раны? Притомъ же, все это прошло невозвратно. Что̀ было хорошаго въ нашемъ прошедшемъ—меня растрогало, и на этомъ хорошемъ я пока прощаюсь съ вами. Пора же и кончить это длинное письмо. Пойду подышать здѣшнимъ майскимъ воздухомъ, въ которомъ сквозь зимнюю сухую крѣпость весна пробивается какой-то влажной и острой теплотой. Прощайте.

Вашъ А. С.

VII.

Отъ Марьи Александровны къ Алексѣю Петровичу.

Село ....но, 20-го мая 1840.

Я получила ваше письмо, Алексѣй Петровичъ, и знаете ли, какое чувство оно во мнѣ возбудило?—негодованіе.... да, негодованіе.... и я вамъ сейчасъ объясню, почему именно это чувство оно во мнѣ возбудило. Одна бѣда: я не владѣю перомъ, рѣдко писала, не умѣю точно и въ немногихъ словахъ выражать свои мысли; но вы, я надѣюсь, придете мнѣ на помощь. Вы сами постараетесь понять меня: хотя бы для того, чтобъ узнать, почему я на васъ негодую.

Скажите мнѣ — вы умный человѣкъ—спросили ли вы себя когда-нибудь, что̀ такое русская женщина? какая ея судьба, ея положеніе въ свѣтѣ—словомъ, что̀ такое ея жизнь? Я не знаю, имѣли ли вы время задать себѣ этотъ вопросъ, не могу себѣ представить, какъ бы вы на него отвѣтили.... Я, можетъ-быть, въ разговорѣ была бы въ состоянія сообщить вамъ мои мысли на этотъ счетъ, но на бумагѣ едва ли сумѣю. Впрочемъ, все равно. Вотъ въ чемъ дѣло: вы со мной навѣрно согласитесь, что мы, женщины, по крайней мѣрѣ тѣ изъ насъ, которыя не удовлетворяются обыкновенными заботами домашней жизни, получаемъ свое окончательное образованіе все-таки отъ васъ—мужчинъ: вы на насъ имѣете сильное и большое вліяніе. Теперь посмотрите, что̀ вы дѣлаете съ нами. Станемъ говорить о молодыхъ дѣвушкахъ, особенно о тѣхъ, которыя, какъ я, живутъ въ глуши, а такихъ очень много въ Россіи. Притомъ же, я другихъ не знаю и не могу судить о нихъ. Представьте себѣ такую дѣвушку. Вотъ, ея воспитаніе кончено; она начинаетъ жить, веселиться, но одного веселья ей мало. Она многаго требуетъ отъ жизни, она читаетъ, мечтаетъ.... о любви.—Все объ

одной любви! скажете вы.... Положимъ: но для нея это слово много значитъ. Я опять-таки скажу, что говорю не о такой дѣвушкѣ, которой тягостно и скучно мыслить.... Она оглядывается, ждетъ, когда же придетъ тотъ, о комъ ея душа тоскуетъ.... Наконецъ онъ является: она увлечена; она въ рукахъ его какъ мягкій воскъ. Все — и счастье, и любовь, и мысль—все вмѣстѣ съ нимъ нахлынуло разомъ; всѣ ея тревоги успокоены, всѣ сомнѣнія разрѣшены имъ; устами его, кажется, говоритъ сама истина; она благоговѣетъ передъ нимъ, стыдится своего счастья, учится, любитъ. Велика его власть въ это время надъ нею!... Если бъ онъ былъ героемъ, онъ бы воспламенилъ ее, онъ бы научилъ ее жертвовать собою, и легки были бы ей всѣ жертвы! Но героевъ въ наше время нѣтъ.... Все же онъ направляетъ ее, куда ему угодно; она предается тому, что̀ его занимаетъ, каждое слово его западаетъ ей въ душу: она еще не знаетъ тогда, какъ ничтожно, и пусто, и ложно можетъ быть слово, какъ мало сто̀итъ оно тому, кто его произноситъ, и какъ мало заслуживаетъ вѣры! За этими первыми мгновеніями блаженства и надеждъ обыкновенно слѣдуетъ — по обстоятельствамъ—(обстоятельства всегда виновны)—слѣдуетъ разлука. Говорятъ, бывали примѣры, что двѣ родныя души, узнавъ другъ друга, тотчасъ соединялись неразрывно; слышала я также, что отъ этого имъ не всегда становилось легко.... Но чего я не видала сама, о томъ не говорю—а что разсчетъ самый мелкій, осторожность самая жалкая могутъ жить въ молодомъ сердцѣ рядомъ съ самой страстной восторженностью—это я, къ сожалѣнію, испытала на опытѣ. Итакъ, наступаетъ разлука.... Счастлива та дѣвушка, которая узнаетъ тотчасъ, что всему конецъ, которая не тѣшитъ себя ожиданіемъ! Но вы, храбрые, справедливые мужчины, большею частью не имѣете ни духа, ни даже желанія сказать намъ истину....

вамъ спокойнѣе обмануть насъ.... Впрочемъ, я готова вѣрить, что вы сами себя обманываете вмѣстѣ съ нами.... Разлука! Разлуку переносить и трудно, и легко. Была бы цѣла и неприкосновенна вѣра въ того, кого любишь — тоску разлуки побѣдитъ душа.... Скажу болѣе: только тогда, оставшись одною, узнаетъ она сладость уединенія, не безплоднаго, но исполненнаго воспоминаній и думъ; только тогда она себя узнаетъ, придетъ въ себя, окрѣпнетъ.... въ письмахъ далекаго друга найдетъ она себѣ опору; въ своихъ она, можетъ-быть, въ первый разъ выскажется вполнѣ.... Но какъ два человѣка, отправившіеся отъ источника рѣки по разнымъ ея берегамъ, сперва могутъ подать другъ другу руку, потомъ только сообщаются голосомъ, наконецъ уже теряютъ другъ друга изъ виду: такъ и два существа разъединяются наконецъ разлукой. Такъ что жъ? скажете вы: видно, имъ не было суждено идти вмѣстѣ.... Но тутъ-то и является различіе между мужчиной и женщиной. Мужчинѣ ничего не значитъ начать новую жизнь, стряхнуть съ себя долой все прошедшее; женщина этого не можетъ. Нѣтъ, не можетъ она сбросить свое прошедшее, не можетъ оторваться отъ своего корня—нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ! И вотъ, наступаетъ жалкое и смѣшное зрѣлище.... Постепенно теряя надежду и вѣру въ себя—а какъ это тяжело, вы и представить не можете!—она гаснетъ и вянетъ одна, упорно придерживаясь своихъ воспоминаній и отворачиваясь отъ всего, что̀ окружающая жизнь ей представляетъ.... А онъ?... Ищите его! гдѣ онъ? И сто̀итъ ли ему останавливаться? когда ему оглядывается? Вѣдь это все для него дѣло прошлое. А то вотъ еще что бываетъ: бываетъ, что онъ вдругъ пожелаетъ встрѣтиться съ прежнимъ своимъ предметомъ, даже нарочно съѣздитъ къ нему.... Но, Боже мой! изъ какого мелкаго тщеславія онъ это дѣлаетъ! Въ его учтивомъ состраданіи, въ его будто дружескихъ совѣ-

тахъ, въ его снисходительномъ объясненіи прошедшаго слышится такое сознаніе своего превосходства! Такъ ему пріятно и весело давать самому себѣ чувствовать каждую минуту—какой онъ умница и какъ онъ добръ! И какъ мало понимаетъ онъ, что онъ сдѣлаетъ! Какъ онъ умѣетъ даже не догадываться о томъ, что происходитъ въ сердцѣ женщины, и какъ онъ обидно сожалѣетъ о ней, если и догадывается!...

Скажите, пожалуйста, откуда взять ей силу переносить все это? Вспомните еще вотъ что: большею частью дѣвушка, у которой, на ея бѣду, мысль зашевелилась въ головѣ, эта дѣвушка, начавъ любить, подпавъ подъ вліяніе мужчины, невольно отдѣляется отъ своей семьи, отъ знакомыхъ. Она и прежде не удовлетворялась ихъ жизнью, однако шла рядомъ съ ними, сохраняя въ душѣ всѣ свои завѣтныя тайны.... Но разрывъ скоро дѣлается видимымъ.... Они перестаютъ ее понимать, готовы заподозрить каждое ея движеніе.... Сперва ей до этого дѣла нѣтъ, но потомъ, потомъ.... когда она остается одна, когда то, къ чему она стремилась и для чего она пожертвовала всѣмъ, когда ей небо не далось, а все близкое, все возможное удалилось—что ее поддержитъ? Насмѣшки, намеки, пошлое торжество грубаго здраваго разсудка она еще какъ-нибудь перенесетъ.... но что ей дѣлать, къ чему прибѣгнуть, когда внутренній голосъ начнетъ шептать ей самой, что тѣ всѣ были правы, а она ошибалась; что жизнь, какая бы она ни была, лучше мечтаній, какъ здоровье лучше болѣзни.... когда любимыя занятія, любимыя книги ей опротивятъ, книги, изъ которыхъ не вычитаешь себѣ счастья—что, скажите, что ее поддержитъ? Какъ не изнемочь въ такой борьбѣ? какъ жить и продолжать жить въ такой пустынѣ? Сознавать себя побѣжденной и нищенски протягивать руку къ людямъ равнодушнымъ: не подарятъ ли хоть они тѣмъ участіемъ, безъ котораго гордое сердце

когда-то воображало, что можетъ обойтись—это все еще ничего! но чувствовать себя смѣшною въ то самое мгновеніе, когда проливаешь горькія, горькія слезы.... ахъ! не дай Богъ испытать это....

Руки мои дрожатъ, и я вся въ лихорадкѣ.... Лицо горитъ. Пора перестать.... Поскорѣй отправлю это письмо, пока мнѣ не стало стыдно своей слабости. Но ради Бога, въ вашемъ отвѣтѣ ни слова—слышите, ни слова сожалѣнья, а то я никогда къ вамъ писать не буду. Поймите меня: я бы не хотѣла, чтобъ вы приняли это письмо за изліяніе непонятой души, которая жалуется.... Ахъ! мнѣ все равно! Прощайте.

М.

VIII.

Отъ Алексѣя Петровича къ Марьѣ Александровнѣ.

Санктпетербургъ, 28-го мая 1840.

Марья Александровна, вы прекрасное существо.... вы.... ваше письмо открыло мнѣ наконецъ истину! Господи, Боже мой! что за мученіе! Человѣкъ то и дѣло думаетъ, что вотъ теперь-то ужъ онъ добился простоты, не рисуется болѣе, не ломается, не лжетъ.... а какъ всмотришься въ него пристальнѣе—чуть ли не хуже онъ прежняго сталъ. И вотъ что еще должно замѣтить: человѣкъ самъ, одинъ то-есть, никогда не дойдетъ до этого сознанья, какъ онъ ни хлопочи; глазъ его не видитъ собственныхъ недостатковъ, какъ притупѣвшій глазъ наборщика не видитъ опечатокъ: тутъ нуженъ другой, свѣжій глазъ. Спасибо вамъ, Марья Александровна.... Вы видите, я говорю вамъ о себѣ; о васъ я говорить не смѣю.... Ахъ, какъ смѣшно мнѣ кажется теперь мое послѣднее письмо, столь краснорѣчивое и чувствительное! Продолжайте, прошу васъ убѣдительно, вашу исповѣдь; мнѣ сдается, что и вамъ отъ этого будетъ легче, и мнѣ оно принесетъ пользу.

Пословица не даромъ гласитъ: „женскій умъ лучше многихъ думъ“, а женское сердце и подавно—ей-Богу! Если бъ женщины знали, насколько онѣ добрѣе, великодушнѣе и умнѣе мужчинъ—именно умнѣе—онѣ бы возгордились и испортились бы; но онѣ, къ счастью, этого не знаютъ, не знаютъ потому, что ихъ мысль не привыкла безпрестанно возвращаться къ самой себѣ, какъ у нашего брата. Онѣ о себѣ мало думаютъ — это и слабость ихъ, и сила; въ этомъ заключается вся тайна—не скажу нашего превосходства, а нашего могущества. Онѣ расточаютъ свою душу, какъ щедрый наслѣдникъ отцовское золото, а мы съ каждаго вздора беремъ проценты.... Гдѣ жъ имъ тягаться съ нами?... Это все не комплименты, а простая, опытомъ доказанная истина. Вторично прошу васъ, Марья Александровна, продолжать писать ко мнѣ.... Если бъ вы знали все, что̀ мнѣ приходитъ въ голову!... Но мнѣ теперь не хочется говорить, мнѣ хочется васъ слушать.... Моя рѣчь будетъ впереди. Пишите, пишите.

Преданный вамъ А. С.

IX.

Отъ Марьи Александровны къ Алексѣю Петровичу.

Село ....но, 12-го іюня 1840.

Я не успѣла отправить къ вамъ мое послѣднее письмо, Алексѣй Петровичъ, какъ уже раскаялась; но дѣлать было нечего. Одно меня нѣсколько успокоиваетъ: я увѣрена, что вы поняли, подъ вліяніемъ какихъ давно подавленныхъ чувствъ оно было написано, и извинили меня. Я даже не перечла тогда, что̀ я вамъ такое написала; помню, сердце мое стучало такъ сильно, что перо дрожало въ рукѣ. Впрочемъ, хотя я, вѣроятно, иначе бы выразилась, если бъ дала себѣ время подумать, я все-таки не намѣрена отказаться ни отъ словъ своихъ, ни отъ

чувствъ, которыя передала вамъ, какъ умѣла. Сегодня я гораздо хладнокровнѣе и гораздо болѣе владѣю собою....

Помнится, я въ концѣ письма говорила о тяжеломъ положеніи дѣвушки, которая сознаетъ себя одинокою даже между своими.... Я не стану больше распространяться объ этомъ, а лучше сообщу вамъ кой-какія подробности; мнѣ кажется, этакъ я вамъ меньше надоѣмъ.

Во-первыхъ, знайте, что меня во всемъ околоткѣ иначе не называютъ, какъ философкой; особенно дамы меня величаютъ этимъ именемъ. Иныя утверждаютъ, что я сплю съ латинской книгой въ рукахъ и въ очкахъ; другія—что я умѣю извлекать какіе-то кубическіе корни: ни одна изъ нихъ не сомнѣвается въ томъ, что я исподтишка ношу мужскую одежду и вмѣсто „здравствуйте“, отрывисто говорю „Жоржъ-Зандъ!“—и негодованіе на философку возрастаетъ. У насъ есть сосѣдъ, человѣкъ лѣтъ сорокапяти, большой острякъ.... по крайней мѣрѣ, онъ слыветъ большимъ острякомъ.... для него моя бѣдная особа—неистощимый предметъ насмѣшекъ. Онъ разсказывалъ обо мнѣ, что какъ-только луна взойдетъ на небо, такъ ужъ я и не могу глазъ отъ нея отвести, и самъ представляетъ, какъ я гляжу; что я даже кофе пью не со сливками, а съ луной, то-есть подставляю чашку подъ ея лучи. Онъ божится, что я употребляю фразы въ родѣ слѣдующей: „это легко, потому что трудно, хотя съ другой стороны, оно трудно, потому что легко....“ Онъ увѣряетъ, что я все ищу какого-то слова, все стремлюсь „туда“, и съ комическою яростью спрашиваетъ: „куда—туда? куда?“ Онъ также распространилъ обо мнѣ слухъ, будто я по ночамъ ѣзжу верхомъ взадъ и впередъ по рѣкѣ вбродъ и пою при этомъ серенаду Шуберта, или просто стонаю: „Бетховенъ, Бетховенъ!“ Такая она, дескать, пылкая старушка! и т. д. и т. д. Разумѣется, все это тотчасъ до меня доходитъ. Васъ это, можетъ-быть, удивляетъ; но не забудьте, что

со времени вашего пребыванія въ здѣшнихъ краяхъ прошло четыре года. Помните, какъ всѣ тогда на насъ косились.... Теперь пришла ихъ очередь. И это еще все ничего. Мнѣ приходится слышать слова, гораздо больнѣе проникающія въ сердце. Не говорю уже о томъ, что моя бѣдная, добрая матушка никакъ не можетъ мнѣ простить равнодушіе вашего брата; но вся жизнь моя по огню бѣжитъ, какъ выражается моя няня. „Конечно,—слышу я то и дѣло:—куда намъ за тобой! мы люди простые, руководствуемся однимъ здравымъ смысломъ; а впрочемъ, какъ подумаешь, всѣ эти умствованія, да книги, да знакомства съ учеными, къ чему тебя привели?“ Вы, можетъ-быть, помните мою сестру—не ту, къ которой вы нѣкогда были неравнодушны, а другую, старшую, которая замужемъ. Мужъ ея, вы помните, такой простой, довольно смѣшной человѣкъ; вы надъ нимъ тогда часто подтрунивали. А вѣдь она счастлива: мать семейства, любитъ мужа, мужъ въ ней души не чаетъ.... „Я какъ всѣ,—говоритъ она мнѣ иногда:—а ты?“ И она права: я ей завидую....

А между тѣмъ, я чувствую, все-таки я бы не желала помѣняться съ нею. Пусть зовутъ меня философкой, чудачкой, чѣмъ угодно—я останусь до конца вѣрна.... чему?—идеалу, что ли? Да, идеалу. Да, я останусь до конца вѣрна тому, отъ чего въ первый разъ забилось мое сердце—тому, что̀ я признала и признаю правдою, добромъ. Лишь бы силы мнѣ не измѣнили, лишь бы кумиръ мой не оказался бездушнымъ и нѣмымъ идоломъ....

Если вы точно чувствуете ко мнѣ дружбу, если вы точно меня не забыли, вы должны помочь мнѣ, вы должны разсѣять мои сомнѣнья, подкрѣпить мои вѣрованія....

А впрочемъ, какую помощь можете вы подать мнѣ? „Все это пустяки, турусы на колесахъ—говорилъ мнѣ вчера мой дядя—вы его, кажется, не знаете—отставной морякъ, очень не глупый человѣкъ:—мужъ, дѣти, горшокъ

щей; за мужемъ и дѣтьми ухаживать, а за горшкомъ наблюдать — вотъ что нужно женщинѣ....“ Скажите, вѣдь онъ правъ?

Если онъ, точно, правъ, я еще могу исправить прошедшее, я еще могу попасть въ общую колею. Чего мнѣ еще ждать? на что̀ надѣяться? Въ одномъ вашемъ письмѣ вы говорили о крыльяхъ молодости. Какъ часто, какъ долго они бываютъ связаны! А потомъ приходитъ время, когда они отпадаютъ; и подняться надъ землею, полетѣть къ небу уже нельзя. Пишите мнѣ.

Ваша М.

X.

Отъ Алексѣя Петровича къ Марьѣ Александровнѣ.

Санктпетербургъ, 16-го іюня 1840 года.

Спѣшу отвѣчать на ваше письмо, милая Марья Александровна. Признаюсь вамъ, что если бъ.... не скажу дѣла̀—ихъ у меня нѣтъ—если бъ не глупая привычка къ здѣшнему мѣсту, я бы уѣхалъ опять къ вамъ и наговорился бы досыта, а на бумагѣ все это выходитъ холодно и мертво....

Марья Александровна, повторяю вамъ: женщины лучше мужчинъ, и вы должны доказать это на дѣлѣ. Пускай нашъ братъ либо бросаетъ свои убѣжденія, какъ износившуюся одежду, либо мѣняетъ ихъ изъ-за куска хлѣба, либо, наконецъ, даетъ имъ заснуть безпробуднымъ сномъ, и ставитъ надъ ними, какъ надъ мертвецомъ, нѣкогда милымъ, надгробный камень, къ которому лишь изрѣдка ходитъ молиться—пускай нашъ братъ все это дѣлаетъ; но вы, женщины, не измѣняйте себѣ, не измѣняйте своему идеалу.... Это слово стало смѣшно.... Смѣшного бояться—правды не любить. Случается, точно, что нелѣпый хохотъ глупца заставляетъ даже хорошихъ людей отказываться отъ

многаго.... хоть бы, напримѣръ, отъ защиты отсутствующаго друга.... самъ я въ этомъ грѣшенъ. Но, повторяю, вы, женщины, лучше насъ.... Въ мелочахъ вы скорѣе насъ сдадитесь; но чорту въ глаза посмотрѣть вы умѣете лучше насъ. Не совѣтъ и не помощь я вамъ хочу подать — гдѣ мнѣ, да вамъ и не того нужно; но я вамъ протягиваю руку, я говорю вамъ: терпите, боритесь до конца, и знайте, что, какъ чувство, сознанье честно выдержанной борьбы едва ли не выше торжества побѣды.... Побѣда зависитъ не отъ насъ.

Конечно, вашъ дядя съ извѣстной точки зрѣнія правъ: семейная жизнь — все для женщины, для нея другой жизни нѣтъ.

Но что жъ это доказываетъ? Одни іезуиты утверждаютъ, что всякое средство хорошо, лишь бы достигнуть цѣли. Неправда! неправда! Съ ногами, осквернеными грязью дороги, недостойно войти въ чистый храмъ. Въ концѣ вашего письма есть фраза, которая мнѣ не нравится: вы хотите попасть въ общую колею: смотрите, не оступитесь! Притомъ—не забудьте: прошедшаго изгладить нельзя; и какъ ни старайтесь, какъ ни принуждайте себя, сестрою вашей вы не сдѣлаетесь. Вы стали выше ея; но душа ваша надломлена, ея—цѣла. Ниспуститься до нея, нагнуться къ ней вы можете, но природа правъ своихъ не уступитъ, и надломленное мѣсто не заростетъ....

Вы боитесь — будемте говорить безъ обиняковъ — вы боитесь остаться старой дѣвушкой. Вамъ, я знаю, ужъ двадцать-шесть лѣтъ. Дѣйствительно, положеніе старыхъ дѣвушекъ незавидно: всѣ такъ охотно смѣются надъ ними; всѣ съ такой невеликодушной радостью подмѣчаютъ ихъ странности и слабости; но если поглядѣть попристальнѣе на любого ужъ старѣющаго холостяка—и на него стоитъ уставиться пальцемъ: найдется и въ немъ надъ чѣмъ нахохотаться вдоволь. Что дѣлать? Съ бою счастья не возь-

мешь. Но не должно забывать, что не счастье, а достоинство человѣческое—главная цѣль въ жизни.

Вы описываете ваше положеніе съ большимъ юморомъ. Я хорошо понимаю всю горечь его; ваше положеніе можно, пожалуй, назвать трагическимъ. Но знайте, не вы однѣ въ немъ находитесь: почти нѣтъ современнаго человѣка, который бы не находился въ немъ. Вы скажете, что отъ этого вамъ не легче; а я такъ думаю, что страдать вмѣстѣ съ тысячами совсѣмъ другое дѣло, чѣмъ страдать одному. Тутъ не въ эгоизмѣ дѣло, а въ чувствѣ общей необходимости.

Все это прекрасно, положимъ, скажете вы.... но въ дѣйствительности непримѣнимо. Почему же непримѣнимо? Я до сихъ поръ думаю и, надѣюсь, никогда не перестану думать, что въ Божьемъ мірѣ все честное, доброе, истинное примѣнимо и рано или поздно исполнится; и не только исполнится, но ужъ теперь исполняется, держись только каждый крѣпко на своемъ мѣстѣ, не теряй терпѣнія, не желай невозможнаго, но дѣлай, насколько хватаетъ силъ. Впрочемъ, я, кажется, ужъ слишкомъ вдался въ отвлеченности. Отложу продолженіе моихъ разсужденій до другого письма; но не хочу положить пера, не пожавъ вамъ крѣпко, крѣпко руки и не пожелавъ вамъ отъ души всего хорошаго на землѣ.

Вашъ А. С.

P. S. Кстати, вы говорите, что вамъ нечего ждать, не на что надѣяться; почему вы это знаете, позвольте спросить?

XI.

Отъ Марьи Александровны къ Алексѣю Петровичу.

Село ....но, 30-го іюня 1840 года.

Какъ я благодарна вамъ за ваше письмо, Алексѣй Петровичъ! Какъ много пользы оно принесло мнѣ! Я вижу,

вы, точно, добрый и надежный человѣкъ, и потому не буду скрытничать передъ вами. Я вамъ вѣрю. Я знаю, вы не употребите во зло моей откровенности и подадите мнѣ дружескій совѣтъ. Вотъ въ чемъ дѣло.

Вы замѣтили въ концѣ моего письма фразу, которая вамъ не совсѣмъ понравилась. Вотъ къ чему она относилась. Здѣсь есть сосѣдъ.... при васъ его тутъ не было, и вы его не видали. Онъ.... Я бы могла выйти за него замужъ, если бъ захотѣла; онъ человѣкъ еще молодой, образованный, съ состояніемъ. Препятствій со стороны моихъ родныхъ нѣтъ; напротивъ, они—я это навѣрное знаю—желаютъ этого брака; онъ человѣкъ хорошій и, кажется, меня любитъ.... но онъ такъ вялъ и мелокъ, всѣ желанія его такъ ограничены, что я не могу не сознавать моего превосходства надъ нимъ; онъ это чувствуетъ, и какъ будто радуется этому, а именно это-то и отталкиваетъ меня отъ него; я его уважать не могу, хотя и сердце у него прекрасное. Что мнѣ дѣлать, скажите? Подумайте за меня и напишите мнѣ искренно ваше мнѣніе.

Но какъ я вамъ благодарна за ваше письмо!... Знаете ли, меня иногда посѣщали такія горькія мысли.... Знаете ли, я доходила до того, что почти стыдилась всякаго—не скажу ужъ восторженнаго, — всякаго довѣрчиваго чувства, съ досадой закрывала книгу, когда въ ней говорилось о надеждѣ и счастіи, отворачивалась отъ безоблачнаго неба, отъ свѣжей зелени деревьевъ, отъ всего, что улыбалось и радовалось. Какое это было тяжелое состояніе! Я говорю: было.... какъ будто оно прошло!

Не знаю, прошло ли оно: знаю, что если оно не возвратится, я вамъ этимъ буду обязана. Видите ли, Алексѣй Петровичъ, какъ много вы надѣлали добра, можетъ-быть, сами того не подозрѣвая! Кстати, знаете ли, что мнѣ очень васъ жаль? Теперь самый разгаръ лѣта, дни стоятъ чудные, небо синее, яркое.... Въ Италіи оно не можетъ

быть прекраснѣй, а вы сидите въ душномъ и пыльномъ городѣ, ходите по жгучей мостовой. Что вамъ за охота? Хотя бы на дачу вы куда-нибудь переселились. Говорятъ, за Петергофомъ, на берегу моря есть прелестныя мѣста.

Хотѣла бы еще писать къ вамъ, но невозможно: изъ сада повѣяло такимъ сладкимъ запахомъ, что нельзя оставаться въ комнатѣ. Надѣваю шляпу и иду гулять.... До другого раза, добрый Алексѣй Петровичъ.

Преданная вамъ М. Б.

P. S. Я забыла вамъ сказать.... вообразите вы себѣ, тотъ острякъ, о которомъ я вамъ писала на-дняхъ—представьте, объяснился мнѣ въ любви, и въ самыхъ пламенныхъ выраженіяхъ. Я сперва думала, что онъ смѣется надо мной, но онъ кончилъ формальнымъ предложеніемъ—каковъ, послѣ всѣхъ его клеветъ? Но онъ рѣшительно слишкомъ старъ. Вчера ночью я, ему въ пику, сѣла за фортепьяно передъ раскрытымъ окномъ, при свѣтѣ луны, и играла Бетховена. Мнѣ было такъ весело чувствовать ея холодный свѣтъ на моемъ лицѣ, такъ отрадно оглашать душистый ночной воздухъ благородными звуками музыки, сквозь которые, по временамъ, слышалось пѣніе соловья! Я давно не была такъ счастлива. А вы, однако, напишите мнѣ, о чемъ я васъ просила въ началѣ письма: это очень важно.

XII.

Отъ Алексѣя Петровича къ Марьѣ Александровнѣ.

Санктпетербургъ, 8-го іюля 1840 года.

Милая Марья Александровна, вотъ мое мнѣніе въ двухъ словахъ: и стараго холостяка, и молодого вздыхателя—обоихъ за бортъ! Объ этомъ и разсуждать нечего. Ни тотъ, ни другой васъ не стоютъ—это ясно, какъ дважды два—

четыре. Молодой сосѣдъ, можетъ-быть, и добрый человѣкъ, да Богъ съ нимъ! Я увѣренъ, что между нимъ и вами нѣтъ ничего общаго, и можете себѣ вы представить, какъ вамъ весело будетъ жить вдвоемъ! Да и къ чему спѣшить? Сбыточное ли дѣло, чтобъ женщина подобная вамъ—я не хочу говорить комплиментовъ, и потому не распространяюсь болѣе—чтобъ такая женщина не встрѣтила никого, кто сумѣлъ бы оцѣнить ее? Нѣтъ, Марья Александровна, послушайтесь меня, коли вы, точно, думаете, что я вашъ другъ и мои совѣты полезны. А сознайтесь, пріятно вамъ было увидѣть у ногъ своихъ стараго клеветника?... Я, на вашемъ мѣстѣ, заставилъ бы его цѣлую ночь напролетъ пѣть Аделаиду Бетховена, глядя на луну.

Впрочемъ, Богъ съ ними, съ вашими обожателями! Не о нихъ мнѣ хочется говорить сегодня съ вами. Я нахожусь сегодня въ какомъ-то странномъ, полураздраженномъ, полувзволнованномъ расположеніи, вслѣдствіе письма, полученнаго мною вчера. Посылаю вамъ съ него копію. Письмо это написано однимъ моимъ давнишнимъ пріятелемъ и сослуживцемъ, добрымъ, но довольно ограниченнымъ человѣкомъ. Онъ, года два тому назадъ, уѣхалъ за границу и до сихъ поръ мнѣ ни разу не писалъ. Вотъ его письмо. NB. Онъ очень недуренъ собой.

„Cher Alexis,

„Я въ Неаполѣ, сижу въ своей комнатѣ, на Chiaja, передъ окномъ. Погода удивительная. Я сперва долго глядѣлъ на море, потомъ меня взяло нетерпѣнье, и вдругъ мнѣ пришла въ голову блестящая мысль написать къ тебѣ письмо. Я, дружище, всегда чувствовалъ къ тебѣ влеченіе—ей-Богу. Вотъ и захотѣлось теперь излиться въ твое лоно.... такъ вѣдь это, кажется, говорится на вашемъ возвышенномъ языкѣ. А нетерпѣніе меня взяло вотъ отчего:

Я жду одну женщину; мы вмѣстѣ съ нею ѣдемъ въ Баію ѣсть устрицы и апельсины, смотрѣть, какъ темнобурые пастухи, въ красныхъ колпакахъ, пляшутъ тарантеллу, жариться на солнцѣ не хуже ящерицъ—словомъ, наслаждаться жизнью вполнѣ. Милый другъ мой, я такъ счастливъ, что сказать невозможно. Если бъ я владѣлъ твоимъ перомъ—о! какую картину я нарисовалъ бы передъ твоими глазами! Но, къ сожалѣнію, ты знаешь, я человѣкъ безграмотный. Эта женщина, которую я жду и которая заставляетъ меня вотъ ужъ болѣе часа постоянно вздрагивать и оглядываться на дверь, меня любитъ, а ужъ какъ я ее люблю — этого, мнѣ кажется, даже и ты своимъ краснорѣчивымъ перомъ описать бы не могъ.

„Надобно тебѣ сказать, что я ужъ три мѣсяца какъ съ ней познакомился, и съ самаго перваго дня нашего знакомства моя любовь идетъ все crescendo, въ видѣ хроматической гаммы, все выше и выше, и въ настоящую минуту зашла ужъ за седьмое небо. Я шучу, но въ самомъ дѣлѣ, моя привязанность къ этой женщинѣ—это что-то необыкновенное, сверхъестественное. Представь себѣ: я вѣдь почти не говорю съ ней, все такъ гляжу на нее и смѣюсь, какъ дуракъ. Сяду къ ея ногамъ, чувствую, что глупъ ужасно, и счастливъ, просто непозволительно счастливъ. Иногда случается, что она мнѣ руку на голову положитъ.... Ну, тутъ, я тебѣ скажу.... Да, впрочемъ, ты этого понять не можешь; ты вѣдь философъ, и весь свой вѣкъ былъ философомъ. Зовутъ ее Ниной, Нинеттой — какъ хочешь; она дочь одного здѣшняго богатаго купца. Хороша, что̀ твои всѣ Рафаэли; жива, какъ порохъ, весела, умна такъ, что даже удивительно, какъ она меня дурака полюбила; поетъ какъ птичка, а глаза—

„Извини, пожалуйста, это невольное тире.... Мнѣ показалось, что дверь скрипнула.... Нѣтъ, не идетъ еще злодѣйка! Ты меня спросишь, чѣмъ же все это кончится и

что я намѣренъ съ собою дѣлать, и долго ли я здѣсь останусь? Я этого ничего, братъ, не знаю, да и знать не хочу. Будетъ, что будетъ.... Вѣдъ если этакъ безпрестанно останавливаться да разсуждать....

„Она!... Бѣжитъ по лѣстницѣ и поетъ.... Пришла.— Ну, братъ, прощай.... Не до тебя. Извини—это она все письмо забрызгала: ударила мокрымъ букетомъ по бумагѣ. Сперва она думала, что я писалъ къ женщинѣ; а какъ узнала, что къ другу — велѣла тебѣ кланяться и спросить, есть ли у васъ цвѣты и пахнутъ ли? Ну, прощай.... Если бъ ты слышалъ, какъ она смѣется.... Серебро такъ не звенитъ; и что за доброта въ каждомъ звукѣ—такъ и хочется ножки у ней расцѣловать. Ѣдемъ, ѣдемъ. Не сердись на безалаберное маранье и позавидуй твоему—

М....“

Письмо, дѣйствительно, было все забрызгано и пахло померанцевымъ цвѣтомъ.... два бѣлые лепестка прилипли къ бумагѣ. Это письмо меня взволновало.... Я вспомнилъ свое пребываніе въ Неаполѣ.... Погода и тогда стояла великолѣпная, май только-что начинался; мнѣ недавно минуло двадцать-два года: но я не зналъ никакой Нинетты. Я скитался одинъ, сгорая жаждой блаженства, и томительной, и сладостной, до того сладостной, что она сама какъ будто походила на блаженство.... Что значитъ молодость!... Помню, разъ я ночью поѣхалъ кататься по заливу. Насъ было двое: лодочникъ и я.... а вы что думали? Что это была за ночь, и что за небо, что за звѣзды, какъ онѣ дрожали и дробились на волнахъ! какимъ жидкимъ пламенемъ переливалась и вспыхивала вода подъ веслами, какимъ благовоніемъ вѣяло по всему морю—не мнѣ это описать, какъ ни „краснорѣчиво“ мое перо. На рейдѣ стоялъ французскій линейный корабль. Онъ весь смутно

рдѣлъ огнями; длинныя полосы краснаго цвѣта, отраженье озаренныхъ оконъ, тянулись по темному морю. Капитанъ корабля давалъ балъ. Веселая музыка долетала до меня рѣдкими приливами; особенно помню я трель маленькой флейты среди глухихъ возгласовъ трубъ; она, казалось, порхала, какъ бабочка, вокругъ моей лодки. Я велѣлъ грести къ кораблю; два раза объѣхалъ его кругомъ. Женскія очертанія мелькали въ окнахъ, рѣзко проносимыя вихремъ вальса.... Я велѣлъ лодочнику пуститься прочь, вдаль, прямо въ темноту.... Помню, звуки долго и неотвязно гнались за мною.... Наконецъ, они замерли. Я всталъ въ лодкѣ и съ нѣмою тоской желанья простеръ мои объятія надъ моремъ.... О! какъ сердце мое ныло тогда! Какъ тяжело мнѣ было мое одиночество! Съ какою радостью отдался бы я весь тогда, весь.... весь, если бъ было кому отдаться! Съ какимъ горькимъ чувствомъ на душѣ я бросился ницъ на дно лодки и, какъ Репетиловъ попросилъ, чтобъ везли меня куда-нибудь!

А вотъ мой другъ ничего подобнаго не испыталъ. Да и съ какой стати? Онъ гораздо умнѣе меня распорядился. Онъ живетъ.... а я.... не даромъ онъ меня назвалъ философомъ.... Странно! васъ также зовутъ философкой.... Отчего бы это надъ нами такая бѣда стряслась?...

Я не живу.... Да кто же въ этомъ виноватъ? зачѣмъ я сижу здѣсь, въ Петербургѣ? что я здѣсь дѣлаю? къ чему убиваю день за днемъ? отчего мнѣ не поѣхать въ деревню? Чѣмъ не хороши наши степи? или въ нихъ дышать не привольно? или тѣсно въ нихъ? Охота гоняться за мечтами, когда, можетъ-быть, счастье подъ рукой! Рѣшено: я ѣду, ѣду завтра же, если можно; ѣду къ себѣ домой, то-есть къ вамъ— то все равно: мы вѣдь въ двадцати верстахъ другъ отъ друга. Что, въ самомъ дѣлѣ, здѣсь киснуть! И какъ эта мысль раньше ко мнѣ не пришла? Милая Марья Александровна, мы скоро увидимся. Это однако необык-

новенно, что мнѣ эта мысль до сихъ поръ въ голову не приходила! Давнымъ-давно слѣдовало бы уѣхать. До свиданья, Марья Александровна.

9-го іюля.

Я нарочно далъ себѣ двадцать четыре часа на размышленіе, и теперь убѣдился окончательно, что мнѣ здѣсь оставаться незачѣмъ. Пыль на улицахъ такая ѣдкая, что глазамъ больно. Сегодня же начинаю укладываться, послѣзавтра, вѣроятно, отсюда выѣду, и дней черезъ десять буду имѣть удовольствіе васъ видѣть. Надѣюсь, вы меня примете попрежнему. Кстати, сестра ваша все еще у тетушки гоститъ—не правда ли?

Марья Александровна, позвольте вамъ крѣпко пожать руку и отъ души сказать: до скораго свиданья. Я ужъ и такъ собирался ѣхать, но письмо это ускорило мое намѣреніе. Положимъ, это письмо ничего не доказываетъ, положимъ даже, Нинетта другому, мнѣ, напримѣръ, не понравилась бы, а все-таки я ѣду, ужъ это несомнѣнно. До свиданья.

Вашъ А. С.

XIII.

Отъ Марьи Александровны къ Алексѣю Петровичу.

Село ....но, 16-го іюля 1840.

Вы ѣдете сюда, Алексѣй Петровичъ, вы скоро у насъ будете—точно ли? Не скрою вамъ, что это извѣстіе меня и радуетъ, и волнуетъ.... Какъ мы увидимся? Поддержится ли та духовная связь, которая, сколько мнѣ кажется, ужъ начиналась между нами? Не перервется ли она при свиданіи? Не знаю, мнѣ отчего-то жутко. Не отвѣчаю вамъ на ваше послѣднее письмо, хотя сказать могла бы многое; отлагаю все это до нашего свиданія. Матушка очень радуется вашему пріѣзду.... Она знала, что

мы переписываемся съ вами. Погода прелестная; мы много будемъ гулять, я покажу вамъ новыя, открытыя мною мѣста.... особенно хороша одна узкая, длинная долина; она лежитъ между холмами, покрытыми лѣсомъ.... Она какъ будто прячется въ ихъ изгибахъ. Небольшой ручеекъ течетъ по ней и едва можетъ пробраться сквозь густые травы и цвѣты.... Вы увидите. Пріѣзжайте: можетъ-быть, вамъ не будетъ скучно.

М. Б.

P. S. Сестры моей вы, я думаю, не увидите: она продолжаетъ гостить у тётки. Кажется (но это между нами), она выходитъ замужъ за очень любезнаго молодого человѣка—за офицера. Зачѣмъ вы мнѣ прислали это письмо изъ Неаполя? Здѣшняя жизнь поневолѣ покажется тусклой и блѣдной противъ той роскоши и того блеска. Но mademoiselle Ninette не права: цвѣты растутъ и пахнутъ—и у насъ.

XIV.

Отъ Марьи Александровны къ Алексѣю Петровичу.

Село ....но, января 1841.

Я вамъ писала нѣсколько разъ, Алексѣй Петровичъ.... Вы мнѣ не отвѣчали. Живы ли вы? Или, можетъ-быть, вамъ ужъ наскучила наша переписка: можетъ-быть, вы нашли себѣ развлеченіе болѣе пріятное, чѣмъ то, которое могутъ доставить вамъ письма уѣздной барышни? Вы, видно, и вспомнили-то обо мнѣ отъ нечего дѣлать. Если такъ, желаю вамъ счастья. Если вы мнѣ не отвѣтите и теперь, я не буду больше васъ безпокоить; мнѣ останется только сожалѣть о моей неосторожности, о томъ, что я напрасно позволила расшевелить себя, протянула другому руку и вышла, хотя на минуту, изъ моего уединеннаго уголка. Я должна въ немъ остаться навсегда, за-

переться на ключъ—это мой удѣлъ, удѣлъ всѣхъ старыхъ дѣвушекъ. Я должна привыкнуть къ этой мысли. Незачѣмъ выходить на свѣтъ Божій, нечего желать свѣжаго воздуха, когда грудь не выноситъ его Кстати жъ, мы теперь занесены кругомъ мертвыми сугробами снѣга. Впередъ буду умнѣй.... Отъ скуки не умираютъ, а съ тоски, пожалуй, пропасть можно. Если я ошибаюсь—докажите это мнѣ. Но мнѣ кажется, я не ошибаюсь. Во всякомъ случаѣ, прощайте; желаю вамъ счастья.

М. Б.

XV.

Отъ Алексѣя Петровича къ Марьѣ Александровнѣ.

Дрезденъ.—Сентябрь, 1842.

Пишу къ вамъ, любезная Марья Александровна, и пишу только потому, что мнѣ не хочется умереть, не простившись съ вами, не напомнивъ вамъ о себѣ. Я осужденъ докторами.... да я и самъ чувствую, что жизнь моя на исходѣ. На столѣ моемъ стоитъ розанъ; онъ не успѣетъ отцвѣсти, какъ ужъ меня не станетъ. Впрочемъ, это сравненіе не совсѣмъ удачно. Розанъ гораздо интереснѣе меня.

Я, какъ видите, за границей. Вотъ ужъ мѣсяцевъ шесть, какъ я въ Дрезденѣ. Я получилъ ваши послѣднія письма—совѣстно признаться: болѣе года тому назадъ, нѣкоторыя изъ нихъ затерялъ и не отвѣчалъ вамъ.... Сейчасъ скажу—почему. Но, видно, вы мнѣ всегда были дороги: мнѣ, кромѣ васъ, ни съ кѣмъ не хочется проститься, а можетъ-быть, мнѣ и не съ кѣмъ прощаться.

Скоро послѣ моего послѣдняго письма къ вамъ (я совсѣмъ собрался-было ѣхать въ ваши края, и ужъ заранѣе строилъ различные планы), со мной случилось происшествіе, имѣвшее, ужъ, точно, можно сказать, сильное влія-

ніе на мою судьбу, до того сильное, что я, вотъ, умираю по милости этого происшествія. А именно: я отправился въ театръ, смотрѣть балетъ. Я балетовъ никогда не любилъ и ко всѣмъ возможнымъ актрисамъ, пѣвицамъ, танцоркамъ чувствовалъ всегда тайное отвращеніе.... Но, видно, ни судьбы своей перемѣнить нельзя, ни самого себя никто не знаетъ, да и будущее тоже предвидѣть невозможно. По настоящему, въ жизни случается одно только неожиданное и мы цѣлый вѣкъ только и дѣлаемъ, что приноравливаемся къ событіямъ.... Но я, кажется, опять пустился въ философію. Старая привычка! Словомъ, я влюбился въ одну танцовщицу.

Это было тѣмъ болѣе странно, что и красавицей ее нельзя назвать. Правда, у ней были удивительные, золотисто-пепельные волосы и большіе свѣтлые глаза, съ задумчивымъ и въ то же время дерзкимъ взоромъ.... Мнѣ ли не знать выраженія этого взора? Я цѣлый годъ замиралъ и гасъ въ его лучахъ! Сложена она была прекрасно, и когда она плясала свой народный танецъ, зрители, бывало, топали и кричали отъ восторга.... Но, кажется, кромѣ меня, никто въ нее не влюблялся—по крайней мѣрѣ, никто такъ не влюбился, какъ я. Съ той самой минуты, какъ я увидѣлъ ее въ первый разъ—(повѣрите ли, мнѣ даже и теперь стоитъ только закрыть глаза, и тотчасъ передо мною театръ, почти пустая сцена, изображающая внутренность лѣса, и она выбѣгаетъ изъ-за кулисъ направо, съ виноградным вѣнкомъ на головѣ и тигровой кожей по плечамъ)—съ той роковой минуты я принадлежалъ ей весь, вотъ, какъ собака принадлежитъ своему хозяину; и если я и теперь, умирая, не принадлежу ей, такъ это только потому, что она меня бросила.

Говоря правду, она никогда особенно и не заботилась обо мнѣ. Она едва замѣчала меня, хотя весьма добродушно пользовалась моими деньгами. Я былъ для нея,

какъ она выражалась на своемъ ломаномъ французскомъ нарѣчіи, „oun Rousso boun enfan"—и больше ничего. Но я.... я уже не могъ жить нигдѣ, гдѣ она не жила; я оторвался разомъ отъ всего мнѣ дорогого, отъ самой родины, и пустился вслѣдъ за этой женщиной.

Вы, можетъ-быть, думаете, что она была умна?—нисколько! Стоило взглянуть на ея низкій лобъ, стоило хоть разъ подмѣтить ея лѣнивую и безпечную усмѣшку, чтобы тотчасъ убѣдиться въ скудости ея умственныхъ способностей. И я никогда не воображалъ ее необыкновенной женщиной. Я, вообще, ни одного мгновенья не ошибался на ея счетъ; но это ничему не помогало. Что̀ бъ я ни думалъ о ней въ ея отсутствіи—при ней я ощущалъ одно подобострастное обожаніе.... Въ нѣмецкихъ сказкахъ рыцари впадаютъ часто въ подобное оцѣпенѣніе. Я не могъ отвести взора отъ чертъ ея лица, не могъ наслушаться ея рѣчей, налюбоваться каждымъ ея движеньемъ; я, право, и дышалъ-то вслѣдъ за ней. Впрочемъ, она была добра, непринужденна, даже слишкомъ непринужденна, не ломалась, какъ большею частью ломаются артисты. Въ ней было много жизни, то-есть много крови, той южной, славной крови, въ которую тамошнее солнце, должно-быть, заронило часть своихъ лучей. Она спала девять часовъ въ сутки, любила покушать, никогда не читала ни одной печатной строчки, кромѣ, развѣ, журнальныхъ статей, гдѣ о ней говорили, и едва ли не единственнымъ нѣжнымъ чувствомъ въ ея жизни была привязанность ея къ il signore Carlino, маленькому и жадненькому итальянцу, служившему у ней секретаремъ, за котораго она потомъ и вышла замужъ. И въ такую женщину я, въ столь различныхъ умственныхъ ухищреніяхъ искусившійся, ужъ устарѣвшій человѣкъ, могъ влюбиться! Кто бъ это могъ ожидать? Я, по крайней мѣрѣ, никакъ не ожидалъ этого. Я не ожидалъ, какую роль мнѣ придется разыгрывать. Я не ожидалъ, что буду

таскаться по репетиціямъ, мерзнуть и скучать за кулисами, дышать копотью театральной, знакомиться съ разными, совершенно неблаговидными личностями.... что я говорю, знакомиться—кланяться имъ; я не ожидалъ, что буду носить шаль танцовщицы; покупать ей новыя перчатки, чистить бѣлымъ хлѣбомъ старыя (я и это дѣлалъ, ей-ей!) отвозить домой ея букеты, бѣгать по переднимъ журналистовъ и директоровъ, тратиться, давать серенады, простужаться, занемогать.... Я не ожидалъ, что получу наконецъ въ одномъ нѣмецкомъ городишкѣ затѣйливое прозванье: der Kunst-barbar.... И все это даромъ, въ самомъ полномъ смыслѣ слова—даромъ! Вотъ, то-то вотъ и есть.... Помните, какъ мы съ вами словесно и письменно разсуждали о любви, въ какія тонкости вдавались; а на повѣрку выходитъ, что настоящая любовь—чувство, вовсе не похожее на то, какъ мы ее себѣ представляли. Любовь даже вовсе не чувство; она—болѣзнь, извѣстное состояніе души и тѣла; она не развивается постепенно; въ ней нельзя сомнѣваться, съ ней нельзя хитрить, хотя она проявляется не всегда одинаково: обыкновенно она овладѣваетъ человѣкомъ безъ спроса, внезапно, противъ его воли—ни дать, ни взять холера или лихорадка.... Подцѣпитъ его, голубчика, какъ коршунъ цыплёнка; и понесетъ его куда угодно, какъ онъ тамъ ни бейся и ни упирайся.... Въ любви нѣтъ равенства, нѣтъ такъ-называемаго свободнаго соединенія душъ и прочихъ идеальностей, придуманныхъ на досугѣ нѣмецкими профессорами.... Нѣтъ, въ любви одно лицо—рабъ, а другое—властелинъ, и не даромъ толкуютъ поэты о цѣпяхъ, налагаемыхъ любовью. Да, любовь—цѣпь, и самая тяжелая. По крайней мѣрѣ, я дошелъ до этого убѣжденія, и дошелъ до него путемъ опыта, купилъ это убѣжденіе цѣною жизни, потому что умираю рабомъ.

Экая, какъ подумаешь, моя судьба-то! Въ первой мо-

лодости я непремѣнно хотѣлъ завоевать себѣ небо.... потомъ я пустился мечтать о благѣ всего человѣчества, о благѣ родины; потомъ и это прошло: я думалъ только, какъ бы устроить себѣ домашнюю, семейную жизнь.... да споткнулся о муравейникъ — и бухъ ò-земь; да въ могилу.... Ужъ какіе мы, русскіе, мастерà кончать такимъ манеромъ.

А впрочемъ, пора отвернуться отъ всего этого, давно пора! Пусть эта ноша вмѣстѣ съ жизнью свалится съ моей души! Хочу въ послѣдній разъ, хотя на мгновенье, насладиться тѣмъ добрымъ, кроткимъ чувствомъ, которое разливается во мнѣ тихимъ свѣтомъ, какъ только вспомню о васъ. Вашъ образъ теперь вдвойнѣ для меня дорогъ.... Вмѣстѣ съ нимъ возникаетъ передо мною образъ моей родины, и я шлю и ей, и вамъ прощальный привѣтъ. Живите, живите долго и счастливо, и помните одно: останетесь ли вы въ той степной глуши, гдѣ вамъ иногда такъ тяжело бываетъ, но гдѣ бы мнѣ такъ хотѣлось провести мой послѣдній день,—вступите ли вы на другое поприще—помните: жизнь только того не обманетъ, кто не размышляетъ о ней и, ничего отъ нея не требуя, принимаетъ спокойно ея немногіе дары и спокойно пользуется ими. Идите впередъ, пока можете: а подкосятся ноги,—сядьте близъ дороги, да глядите на прохожихъ безъ досады и зависти: вѣдь и они недалеко уйдутъ! Я прежде вамъ не то говорилъ, да смерть хоть кого научитъ; впрочемъ, кто скажетъ, что такое жизнь, что такое истина? Вспомните, *кто* не далъ на этотъ вопросъ отвѣта.... Прощайте, Марья Александровна, прощайте въ послѣдній разъ, и не поминайте лихомъ бѣднаго—

Алексѣя.

1855 г.

ЯКОВЪ ПАСЫНКОВЪ.

I.

Дѣло было въ Петербургѣ, зимой, въ первый день масляницы. Меня пригласилъ къ себѣ обѣдать одинъ мой пансіонскій товарищъ, слывшій въ молодости за красную дѣвицу и оказавшійся впослѣдствіи человѣкомъ вовсе не застѣнчивымъ. Онъ уже теперь умеръ, какъ большая часть моихъ товарищей. Кромѣ меня, обѣщали прійти къ обѣду Константинъ Александровичъ Асановъ, да еще одна тогдашняя литературная знаменитость. Литературная знаменитость заставила себя подождать и прислала наконецъ записку, что не будетъ, а на мѣсто ея явился маленькій, бѣлокурый господинъ, одинъ изъ тѣхъ вѣчныхъ незванныхъ гостей, которыми Петербургъ изобилуетъ.

Обѣдъ продолжался долго; хозяинъ не жалѣлъ винъ, и наши головы понемногу разгорячились. Все, что каждый изъ насъ таилъ у себя на душѣ—а кто̀ не таитъ чего-нибудь на душѣ?—выступило наружу. Лицо хозяина внезапно потеряло свое стыдливое и сдержанное выраженіе; глаза его нагло заблистали, и пошлая усмѣшка скривила его

губы; бѣлокурый господинъ смѣялся какъ-то дрянно, съ глупымъ визгомъ; но Асановъ больше всѣхъ удивилъ меня. Этотъ человѣкъ всегда отличался чувствомъ приличія, а тутъ началъ вдругъ проводить рукою по лбу, ломаться, хвастаться своими связями, безпрестанно упоминать о какомъ-то дядюшкѣ своемъ, очень важномъ человѣкѣ.... Я рѣшительно не узнавалъ его; онъ явно подтрунивалъ надъ нами.... онъ чуть не брезгалъ нашимъ обществомъ. Нахальство Асанова меня разсердило.

— Послушайте, — сказалъ я ему:—если мы такъ ничтожны въ вашихъ глазахъ, ступайте къ вашему знатному дядюшкѣ. Но, можетъ-быть, онъ васъ не пускаетъ къ себѣ?

Асановъ ничего мнѣ не отвѣтилъ и продолжалъ проводить рукою по лбу.

— И что это за люди!—говорилъ онъ опять:—вѣдь ни въ одномъ порядочномъ обществѣ не бываютъ, ни съ одной порядочной женщиной не знакомы, а у меня тутъ (воскликнулъ онъ, проворно вытащивъ изъ бокового кармана бумажникъ и стуча по немъ рукой)—цѣлый пукъ писемъ отъ такой дѣвушки, какой въ цѣломъ мірѣ не найдешь подобной!

Хозяинъ и бѣлокурый господинъ не обратили вниманія на послѣднія слова Асанова; они оба держали другъ друга за пуговицу, и оба что-то разсказывали, но я навострилъ уши.

— Вотъ вы и схвастнули, г. племянникъ знатнаго лица! — сказалъ я, придвинувшись къ Асанову: — писемъ у васъ никакихъ нѣтъ.

— Вы думаете? — возразилъ онъ, свысока поглядѣвъ на меня:—а это что?—Онъ раскрылъ бумажникъ и показалъ мнѣ около десяти писемъ, адресованныхъ на его имя.... „Знакомый почеркъ!“ подумалъ я....

Я чувствую, что румянецъ стыда выступаетъ на мои

щеки.... мое самолюбіе страдаетъ сильно.... Кому охота сознаться въ неблагородномъ поступкѣ?... Но дѣлать нечего: начавъ свой разсказъ, я зналъ напередъ, что мнѣ придется покраснѣть до ушей. Итакъ, скрѣпя сердце, я долженъ сознаться, что....

Вотъ въ чемъ дѣло: я воспользовался нетрезвостью Асанова, небрежно кинувшаго письма на залитую шампанскимъ скатерть (у меня у самого въ головѣ порядкомъ шумѣло) и быстро пробѣжалъ одно изъ этихъ писемъ....

Сердце во мнѣ сжалось.... Увы! я самъ былъ влюбленъ въ дѣвушку, которая писала къ Асанову, и теперь ужъ я не могъ сомнѣваться въ томъ, что она его любитъ. Все письмо, написанное по-французски, дышало нѣжностью и преданностью....

„Mon cher ami Constantin!“ такъ начиналось оно.... а кончалось словами: „будьте осторожны попрежнему, а я буду ничья, или ваша“.

Оглушенный, какъ громомъ, я нѣсколько мгновеній просидѣлъ неподвижно, однако, наконецъ, опомнился, вскочилъ и бросился вонъ изъ комнаты....

Черезъ четверть часа я уже былъ на своей квартирѣ.

Семейство Злотницкихъ было одно изъ первыхъ, съ которымъ я познакомился послѣ переѣзда моего въ Петербургъ изъ Москвы. Оно состояло изъ отца, матери, двухъ дочерей и сына. Отецъ, уже сѣдой, но еще свѣжій мужчина, бывшій военный, занималъ довольно важное мѣсто, утромъ находился на службѣ, послѣ обѣда спалъ, а вечеромъ игралъ въ карты въ клубѣ.... Дома онъ бывалъ рѣдко, разговаривалъ мало и неохотно, посматривалъ исподлобья не то угрюмо, не то равнодушно, и кромѣ путешествій и географій, не читалъ ничего, а когда занемогалъ, раскра-

шивалъ картинки, запершись въ своемъ кабинетѣ, или дразнилъ стараго сѣраго попугая Попку. Жена его, больная и чахоточная женщина, съ черными впалыми глазами и острымъ носомъ, по цѣлымъ днямъ не сходила съ дивана и все вышивала подушки по канвѣ; она, сколько я могъ замѣтить, побаивалась мужа, точно она въ чемъ передъ нимъ когда-то провинилась. Старшая дочь, Варвара, полная, румяная и русая дѣвушка, лѣтъ восемнадцати, все сидѣла у окна и разглядывала прохожихъ. Сынокъ воспитывался въ казенномъ заведеніи, являлся домой только по воскресеньямъ, и тоже не любилъ понапрасну тратить слова; даже младшая дочь, Софья, именно та дѣвица, въ которую я влюбился, была свойства молчаливаго. Въ домѣ Злотницкихъ постоянно царствовала тишина; одни пронзительные крики Попки прерывали ее, но гости скоро привыкали къ нимъ и снова ощущали на себѣ тяжесть и гнетъ этой вѣчной тишины. Впрочемъ, гости рѣдко заглядывали къ Злотницкимъ: скучно было у нихъ. Самая мебель, красные съ желтоватыми разводами обои въ гостиной, множество плетеныхъ стульевъ въ столовой, гарусныя полинялыя подушки съ изображеніемъ дѣвицъ и собакъ по диванамъ, рогатыя лампы и сумрачные портреты на стѣнахъ — все внушало невольную тоску, отъ всего вѣяло чѣмъ-то холоднымъ и кислымъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, я почелъ долгомъ явиться къ Злотницкимъ: они доводились съ-родни моей матушкѣ. Я съ трудомъ высидѣлъ часъ и долго не возвращался; но понемногу сталъ ходить все чаще и чаще. Меня привлекала Софья, которая сперва мнѣ не понравилась, и въ которую я, наконецъ, влюбился.

Эта была дѣвушка небольшого роста, стройная, почти худая, съ блѣднымъ лицомъ, густыми, черными волосами, и большими, карими, всегда полузакрытыми глазами. Ея черты, строгія и рѣзкія, особенно ея сжатыя губы выра-

жали твердость и силу воли. Въ домѣ знали ее за дѣвушку съ характеромъ.... „По старшей сестрѣ пошла, по Катеринѣ“,—сказала однажды Злотницкая, сидя со мной наединѣ (при мужѣ она не смѣла упомянуть объ этой Катеринѣ).—„Вы ея не знаете: она на Кавказѣ, замужемъ. Тринадцати лѣтъ, представьте, влюбилась въ своего теперешняго мужа, и тогда же намъ объявила, что за другого не пойдетъ. Ужъ мы что̀ ни дѣлали—ничего не помогло! До двадцати-трехъ лѣтъ ждала, отца прогнѣвила, и пошла-таки за своего идола. Долго ли до грѣха и съ Сонечкой! Сохрани ее Господь отъ такого упрямства! А боюсь я за нее; вѣдь ей только шестнадцать лѣтъ минуло, а ужъ ее не переломишь....“

Вошелъ г. Злотницкій; жена его тотчасъ замолкла.

Собственно мнѣ Софья полюбилась не за силу воли—нѣтъ; но въ ней, при всей ея сухости, при недостаткѣ живости и воображенія, была своего рода прелесть, прелесть прямодушія, честной искренности и чистоты душевной. Я столько же уважалъ ее, сколько любилъ.... Мнѣ казалось, что и она ко мнѣ благоволила; разочароваться въ ея привязанности, убѣдиться въ ея любви къ другому было мнѣ больно.

Неожиданное открытіе, сдѣланное мною, тѣмъ болѣе удивило меня, что г. Асановъ посѣщалъ домъ Злотницкихъ не часто, гораздо рѣже меня, и никакого особаго предпочтенія Сонечкѣ не оказывалъ. Это былъ красивый брюнетъ съ выразительными, хотя нѣсколько тяжелыми чертами лица, съ блестящими глазами на-выкатѣ, съ большимъ бѣлымъ лбомъ и пухлыми, красными губками подъ тонкими усами. Онъ держалъ себя весьма скромно, но строго, говорилъ и судилъ самоувѣренно, молчалъ съ достоинствомъ. Видно было, что онъ много о себѣ думалъ. Асановъ смѣялся рѣдко, и то сквозь зубы, и никогда не танцовалъ. Сложенъ онъ былъ довольно мѣшко-

вато. Онъ когда-то служилъ въ ....мъ полку и слылъ за дѣльнаго офицера.

„Странное дѣло!—размышлялъ я, лежа на диванѣ:—какъ же это я ничего не замѣтилъ?...“ „Будьте осторожны попрежнему“: эти слова Софьина письма вдругъ пришли мнѣ на память. „А!—подумалъ я:—вотъ что! Вишь, хитрая дѣвчонка! А я считалъ ее откровенной и искренной.... Ну, такъ постойте же, я покажу вамъ....“

Но тутъ я, сколько мнѣ помнится, заплакалъ горько и до утра не могъ заснуть.

На другой день, часу во второмъ, отправился я къ Злотницкимъ. Старика не было дома, и жена его не сидѣла на своемъ обычномъ мѣстѣ; у ней, послѣ блиновъ, разболѣлась голова, и она пошла полежать къ себѣ въ спальню. Варвара стояла, прислонившись плечомъ къ окну, и глядѣла на улицу; Софья ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, скрестивъ на груди руки; Попка кричалъ.

— А! здравствуйте! — лѣниво проговорила Варвара, какъ только я вошелъ въ комнату, и тотчасъ прибавила вполголоса:—а вонъ мужикъ идетъ съ лоткомъ на головѣ.... (У ней была привычка произносить изрѣдка, и словно про себя, замѣчанія о прохожихъ).

— Здравствуйте, — отвѣтилъ я:—здравствуйте, Софья Николаевна. А гдѣ Татьяна Васильевна?

— Пошла отдохнуть, — возразила Софья, продолжая расхаживать по комнатѣ.

— У насъ блины были,—замѣтила Варвара, не оборачиваясь.—Что вы не пришли?... Куда этотъ писарь идетъ?

— Да некогда было.—(„На кра-улъ!“ рѣзко закричалъ попугай).—Какъ вашъ Попка сегодня кричитъ!

— Онъ всегда такъ кричитъ,—промолвила Софья.

Всѣ мы помолчали.

— Зашелъ въ ворота,—проговорила Варвара и вдругъ встала на оконницу и отворила форточку.

— Что ты?—спросила Софья.

— Нищій,—отвѣтила Варвара, нагнулась, достала съ окна мѣдный пятакъ, на которомъ еще возвышался сѣренькой кучкой пепелъ курительной свѣчки, бросила пятакъ на улицу, захлопнула форточку и тяжело спрыгнула на полъ....

— А я вчера очень пріятно время провелъ,—началъ я, садясь въ кресла:—я обѣдалъ у одного пріятеля; тамъ былъ Константинъ Александрычъ.... (Я посмотрѣлъ на Софью, у ней даже бровь не поморщилась).—И, надобно сознаться,—продолжалъ я:—мы-таки покутили: вчетверомъ бутылокъ восемь выпили.

— Вотъ какъ! — спокойно произнесла Софья и покачала головой.

— Да,—продолжалъ я, слегка раздраженный ея равнодушіемъ:—и знаете ли что, Софья Николаевна? вѣдь точно, не даромъ гласитъ пословица, что истина въ винѣ.

— А что?

— Константинъ Александрычъ насъ разсмѣшилъ. Представьте себѣ: вдругъ принялся этакъ рукою по лбу проводить и приговаривать: „какой я молодецъ! у меня дядя знатный человѣкъ!...“

— Ха-ха!—раздался короткій, отрывистый смѣхъ Варвары.... „Попка! попка! попка!“ забарабанилъ ей въ отвѣтъ попугай.

Софья остановилась передо мной и посмотрѣла мнѣ въ лицо.

— А вы что̀ говорили,—спросила она:—не помните?

Я невольно покраснѣлъ.

— Не помню: должно-быть, и я хорошъ былъ. Дѣйствительно,—прибавилъ я съ значительной разстановкой:—пить вино опасно: какъ разъ проболтаешься, и то ска-

жешь, что̀ бы никому не слѣдовало знать. Будешь раскаиваться послѣ, да ужъ поздно.

— А вы развѣ проболтались?—спросила Софья.

— Я не о себѣ говорю.

Софья отвернулась и снова принялась ходить по комнатѣ. Я глядѣлъ на нее и внутренно бѣсился. „Вѣдь вишь,—думалъ я,—ребенокъ, дитя, а какъ собой владѣетъ! Каменная, просто. Да вотъ, постой....“

— Софья Николаевна....—проговорилъ я громко.

Софья остановилась.

— Что̀ вамъ?

— Не сыграете ли вы что-нибудь на фортепіано? Кстати, мнѣ вамъ нужно что-то сказать,—прибавилъ я, понизивъ голосъ.

Софья, ни слова не говоря, пошла въ залу; я отправился вслѣдъ за ней. Она остановилась у рояля.

— Что̀ же мнѣ вамъ сыграть?—спросила она.

— Что̀ хотите.... ноктюрнъ Шопена.

Софья начала ноктюрнъ. Она играла довольно плохо, но съ чувствомъ. Сестра ея играла одни только польки и вальсы, и то рѣдко. Подойдетъ, бывало, своей лѣнивой походкой къ роялю, сядетъ, спуститъ бурнусъ съ плечъ на локти (я не видалъ ее безъ бурнуса), заиграетъ громко одну польку, не кончитъ, начнетъ другую, потомъ вдругъ вздохнетъ, встанетъ и отправится опять къ окну. Странное существо была эта Варвара.

Я сѣлъ подлѣ Софьи.

— Софья Николаевна,—началъ я, пристально посматривая на нее сбоку:—я долженъ вамъ сообщить одну непріятную для меня новость.

— Новость? какую?

— А вотъ какую.... Я до сихъ поръ въ васъ ошибался, совершенно ошибался.

— Какимъ это образомъ? — возразила она, продолжая играть и устремивъ глаза на свои пальцы.

— Я думалъ, что вы откровенны; я думалъ, что вы не умѣете хитрить, скрывать свои чувства, лукавить....

Софья приблизила лицо свое къ нотамъ.

— Я васъ не понимаю.

— А главное, — продолжалъ я: — я никакъ не могъ вообразить, что вы, въ ваши годы, уже умѣете такъ мастерски разыгрывать роль....

Руки Софьи слегка задрожали надъ клавишами.

— Что̀ вы это говорите? — проговорила она, все не глядя на меня:—я разыгрываю роль!

— Да̀, вы. (Она усмѣхнулась.... Злость меня взяла).... Вы притворяетесь равнодушной къ одному человѣку и.... и пишете къ нему письма,—прибавилъ я шопотомъ.

Щеки Софьи поблѣднѣли, но она не обернулась ко мнѣ, доиграла ноктюрнъ до конца, встала и закрыла крышку рояля.

— Куда же вы? — спросилъ я не безъ смущенія. — Вы мнѣ не отвѣчаете?

— Что̀ мнѣ вамъ отвѣчать? Я не знаю, о чемъ вы говорите.... А притворяться я не умѣю.

Она начала укладывать ноты....

Кровь мнѣ бросилась въ голову.

— Нѣтъ, вы знаете, о чемъ я говорю,—промолвилъ я, также вставая:—и хотите ли, я вамъ сейчасъ напомню нѣкоторыя ваши выраженія въ одномъ письмѣ:—„будьте осторожны попрежнему....“

Софья слегка вздрогнула.

— Я этого никакъ отъ васъ не ожидала,—проговорила она наконецъ.

— И я никакъ не ожидалъ,—подхватилъ я:—что вы, вы, Софья Николаевна, удостоили вашимъ вниманіемъ человѣка, который....

Софья быстро ко мнѣ обернулась; я невольно отступилъ отъ нея: глаза ея, всегда полузакрытые, расширились до того, что казались огромными и гнѣвно сверкали изъ-подъ бровей.

— А! коли такъ,—проговорила она:—знайте же, что я люблю этого человѣка, и что мнѣ совершенно все равно, какого вы мнѣнія о немъ и о моей любви къ нему. И съ чего вы взяли?... Какое вы имѣете право это говорить? А если я на что рѣшилась....

Она умолкла и проворно вышла вонъ изъ залы.

Я остался. Мнѣ вдругъ стало такъ неловко и такъ совѣстно, что я закрылъ лицо руками. Я понялъ все неприличіе, всю низость своего поведенія и, задыхаясь отъ стыда и раскаянія, стоялъ какъ опозоренный. „Боже мой!“ думалъ я: „что̀ я надѣлалъ!“

— Антонъ Никитичъ,—послышался голосъ горничной въ передней:—пожалуйте скорѣй стаканъ воды для Софьи Николаевны.

— А что?—отвѣтилъ буфетчикъ.

— Кажись, плачутъ-съ....

Я содрогнулся и пошелъ въ гостиную за своей шляпой.

— О чемъ вы толковали съ Сонечкой? — равнодушно спросила меня Варвара и, помолчавъ немного, прибавила вполголоса:—опять этотъ писарь идетъ.

Я началъ раскланиваться.

— Куда же вы? Погодите: маменька сейчасъ выйдетъ.

— Нѣтъ, ужъ мнѣ нельзя,—проговорилъ я:—я ужъ лучше въ другой разъ.

Въ это мгновеніе, къ ужасу моему, именно къ ужасу, Софья твердыми шагами вошла въ гостиную. Лицо ея было блѣднѣе обыкновеннаго, и вѣки чуть-чуть покраснѣли. На меня она и не взглянула.

— Посмотри, Соня,—промолвила Варвара:—какой-то писарь все около нашего дома ходитъ.

— Шпіонъ какой-нибудь....—холодно и презрительно замѣтила Софья.

Это ужъ было слишкомъ! Я ушелъ и, право, не помню, какъ дотащился домой.

Мнѣ было очень тяжело, такъ тяжело и горько, что и описать невозможно. Въ однѣ сутки два такіе жестокіе удара! Я узналъ, что Софья любитъ другого, и навсегда лишился ея уваженія. Я чувствовалъ себя до того уничтоженнымъ и пристыженнымъ, что даже негодовать на себя не могъ. Лежа на диванѣ и повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, я съ какимъ-то жгучимъ наслажденіемъ предавался первымъ порывамъ отчаянной тоски, какъ вдругъ услыхалъ шаги въ комнатѣ. Я поднялъ голову и увидѣлъ одного изъ самыхъ короткихъ моихъ друзей — Якова Пасынкова.

Я готовъ былъ разсердиться на каждаго человѣка, который вошелъ бы ко мнѣ въ комнату въ этотъ день, но на Пасынкова сердиться не могъ никогда; напротивъ, несмотря на пожиравшее меня горе, я внутренно обрадовался его приходу и кивнулъ ему головой. Онъ, по обыкновенію, прошелъ раза два по комнатѣ, кряхтя и вытягивая свои длинные члены, молча постоялъ передо мною и молча сѣлъ въ уголъ.

Я зналъ Пасынкова очень давно, почти съ дѣтства. Онъ воспитывался въ томъ же частномъ пансіонѣ нѣмца Винтеркеллера, въ которомъ и я прожилъ три года. Отецъ Якова, бѣдный отставной майоръ, человѣкъ весьма честный, но нѣсколько поврежденный въ умѣ, привезъ его, семилѣтняго мальчика, къ этому нѣмцу, заплатилъ за него за годъ впередъ, уѣхалъ изъ Москвы, да и пропалъ безъ вѣсти.... Изрѣдка ходили о немъ темные, странные слухи. Только лѣтъ черезъ восемь узнали съ достовѣрностью, что онъ утонулъ въ половодье, переправляясь черезъ Иртышъ. Что̀ его занесло въ Сибирь — Господь

вѣдаетъ. У Якова другихъ родныхъ не было; мать его давнымъ-давно умерла. Онъ такъ и остался на рукахъ Винтеркеллера. Правда, была у Якова отдаленная родственница, тетка, но до того бѣдная, что сначала боялась ходить къ своему племяннику, какъ бы не навязали его ей на шею. Страхъ ея оказался напраснымъ: добродушный нѣмецъ оставилъ у себя Якова, позволилъ ему учиться вмѣстѣ съ другими воспитанниками, кормилъ его (за столомъ его, однако, обносили десертомъ по будиямъ) и платье ему перешивалъ изъ поношенныхъ камлотовыхъ капотовъ (большей частью табачнаго цвѣта) своей матери, престарѣлой, но еще очень бойкой и распорядительной лифляндки. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ обстоятельствъ, и вообще вслѣдствіе подчиненнаго положенія Якова въ пансіонѣ, товарищи обращались съ нимъ небрежно, глядѣли на него свысока, и называли его то бабьимъ капотомъ, то племянникомъ чепца (тетка его постоянно носила весьма странный чепецъ съ торчавшимъ кверху пучкомъ желтыхъ лентъ въ видѣ артишока), то сыномъ Ермака (такъ какъ отецъ его утонулъ въ Иртышѣ). Но, несмотря на эти прозвища, несмотря на смѣшныя его платья, на его крайнюю бѣдность, всѣ его очень любили, да и невозможно было его не любить; болѣе доброй, благородной души, я думаю, и на свѣтѣ не было. Учился онъ также очень хорошо.

Когда я увидѣлъ его въ первый разъ, ему было лѣтъ шестнадцать; а мнѣ только-что минулъ тринадцатый годъ. Я былъ очень самолюбивый и избалованный мальчикъ, выросъ въ довольно богатомъ домѣ и потому, поступивъ въ пансіонъ, поспѣшилъ сблизиться съ однимъ князькомъ, предметомъ особенныхъ попеченій Винтеркеллера, да еще съ двумя-тремя маленькими аристократами, а со всѣми другими важничалъ. Пасынкова я не удостоилъ даже вниманія. Этотъ длинный и неловкій малый, въ безобразной

курткѣ и короткихъ панталонахъ, изъ-подъ которыхъ выглядывали толстые нитяные чулки, казался мнѣ чѣмъ-то въ родѣ казачка изъ дворовыхъ, или мѣщанскаго сына. Пасынковъ былъ очень вѣжливъ и коротокъ со всѣми, хотя ни въ комъ никогда не заискивалъ; если его отталкивали— онъ не унижался, и не дулся, а держался въ сторонѣ, какъ бы сожалѣя и выжидая. Такъ онъ поступилъ и со мной. Прошло около двухъ мѣсяцевъ. Однажды, въ лѣтній ясный день, проходя, послѣ шумной игры въ лапту, со двора въ садъ, увидѣлъ я Пасынкова, сидѣвшаго на скамейкѣ, подъ высокимъ кустомъ сирени. Онъ читалъ книгу. Я взглянулъ мимоходомъ на переплетъ и прочиталъ на спинкѣ имя Шиллера: „Schiller's Werke". Я остановился.

— Развѣ вы знаете по-нѣмецки?—спросилъ я Пасынкова....

Мнѣ до сихъ поръ становится совѣстно, когда я вспомню, сколько пренебреженія было въ самомъ звукѣ моего голоса.... Пасынковъ тихо поднялъ на меня свои небольшіе, но выразительные глаза, и отвѣтилъ:

— Да, знаю; а вы?

— Еще бы!—возразилъ я, ужъ обиженный, и хотѣлъ было идти дальше, да что-то удержало меня.

— А что̀ именно читаете вы изъ Шиллера?—спросилъ я съ прежней надменностью.

— Теперь я читаю „Resignation": прекрасное стихотвореніе. Хотите, я вамъ его прочту? Сядьте вотъ здѣсь, подлѣ меня, на скамейкѣ.

Я немного поколебался, однако сѣлъ. Пасынковъ началъ читать. По-нѣмецки онъ зналъ гораздо лучше меня: ему пришлось толковать мнѣ смыслъ нѣкоторыхъ стиховъ; но я ужъ не стыдился ни своего незнанія, ни его превосходства передо мною. Съ того дня, съ самаго того чтенія вдвоемъ въ саду, въ тѣни сирени, я всей душой по-

любилъ Пасынкова, сблизился съ нимъ и подчинился ему вполнѣ.

Живо помню его тогдашнюю наружность. Впрочемъ, онъ и послѣ мало измѣнился. Онъ былъ высокаго роста, худъ, долговязъ и довольно неуклюжъ. Узкія плечи и впалая грудь придавали ему болѣзненный видъ, хотя онъ не могъ пожаловаться на свое здоровье. Его большая, кверху закругленная голова слегка склонялась на бокъ, мягкіе русые волосы висѣли жидкими косицами вокругъ тонкой шеи. Лицо его не было красиво, и даже могло показаться смѣшнымъ, благодаря длинному, пухлому и красноватому носу, какъ бы нависшему надъ широкими и прямыми губами; но открытый лобъ его былъ прекрасенъ, и когда онъ улыбался, его маленькіе сѣрые глазки свѣтились такимъ кроткимъ и ласковымъ добродушіемъ, что, при взглядѣ на него, у всякаго становилось тепло и весело на сердцѣ. Помню я также его голосъ, тихій и ровный, съ какою-то особенно пріятной сипотой. Онъ говорилъ вообще мало и съ замѣтнымъ затрудненіемъ; но когда одушевлялся, рѣчь его лилась свободно и — странное дѣло!—голосъ его становился еще тише, взоръ его какъ будто уходилъ внутрь и погасалъ, а все лицо слабо разгоралось. Въ устахъ его слова: „добро“, „истина“, „жизнь“, „наука“, „любовь“, какъ бы восторженно они ни произносились, никогда не звучали ложнымъ звукомъ. Безъ напряженія, безъ усилія вступалъ онъ въ область идеала; его цѣломудренная душа во всякое время была готова предстать передъ „святыню красоты“; она ждала только привѣта, прикосновенія другой души.... Пасынковъ былъ романтикъ, одинъ изъ послѣднихъ романтиковъ, съ которыми мнѣ случалось встрѣтиться. Романтики теперь, какъ ужъ извѣстно, почти вывелись; по крайней мѣрѣ, между нынѣшними молодыми людьми ихъ нѣтъ. Тѣмъ хуже для нынѣшнихъ молодыхъ людей!

Около трехъ лѣтъ провелъ я съ Пасынковымъ, какъ говорится, душа въ душу. Я былъ повѣреннымъ его первой любви. Съ какимъ благодарнымъ вниманіемъ и участіемъ выслушивалъ я его признанья! Предметомъ его страсти была племянница Винтеркеллера, бѣлокурая, миленькая нѣмочка, съ пухленькимъ, почти дѣтскимъ личикомъ и довѣрчиво нѣжными голубыми глазками. Она была очень добра и чувствительна, любила Маттисона, Уланда и Шиллера и весьма пріятно произносила стихи ихъ своимъ робкимъ и звонкимъ голосомъ. Любовь Пасынкова была самая платоническая; онъ видѣлъ свою возлюблённую только по воскресеньямъ (она пріѣзжала играть въ фанты съ Винтеркеллеровыми дѣтьми) и мало съ ней разговаривалъ; за то однажды, когда она ему сказала „mein lieber, lieber Herr Jacob!“ онъ всю ночь не могъ заснуть отъ избытка благополучія. Ему и въ голову не пришло тогда, что она всѣмъ его товарищамъ говорила: „mein lieber“. Помню я также скорбь его и унынiе, когда вдругъ распространилось извѣстіе, что фрейлейнъ Фридерике (такъ ее звали) выходитъ замужъ за герра Книфтуса, владѣльца богатой мясной лавки, очень краснваго и даже образованнаго мужчину, и выходитъ не изъ одного повиновенія родительской волѣ, но и по любви. Очень тяжело было тогда Пасынкову, и особенно страдалъ онъ въ день перваго посѣщенія молодыхъ. Бывшая фрейлейнъ, теперь уже фрау Фридерике, представила его, опять подъ именемъ lieber Herr Jacob, своему мужу, у котораго все блестѣло: и глаза, и завитые въ кокъ черные волосы, и лобъ, и зубы, и пуговицы на фракѣ, и цѣпочка на жилетѣ, и самые сапоги на довольно, впрочемъ, большихъ, носками врозь поставленныхъ ногахъ. Пасынковъ пожалъ господину Книфтусу руку, и пожелалъ ему (и искренно пожелалъ—я въ этомъ увѣренъ) полнаго и продолжительнаго счастья. Это происходило

при мнѣ. Помню я, съ какимъ удивленіемъ и сочувствіемъ глядѣлъ я тогда на Якова. Онъ казался мнѣ героемъ!... И потомъ, какія грустныя происходили между нами бесѣды!—„Ищи утѣшенія въ искусствѣ“, говорилъ я ему.—„Да“, отвѣчалъ онъ мнѣ:—„и въ поэзіи“.—„И въ дружбѣ“, прибавлялъ я.—„И въ дружбѣ“,—повторялъ онъ. О, счастливые дни!...

Горестно было мнѣ разстаться съ Пасынковымъ. Передъ самымъ моимъ отъѣздомъ онъ, послѣ долгихъ хлопотъ и заботъ, послѣ переписки, часто забавной, досталъ наконецъ свои бумаги и поступилъ въ университетъ. Онъ продолжалъ состоять на иждивеніи Винтеркеллера, но, вмѣсто камлотовыхъ куртокъ и брюкъ, получалъ уже обыкновенную одежду, въ воздаяніе за уроки по разнымъ предметамъ, которыя преподавалъ младшимъ воспитанникамъ. Пасынковъ не перемѣнилъ своего обращенія со мной до самаго конца моего пребыванія въ пансіонѣ, хотя разница въ годахъ между нами уже начинала сказываться, и я, помнится, принимался ревновать его къ нѣкоторымъ изъ его новыхъ товарищей-студентовъ. Вліяніе его на меня было самое благотворное. Къ сожалѣнію, оно не было продолжительно. Приведу одинъ только примѣръ. Въ дѣтствѣ я привыкъ лгать.... Передъ Яковомъ у меня языкъ не поворачивался на ложь. Но особенно отрадно было мнѣ гулять съ нимъ вдвоемъ, или ходить возлѣ него взадъ и впередъ по комнатѣ и слушать, какъ онъ, не глядя на меня, читалъ стихи своимъ тихимъ и сосредоточеннымъ голосомъ. Право, мнѣ тогда казалось, что мы съ нимъ медленно, понемногу отдѣлялись отъ земли и неслись куда-то, въ какой-то лучезарный, таинственно-прекрасный край.... Помню я одну ночь. Мы сидѣли съ нимъ подъ тѣмъ же кустомъ сирени: мы полюбили это мѣсто. Всѣ наши товарищи уже спали; но мы тихонько встали, ощупью одѣлись впотьмахъ и украдкой вышли

„помечтать“. На дворѣ было довольно тепло, но свѣжій вѣтерокъ дулъ по временамъ и заставлялъ насъ еще ближе прижиматься другъ къ дружкѣ. Мы говорили, мы говорили много и съ жаромъ, такъ что даже перебивали другъ друга, хотя и не спорили. На небѣ сіяли безчисленныя звѣзды. Яковъ поднялъ глаза и, стиснувъ мнѣ руку, тихо воскликнулъ:

Надъ нами
Небо съ вѣчными звѣздами....
А надъ звѣздами ихъ Творецъ....

Благоговѣйный трепетъ пробѣжалъ по мнѣ; я весь похолодѣлъ и припалъ къ его плечу.... Сердце переполнилось....

Гдѣ тѣ восторги? Увы! тамъ же, гдѣ и молодость.

Въ Петербургѣ я встрѣтилъ Якова лѣтъ восемь спустя. Я только-что опредѣлился на службу, и ему кто-то доставилъ мѣстечко въ какомъ-то департаментѣ. Встрѣча наша была самая радостная. Никогда мнѣ не забыть того мгновенья, когда я, сидя однажды у себя дома, услыхалъ внезапно въ передней его голосъ.... Какъ я вздрогнулъ, съ какимъ біеніемъ сердца вскочилъ и бросился ему на шею, не давъ ему времени снять съ себя шубу и раскутать шарфъ! Какъ жадно глядѣлъ я на него сквозь невольныя, свѣтлыя слезы умиленія! Онъ немного постарѣлъ въ послѣднія семь лѣтъ; морщины, тонкія, какъ слѣдъ иглы, кой-гдѣ пробороздили лобъ его, щеки слегка впали и волосы порѣдѣли, но бороды почти не прибавилось, и улыбка его осталась та же, и смѣхъ его, милый, внутренній, словно задыхающійся смѣхъ, остался тотъ же....

Боже мой! чего мы не переговорили въ тотъ день.... Сколько любимыхъ стиховъ прочли мы другъ другу! Я началъ его упрашивать переѣхать ко мнѣ на житье, но онъ не согласился, за то обѣщалъ заходить ко мнѣ ежедневно, и сдержалъ свое обѣщаніе.

И душою Пасынковъ не измѣнился. Онъ предсталъ передо мною тѣмъ же романтикомъ, какимъ я зналъ его. Какъ ни охватывалъ его жизненный холодъ, горькій холода опыта,—нѣжный цвѣтокъ, рано расцвѣтшій въ сердцѣ моего друга, уцѣлѣлъ во всей своей нетронутой красѣ. Даже грусти, даже задумчивости не проявлялось въ немъ: онъ попрежнему былъ тихъ, но вѣчно веселъ душою.

Въ Петербургѣ жилъ онъ какъ бы въ пустынѣ, не размышляя о будущемъ и не знаясь почти ни съ кѣмъ. Я его свелъ съ Злотницкими. Онъ къ нимъ ходилъ довольно часто. Не будучи самолюбивъ, онъ не былъ застѣнчивъ: но и у нихъ, какъ и вездѣ, говорилъ мало, однако полюбился имъ. Тяжелый старикъ, мужъ Татьяны Васильевны, и тотъ обходился съ нимъ ласково, и обѣ молчаливыя дѣвушки скоро къ нему привыкли.

Бывало, онъ придетъ, принесетъ съ собою, въ заднемъ карманѣ сюртука, какое-нибудь вновь вышедшее сочиненіе и долго не рѣшается читать, все вытягиваетъ шею на бокъ, какъ птица, да высматриваетъ: можно ли? наконецъ умѣстится въ уголку (онъ вообще любилъ сидѣть по угламъ), достанетъ книжку и примется читать, сперва шопотомъ, потомъ громче и громче, изрѣдка перерывая самого себя короткими сужденіями или восклицаніями. Я замѣчалъ, что Варвара охотнѣе сестры къ нему подсаживалась и слушала его, хотя, конечно, мало его понимала: литература не занимала ее. Сидитъ, бывало, передъ Пасынковымъ, опершись на руки подбородкомъ, глядитъ ему—не въ глаза, а такъ, во все лицо, и словечка не промолвитъ, только шумно вздохнетъ вдругъ.— По вечерамъ, мы играли въ фанты, особенно въ воскресенья и въ праздники. Къ намъ тогда присоединялись двѣ барышни, сёстры, отдаленныя родственницы Злотницкихъ, маленькія, кругленькія, хохотуньи страшныя, да нѣсколько кадетовъ и юнкеровъ, очень добрыхъ и ти-

хихъ мальчиковъ. Пасынковъ всегда садился подлѣ Татьяны Васильевны, и вмѣстѣ съ ней придумывалъ, что дѣлать тому, чей фантъ вынется.

Софья не любила нѣжностей и поцѣлуевъ, которыми обыкновенно выкупаются фанты, а Варвара досадовала, когда ей приходилось что-нибудь отыскивать или отгадывать. Барышни знай-себѣ хохотали—откуда у нихъ смѣхъ брался,—меня иногда досада разбирала на нихъ глядя, а Пасынковъ только улыбался и головой покачивалъ. Старикъ Злотницкій въ наши игры не вмѣшивался, и даже не совсѣмъ ласково посматривалъ на насъ изъ-за дверей своего кабинета. Разъ только, совершенно неожиданно, вышелъ онъ къ намъ, и предложилъ, чтобы та особа, чей фантъ вынется, провальсировала вмѣстѣ съ нимъ; мы, разумѣется, согласились. Вышелъ фантъ Татьяны Васильевны: она вся покраснѣла, смѣшалась и застыдилась, какъ пятнадцати-лѣтняя дѣвочка—но мужъ ея тотчасъ приказалъ Софьѣ сѣсть за фортепіано, подошелъ къ женѣ и сдѣлалъ съ ней два тура, по старинному, въ три тэмпа. Помню я, какъ его желчное и темное лицо, съ неулыбавшимися глазами, то показывалось, то скрывалось, медленно оборачиваясь и не мѣняя своего строгаго выраженія. Вальсируя, онъ широко шагалъ и подпрыгивалъ, а жена его быстро сѣменила ногами и прижималась, какъ бы отъ страха, лицомъ къ его груди. Онъ довелъ ее до ея мѣста, поклонился ей, ушелъ къ себѣ и заперся. Софья хотѣла было встать. Но Варвара попросила ее продолжать вальсъ, подошла къ Пасынкову и, протянувъ руку, съ неловкой усмѣшкой сказала: хотите? Пасынковъ удивился, однако вскочилъ — онъ всегда отличался утонченной вѣжливостью—взялъ Варвару за талью, но съ перваго же шагу поскользнулся и, быстро отдѣлившись отъ своей дамы, покатился прямо подъ тумбочку, на которой стояла клѣтка попугая.... Клѣтка упала, попугай испугался и за-

кричалъ: на кра-улъ! Поднялся общій хохотъ.... Злотницкій показался на порогѣ кабинета, поглядѣлъ сурово и захлопнулъ дверь. Съ тѣхъ поръ стоило только вспомнить при Варварѣ объ этомъ происшествіи, и она тотчасъ начинала смѣяться и съ такимъ выраженіемъ поглядывала на Пасынкова, какъ будто умнѣе того, что̀ онъ тогда сдѣлалъ, невозможно было ничего придумать.

Пасынковъ очень любилъ музыку. Онъ часто просилъ Софью сыграть ему что-нибудь, садился въ сторонкѣ и слушалъ, изрѣдка подтягивая тонкимъ голосомъ на чувствительныхъ ноткахъ. Особенно любилъ онъ „Созвѣздія“ Шуберта. Онъ увѣрялъ, что когда при немъ играли „Созвѣздія“, ему всегда казалось, что вмѣстѣ съ звуками, какіе-то голубые длинные лучи лились съ вышины ему прямо въ грудь. Я еще до сихъ поръ, при видѣ безоблачнаго ночного неба съ тихо шевелящимися звѣздами, всегда вспоминаю мелодію Шуберта и Пасынкова.... Приходитъ мнѣ еще на умъ одна загородная прогулка. Мы поѣхали цѣлымъ обществомъ, въ двухъ ямскихъ четвероместныхъ каретахъ, въ Парголово. Помнится, кареты взяли съ Владимірской; онѣ были очень стары, голубого цвѣта, на круглыхъ рессорахъ, съ широкими козлами и клочками сѣна внутри; бурыя разбитыя лошади везли насъ тяжелой рысью, хромая каждая на разную ногу. Мы долго гуляли по сосновымъ рощамъ вокругъ Парголова, пили молоко изъ глиняныхъ кувшинчиковъ и ѣли землянику съ сахаромъ. Погода была чудесная. Варвара не любила много ходить: она скоро утомлялась; но на этотъ разъ она отъ насъ не отставала. Она сняла шляпу, волосы ея развились, тяжелыя черты оживились и щеки покраснѣли. Встрѣтивши въ лѣсу двухъ крестьянскихъ дѣвушекъ, она вдругъ сѣла на землю, подозвала и не приласкала, а усадила ихъ возлѣ себя. Софья посмотрѣла на нихъ издали съ холодной улыбкой и не подошла къ нимъ. Она гуляла

съ Асановымъ, а Злотницкій замѣтилъ, что Варвара настоящая насѣдка. Варвара встала и пошла прочь. Въ теченіе прогулки она нѣсколько разъ подходила къ Пасынкову и говорила ему: „Яковъ Иванычъ, я вамъ что-то хочу сказать“,—но что она хотѣла ему сказать—осталось неизвѣстнымъ.

Впрочемъ, пора мнѣ возвратиться къ моему разсказу.

Я обрадовался приходу Пасынкова; но когда вспомнилъ о томъ, что сдѣлалъ наканунѣ, мнѣ стало невыразимо совѣстно, и я поспѣшно отвернулся опять къ стѣнѣ. Погодя немного, Яковъ спросилъ меня, здоровъ ли я.

— Здоровъ,—отвѣчалъ я сквозь зубы:—только голова болитъ.

Яковъ ничего не отвѣтилъ и взялъ книгу. Прошло болѣе часу; я ужъ собирался во всемъ сознаться Якову.... вдругъ въ передней прозвенѣлъ колокольчикъ.

Дверь на лѣстницу растворилась.... я прислушался.... Асановъ спрашивалъ моего человѣка, дома ли я.

Пасынковъ всталъ; онъ не любилъ Асанова, и, сказавъ мнѣ шопотомъ, что пойдетъ полежать на моей постели, отправился ко мнѣ въ спальню.

Минуту спустя, вошелъ Асановъ.

По одному покраснѣвшему лицу его, по короткому и сухому поклону, я догадался, что онъ пріѣхалъ ко мнѣ не спроста. „Что-то будетъ?“ подумалъ я.

— Милостивый государь,—началъ онъ, быстро садясь въ кресло:—я явился къ вамъ для того, чтобъ вы разрѣшили мнѣ одно сомнѣніе.

— А именно?

— А именно: я желаю знать, честный ли вы человѣкъ?

Я вспыхнулъ.

— Это что значитъ?—спросилъ я.

— А вотъ что это значитъ....—возразилъ онъ, словно отчеканивая каждое слово: — вчера я вамъ показывалъ бумажникъ съ письмами одной особы ко мнѣ.... Сегодня вы съ упрекомъ—замѣтьте, съ упрекомъ—пересказывали этой особѣ нѣсколько выраженій изъ этихъ писемъ, не имѣя на то ни малѣйшаго права. Я желаю знать какъ вы это объясните?

— А я желаю знать, какое *вы* имѣете право меня разспрашивать?—отвѣтилъ я, весь дрожа отъ бѣшенства и внутренняго стыда.—Вольно вамъ было щеголять вашимъ дядюшкой, вашей перепиской; я-то тутъ что? Вѣдь всѣ ваши письма цѣлы?

— Письма-то цѣлы; но я былъ вчера въ такомъ состояніи, что вы легко могли....

— Однимъ словомъ, милостивый государь, — заговорилъ я, нарочно какъ можно громче: — я прошу васъ оставить меня въ покоѣ, слышите ли? Я ничего знать не хочу и объяснять вамъ ничего не стану. Ступайте къ той особѣ за объясненіями! (Я чувствовалъ, что у меня голова начинала кружиться).

Асановъ устремилъ на меня взглядъ, которому видимо старался придать выраженіе насмѣшливой проницательности, пощипалъ свои усики и всталъ не спѣша.

— Я теперь знаю, что̀ мнѣ думать,—промолвилъ онъ:—ваше лицо—лучшая вамъ улика. Но я долженъ вамъ замѣтить, что благородные люди такъ не поступаютъ.... Прочесть украдкой письмо и потомъ идти къ благородной дѣвушкѣ безпокоить ее....

— Убирайтесь вы къ чорту!—закричалъ я, затопавъ ногами:—и присылайте мнѣ секунданта; съ вами я не намѣренъ разговаривать.

— Прошу не учить меня, — холодно возразилъ Асановъ: — а секунданта я и самъ хотѣлъ къ вамъ прислать.

Онъ ушелъ. Я упалъ на диванъ и закрылъ лицо руками. Кто-то тронулъ меня за плечо; я принялъ руки—передо мною стоялъ Пасынковъ.

— Что это? правда?...—спросилъ онъ меня:—ты прочелъ чужое письмо?

Я не имѣлъ силъ отвѣтить ему, но качнулъ утвердительно головой.

Пасынковъ подошелъ къ окну и, стоя ко мнѣ спиною, медленно проговорилъ:—Ты прочелъ письмо одной дѣвушки къ Асанову. Кто же была эта дѣвушка?

— Софья Злотницкая,—отвѣчалъ я, какъ подсудимый отвѣчаетъ судьѣ.

Пасынковъ долго не вымолвилъ ни слова.

— Одна страсть можетъ до нѣкоторой степени извинить тебя,—началъ онъ наконецъ.—Развѣ ты влюбленъ въ Злотницкую?

— Да.

Пасынковъ опять помолчалъ.

— Я это думалъ. И ты сегодня пошелъ къ ней и началъ упрекать ее....

— Да, да, да....—проговорилъ я съ отчаяньемъ.—Ты теперь можешь меня презирать....

Пасынковъ прошелся раза два по комнатѣ.

— А она его любитъ?—спросилъ онъ.

— Любитъ....

Пасынковъ потупился и долго смотрѣлъ неподвижно на полъ.

— Ну, этому надо помочь,—началъ онъ, поднявъ голову:—этого нельзя такъ оставить.

И онъ взялся за шляпу.

— Куда же ты?

— Къ Асанову.

Я вскочилъ съ дивана.

— Да я тебѣ не позволю. Помилуй! какъ можно! что онъ подумаетъ?

Пасынковъ поглядѣлъ на меня.

— А по-твоему, развѣ лучше дать этой глупости ходъ, себя погубить, дѣвушку опозорить?

— Да что ты скажешь Асанову?

— Я постараюсь вразумить его, скажу, что ты просишь у него извиненія....

— Да я не хочу извиняться передъ нимъ!

— Не хочешь? Развѣ ты не виноватъ?

Я посмотрѣлъ на Пасынкова: спокойное и строгое, хотя грустное выраженіе лица его меня поразило; оно было ново для меня. Я ничего не отвѣчалъ и сѣлъ на диванъ.

Пасынковъ вышелъ.

Съ какимъ мучительнымъ томленіемъ ожидалъ я его возвращенія! Съ какой жестокой медленностью проходило время! Наконецъ, онъ вернулся—поздно.

— Ну, что?—спросилъ я робкимъ голосомъ.

— Слава Богу!—отвѣчалъ онъ:—все улажено.

— Ты былъ у Асанова?

— Былъ.

— Что онъ? чай, ломался?—промолвилъ я съ усиліемъ.

— Нѣтъ, не скажу. Я ожидалъ больше.... Онъ.... онъ не такой пошлый человѣкъ, какъ я почиталъ его.

— Ну, а кромѣ его, ты ни у кого не былъ? — спросилъ я, погодя немного.

— Я былъ у Злотницкихъ.

— А!... (Сердце у меня забилось. Я не смѣлъ взглянуть Пасынкову въ глаза).—Что жъ она?

— Софья Николаевна — дѣвушка благоразумная, добрая.... Да, она добрая дѣвушка. Ей сначала было неловко, но потомъ она успокоилась. Впрочемъ, весь нашъ разговоръ продолжался не болѣе пяти минутъ.

— И ты.... ей все сказалъ.... обо мнѣ.... все?

— Я сказалъ, что было нужно.

— Мнѣ ужъ теперь нельзя будетъ больше ходить къ нимъ!—проговорилъ я уныло....

— Отчего же? Нѣтъ, изрѣдка можно. Напротивъ, ты долженъ къ нимъ непремѣнно пойти, чтобъ не подумали чего-нибудь....

— Ахъ, Яковъ, ты меня теперь презирать будешь!— воскликнулъ я, чуть сдерживая слезы.

— Я? презирать тебя?... (Его ласковые глаза затеплились любовью). Тебя презирать.... глупый человѣкъ! Развѣ тебѣ легко было? Развѣ ты не страдаешь?

Онъ протянулъ мнѣ руку; я бросился къ нему на шею и зарыдалъ.

Спустя нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ я могъ замѣтить, что Пасынковъ былъ очень не въ духѣ, я рѣшился, наконецъ, пойти къ Злотницкимъ. Что я чувствовалъ, вступая къ нимъ въ гостиную, это словами передать трудно; помню, что я едва различалъ лица, и голосъ прерывался въ груди. И Софьѣ было не легче: она видимо принуждала себя заговаривать со мною, но глаза ея такъ же избѣгали моихъ, какъ мои—ея, и въ каждомъ ея движеніи, во всемъ существѣ проглядывало принужденіе, смѣшанное.... что таить правду? съ тайнымъ отвращеніемъ. Я постарался какъ можно скорѣе избавить и ее, и себя отъ такихъ тягостныхъ ощущеній. Это свиданіе было, къ счастью, послѣднимъ.... передъ ея бракомъ. Внезапная перемѣна въ судьбѣ моей увлекла меня въ другой конецъ Россіи, и я надолго простился съ Петербургомъ, съ семействомъ Злотницкихъ и, что мнѣ было всего больнѣе, съ добрымъ Яковомъ Пасынковымъ.

II.

Прошло лѣтъ семь. Не считаю нужнымъ разсказывать, что именно происходило со мной въ теченіе всего этого времени. Помаялся я-таки по Россіи, заѣзжалъ въ глушь и въ даль, и слава Богу! Глушь и даль не такъ страшны, какъ думаютъ иные, и въ самыхъ потаенныхъ мѣстахъ дремучаго лѣса, подъ валежникомъ и дромомъ, растутъ душистые цвѣты.

Однажды, весной, проѣзжая по дѣламъ службы черезъ небольшой уѣздный городокъ одной изъ отдаленныхъ губерній восточной Россіи, я, сквозь тусклое стеклышко тарантаса, увидѣлъ на площади, передъ лавкой, человѣка, лицо котораго мнѣ показалось чрезвычайно знакомымъ. Я вглядѣлся въ этого человѣка и, къ немалой своей радости, узналъ въ немъ Елисѣя, слугу Пасынкова.

Я тотчасъ велѣлъ ямщику остановиться, выскочилъ изъ тарантаса и подошелъ къ Елисѣю.

— Здравствуй, братъ! — проговорилъ я, съ трудомъ скрывая волненье:—ты здѣсь съ своимъ бариномъ?

— Съ бариномъ,—возразилъ онъ медленно и вдругъ воскликнулъ:—Ахъ, батюшка, это вы? Я и не узналъ васъ?

— Ты здѣсь съ Яковомъ Иванычемъ?

— Съ нимъ, батюшка, съ нимъ.... А то съ кѣмъ же?

— Веди меня скорѣй къ нему.

— Извольте, извольте! Сюда пожалуйте, сюда.... Мы здѣсь, въ трактирѣ стоимъ.

И Елисѣй повелъ меня черезъ площадь, безпрестанно приговаривая: „Ну, какъ же Яковъ Иванычъ обрадуется!“

Этотъ Елисѣй, калмыкъ по происхожденію, человѣкъ на видъ крайне безобразный и даже дикій, но добрѣйшей души и неглупый, страстно любилъ Пасынкова и служилъ ему лѣтъ десять.

— Какъ здоровье Якова Иваныча?—спросилъ я его.

Елисѣй обернулъ ко мнѣ свое темно-желтое личико.

— Ахъ, батюшка, плохо.... плохо, батюшка! Вы ихъ не узнаете.... Недолго имъ, кажется, остается на свѣтѣ пожить. Оттого-то мы здѣсь и засѣли, а то мы вѣдь въ Одессу ѣхали лечиться.

— Откуда же вы ѣдете?

— Изъ Сибири, батюшка.

— Изъ Сибири?

— Точно такъ-съ. Яковъ Иванычъ тамъ на службѣ состояли-съ. Тамъ они и рану получили-съ.

— Развѣ онъ въ военную службу поступилъ?

— Никакъ нѣтъ-съ. Въ статской служили-съ.

„Что за чудеса!“ подумалъ я. Между тѣмъ, мы подошли къ трактиру, и Елисѣй побѣжалъ впередъ, доложить обо мнѣ. Въ первые годы нашей разлуки мы съ Пасынковымъ переписывались довольно часто, но послѣднее письмо его я получилъ года четыре назадъ, и съ тѣхъ поръ ничего не зналъ о немъ.

— Пожалуйте-съ, пожалуйте-съ!—кричалъ мнѣ Елисѣй съ лѣстницы:—Яковъ Иванычъ очень желаютъ васъ видѣть-съ.

Я поспѣшно вбѣжалъ по шаткимъ ступенямъ, вошелъ въ темную, маленькую комнату—и сердце во мнѣ перевернулось.... На узкой постели, подъ шинелью, блѣдный какъ мертвецъ, лежалъ Пасынковъ и протягивалъ мнѣ обнаженную, исхудалую руку. Я бросился къ нему и судорожно его обнялъ.

— Яша!—воскликнулъ я наконецъ:—что съ тобой?

— Ничего, — отвѣтилъ онъ слабымъ голосомъ:—прихворнулъ немного. Ты какимъ случаемъ сюда попалъ?

Я сѣлъ на стулъ подлѣ постели Пасынкова и, не выпуская его руки изъ своихъ рукъ, началъ глядѣть ему въ лицо. Я узналъ дорогія мнѣ черты: выраженіе его глазъ,

его улыбка не измѣнилась, но что съ нимъ сдѣлала болѣзнь!

Онъ замѣтилъ впечатлѣніе, которое произвелъ на меня.

— Я дня три не брился,—промолвилъ онъ:—ну, да и не причесанъ, а то я.... еще ничего.

— Скажи, пожалуйста, Яша,—началъ я:—что̀ это мнѣ сказалъ Елисѣй.... Ты раненъ?

— А! да, это цѣлая исторія,—возразилъ онъ.—Я тебѣ послѣ разскажу. Точно, я раненъ, и вообрази, чѣмъ? стрѣлой.

— Стрѣлой?

— Да, стрѣлой, только не миѳологической, не стрѣлою амура, а настоящей стрѣлой изъ какого-то прегибкаго дерева, съ искуснымъ остріемъ на концѣ.... Очень непріятное ощущеніе производитъ такая стрѣла, особенно когда попадаетъ въ легкія.

— Да какимъ это образомъ? помилуй....

— А вотъ какимъ. Ты знаешь, въ моей судьбѣ было всегда много смѣшного. Помнишь мою комическую переписку по дѣлу вытребованія бумагъ? Вотъ, я и раненъ смѣшно. И въ самомъ дѣлѣ, какой порядочный человѣкъ, въ наше просвѣщенное столѣтіе, позволитъ себя ранить стрѣлой? И не случайно—замѣть, не во время какихъ-нибудь игрищъ, а на сраженіи.

— Да ты все мнѣ не говоришь....

— А вотъ, постой, —перебилъ онъ.—Ты знаешь, что меня скоро послѣ твоего отъѣзда изъ Петербурга перевели въ Новгородъ. Въ Новгородѣ я провелъ довольно много времени и, признаться, скучалъ, хотя я и тамъ встрѣтился съ однимъ существомъ.... (Онъ вздохнулъ).... Но теперь не до того; а года два назадъ вышло мнѣ прекрасное мѣстечко, правда, далеко немножко, въ Иркутской губерніи, да что за бѣда! Видно, намъ съ отцомъ на роду было написано посѣтить Сибирь. Славный край Сибирь! Бога-

тый, привольный—это тебѣ всякій скажетъ. Очень мнѣ тамъ понравилось. Инородцы у меня подъ началомъ состояли; народъ смирный; да на мою бѣду, вздумалось имъ, человѣкамъ десяти, не больше, контрабанду провезти. Меня послали ихъ перехватить. Перехватить-то я ихъ перехватилъ, да одинъ изъ нихъ, сдуру, должно-быть, захотѣлъ защищаться, да и попотчивалъ меня этой стрѣлой.... Я-было чуть не умеръ, однако оправился. Теперь, вотъ, ѣду окончательно вылечиться.... Начальство, дай Богъ имъ всѣмъ здоровья, денегъ дало.

Пасынковъ въ изнеможеніи опустилъ голову на подушку и умолкъ. Слабый румянецъ разлился по его щекамъ. Онъ закрылъ глаза.

— Много говорить не могутъ, — проговорилъ вполголоса Елисѣй, не выходившій изъ комнаты.

Наступило молчаніе; только и слышалось, что тяжелое дыханіе больного.

— Да вотъ,—продолжалъ онъ, опять открывъ глаза:— вторую недѣлю сижу въ этомъ городишкѣ.... простудился, должно-быть. Меня лечитъ здѣшній уѣздный врачъ—ты его увидишь; онъ, кажется, дѣло свое знаетъ. Впрочемъ, я очень этому случаю радъ, а то какъ бы я съ тобою встрѣтился? (И онъ взялъ меня за руку. Его рука, еще недавно холодная какъ ледъ, теперь пылала).— Разскажи ты мнѣ что-нибудь о себѣ, — заговорилъ онъ опять, откидывая отъ груди шинель:—вѣдь мы съ тобой Богъ знаетъ когда видѣлись.

Я поспѣшилъ исполнить желаніе его, лишь бы не дать ему говорить, и принялся разсказывать. Онъ сперва слушалъ меня съ большимъ вниманіемъ, потомъ попросилъ пить, а тамъ опять началъ закрывать глаза и метаться головой по подушкѣ. Я посовѣтывалъ ему соснуть немного, прибавивъ, что не поѣду дальше, пока онъ не поправится, и помѣщусь въ комнатѣ съ нимъ рядомъ.—

Здѣсь очень скверно.... началъ-было Пасынковъ, но я зажалъ ему ротъ и тихо вышелъ. Елисѣй тоже вышелъ вслѣдъ за мной.

— Что же это, Елисѣй? вѣдь онъ умираетъ? — спросилъ я вѣрнаго слугу.

Елисѣй только махнулъ рукой и отвернулся.

Отпустивъ ямщика и наскоро перебравшись въ смежную комнату, я отправился посмотрѣть, не заснулъ ли Пасынковъ. У двери его я столкнулся съ человѣкомъ высокаго роста, очень толстымъ и грузнымъ. Лицо его, рябое и пухлое, выражало лѣнь—и больше ничего, крохотные глазки такъ и слипались, и губы лоснились, какъ послѣ сна.

— Позвольте узнать, — спросилъ я его: — вы не докторъ ли?

Толстый человѣкъ посмотрѣлъ на меня, усиленно приподнявъ бровями свой нависшій лобъ.

— Точно такъ-съ,—промолвилъ онъ наконецъ.

— Сдѣлайте одолженіе, г. докторъ, не угодно ли вамъ пожаловать сюда, ко мнѣ въ комнату? Яковъ Иванычъ, кажется, теперь спитъ, я его пріятель и желалъ бы поговорить съ вами объ его болѣзни, которая меня очень безпокоитъ.

— Очень хорошо-съ, — отвѣчалъ докторъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто желая сказать: „Охота тебѣ такъ много говорить; я бы и такъ пошелъ“, и направился вслѣдъ за мной.

— Скажите, пожалуйста,—началъ я, какъ только онъ опустился на стулъ:—состояніе моего пріятеля опасно? какъ вы находите?

— Да,—спокойно отвѣчалъ толстякъ.

— И.... очень оно опасно?

— Да, опасно.

— Такъ что онъ даже.... умереть можетъ?

— Можетъ.

Признаюсь, я почти съ ненавистью посмотрѣлъ на моего собесѣдника.

— Такъ помилуйте,—началъ я:—надобно прибѣгнуть къ какимъ-нибудь мѣрамъ, консиліумъ созвать, что ли.... Вѣдь нельзя же такъ.... Помилуйте!

— Консиліумъ? — можно. Отчего жъ? Можно. Ивана Ефремыча позвать....

Докторъ говорилъ съ трудомъ и безпрестанно вздыхалъ. Желудокъ его замѣтно приподнимался, когда онъ говорилъ, какъ бы выпирая каждое слово.

— Кто такой Иванъ Ефремычъ?

— Городской врачъ.

— Не послать ли въ губернскій городъ—какъ вы думаете? Тамъ навѣрное есть хорошіе доктора.

— Что жъ? можно.

— А кто тамъ лучшимъ врачемъ почитается?

— Лучшимъ? Былъ тамъ Кольрабусъ докторъ.... только его чуть ли не перевели куда-то. Впрочемъ, признаться, оно и не нужно посылать-то.

— Почему же?

— Вашему пріятелю и губернскій докторъ не поможетъ.

— Развѣ онъ такъ плохъ?

— Да-таки, наткнулся.

— Чѣмъ же онъ собственно боленъ?

— Рану получилъ.... Легкія, значитъ, пострадали.... ну, тутъ еще простудился, сдѣлался жаръ.... ну, и прочее. А запасной экономіи нѣтъ: безъ запасной экономіи, вы сами знаете, человѣку невозможно.

Мы оба помолчали.

— Развѣ гомеопатіей попробовать.... — проговорилъ толстякъ, искоса взглянувъ на меня.

— Какъ гомеопатіей? Вѣдь вы аллопатъ?

не слушалъ меня, глядѣлъ куда-то въ сторону, и раза два еще повторилъ: „странно!“

Я опустилъ книгу на колѣни.

— „Сосѣдка есть у нихъ одна“,—прошепталъ онъ, и вдругъ, обратившись ко мнѣ, спросилъ:—А что, помнишь ты Софью Злотницкую?

Я покраснѣлъ.

— Какъ не помнить!

— Вѣдь она замужъ вышла?...

— За Асанова, давнымъ-давно. Я тебѣ писалъ объ этомъ.

— Точно, точно, писалъ. Отецъ ее простилъ наконецъ?

— Простилъ, но Асанова не принялъ.

— Упрямый старикъ! Ну, а какъ слышно, счастливо они живутъ?

— Не знаю, право.... кажется, счастливо. Они въ деревнѣ живутъ, въ ***ой губерніи; я ихъ не видалъ, но проѣзжалъ мимо.

— И дѣти есть у нихъ?

— Кажется, есть.... Кстати, Пасынковъ?—спросилъ я.

Онъ взглянулъ на меня.

— Признайся, ты, помнится, тогда не хотѣлъ отвѣчать на мой вопросъ: вѣдь ты сказалъ ей, что я ее любилъ?

— Я все ей сказалъ, всю правду.... Я ей всегда правду говорилъ. Скрытничать передъ ней — это было бы грѣхъ!

Пасынковъ помолчалъ.

— Ну, а скажи мнѣ,—началъ онъ опять:—скоро ты разлюбилъ ее, или нѣтъ?

— Не скоро, но разлюбилъ. Что пользы вздыхать понапрасну?

Пасынковъ перевернулся ко мнѣ лицомъ.

— А я, братъ,—началъ онъ—и губы его задрожали:—не тебѣ чета: я до сихъ поръ не разлюбилъ ее.

— Какъ! — воскликнулъ я съ невыразимымъ изумленіемъ:—развѣ ты любилъ ее?

— Любилъ,—медленно проговорилъ Пасынковъ, и занесъ обѣ руки за голову. — Какъ я ее любилъ, это извѣстно одному Богу. Никому я не говорилъ объ этомъ, никому въ мірѣ, и не хотѣлъ никому говорить.... да ужъ такъ! „На свѣтѣ мало, говорятъ, мнѣ остается жить....“ Куда ни шло!

Неожиданное признаніе Пасынкова до того меня удивило, что я рѣшительно не могъ ничего сказать, и только думалъ: „возможно ли? какъ же я этого не подозрѣвалъ?“

— Да,—продолжалъ онъ, какъ бы говоря съ самимъ собою:—я ее любилъ. Я не переставалъ ее любить даже тогда, когда узналъ, что сердце ея принадлежитъ Асанову. Но тяжело мнѣ было узнать это! Если бъ она тебя полюбила, я бы, по крайней мѣрѣ, за тебя порадовался: но Асановъ.... Чѣмъ онъ могъ ей понравиться? Его счастье! А измѣнить своему чувству, разлюбить она ужъ не могла. Честная душа не мѣняется....

Я вспомнилъ посѣщеніе Асанова послѣ рокового обѣда, вмѣшательство Пасынкова, и невольно всплеснулъ руками.

— Ты отъ меня все это узналъ, бѣднякъ! — воскликнулъ я:—и ты же взялся пойти къ ней тогда!

— Да,—заговорилъ опять Пасынковъ:—это объясненіе съ ней.... я его никогда не забуду. Вотъ когда я узналъ, вотъ когда я понялъ, что̀ значитъ давно мною избранное слово: Resignation. Но все же она осталась моей постоянной мечтой, моимъ идеаломъ.... А жалокъ тотъ, кто живетъ безъ идеала!

Я глядѣлъ на Пасынкова: глаза его, словно устремленные въ даль, блестѣли лихорадочнымъ блескомъ.

— Я любилъ ее,—продолжалъ онъ:—я любилъ ее, ее, спокойную, честную, недоступную, неподкупную; когда она уѣхала, я чутъ не помѣшался съ горя.... Съ тѣхъ поръ я ужъ никого не любилъ....

И вдругъ, отвернувшись, онъ прижалъ лицо къ подушкѣ и тихо заплакалъ.

Я вскочилъ, нагнулся къ нему и началъ утѣшать его....

— Ничего, — промолвилъ онъ, приподнявъ голову и встряхнувъ волосами:—это такъ; немножко горько стало, немножко жалко.... себя, то-есть.... Но все это ничего. Все стихи виноваты. Прочти-ка мнѣ другіе, повеселѣе.

Я взялъ Лермонтова, сталъ быстро переворачивать страницы; но мнѣ, какъ нарочно, все попадались стихотворенія, которыя могли опять взволновать Пасынкова. Наконецъ, я прочелъ ему „Дары Терека“.

— Трескотня риторическая!—проговорилъ мой бѣдный другъ тономъ наставника: — а есть хорошія мѣста. Я, братъ, безъ тебя самъ попытался въ поэзію пуститься и началъ одно стихотвореніе: „Кубокъ жизни“—ничего не вышло! Наше дѣло, братъ, сочувствовать, не творить.... Однако, я что-то усталъ; сосну-ка я маленько—какъ ты полагаешь? Экая славная вещь сонъ, подумаешь! Вся жизнь наша сонъ, и лучшее въ ней опять-таки сонъ.

— А поэзія?—спросилъ я.

— И поэзія сонъ, только райскій.

Пасынковъ закрылъ глаза.

Я постоялъ немного у его постели. Не думалъ я, чтобъ онъ могъ скоро уснуть, однако дыханіе его становилось ровнѣе и продолжительнѣе. Я на цыпочкахъ вышелъ вонъ, вернулся въ свою комнату и легъ на диванъ. Долго думалъ я о томъ, что̀ мнѣ сказалъ Пасынковъ, припоминалъ многое, дивился, наконецъ заснулъ самъ....

Кто-то толкнулъ меня; я очнулся: передо мной стоялъ Елисѣй.

— Пожалуйте къ барину,—сказалъ онъ.

Я тотчасъ всталъ.

— Что съ нимъ?

— Бредитъ.

— Бредитъ? А прежде съ нимъ этого не бывало?

— Нѣтъ, и въ прошедшую ночь бредилъ, только сегодня что-то страшно.

Я вошелъ въ комнату Пасынкова. Онъ не лежалъ, а сидѣлъ на своей постели, наклонясь всѣмъ туловищемъ впередъ, тихо разводилъ руками, улыбался и говорилъ, все говорилъ голосомъ беззвучнымъ и слабымъ, какъ шелестъ тростника. Глаза его блуждали. Печальный свѣтъ ночника, поставленнаго на полу и загороженнаго книгою, лежалъ недвижнымъ пятномъ на потолкѣ; лицо Пасынкова казалось еще блѣднѣе въ полумракѣ.

Я подошелъ къ нему, окликнулъ его—онъ не отозвался. Я сталъ прислушиваться къ его лепету: онъ бредилъ о Сибири, о ея лѣсахъ. По временамъ былъ смыслъ въ его бредѣ.

„Какія деревья!“ шепталъ онъ: „до самаго неба. Сколько на нихъ инею! Серебро.... Сугробы.... А вотъ слѣды маленькіе.... то зайка скакалъ, то бѣлъ горностай.... Нѣтъ, это отецъ пробѣжалъ съ моими бумагами. Вонъ онъ.... Вонъ онъ! Надо идти; луна свѣтитъ. Надо идти, сыскать бумаги.... А! Цвѣтокъ, алый цвѣтокъ — тамъ Софья.... Вотъ, колокольчики звенятъ, то морозъ звенитъ... Ахъ, нѣтъ; это глупые снѣгири по кустамъ прыгаютъ, свистятъ.... Вишь, краснозобые! Холодно.... А! вотъ Асановъ.... Ахъ да, вѣдь онъ пушка—мѣдная пушка, и лафетъ у него зеленый. Вотъ отчего онъ нравится. Звѣзда покатилась? Нѣтъ, это стрѣла летитъ.... Ахъ, какъ скоро, и прямо мнѣ въ сердце!... Кто это выстрѣлилъ? Ты, Сонечка?“

Онъ нагнулъ голову и началъ шептать безсвязныя сло-

ва. Я взглянулъ на Елисѣя: онъ стоялъ, заложивъ руки за спину, и жалостно глядѣлъ на своего господина.

— А что, братъ, ты сдѣлался практическимъ человѣкомъ?—спросилъ онъ вдругъ, устремивъ на меня такой ясный, такой сознательный взглядъ, что я невольно вздрогнулъ и хотѣлъ-было отвѣтить, но онъ тотчасъ же продолжалъ:—А я, братъ, не сдѣлался практическимъ человѣкомъ, не сдѣлался, что̀ ты будешь дѣлать! Мечтателемъ родился, мечтателемъ! Мечта, мечта.... Что такое мечта? Мужикъ Собакевича—вотъ мечта. Охъ!...

Почти до самаго утра бредилъ Пасынковъ; наконецъ, онъ понемногу утихъ, опустился на подушку и задремалъ. Я вернулся къ себѣ въ комнату. Измученный жестокою ночью, я заснулъ крѣпко.

Елисѣй опять меня разбудилъ.

— Ахъ, батюшка!—заговорилъ онъ трепетнымъ голосомъ:—мнѣ сдается, Яковъ Иванычъ помираетъ....

Я побѣжалъ къ Пасынкову. Онъ лежалъ неподвижно. При свѣтѣ начинавшаго дня онъ ужъ казался мертвецомъ. Онъ узналъ меня.

— Прощай, — прошепталъ онъ: — поклонись ей, умираю....

— Яша!—воскликнулъ я:—полно! ты будешь жить....

— Нѣтъ, куда! Умираю.... Вотъ, возьми себѣ на память.... (Онъ указалъ рукой на грудь)....

— Что это? — заговорилъ онъ вдругъ: — посмотри-ка: море.... все золотое, и по немъ голубые острова, мраморные храмы, пальмы, ѳиміамъ....

Онъ умолкъ.... потянулся....

Черезъ полчаса его не стало. Елисѣй съ плачемъ припалъ къ его ногамъ. Я закрылъ ему глаза.

На шеѣ у него была небольшая шелковая ладонка на черномъ шнуркѣ. Я взялъ ее къ себѣ.

На третій день его похоронили.... Благороднѣйшее серд-

це скрылось навсегда въ могилѣ! Я самъ бросилъ на него первую горсть земли.

III.

Прошло еще полтора года. Дѣла заставили меня заѣхать въ Москву. Я поселился въ одной изъ хорошихъ тамошнихъ гостинницъ. Однажды, проходя по корридору, взглянулъ я на черную доску съ именами проѣзжихъ, и чуть не вскрикнулъ отъ изумленія: противъ 12-го нумера стояло, четко написанное мѣломъ, имя Софьи Николаевны Асановой. Въ послѣднее время я случайно услышалъ много нехорошаго о ея мужѣ; узналъ, что онъ пристрастился къ вину, къ картамъ, разорился, и вообще дурно ведетъ себя. О его женѣ отзывались съ уваженіемъ.... Не безъ волненія вернулся я къ себѣ въ комнату. Давнымъ давно застывшая страсть какъ будто шевельнулась въ сердцѣ, и оно забилось. Я рѣшился сходить къ Софьѣ Николаевнѣ. „Сколько времени протекло со дня нашей разлуки“, думалъ я: „она, вѣроятно, забыла все, что было тогда между нами“.

Я послалъ къ ней Елисѣя, котораго послѣ смерти Пасынкова взялъ къ себѣ въ услуженіе, съ моей визитной карточкой, и велѣлъ спросить, дома ли она, и могу ли я ее видѣть. Елисѣй скоро вернулся и объявилъ, что Софья Николаевна дома и принимаетъ.

Я отправился къ Софьѣ Николаевнѣ. Когда я вошелъ къ ней, она стояла посреди комнаты и прощалась съ какимъ-то высокимъ и плотнымъ господиномъ. „Какъ вы хотите,—говорилъ онъ густымъ и зычнымъ голосомъ: — онъ не безвредный человѣкъ, онъ безполезный человѣкъ; а всякій безполезный человѣкъ въ благоустроенномъ обществѣ вреденъ, вреденъ, вреденъ!“

Съ этими словами высокій господинъ вышелъ. Софья Николаевна обратилась ко мнѣ.

— Какъ давно мы не видались!—проговорила она.— Сядьте, прошу васъ....

Мы сѣли. Я посмотрѣлъ на нее.... Увидѣть, послѣ долгой разлуки, черты лица, нѣкогда дорогого, быть-можетъ, любимаго, узнавать ихъ и не узпавать, какъ будто сквозь прежній, все еще не забытый обликъ—выступилъ другой, хотя похожій, но чуждый; мгновенно, почти невольно замѣтить слѣды, наложенные временемъ—все это довольно грустно. „И я, должно-быть, также измѣнился", думаетъ каждый про себя....

Впрочемъ, Софья Николаевна не очень постарѣла; но когда я видѣлъ ее въ послѣдній разъ — ей минулъ 16-й годъ, а съ тѣхъ поръ прошло девять лѣтъ. Черты лица ея стали еще правильнѣе и строже; онѣ попрежнему выражали искренность чувствъ и твердость, но вмѣсто прежняго спокойствія, въ нихъ высказывалась какая-то затаенная боль и тревога. Глаза ея углубились и потемнѣли. Она стала походить на свою мать....

Софья Николаевна первая начала разговоръ.

— Перемѣнились мы оба,—начала она.—Гдѣ вы были все это время?

— Скитался кой-гдѣ,—отвѣтилъ я.—А вы все въ деревнѣ жили?

— Большею частью въ деревнѣ. Я и теперь здѣсь только проѣздомъ.

— Что ваши родители?

— Матушка моя скончалась, а батюшка все въ Петербургѣ; братъ на службѣ; Варя съ ними живетъ.

— А вашъ супругъ?

— Мой мужъ?—заговорила она нѣсколько торопливымъ голосомъ:—онъ теперь въ южной Россіи, на ярмаркахъ. Онъ, вы знаете, всегда любилъ лошадей, и конскій заводъ

у себя завелъ.... такъ вотъ, для этого.... онъ лошадей теперь покупаетъ.

Въ это мгновенье вошла въ комнату дѣвочка лѣтъ восьми, причесанная по-китайски, съ очень острымъ и живымъ личикомъ, съ большими темно-сѣрыми глазами. Увидѣвъ меня, она тотчасъ отставила свою маленькую ножку, проворно присѣла и подошла къ Софьѣ Николаевнѣ.

— Вотъ, рекомендую вамъ, моя дочка,—сказала Софья Николаевна, тронувъ дѣвочку пальцемъ подъ кругленькій подбородокъ:—никакъ не хотѣла дома остаться — упросила меня взять ее съ собой.

Дѣвочка окинула меня своими быстрыми глазами и чуть-чуть прищурилась.

— Она у меня молодецъ,—продолжала Софья Николаевна;—ничего не боится. И учится хорошо; за это я должна ее похвалить.

— Comment se nomme monsieur? — спросила вполголоса дѣвочка, нагнувшись къ матери.

Софья Николаевна назвала меня. Дѣвочка опять на меня взглянула.

— Васъ какъ зовутъ?—спросилъ я ее.

— Меня зовутъ Лидіей, — отвѣтила дѣвочка, смѣло глядя мнѣ въ глаза.

— Васъ, должно-быть, балуютъ,—замѣтилъ я.

— Кто меня балуетъ?

— Какъ кто? да я думаю всѣ, начиная съ вашихъ родителей. (Дѣвочка молча посмотрѣла на свою мать). Я воображаю, Константинъ Александрычъ,—продолжалъ я....

— Да, да,—подхватила Софья Николаевна, между тѣмъ какъ дочка ея не спускала съ нея внимательнаго взора:—мужъ мой, конечно.... онъ очень любитъ дѣтей....

Странное выраженіе промелькнуло въ умномъ личикѣ Лидіи. Ея губки слегка надулись; она потупилась.

— Скажите, — поспѣшно прибавила Софья Николаевна:—вѣдь вы здѣсь по дѣламъ?

— По дѣламъ.... И вы также?

— И я.... Въ отсутствіе мужа, вы понимаете, поневолѣ займешься дѣлами.

— Maman!—начала-было Лидія....

— Quoi, mon enfant?

— Non—rien.... Je te dirai après.

Софья Николаевна усмѣхнулась и пожала плечомъ.

Мы оба помолчали, а Лидія съ важностью скрестила руки на груди.

— Скажите, пожалуйста,—начала опять Софья Николаевна:—помнится, у васъ былъ пріятель.... какъ его бишь звали? такое доброе у него было лицо.... онъ все стихи читалъ; такой восторженный....

— Не Пасынковъ ли?

— Да, да, Пасынковъ.... гдѣ онъ теперь?

— Онъ, умеръ.

— Умеръ? — повторила Софья Николаевна: — какъ жаль!...

— Я его видала? — спросила торопливымъ шопотомъ дѣвочка.

— Нѣтъ, Лидія, не видала. Какъ жаль! — повторила Софья Николаевна.

— Вы жалѣете о немъ....—началъ я:—что жъ, если бъ вы его знали, какъ я зналъ его?... Но позвольте спросить: почему вы заговорили именно о немъ?

— Такъ, не знаю, право.... (Софья Николаевна опустила глаза).—Лидія,—прибавила она:—ступай къ своей нянѣ.

— Ты меня позовешь, когда можно будетъ?—спросила дѣвочка.

— Позову.

Дѣвочка вышла. Софья Николаевна обратилась ко мнѣ.

— Разскажите мнѣ, пожалуйста, все, что вы знаете о Пасынковѣ.

Я началъ разсказывать. Я очертилъ, въ краткихъ словахъ, всю жизнь моего друга, постарался, насколько сумѣлъ, изобразить душу его, описалъ его послѣднюю встрѣчу со мною, его кончину.

— И вотъ какой человѣкъ,—воскликнулъ я, оканчивая свой разсказъ:—отошелъ отъ насъ, незамѣченный, почти неоцѣненный! И это бы еще не бѣда. Что̀ значитъ людская оцѣнка? Но мнѣ больно, мнѣ обидно то, что такой человѣкъ, съ такимъ любящимъ и преданнымъ сердцемъ, умеръ, не испытавъ ни разу блаженства взаимной любви, не возбудивъ участія ни въ одномъ женскомъ сердцѣ, его достойномъ!... Пускай нашъ братъ не извѣдаетъ этого блаженства: онъ его и не сто̀итъ; но Пасынковъ!... И притомъ, развѣ не встрѣчалъ я на своемъ вѣку тысячу людей, которые ни въ какомъ отношеніи не могли съ нимъ сравниться, и которыхъ любили? Неужели же должно думать, что нѣкоторые недостатки въ человѣкѣ — самоувѣренность, напримѣръ, или легкомысліе — необходимы для того, чтобъ женщина къ нему привязалась? Или любовь боится совершенства, возможнаго на землѣ совершенства, какъ чего-то чуждаго и страшнаго для нея?

Софья Николаевна выслушала меня до конца, не спуская съ меня своихъ строгихъ и проницательныхъ глазъ и не разжимая губъ; только брови ея изрѣдка морщились.

— Почему вы полагаете,—промолвила она, помолчавъ немного: — что вашего друга ни одна женщина не полюбила?

— Потому, что я это знаю, знаю навѣрное.

Софья Николаевна хотѣла-было что-то сказать и остановилась. Она, казалось, боролась сама съ собой.

— Вы ошибаетесь, — заговорила она наконецъ: — я

знаю женщину, которая горячо полюбила вашего покойнаго друга; она любитъ и помнитъ его до сихъ поръ.... и вѣсть о его кончинѣ поразитъ ее глубоко:

— Кто эта женщина?—позвольте узнать.

— Моя сестра, Варя.

— Варвара Николаевна! — воскликнулъ я съ изумленіемъ.

— Да.

— Какъ? Варвара Николаевна?—повторилъ я:—эта....

— Я договорю вашу мысль,—продолжала Софья Николаевна:—эта холодная, равнодушная, вялая, по вашему, дѣвушка любила вашего друга: оттого она не вышла замужъ и не выйдетъ. До нынѣшняго дня я одна про это знала: Варя умерла бы скорѣе, чѣмъ выдать свою тайну. Въ нашей семьѣ мы умѣемъ молчать и терпѣть.

Я долго и пристально посмотрѣлъ на Софью Николаевну, невольно размышляя о горькомъ значеніи ея послѣднихъ словъ.

— Вы меня удивили,—промолвилъ я наконецъ.—Но знаете ли, Софья Николаевна, если бъ я не боялся возбудить въ васъ непріятныхъ воспоминаній, я тоже, въ свою очередь, могъ бы удивить васъ....

— Я васъ не понимаю,—возразила она медленно и съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

— Вы, точно, меня не понимаете, — сказалъ я, поспѣшно вставая:—и потому позвольте мнѣ, вмѣсто словеснаго объясненія, прислать вамъ одну вещь....

— Но что такое?—спросила она.

— Не безпокойтесь, Софья Николаевна, рѣчь идетъ не обо мнѣ.

Я поклонился и вернулся къ себѣ въ комнату, досталъ ладонку, снятую мною съ Пасынкова, и послалъ ее къ Софьѣ Николаевнѣ съ слѣдующей запиской:

„Ладонку эту покойный мой другъ носилъ постоянно

на груди и скончался съ нею. Въ ней находится одна ваша записка къ нему, совершенно незначительная по содержанію; вы можете прочесть ее. Онъ носилъ ее потому, что любилъ васъ страстно, въ чемъ онъ признался мнѣ только наканунѣ своей смерти. Теперь, когда онъ умеръ, почему вамъ не узнать, что и его сердце вамъ принадлежало?"

Елисѣй скоро вернулся и принесъ мнѣ обратно ладонку.

— Что?—спросилъ я:—она ничего не велѣла сказать мнѣ?

— Ничего-съ.

Я промолчалъ.

— Прочла она мою записку?

— Должно-быть прочитали-съ; ихняя дѣвушка къ нимъ носила.

„Недоступная", подумалъ я, вспомнивъ послѣднія слова Пасынкова.—Ну, ступай,—промолвилъ я громко.

Елисѣй улыбнулся какъ-то странно и не вышелъ.

— Къ вамъ-съ.... — началъ онъ: — пришла одна дѣвушка.

— Какая дѣвушка?

Елисѣй помолчалъ.

— Вамъ покойный баринъ ничего не говорили-съ?

— Нѣтъ.... Что̀ такое?

— Они, какъ въ Новгородѣ были,—продолжалъ онъ, трогая рукой притолку:—съ одной, примѣрно сказать, дѣвушкой знакомство свели. Такъ вотъ, эта дѣвушка васъ видѣть желаютъ-съ. Я ее намедни на улицѣ встрѣтилъ. Я ей сказалъ: „приходи; коли баринъ прикажетъ, я пущу".

— Проси, проси ее, разумѣется. Да что.... какая она?

— Простая-съ.... изъ мѣщанокъ-съ.... русская.

— Покойный Яковъ Иванычъ любилъ ее?

— Ничего.... любили-съ. Ну, она.... Какъ узнала, что

баринъ скончался, оченно убивалась. Дѣвушка, ничего, хорошая-съ.

— Проси ее, проси.

Елисѣй вышелъ и тотчасъ же возвратился. За нимъ шла дѣвушка въ ситцевомъ пестромъ платьѣ и съ темнымъ платкомъ на головѣ, до половины закрывавшимъ ея лицо. Увидѣвъ меня, она застыдилась и отвернулась.

— Чего ты?—сказалъ ей Елисѣй:—ступай, не бойся.

Я подошелъ къ ней и взялъ ее за руку.

— Какъ васъ зовутъ?—спросилъ я ее.

— Машей,—отвѣчала она тихимъ голосомъ, украдкой взглянувъ на меня.

На видъ она казалась лѣтъ 22-хъ или 23-хъ; лицо имѣла круглое, довольно простое, но пріятное, нѣжныя щеки, кроткіе голубые глаза и маленькія, очень красивыя и чистыя руки. Одѣта она была опрятно.

— Вы знали Якова Иваныча?—продолжалъ я.

— Знавала-съ,—проговорила она, подергивая кончики платка, и слезы выступили на ея вѣки.

Я попросилъ ее сѣсть.

Она тотчасъ сѣла на край стула, не чинясь и не жеманясь. Елисѣй вышелъ.

— Вы съ нимъ въ Новгородѣ познакомились?

— Въ Новгородѣ-съ, — отвѣчала она, заложивъ обѣ руки подъ платокъ. Я только третьяго дня отъ Елисѣя Тимофеича узнала о ихъ кончинѣ-съ. Яковъ Иванычъ, какъ въ Сибирь отъѣхали, писать обѣщались, и два раза писали, а больше не писали-съ. Я бы за ними въ Сибирь поѣхала, да они не хотѣли-съ.

— У васъ въ Новгородѣ есть родственники?

— Есть.

— Вы съ ними жили?

— Я жила съ матушкой и съ сестрой съ замужней; а послѣ матушка на меня прогнѣвалась; да и сестрѣ

тѣсно стало: у нихъ дѣтей много; я и переѣхала. Я всегда надѣялась на Якова Иваныча и ничего не желала, какъ только его видѣть, а они со мной завсегда были ласковы—спросите хоть Елисѣя Тимофеича.

Маша помолчала.

— У меня письма ихъ есть,—продолжала она.—Вотъ посмотрите-съ.

Она достала изъ кармана нѣсколько писемъ и подала мнѣ:—прочтите-съ,—прибавила она.

Я развернулъ одно письмо и узналъ руку Пасынкова.

„Милая Маша! (писалъ онъ крупнымъ, разборчивымъ почеркомъ) ты вчера прислонилась своей головкой къ моей головѣ, и когда я спросилъ: зачѣмъ ты это дѣлаешь? ты мнѣ сказала: хочу послушать, о чемъ вы думаете. Я тебѣ скажу о чемъ я думалъ: я думалъ, какъ хорошо бы выучиться Машѣ грамотѣ! Она бы вотъ это письмо разобрала....“

Маша заглянула въ письмо.

— Это они мнѣ еще въ Новѣгородѣ писали-съ,—проговорила она: — когда они меня грамотѣ учить собирались. Посмотрите другія-съ. Тамъ есть одно изъ Сибири-съ. Вотъ то прочтите-съ.

Я прочелъ письма. Всѣ они были очень ласковы, даже нѣжны. Въ одномъ изъ нихъ, именно въ первомъ письмѣ изъ Сибири, Пасынковъ называлъ Машу своимъ лучшимъ другомъ, обѣщался выслать ей деньги на поѣздку въ Сибирь, и кончилъ слѣдующими словами: „Цѣлую твои хорошенькія ручки; у здѣшнихъ дѣвушекъ такихъ ручекъ нѣту; да и головы ихъ не чета твоей, и сердца тоже.... Читай книжки, которыя я тебѣ подарилъ, и помни меня, а я тебя не забуду. Ты одна, одна меня любила: такъ и я жъ тебѣ одной принадлежать хочу....“

— Я вижу, онъ къ вамъ очень былъ привязанъ,— сказалъ я, возвращая ей письма.

— Они меня очень любили, — возразила Маша, тщательно укладывая письма въ карманъ, и слезы тихонько потекли по ея щекамъ. — Я всегда на нихъ надѣялась; если бъ Господь продлилъ имъ вѣку, они бы не оставили меня. Дай Богъ имъ царство небесное!...

Она утерла глаза кончикомъ платка.

— Гдѣ же вы теперь живете?—спросилъ я.

— Теперь я здѣсь, въ Москвѣ; пріѣхала съ барыней; а теперь безъ мѣста. Къ Яковъ-Иванычевой тетенькѣ ходила, да онѣ сами очень бѣдны. Мнѣ Яковъ Иванычъ часто о васъ говаривали-съ, — прибавила она вставая и кланяясь: — они очень васъ всегда любили и помнили. Я вотъ Елисѣя Тимофеича третьяго дня встрѣтила и подумала: не захотите ли вы помочь мнѣ, такъ какъ я безъ мѣста теперь стала....

— Съ большимъ удовольствіемъ, Марья.... позвольте спросить, какъ васъ по отчеству?

— Петрова,—отвѣтила Маша и потупилась.

— Все сдѣлаю для васъ, что могу, Марья Петровна,— продолжалъ я:—мнѣ жаль только, что я здѣсь проѣздомъ, мало знаю домовъ хорошихъ.

Маша вздохнула.

— Мнѣ хоть бы какое-нибудь мѣсто-съ.... Кроить я не умѣю, а сшить, такъ все сошью.... ну, за дѣтьми ходить тоже могу.

„Денегъ ей дать“, подумалъ я, „но какъ это сдѣлать?“

— Послушайте, Марья Петровна,—началъ я не безъ замѣшательства: — вы, пожалуйста, извините меня, но вы изъ словъ Пасынкова знаете, какъ я былъ съ нимъ друженъ.... Не позволите ли вы мнѣ предложить вамъ.... на первый случай небольшую сумму?...

Маша взглянула на меня.

— Чего-съ?—спросила она.

— Не нужно ли вамъ денегъ?—проговорилъ я.

Маша покраснѣла вся и наклонила голову.

— На что мнѣ деньги?—прошептала она:—лучше мнѣ мѣсто достаньте-съ.

— Мѣсто я вамъ постараюсь достать, но навѣрное отвѣчать не могу; а вамъ грѣшно совѣститься, право.... Вѣдь я для васъ не чужой какой-нибудь.... Примите это отъ меня, на память о вашемъ другѣ....

Я отвернулся, поспѣшно досталъ изъ бумажника нѣсколько ассигнацій и подалъ ей.

Маша стояла неподвижно, еще ниже потупивъ голову....

— Возьмите же,—твердилъ я.

Она тихо возвела на меня свои глаза, посмотрѣла мнѣ въ лицо печальнымъ взоромъ, тихо высвободила блѣдную руку изъ-подъ платка и протянула ее мнѣ.

Я положилъ ассигнаціи на ея холодные пальцы. Она молча спрятала руку опять подъ платокъ и опустила глаза.

— Вы и впередъ, Марья Петровна,—продолжалъ я:—если вамъ что-нибудь будетъ нужно, пожалуйста, обращайтесь прямо ко мнѣ.—Я вамъ доставлю мой адресъ.

— Покорно благодарствуйте-съ, — проговорила она и помолчавъ немного, прибавила:

— Они съ вами обо мнѣ не говорили-съ?

— Я съ нимъ встрѣтился наканунѣ его смерти, Марья Петровна. Впрочемъ, не помню.... кажется, говорилъ.

Маша провела рукой по волосамъ, слегка подперла щеку, подумала и, сказавъ: „Прощайте-съ“, пошла вонъ изъ комнаты.

Я сѣлъ у стола и принялся думать горькую думу. Эта Маша, ея сношенія съ Пасынковымъ, его письма, скрытая любовь къ нему сестры Софьи Николаевны.... „Бѣднякъ! бѣднякъ!“ шепталъ я, тяжело вздыхая. Я вспомнилъ всю жизнь Пасынкова, его дѣтство, его молодость, фрейлейнъ Фридерику.... „Вотъ“, думалъ я: „много дала тебѣ судьба! многимъ тебя порадовала!“

На другой день я опять пошелъ къ Софьѣ Николаевнѣ. Меня заставили подождать въ передней, и когда я вошелъ, Лидія уже сидѣла рядомъ съ своею матерью. Я понялъ, что Софья Николаевна не желала возобновлять вчерашняго разговора.

Мы начали толковать—право, не помню о чемъ, о городскихъ слухахъ, о дѣлахъ.... Лидія часто ввертывала свое словечко и лукаво на меня посматривала. Забавная важность проявлялась вдругъ на ея подвижномъ личикѣ.... Умная дѣвочка, должно-быть, догадывалась, что мать нарочно посадила ее подлѣ себя.

Я всталъ и началъ прощаться. Софья Николаевна проводила меня до двери

— Я вамъ ничего не отвѣчала вчера, — сказала она, остановясь на порогѣ:—да и что было отвѣчать? Наша жизнь не отъ насъ зависитъ; но у насъ у всѣхъ есть одинъ якорь, съ котораго, если самъ не захочешь, никогда не сорвешься: чувство долга.

Я безмолвно наклонилъ голову въ знакъ согласія, и простился съ молодой пуританкой.

Весь этотъ вечеръ остался я дома, но я не думалъ о ней: я думалъ, все думалъ о моемъ миломъ, незабвенномъ Пасынковѣ — объ этомъ послѣднемъ изъ романтиковъ, и чувства, то грустныя, то нѣжныя, проникали съ сладостной болью въ грудь мою, звучали въ струнахъ еще не совсѣмъ устарѣвшаго сердца.... Миръ праху твоему, непрактическій человѣкъ, добродушный идеалистъ! и дай Богъ всѣмъ практическимъ господамъ, которымъ ты всегда былъ чуждъ, и которые, можетъ-быть, даже посмѣются теперь надъ твоею тѣнью, дай имъ Богъ извѣдать хотя сотую долю тѣхъ чистыхъ наслажденій, которыми, наперекоръ судьбѣ и людямъ, украсилась твоя бѣдная и смиренная жизнь!

1855 г.

ФАУСТЪ.

Разсказъ въ девяти письмахъ.

Entbehren sollst du, sollst entbehren.
Фаустъ (Часть 1-я).

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

Отъ Павла Александровича Б.... къ Семену Николаевичу В....

Сельцо М....ское, 6 іюня 1850.

Четвертаго дня прибылъ я сюда, любезный другъ, и по обѣщанію, берусь за перо и пишу къ тебѣ. Мелкій дождь сѣетъ съ утра: выйти невозможно; да и мнѣ же хочется поболтать съ тобой. Вотъ, я опять въ своемъ старомъ гнѣздѣ, въ которомъ не былъ—страшно вымолвить—цѣлыхъ девять лѣтъ. Право, какъ подумаешь, я точно другой человѣкъ сталъ. Да и въ самомъ дѣлѣ другой: помнишь ты въ гостиной маленькое, темненькое зеркальце моей прабабушки, съ такими странными завитушками по угламъ,—ты все, бывало, раздумывалъ о томъ, что̀ оно видѣло сто лѣтъ тому назадъ,—я, какъ только пріѣхалъ, подошелъ къ нему и невольно смутился. Я вдругъ увидѣлъ, какъ я постарѣлъ и перемѣнился въ послѣднее время. Впрочемъ, не я одинъ постарѣлъ. Домишко мой, уже давно ветхій,

теперь чуть держится, покривился, вросъ въ землю. Добрая моя Васильевна, ключница (ты ее, навѣрно, не забылъ: она тебя такимъ славнымъ вареньемъ потчивала), совсѣмъ высохла и сгорбилась; увидавъ меня, она вскрикнуть не могла и не заплакала, а только заохала и раскашлялась, сѣла въ изнеможеніи на стулъ и замахала рукою. Старикъ Терентій еще бодрится, попрежнему держится прямо и на ходу выворачиваетъ ноги, одѣтыя въ тѣ же самые желтые нанковые панталошки и обутыя въ тѣ же самые скрыпучіе козловые башмаки, съ высокимъ подъемомъ и бантиками, отъ которыхъ ты не однажды приходилъ въ умиленіе.... но, Боже мой!—какъ болтаются теперь эти панталошки на его худенькихъ ногахъ! какъ волосы у него побѣлѣли! и лицо совсѣмъ съежилось въ кулачекъ; а когда онъ заговорилъ со мной, когда онъ началъ распоряжаться и отдавать приказанія въ сосѣдней комнатѣ, мнѣ и смѣшно и жалко его стало. Всѣ зубы у него пропали, и онъ шамкаетъ съ присвистомъ и шипѣньемъ. За то садъ удивительно похорошѣлъ: скромные кустики сирени, акаціи, жимолости (помнишь, мы ихъ съ тобой сажали) разрослись въ великолѣпные, сплошные кусты; березы, клены—все это вытянулось и раскинулось; липовыя аллеи особенно хороши стали. Люблю я эти аллеи, люблю сѣрозеленый нѣжный цвѣтъ и тонкій запахъ воздуха подъ ихъ сводами; люблю пестрѣющую сѣтку свѣтлыхъ кружковъ по темной землѣ—песку у меня, ты знаешь, нѣту. Мой любимый дубокъ сталъ уже молодымъ дубомъ. Вчера, среди дня, я болѣе часа сидѣлъ въ его тѣни на скамейкѣ. Мнѣ очень хорошо было. Кругомъ трава такъ весело цвѣла; на всемъ лежалъ золотой свѣтъ, сильный и мягкій, даже въ тѣнь проникалъ онъ.... а что̀ слышалось птицъ! Ты, я надѣюсь, не забылъ, что птицы—моя страсть. Горлинки немолчно ворковали, изрѣдка свистала иволга, зябликъ выдѣлывалъ свое милое колѣнце, дрозды серди-

лись и трещали, кукушка отзывалась вдали; вдругъ, какъ сумасшедшій, пронзительно кричалъ дятелъ. Я слушалъ, слушалъ весь этотъ мягкій, слитный гулъ, и пошевельнуться не хотѣлось, а на сердцѣ не то лѣнь, не то умиленіе. И не одинъ садъ выросъ: мнѣ на глаза безпрестанно попадаются плотные, дюжіе ребята, въ которыхъ я никакъ не могу признать прежнихъ знакомыхъ мальчишекъ. А твой фаворитъ, Тимоша, сталъ теперь такимъ Тимофѣемъ, что ты себѣ представить не можешь. Ты тогда боялся за его здоровье и предсказывалъ ему чахотку; а посмотрѣлъ бы ты теперь на его огромныя, красныя руки, какъ онѣ торчатъ изъ узенькихъ рукавовъ нанковаго сюртука, и какія у него повсюду выпираются круглыя и толстыя мышцы! Затылокъ какъ у быка, и голова вся въ крутыхъ, бѣлокурыхъ завиткахъ—совершенный Геркулесъ Фарнезскій! Впрочемъ, лицо его измѣнилось меньше, чѣмъ у другихъ, даже не очень увеличилось въ объемѣ, и веселая, какъ ты говорилъ, „зѣвающая“ улыбка осталась та же. Я его взялъ къ себѣ въ камердинеры; своего петербургскаго я бросилъ въ Москвѣ: очень ужъ онъ любилъ стыдить меня и давать чувствовать свое превосходство въ столичномъ обращеніи. Собакъ моихъ я не нашелъ ни одной; всѣ перевелись. Одна Нефка дольше всѣхъ жила—и та не дождалась меня, какъ Аргосъ дождался Улисса; не пришлось ей увидѣть бывшаго хозяина и товарища по охотѣ своими потускнѣвшими глазами. А Шавка цѣла и такъ же лаетъ сипло, и одно ухо такъ же прорвано, и репейники въ хвостѣ, какъ быть слѣдуетъ. Я поселился въ бывшей твоей комнаткѣ. Правда, солнце въ нее ударяетъ, и мухъ въ ней много; за то меньше пахнетъ старымъ домомъ, чѣмъ въ остальныхъ комнатахъ. Странное дѣло! этотъ затхлый, немного кислый и вялый запахъ сильно дѣйствуетъ на мое воображеніе: не скажу, чтобъ онъ былъ мнѣ непріятенъ, напротивъ; но онъ возбуждаетъ во мнѣ

грусть, а наконецъ унылость. Я, такъ же какъ и ты, очень люблю старые пузатые комоды съ мѣдными бляхами, бѣлыя кресла съ овальными спинками и кривыми ножками, засиженныя мухами, стеклянныя люстры, съ большимъ яйцомъ изъ лиловой фольги по серединѣ,—словомъ, всякую дѣдовскую мебель; но постоянно видѣть все это не могу: какая-то тревожная скука (именно такъ!) овладѣетъ мною. Въ комнатѣ, гдѣ я поселился, мебель самая обыкновенная, домодѣльщина; однако, я оставилъ въ углу узкій и длинный шкапъ съ полочками, на которыхъ сквозь пыль едва виднѣется разная старозавѣтная дутая посуда изъ зеленаго и синяго стекла; а на стѣнѣ я приказалъ повѣсить, помнишь, тотъ женскій портретъ, въ черной рамѣ, который ты называлъ портретомъ Манонъ Леско. Онъ немного потемнѣлъ въ эти девять лѣтъ; но глаза глядятъ такъ же задумчиво, лукаво и нѣжно, губы такъ же легкомысленно и грустно смѣются, и полу-ощипанная роза такъ же тихо валится изъ тонкихъ пальцевъ. Очень забавляютъ меня шторы въ моей комнатѣ. Онѣ когда-то были зеленыя, но пожелтѣли отъ солнца: по нимъ черными красками написаны сцены изъ д'Арленкуровскаго „Пустынника". На одной шторѣ этотъ пустынникъ, съ огромнѣйшей бородой, глазами на выкатѣ и въ сандаліяхъ, увлекаетъ въ горы какую-то растрепанную барышню; на другой—происходитъ ожесточенная драка между четырьмя витязями въ беретахъ и съ буфами на плечахъ; одинъ лежитъ, en raccourci, убитый — словомъ, все ужасы представлены, а кругомъ такое невозмутимое спокойствіе, и отъ самыхъ шторъ ложатся такіе кроткіе отблески на потолокъ.... Какая-то душевная тишь нашла на меня съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь поселился; ничего не хочется дѣлать, никого не хочется видѣть, мечтать не о чемъ, лѣнь мыслить; но думать не лѣнь: это двѣ вещи разныя, какъ ты самъ хорошо знаешь. Воспоминанія дѣтства сперва нахлынули на меня.... куда

я ни шелъ, на что ни взглядывалъ, они возникали отовсюду, ясныя, до малѣйшихъ подробностей ясныя, и какъ бы неподвижныя въ своей отчетливой опредѣленности.... Потомъ эти воспоминанія смѣнились другими, потомъ.... потомъ я тихонько отвернулся отъ прошедшаго, и только осталось у меня въ груди какое-то дремотное бремя. Вообрази! сидя на плотинѣ, подъ ракитой, я вдругъ неожиданно заплакалъ, и долго бы проплакалъ, несмотря на свои уже преклонныя лѣта, если бы не устыдился проходившей бабы, которая съ любопытствомъ посмотрѣла на меня, потомъ, не обращая ко мнѣ лица, прямо и низко поклонилась и прошла мимо. Я бы очень желалъ остаться въ такомъ настроеніи (плакать, разумѣется, я уже больше не буду) до самаго моего отъѣзда отсюда, т. е. до сентября мѣсяца, и очень былъ бы огорченъ, если бъ кто-нибудь изъ сосѣдей вздумалъ посѣтить меня. Впрочемъ, опасаться этого, кажется, нечего; у меня же и нѣтъ близкихъ сосѣдей. Ты, я увѣренъ, поймешь меня; ты знаешь самъ по опыту, какъ часто бываетъ благотворно уединеніе.... Оно мнѣ нужно теперь, послѣ всяческихъ странствованій.

А скучать я не буду. Я привезъ съ собой нѣсколько книгъ, и здѣсь у меня библіотека порядочная. Вчера я раскрылъ всѣ шкапы и долго рылся въ заплѣснѣвшихъ книгахъ. Я нашелъ много любопытныхъ, прежде мною не замѣченныхъ вещей: „Кандида“ въ рукописномъ переводѣ 70-хъ годовъ; вѣдомости и журналы того же времени; „Торжествующаго Хамелеона“ (то-есть: Мирабо); le Paysan perverti и т. д. Попались мнѣ дѣтскія книжки, и мои собственныя, и моего отца, и моей бабки, и даже, представь себѣ, моей прабабки: на одной ветхой-ветхой французской грамматикѣ, въ пестромъ переплетѣ, написано крупными буквами: Ce livre appartient à m-lle Eudoxie de Lavrine, и выставленъ годъ—1741. Я увидалъ книги, привезенныя мною когда-то изъ-за границы,

между прочими гётевскаго „Фауста“. Тебѣ, можетъ-быть, неизвѣстно, что, было время, я зналъ „Фауста“ наизусть (первую часть, разумѣется) отъ слова до слова; я не могъ начитаться имъ.... Но другіе дни — другіе сны, и въ теченіе послѣднихъ девяти лѣтъ мнѣ едва ли пришлось взять Гёте въ руки. Съ какимъ неизъяснимымъ чувствомъ увидалъ я маленькую, слишкомъ мнѣ знакомую книжку (дурного изданія 1828 года). Я унесъ ее съ собою, легъ на постель и началъ читать. Какъ подѣйствовала на меня вся великолѣпная первая сцена! Появленіе Духа Земли, его слова, помнишь: „на жизненныхъ волнахъ, въ вихрѣ творенія“, возбудили во мнѣ давно неизвѣданный трепетъ и холодъ восторга. Я вспомнилъ все: и Берлинъ, и студенческое время, и фрейлейнъ Клару Штихъ, и Зейдельманна въ роли Мефистофеля, и музыку Радзивилла, и все и вся.... Долго не могъ я заснуть: моя молодость пришла и стала передо мною, какъ призракъ; огнемъ, отравой побѣжала она по жиламъ, сердце расширилось и не хотѣло сжаться, что-то рвануло по его струнамъ, и закипѣли желанія....

Вотъ какимъ грёзамъ предавался твой почти сорокалѣтній другъ, сидя, одинокій, въ своемъ одинокомъ домишкѣ! Что̀, если бы кто подсмотрѣлъ меня? Ну, такъ что жъ? Я бы нисколько не устыдился. Стыдиться—это тоже признакъ молодости; а я, знаешь ли почему сталъ замѣчать, что старѣюсь? Вотъ почему. Я теперь стараюсь преувеличивать передъ самимъ собою свои веселыя ощущенія и укрощать грустныя, а въ дни молодости я поступалъ совершенно наоборотъ. Бывало, носишься съ своей грустью, какъ съ кладомъ, и совѣстишься веселаго порыва....

А все-таки мнѣ кажется, что, несмотря на весь мой жизненный опытъ, есть еще что-то такое на свѣтѣ, другъ Гораціо, чего я не испыталъ, и это „что-то“—чуть ли не самое важное.

Эхъ, до чего я дописался! Прощай! До другого раза. Что ты дѣлаешь въ Петербургѣ? Кстати: Савелій, мой деревенскій поваръ, велитъ тебѣ кланяться. Онъ тоже постарѣлъ, но не слишкомъ, потолстѣлъ и обрюзгъ немного. Такъ же хорошо дѣлаетъ куриные супы съ разварными луковицами, ватрушки съ узорчатой каймой и пигусъ,—знаменитое степное блюдо пигусъ, отъ котораго у тебя языкъ побѣлѣлъ и стоялъ коломъ въ теченіе цѣлыхъ сутокъ. Зато жареное онъ, попрежнему, засушиваетъ такъ, что хоть стучи имъ по тарелкѣ—настоящій картонъ. Однако, прощай!

Твой П. Б.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

Отъ того же—къ тому же.

Сельцо М....ое, 12 іюня 1850.

Имѣю сообщить тебѣ довольно важную новость, любезный другъ.—Слушай! Вчера, передъ обѣдомъ, захотѣлось мнѣ погулять—только не въ саду; я пошелъ по дорогѣ въ городъ. Идти безъ всякой цѣли быстрыми шагами по длинной, прямой дорогѣ—очень пріятно. Точно дѣло дѣлаешь, спѣшишь куда-то.—Смотрю: ѣдетъ навстрѣчу коляска. Не ко мнѣ ли? подумалъ я съ тайнымъ страхомъ.... Однако, нѣтъ: въ коляскѣ сидитъ господинъ съ усами, мнѣ незнакомый. Я успокоился. Но вдругъ этотъ господинъ, поровнявшись со мною, велитъ кучеру остановить лошадей, учтиво приподнимаетъ фуражку и еще учтивѣе спрашиваетъ меня: не я ли такой-то?—называя меня по имени. Я, въ свою очередь, останавливаюсь и съ бодростью подсудимаго, котораго ведутъ къ допросу, отвѣчаю: „я такой-то“, а самъ гляжу, какъ баранъ, на господина съ усами и думаю про себя: „а вѣдь я его видалъ гдѣ-то!“

— Вы меня не узнаёте?—произноситъ онъ, вылѣзая, между тѣмъ, изъ коляски.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— А я такъ узналъ васъ тотчасъ.

Слово за слово: оказывается, что это былъ Пріимковъ, помнишь? бывшій нашъ университетскій товарищъ. „Что же это за важная новость?“ думаешь ты въ это мгновеніе, любезный Семенъ Николаичъ.—„Пріимковъ, сколько мнѣ помнится, малый былъ довольно пустой, хотя не злой и не глупый“. — Все такъ, дружище; но слушай продолженіе разговора.

— Я, говоритъ, очень обрадовался, когда услыхалъ, что вы пріѣхали въ свою деревню, къ намъ въ сосѣдство. Впрочемъ, не я одинъ обрадовался.

— Позвольте узнать,—спросилъ я:—кто же еще былъ такъ любезенъ....

— Моя жена.

— Ваша жена?

— Да, моя жена: она ваша старая знакомая.

— А позвольте узнать, какъ зовутъ вашу супругу?

— Ее зовутъ Вѣрой Николаевной; она Ельцова урожденная....

— Вѣра Николаевна!—восклицаю я невольно....

Вотъ, это-то и есть самая та важная новость, о которой я говорилъ тебѣ въ началѣ письма.

Но, можетъ-быть, ты и въ этомъ ничего не находишь важнаго.... Придется мнѣ разсказать тебѣ кое-что изъ моей прошедшей.... давно прошедшей жизни.

Когда мы вмѣстѣ съ тобой вышли изъ университета, въ 183.... году, мнѣ было двадцать-три года. Ты поступилъ на службу; я, какъ тебѣ извѣстно, рѣшился отправиться въ Берлинъ. Но въ Берлинѣ раньше октября нечего было дѣлать. Мнѣ захотѣлось провести лѣто въ Россіи, въ деревнѣ, полѣниться хорошенько въ послѣдній разъ; а тамъ уже приняться за работу не шутя. Насколько сбылось это послѣднее предположеніе, объ этомъ теперь распростра-

няться нечего.... „Но гдѣ мнѣ провести лѣто?“ спрашивалъ я себя. Въ свою деревню мнѣ ѣхать не хотѣлось: отецъ мой недавно скончался, близкихъ родныхъ у меня не было, я боялся одиночества, скуки.... А потому я съ радостью принялъ предложеніе одного моего родственника, двоюроднаго дяди, погостить у него въ имѣніи, въ Т***ой губерніи. Онъ былъ человѣкъ зажиточный, добрый и простой, жилъ бариномъ и палаты имѣлъ барскія. Я поселился у него. Семейство у дяди было большое: два сына и пять дочерей. Кромѣ того, въ домѣ у него проживало прòпасть народу. Гости безпрестанно наѣзжали,—а̀ все-таки весело не было. Дни протекали шумно, уединиться не было возможности. Все дѣлалось сообща, всѣ старались чѣмъ-нибудь разсѣяться, что-нибудь придумать, и къ концу дня всѣ уставали страшно. Пошлымъ чѣмъ-то отзывалась эта жизнь. Я уже начиналъ мечтать объ отъѣздѣ и ждалъ только, чтобы пришли дядины именины, но въ самый день этихъ именинъ на балѣ я увидѣлъ Вѣру Николаевну Ельцову—и остался.

Ей было тогда шестнадцать лѣтъ. Она жила съ своею матерью въ маленькомъ имѣньицѣ, верстахъ въ пяти отъ моего дяди. Отецъ ея—человѣкъ, говорятъ, замѣчательный—быстро достигъ полковничьяго чина и пошелъ бы еще далѣе, но погибъ въ молодыхъ лѣтахъ, нечаянно застрѣленный на охотѣ товарищемъ. Вѣра Николаевна осталась послѣ него ребенкомъ. Мать ея была тоже женщина необыкновенная: она говорила на нѣсколькихъ языкахъ, много знала. Она была семью или восемью годами старше своего мужа, за котораго вышла по любви; онъ тайно увезъ ее изъ родительскаго дома. Она едва перенесла его потерю и до самой смерти (по словамъ Пріимкова, она умерла скоро послѣ свадьбы дочери) носила одни черныя платья. Я живо помню ея лицо: выразительное, темное, съ густыми, посѣдѣлыми волосами, большими, строгими,

какъ бы потухшими глазами и прямымъ, тонкимъ носомъ. Ея отецъ—фамилія его была Ладановъ—лѣтъ пятнадцать прожилъ въ Италіи. Мать Вѣры Николаевны родилась отъ простой крестьянки изъ Албано, которую, на другой день послѣ ея родовъ, убилъ транстеверивецъ, ея женихъ, у котораго Ладановъ ее похитилъ.... Эта исторія въ свое время надѣлала много шуму. Вернувшись въ Россію, Ладановъ не только изъ дома, изъ кабинета своего не выходилъ, занимался химіей, анатоміей, кабалистикой, хотѣлъ продлить жизнь человѣческую, воображалъ, что можно вступать въ сношенія съ духами, вызывать умершихъ.... Сосѣди считали его за колдуна. Онъ чрезвычайно любилъ дочь свою, самъ училъ ее всему, но не простилъ ей ея побѣга съ Ельцовымъ, не пустилъ къ себѣ на глаза ни ее, ни ея мужа, предсказалъ имъ обоимъ жизнь печальную и умеръ одинъ. Оставшись вдовою, г-жа Ельцова посвятила весь свой досугъ на воспитаніе дочери и почти никого не принимала. Когда я познакомился съ Вѣрой Николаевной, она, представь себѣ, ни въ одномъ городѣ не бывала отроду, даже въ своемъ уѣздномъ.

Вѣра Николаевна не походила на обыкновенныхъ русскихъ барышень: на ней лежалъ какой-то особый отпечатокъ. Меня съ перваго раза поразило въ ней удивительное спокойствіе всѣхъ ея движеній и рѣчей. Она, казалось, ни о чемъ не хлопотала, не тревожилась, отвѣчала просто и умно, слушала внимательно. Выраженіе ея лица было искреннее и правдивое какъ у ребенка, но нѣсколько холодно и однообразно, хотя и не задумчиво. Веселою она бывала рѣдко и не такъ, какъ другія: ясность невинной души, отраднѣе веселости, свѣтилась во всемъ ея существѣ. Она была небольшого роста, очень хорошо сложена, немного тонка, черты имѣла правильныя и нѣжныя, прекрасный ровный лобъ, золотисто-русые волосы, носъ прямой, какъ у матери, довольно полныя губы; сѣ-

рые съ чернотой глаза глядѣли какъ-то слишкомъ прямо изъ-подъ пушистыхъ, кверху загнутыхъ рѣсницъ. Руки у ней были невелики, но не очень красивы: у людей съ талантами такихъ рукъ не бываетъ.... и дѣйствительно, за Вѣрой Николаевной никакихъ особенныхъ талантовъ не водилось. Голосъ у ней звенѣлъ, какъ у семилѣтней дѣвочки. Я на балѣ у дяди былъ представленъ ея матери и, нѣсколько дней спустя, въ первый разъ поѣхалъ къ нимъ.

Г-жа Ельцова была женщина очень странная, съ характеромъ, настойчивая и сосредоточенная. На меня она имѣла вліяніе сильное: я и уважалъ ее, и побаивался ея. Все у ней дѣлалось по системѣ, и дочь свою она воспитала по системѣ, но не стѣсняла ея свободы. Дочь любила ее и вѣрила ей слѣпо. Стоило г-жѣ Ельцовой дать ей книжку и сказать: вотъ этой страницы не читай — она скорѣе предыдущую страницу пропуститъ, а ужъ не заглянетъ въ запрещенную. Но и у г-жи Ельцовой были свои idées fixes, свои коньки. Она, напримѣръ, какъ огня боялась всего, что можетъ дѣйствовать на воображенье; а потому ея дочь до семнадцатилѣтняго возраста не прочла ни одной повѣсти, ни одного стихотворенія, а въ географіи, исторіи и даже въ естественной исторіи частенько ставила въ тупикъ меня, кандидата, и кандидата не изъ послѣднихъ, какъ ты, можетъ-быть, помнишь. Я-было разъ попытался потолковать съ г-жей Ельцовой объ ея конькѣ, хотя трудно было вовлечь ее въ разговоръ: она очень была молчалива. Она только головой покачала.

— Вы говорите, — сказала она наконецъ:—читать поэтическія произведенія *и* полезно, *и* пріятно.... Я думаю, надо заранѣе выбрать въ жизни: *или* полезное, *или* пріятное, и такъ уже рѣшиться, разъ навсегда. И я когда-то

хотѣла соединить и то, и другое.... Это невозможно и ведетъ къ гибели или къ пошлости.

Да, удивительное существо была эта женщина, существо честное, гордое, не безъ фанатизма и суевѣрія своего рода. „Я боюсь жизни“,—сказала она мнѣ однажды.—И точно, она ея боялась, боялась тѣхъ тайныхъ силъ, на которыхъ построена жизнь, и которыя изрѣдка, но внезапно пробиваются наружу. Горе тому, надъ кѣмъ онѣ разыграются! Страшно сказались эти силы Ельцовой: вспомни смерть ея матери, ея мужа, ея отца.... Это хотя бы кого запугало. Я не видалъ, чтобъ она когда-нибудь улыбнулась. Она какъ будто заперлась на замокъ и ключъ бросила въ воду. Она, должно-быть, много горя перенесла на своемъ вѣку, и никогда, ни съ кѣмъ не подѣлилась имъ: все въ себѣ затаила. Она до того пріучила себя не давать воли своимъ чувствамъ, что даже стыдилась высказывать страстную любовь свою къ дочери; она ни разу не поцѣловала ее при мнѣ, никогда не называла ее уменьшительнымъ именемъ, всегда: Вѣра. Помню одно ея слово: я какъ-то сказалъ ей, что всѣ мы, современные люди, надломленные....—„Надламывать себя не для чего, промолвила она—надо всего себя переломить, или ужъ не трогать....“

Весьма немногіе ѣздили къ Ельцовой: но я посѣщалъ ее часто. Я втайнѣ сознавалъ, что она ко мнѣ благоволила; а Вѣра Николаевна мнѣ очень нравилась. Мы съ ней разговаривали, гуляли.... Мать не мѣшала намъ; сама дочь не любила быть безъ матери, и я, съ своей стороны, тоже не чувствовалъ потребности уединенной бесѣды.... У Вѣры Николаевны была странная привычка думать вслухъ; по ночамъ она во снѣ громко и явственно говорила о томъ, что̀ ее поразило въ теченіе дня.—Однажды, поглядѣвъ на меня внимательно и, по обыкновенію своему, тихонько подпершись рукою, она сказала: „Мнѣ

сдается, что Б. хорошій человѣкъ; но положиться на него нельзя". Отношенія между нами были самыя дружелюбныя и ровныя; только однажды мнѣ показалось, что я подмѣтилъ тамъ, гдѣ-то далеко, въ самой глубинѣ ея свѣтлыхъ глазъ, что-то странное, какую-то нѣгу и нѣжность.... Но, можетъ-быть, я ошибся.

Между тѣмъ, время шло, и мнѣ уже пора было собираться въ отъѣздъ. Но я все медлилъ. Бывало, какъ подумаю, какъ вспомню, что скоро я не увижу этой милой дѣвушки, къ которой я такъ привязался—жутко мнѣ станетъ.... Берлинъ начиналъ терять свою притягательную силу. Я не смѣлъ самому себѣ сознаться въ томъ, что̀ во мнѣ происходило, да я и не понималъ, что̀ происходило во мнѣ,—точно туманъ бродилъ въ душѣ. Наконецъ, въ одно утро, мнѣ вдругъ все стало ясно. „Чего еще искать", подумалъ я, „куда стремиться? Вѣдь истина все-таки въ руки не дается. Не остаться ли лучше здѣсь, не жениться ли?" И, вообрази себѣ, эта мысль о женитьбѣ нисколько не испугала меня тогда. Напротивъ, я обрадовался ей. Мало того: въ тотъ же день я объявилъ о своемъ намѣреніи, только не Вѣрѣ Николаевнѣ, какъ бы слѣдовало ожидать, а самой Ельцовой. Старуха посмотрѣла на меня.

— Нѣтъ, — сказала она: — мой милый, поѣзжайте въ Берлинъ, надломитесь-ка еще. Вы добры; но не такой мужъ нуженъ для Вѣры.

Я потупился, покраснѣлъ и, что̀ тебя вѣроятно удивитъ еще болѣе, тотчасъ же внутренно согласился съ Ельцовой. Черезъ недѣлю я уѣхалъ и съ тѣхъ поръ уже не видалъ ни ея, ни Вѣры Николаевны.

Я описалъ тебѣ мои похожденія вкратцѣ, потому что знаю, ты не любишь ничего „пространственнаго". Пріѣхавъ въ Берлинъ, я очень скоро забылъ Вѣру Николаевну.... Но, признаюсь, неожиданное извѣстіе о ней меня

взволновало. Меня поразила мысль, что она такъ близко, что она моя сосѣдка, что я ее на-дняхъ увижу. Прошедшее, словно изъ земли, внезапно выросло передо мною, такъ и надвинулось на меня. Пріимковъ объявилъ мнѣ, что посѣтилъ меня именно съ цѣлью возобновить наше старинное знакомство, и что онъ надѣется въ самомъ скоромъ времени увидать меня у себя. Онъ мнѣ сообщилъ, что служилъ въ кавалеріи, вышелъ въ отставку поручикомъ, купилъ имѣніе въ восьми верстахъ отъ меня и намѣренъ заниматься хозяйствомъ, что у него было трое дѣтей, но что двое умерли, осталась пятилѣтняя дочь.

— И жена ваша меня помнитъ?—спросилъ я.

— Да, помнитъ,—отвѣчалъ онъ съ небольшой запинкой.—Конечно, она тогда была еще, можно сказать, ребенокъ, но ея матушка васъ всегда очень хвалила, а вы знаете, какъ она дорожитъ каждымъ словомъ покойницы.

Пришли мнѣ на память слова Ельцовой, что я не гожусь для ея Вѣры.... „Стало-быть, ты годился“, подумалъ я съ-избока посматривая на Пріимкова. Онъ у меня пробылъ нѣсколько часовъ. Онъ очень хорошій, милый малый, такъ скромно говоритъ, такъ добродушно смотритъ; его нельзя не полюбить.... но умственныя способности его не развились съ тѣхъ поръ, какъ мы его знали. Я непремѣнно къ нему поѣду, можетъ-быть, завтра же. Чрезвычайно любопытно мнѣ посмотрѣть, что̀ такое вышло изъ Вѣры Николаевны?

Ты, злодѣй, вѣроятно, смѣешься теперь надо мною, сидя за своимъ директорскимъ столомъ: а я все-таки тебѣ напишу, какое впечатлѣніе она произведетъ на меня. Прощай! До слѣдующаго письма.

Твой П. Б.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ.

Отъ того же къ тому же.

Сельцо М....е, 16-го іюня 1850.

Ну, братъ, былъ я у ней, видѣлъ ее. Прежде всего долженъ сообщить удивительное обстоятельство: вѣрь мнѣ или не вѣрь, какъ хочешь, но она почти ничего не измѣнилась ни въ лицѣ, ни въ станѣ. Когда она вышла мнѣ навстрѣчу, я чуть не ахнулъ: семнадцатилѣтняя дѣвочка, да и полно! Только глаза не какъ у дѣвочки; впрочемъ, у ней и въ молодости глаза были не дѣтскіе, слишкомъ свѣтлы. Но то же спокойствіе, та же ясность, голосъ тотъ же, ни одной морщинки на лбу, точно она всѣ эти годы пролежала гдѣ-нибудь въ снѣгу. А ей теперь двадцать-восемь лѣтъ, и трое дѣтей у ней было.... Непонятно! Ты, пожалуйста, не думай, что я изъ предубѣжденья преувеличиваю; напротивъ, мнѣ эта „неизмѣнность“ въ ней вовсе не понравилась.

Женщина въ 28 лѣтъ, жена и мать, не должна походить на дѣвочку: не даромъ же она жила. Она очень привѣтливо меня встрѣтила; но Пріимкова мой пріѣздъ просто обрадовалъ: этотъ добрякъ такъ и смотритъ, какъ бы къ кому привязаться. Домъ у нихъ очень уютный и чистый. Вѣра Николаевна и одѣта была дѣвочкой: вся въ бѣломъ, съ голубымъ поясомъ и тоненькой золотой цѣпочкой на шеѣ. Ея дочка очень мила и на нее нисколько не похожа: она напоминаетъ свою бабку. Въ гостиной, надъ диваномъ, виситъ портретъ этой странной женщины, поразительно схожій. Онъ мнѣ бросился въ глаза, какъ только я вошелъ. Казалось, она строго и внимательно смотрѣла на меня. Мы усѣлись, вспомнили про старину и понемногу разговорились. Я, поневолѣ, то и дѣло, взглядывалъ на сумрачный портретъ Ельцовой. Вѣра Николаевна сидѣла прямо подъ нимъ: это ея любимое мѣсто. Представь мое

изумленіе: Вѣра Николаевна до сихъ поръ не прочла ни одного романа, ни одного стихотворенія — словомъ, ни одного, какъ она выражается, выдуманнаго сочиненія! Это непостижимое равнодушіе къ возвышеннѣйшимъ удовольствіямъ ума меня разсердило. Въ женщинѣ умной и, сколько я могу судить, тонко чувствующей, это просто непростительно.

— Что же,—спросилъ я:—вы положили себѣ за правило никогда такихъ книгъ не читать?

— Не пришлось,—отвѣчала она:—некогда было.

— Некогда! Я удивляюсь! Хоть бы вы,—продолжалъ я, обратившись къ Пріимкову,—пріохотили вашу жену.

— Я съ удовольствіемъ.... — началъ-было Пріимковъ; но Вѣра Николаевна его перебила.

— Не притворяйся: ты самъ небольшой охотникъ до стиховъ.

— До стиховъ, точно,—началъ онъ,—я не очень; но романы, напримѣръ....

— Да что же вы дѣлаете, чѣмъ вы занимаетесь по вечерамъ?—спросилъ я:—въ карты играете?

— Иногда играемъ,—отвѣчала она:—да мало-ли есть, чѣмъ заняться? Мы тоже читаемъ: есть хорошія сочиненія кромѣ стиховъ.

— Что вы на стихи такъ нападаете?

— Я на нихъ не нападаю: я съ дѣтства привыкла не читать этихъ выдуманныхъ сочиненій; матушкѣ такъ было угодно, а я чѣмъ больше живу, тѣмъ больше убѣждаюсь въ томъ, что все, что̀ матушка ни дѣлала, все, что̀ она ни говорила, была правда, святая правда.

— Ну, какъ вы хотите, а я съ вами согласиться не могу: я убѣжденъ, что вы напрасно лишаете себя самаго чистаго, самаго законнаго наслажденія. Вѣдь вы не отвергаете музыки, живописи: отчего же вы отвергаете поэзію?

— Я ее не отвергаю: я до сихъ поръ съ ней не познакомилась—вотъ и все.

— Такъ я возьмусь за это! Вѣдь ваша матушка не на всю жизнь запретила вамъ знакомство съ произведеніями изящной словесности?

— Нѣтъ; какъ я вышла замужъ, матушка сняла съ меня всякое запрещеніе; мнѣ самой въ мысли не приходило читать.... какъ вы это сказали?... ну, словомъ, читать романы.

Я съ недоумѣніемъ слушалъ Вѣру Николаевну: я этого не ожидалъ.

Она смотрѣла на меня своимъ спокойнымъ взоромъ. Птицы такъ смотрятъ, когда не боятся.

— Я вамъ принесу книгу!—воскликнулъ я. (У меня въ головѣ мелькнулъ недавно мной прочтенный „Фаустъ“).

Вѣра Николаевна тихонько вздохнула.

— Это.... это не будетъ Жоржъ-Сандъ?—спросила она не безъ робости.

— А! значитъ, вы слыхали о ней? Ну, хоть бы она, что же за бѣда?... Нѣтъ, я вамъ принесу другого автора. Вѣдь вы по-нѣмецки не забыли?

— Нѣтъ, не забыла.

— Она говоритъ какъ нѣмка,—подхватилъ Пріимковъ.

— Ну, и прекрасно! я вамъ принесу.... да вотъ, вы увидите, какую я вамъ удивительную вещь принесу.

— Ну, хорошо, увижу. А теперь пойдемте въ садъ, а то Наташѣ на мѣстѣ не сидится.

Она надѣла круглую соломенную шляпу, дѣтскую шляпу, точно такую же, какую надѣла ея дочь, только побольше немного, и мы отправились въ садъ. Я шелъ съ ней рядомъ. На свѣжемъ воздухѣ, въ тѣни высокихъ липъ, ея лицо мнѣ показалось еще милѣе, особенно, когда она слегка поворачивалась и закидывала голову, чтобъ посмотрѣть на меня изъ-подъ края шляпки. Если бы не шедшій

за нами Пріимковъ, если бы не прыгавшая передъ нами дѣвочка, я бы, право, могъ подумать, что мнѣ не 35 лѣтъ, а 23 года; что я только собираюсь еще въ Берлинъ, тѣмъ болѣе, что и садъ, въ которомъ мы находились, весьма походилъ на садъ въ имѣніи Ельцовой. Я не удержался и передалъ мое впечатлѣніе Вѣрѣ Николаевнѣ.

— Мнѣ всѣ говорятъ, что я наружно мало измѣнилась,—отвѣчала она:—впрочемъ, я и внутренно осталась та же.

Мы подошли къ небольшому китайскому домику.

— Вотъ, такого домика у насъ въ Осиповкѣ не было,—сказала она:—но вы не смотрите, что онъ такъ обвалился и полинялъ: внутри очень хорошо и прохладно.

Мы вошли въ домикъ. Я оглянулся.

— Знаете ли что, Вѣра Николаевна,—промолвилъ я:—велите къ моему пріѣзду принести сюда столъ и нѣсколько стульевъ. Здѣсь, въ самомъ дѣлѣ, чудесно. Я вамъ здѣсь прочту.... Гётева „Фауста“.... вотъ какую вещь я вамъ прочту.

— Да, здѣсь мухъ нѣтъ,—замѣтила она простодушно:—а когда вы пріѣдете?

— Послѣзавтра.

— Хорошо,—возразила она:—прикажу.

Наташа, которая вмѣстѣ съ нами вошла въ домикъ, вдругъ вскрикнула и отскочила, вся блѣдная.

— Что такое?—спросила Вѣра Николаевна.

— Ахъ, мама, — проговорила дѣвочка, указывая въ уголъ пальцемъ:—посмотри, какой страшный паукъ!...

Вѣра Николаевна взглянула въ уголъ: большой пестрый паукъ тихо всползалъ по стѣнѣ.

— Чего же тутъ бояться?—сказала она:—онъ не кусается, посмотри.

И, прежде чѣмъ я успѣлъ остановить ее, она взяла бе-

зобразное насѣкомое въ руку, дала ему побѣгать по ладони и выбросила его вонъ.

— Ну, какая же вы храбрая!—воскликнулъ я.

— Въ чемъ же тутъ храбрость! Этотъ паукъ не изъ ядовитыхъ.

— Видно, вы попрежнему сильны въ естественной исторіи; а я бы его въ руки не взялъ.

— Его нечего бояться,—повторила Вѣра Николаевна.

Наташа молча посмотрѣла на насъ обоихъ и усмѣхнулась.

— Какъ она похожа на вашу матушку!—замѣтилъ я.

— Да,—возразила Вѣра Николаевна съ улыбкой удовольствія: — это меня очень радуетъ. Дай Богъ, чтобы она не однимъ лицомъ на нее походила!

Насъ позвали обѣдать, и послѣ обѣда я уѣхалъ. NB. Обѣдъ былъ очень хорошъ и вкусенъ—это я въ скобкахъ замѣчаю для тебя, объѣдало! Завтра я къ нимъ свезу „Фауста“. Боюсь я, какъ бы мы со старикомъ Гёте не провалились. Опишу тебѣ все подробно.

Ну, а теперь, что ты думаешь обо всѣхъ „сихъ происшествіяхъ?“ Небось,—что она произвела на меня сильное впечатлѣніе, что я готовъ влюбиться и т. д.? Пустяки, братъ! Пора и честь знать. Довольно подурачился; полно! Не въ мои годы начинать жизнь сызнова. Притомъ же, мнѣ и прежде не такія женщины нравились.... Впрочемъ, какія женщины мнѣ нравились!!

Я содрогаюсь—сердцу больно—
Мнѣ стыдно идоловъ моихъ.

Во всякомъ случаѣ, я очень радъ этому сосѣдству, радъ возможности видѣться съ умнымъ, простымъ, свѣтлымъ существомъ; а что̀ будетъ дальше, узнаешь въ свое время.

Твой П. Б.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ.

Отъ того же къ тому же.

Сельцо М....ое, 20-го іюня 1850 г.

Чтеніе произошло вчера, милый другъ, и какъ именно, о томъ слѣдуютъ пункты. Прежде всего, спѣшу сказать: успѣхъ неожиданный.... то-есть „успѣхъ“—не то слово.... Ну, слушай. Я пріѣхалъ къ обѣду. За столомъ насъ было шестеро: она, Пріимковъ, дочка, гувернантка (незначительная бѣлая фигурка), я и какой-то старый нѣмецъ, въ коротенькомъ коричневомъ фракѣ, чистый, выбритый, потертый, съ самымъ смирнымъ и честнымъ лицомъ, съ беззубой улыбкой, съ запахомъ цикорнаго кофе.... всѣ старые нѣмцы такъ пахнутъ. Меня съ нимъ познакомили: это былъ нѣкто Шиммель, учитель нѣмецкаго языка у сосѣдей Пріимкова, князей Х....хъ. Вѣра Николаевна, кажется, благоволитъ къ нему, и пригласила его присутствовать на чтеніи. Мы обѣдали поздно, и долго не выходили изъ-за стола, потомъ гуляли. Погода была чудесная. Утромъ шелъ дождь и вѣтеръ шумѣлъ, а къ вечеру все утихло. Мы вмѣстѣ съ нею вышли на открытую поляну. Прямо надъ поляной легко и высоко стояло большое розовое облако; какъ дымъ, тянулись по немъ сѣрыя полосы; на самомъ краю его, то показываясь, то исчезая, дрожала звѣздочка, а немного подалѣе виднѣлся бѣлый серпъ мѣсяца на слегка поалѣвшей лазури. Я указалъ Вѣрѣ Николаевнѣ на это облако.

— Да,—сказала она:—это прекрасно; но посмотрите-ка сюда. Я оглянулся. Закрывая собою заходившее солнце, вздымалась огромная, темно-синяя туча; видомъ своимъ она представляла подобіе огнедышащей горы; ея верхъ широкимъ снопомъ раскидывался по небу; яркой каймой окружалъ ее зловѣщій багрянецъ, и въ одномъ мѣстѣ, по

самой серединѣ, пробивалъ насквозь ея тяжелую громаду, какъ бы вырываясь изъ раскаленнаго жерла....

— Быть грозѣ,—замѣтилъ Пріимковъ.

Но я отдаляюсь отъ главнаго. Я въ послѣднемъ письмѣ забылъ тебѣ сказать, что, пріѣхавъ домой отъ Пріимковыхъ, я раскаивался, что назвалъ именно „Фауста“; для перваго раза Шиллеръ гораздо бы лучше годился, ужъ коли дѣло шло на нѣмцевъ. Особенно пугали меня первыя сцены, до знакомства съ Гретхенъ; насчетъ Мефистофеля я тоже не былъ покоенъ. Но я находился подъ вліяніемъ „Фауста“ и ничего другого не могъ бы прочесть съ охотой. Когда уже совсѣмъ стемнѣло, мы отправились въ китайскій домикъ; его наканунѣ привели въ порядокъ. Прямо противъ двери, передъ диванчикомъ, стоялъ круглый столъ, покрытый ковромъ; кругомъ разставлены были кресла и стулья; на столѣ горѣла лампа. Я сѣлъ на диванчикъ, досталъ книжку. Вѣра Николаевна помѣстилась на креслахъ, нѣсколько поодаль, недалеко отъ двери. За дверью, среди тьмы, выставлялась, слегка качаясь, зеленая вѣтка акаціи, освѣщенная лампой; изрѣдка вливалась въ комнату струя ночного воздуха. Пріимковъ сѣлъ близъ меня у стола, нѣмецъ возлѣ него. Гувернантка осталась съ Наташей въ домѣ. Я произнесъ небольшую вступительную рѣчь: упомянулъ о старинной легендѣ доктора Фауста, о значеніи Мефистофеля, о самомъ Гёте и попросилъ остановить меня, если что̀ покажется непонятнымъ. Потомъ я откашлянулся.... Пріимковъ спросилъ меня, не нужно-ли мнѣ воды съ сахаромъ и, по всему можно было замѣтить, остался очень собой доволенъ, что сдѣлалъ мнѣ этотъ вопросъ. Я отказался. Глубокое молчаніе воцарилось. Я началъ читать, не поднимая глазъ; мнѣ было неловко, сердце билось и голосъ дрожалъ. Первое восклицаніе сочувствія вырвалось у нѣмца, и въ продолженіе чтенія онъ одинъ нарушалъ тишину.... „Удиви-

тельно! возвышенно!“,—твердилъ онъ, изрѣдка прибавляя: „а вотъ это глубоко“. Пріимковъ, какъ я могъ замѣтить, скучалъ: по-нѣмецки понималъ онъ довольно плохо, и самъ сознавался, что стиховъ не любитъ!... Вольно жъ было ему!—Я за столомъ хотѣлъ-было намекнуть, что чтеніе можетъ обойтись безъ него, да посовѣстился. Вѣра Николаевна не шевелилась: раза два я украдкой взглянулъ на нее: глаза ея внимательно и прямо были устремлены на меня; ея лицо мнѣ показалось блѣднымъ. Послѣ первой встрѣчи Фауста съ Гретхенъ она отдѣлилась отъ спинки креселъ, сложила руки и въ такомъ положеніи осталась неподвижной до конца. Я чувствовалъ, что Пріимкову тошно приходилось, и это меня сперва охлаждало, но понемногу я забылъ о немъ, разгорячился и читалъ съ жаромъ, съ увлеченіемъ.... Я читалъ для одной Вѣры Николаевны: внутренній голосъ говорилъ мнѣ, что „Фаустъ“ на нее дѣйствуетъ. Когда я кончилъ (интермеццо я пропустилъ: эта штука по манерѣ принадлежитъ уже ко второй части; да изъ „Ночи на Брокенѣ“ я кое-что выкинулъ).... когда я кончилъ, когда прозвучало это послѣднее „Генрихъ!“ — нѣмецъ съ умиленіемъ произнесъ: „Боже! какъ прекрасно!“ Пріимковъ, словно обрадованный (бѣднякъ!) вскочилъ, вздохнулъ и началъ благодарить меня за доставленное удовольствіе.... Но я не отвѣчалъ ему: я глядѣлъ на Вѣру Николаевну.... Я хотѣлъ услыхать, что̀ она скажетъ. Она встала, подошла нерѣшительными шагами къ двери, постояла на порогѣ и тихонько вышла въ садъ. Я бросился за ней вслѣдъ. Она успѣла уже отойти нѣсколько шаговъ; платье ея чуть бѣлѣло въ густой тѣни.

— Что же?—крикнулъ я:—вамъ не понравилось?

Она остановилась.

— Можете вы оставить мнѣ эту книгу?—раздался ея голосъ.

— Я вамъ ее подарю, Вѣра Николаевна, если вы желаете имѣть ее.

— Благодарствуйте!—отвѣчала она и скрылась.

Пріимковъ и нѣмецъ подошли ко мнѣ.

— Какъ удивительно тепло!—замѣтилъ Пріимковъ:—даже душно. Но куда жена пошла?

— Кажется, домой,—отвѣчалъ я.

— Я думаю, скоро пора ужинать,—возразилъ онъ.—Вы превосходно читаете, — прибавилъ онъ, погодя немного.

— Вѣрѣ Николаевнѣ, кажется, понравился „Фаустъ“,—проговорилъ я.

— Безъ сомнѣнія!—воскликнулъ Пріимковъ.

— О, конечно!—подхватилъ Шиммель.

Мы пришли въ домъ.

— Гдѣ барыня? — спросилъ Пріимковъ у попавшейся намъ навстрѣчу горничной.

— Въ спальню пойти изволили.

Пріимковъ отправился въ спальню.

Я вышелъ на террасу вмѣстѣ съ Шиммелемъ. Старикъ поднялъ глаза къ небу.

— Сколько звѣздъ! — медленно проговорилъ онъ, понюхавъ табаку:—и это все міры,—прибавилъ онъ и понюхалъ въ другой разъ.

Я не почелъ за нужное отвѣчать ему, и только молча посмотрѣлъ вверхъ. Тайное недоумѣніе тяготило мою душу.... Звѣзды, мнѣ казалось, серьезно глядѣли на насъ. Минутъ черезъ пять явился Пріимковъ и позвалъ насъ въ столовую. Скоро пришла и Вѣра Николаевна. Мы сѣли.

— Посмотрите-ка на Вѣрочку,—сказалъ мнѣ Пріимковъ.

Я взглянулъ на нее.

— Что? ничего не замѣчаете?

Я дѣйствительно замѣтилъ перемѣну въ ея лицѣ, но не знаю почему, отвѣчалъ:

— Нѣтъ, ничего.

— Глаза у ней красны,—продолжалъ Пріимковъ.

Я промолчалъ.

— Вообразите, я пришелъ къ ней наверхъ и застаю ее: она плачетъ. Этого съ ней давно не случалось. Я вамъ могу сказать, когда она въ послѣдній разъ плакала: когда Саша у насъ скончалась. Вотъ, что̀ вы надѣлали съ вашимъ „Фаустомъ“! — прибавилъ онъ съ улыбкой.

— Стало-быть, Вѣра Николаевна,—началъ я:—вы теперь видите, что я былъ правъ, когда....

— Я этого не ожидала, — перебила она меня: — но Богъ еще знаетъ, правы ли вы. Можетъ-быть, оттого матушка и запрещала мнѣ читать подобныя книги, что она знала....

Вѣра Николаевна остановилась.

— Что̀ знала?—повторилъ я.—Говорите.

— Къ чему? Мнѣ и такъ совѣстно: о чемъ это я плакала? Впрочемъ, мы еще съ вами потолкуемъ. Я многое не совсѣмъ поняла.

— Отчего же вы меня не остановили?

— Слова-то я всѣ поняла, и смыслъ ихъ, но....

Она не докончила рѣчи и задумалась. Въ это мгновеніе изъ саду пронесся шумъ листьевъ, внезапно поколебленныхъ налетѣвшимъ вѣтромъ. Вѣра Николаевна вздрогнула и повернулась лицомъ къ раскрытому окну.

— Я вамъ говорилъ, что будетъ гроза!—воскликнулъ Пріимковъ.—А ты, Вѣрочка, чего это такъ вздрагиваешь?

Она взглянула на него молча. Слабо и далеко сверкнувшая молнія таинственно отразилась на ея недвижномъ лицѣ.

— Все по милости „Фауста“,—продолжалъ Пріимковъ.

— Послѣ ужина надо будетъ сейчасъ на боковую.... не правда ли, г. Шиммель?

— Послѣ нравственнаго удовольствія физическій отдыхъ столь же благодѣтеленъ, сколь полезенъ,—возразилъ добрый нѣмецъ и выпилъ рюмочку водки.

Послѣ ужина мы тотчасъ разошлись. Прощаясь съ Вѣрой Николаевной, я пожалъ ей руку: рука у ней была холодна. Я пришелъ въ отведенную мнѣ комнату и долго стоялъ передъ окномъ, прежде чѣмъ раздѣлся и легъ въ постель. Предсказаніе Пріимкова сбылось: гроза надвинулась и разразилась. Я слушалъ шумъ вѣтра, стукъ и хлопанье дождя, глядѣлъ, какъ при каждой вспышкѣ молніи церковь, вблизи построенная надъ озеромъ, то вдругъ являлась черною на бѣломъ фонѣ, то бѣлою на черномъ, то опять поглощалась мракомъ.... Но мысли мои были далеко. Я думалъ о Вѣрѣ Николаевнѣ, думалъ о томъ, что она мнѣ скажетъ, когда прочтетъ сама „Фауста“, думалъ о ея слезахъ, вспоминалъ, какъ она слушала....

Гроза уже давно прошла—звѣзды засіяли, все замолкло кругомъ. Какая-то неизвѣстная мнѣ птица пѣла на разные голоса, нѣсколько разъ сряду повторяя одно и то же колѣно. Ея звонкій, одинокій голосъ странно звучалъ среди глубокой тишины; а я все еще не ложился....

На другое утро я раньше всѣхъ сошелъ въ гостиную и остановился передъ портретомъ Ельцовой. „Что взяла,—подумалъ я съ тайнымъ чувствомъ насмѣшливаго торжества,—вѣдь вотъ же, прочелъ твоей дочери запрещенную книгу!“ Вдругъ мнѣ почудилось.... ты, вѣроятно, замѣтилъ, что глаза en face всегда кажутся устремленными прямо на зрителя.... но на этотъ разъ мнѣ, право, почудилось, что старуха съ укоризной обратила ихъ на меня.

Я отвернулся, подошелъ къ окну и увидѣлъ Вѣру Николаевну. Съ зонтикомъ на плечѣ, съ легкой бѣлой ко-

сынкой на головѣ, шла она по саду. Я тотчасъ вышелъ изъ дому и поздоровался съ нею.

— Я всю ночь не спала,—сказала она мнѣ:—у меня голова болитъ: я вышла на воздухъ—авось пройдетъ.

— Неужели это отъ вчерашняго чтенія?—спросилъ я.

— Конечно: я къ этому не привыкла. Въ этой вашей книгѣ есть вещи, отъ которыхъ я никакъ отдѣлаться не могу; мнѣ кажется, это онѣ мнѣ такъ жгутъ голову,— прибавила она, приложивъ руку ко лбу.

— И прекрасно,—промолвилъ я:—но вотъ что дурно: боюсь я, какъ бы эта безсонница и головная боль не отбили у васъ охоты читать такія вещи.

— Вы думаете?—возразила она и сорвала мимоходомъ вѣтку дикаго жасмина.—Богъ знаетъ! Мнѣ кажется, кто разъ ступитъ на эту дорогу, тотъ уже назадъ не вернется.

Она вдругъ бросила вѣтку въ сторону.

— Пойдемте, сядемте въ эту бесѣдку, — продолжала она:—и, пожалуйста, до тѣхъ поръ, пока я не заговорю съ вами сама, не упоминайте мнѣ.... объ этой книгѣ. (Она какъ будто боялась произнести имя „Фауста“).

Мы вошли въ бесѣдку, сѣли.

— Я не буду говорить вамъ о „Фаустѣ“,—началъ я:— но вы позволите мнѣ поздравить васъ и сказать вамъ, что я вамъ завидую.

— Вы мнѣ завидуете?

— Да; вамъ, какъ я теперь васъ знаю, съ вашей душою, сколько предстоитъ наслажденій! Есть великіе поэты, кромѣ Гёте: Шекспиръ, Шиллеръ.... да и нашъ Пушкинъ.... и съ нимъ вамъ надо познакомиться.

Она молчала и чертила зонтикомъ по песку.

О, другъ мой, Семенъ Николаичъ! если бъ ты могъ видѣть, какъ она была мила въ это мгновеніе: блѣдная почти до прозрачности, слегка наклоненная, усталая, внутренно

разстроенная—и все-таки ясная, какъ небо! Я говорилъ, говорилъ долго, потомъ умолкъ — и такъ сидѣлъ молча, да глядѣлъ на нее....

Она не поднимала глазъ и продолжала то чертить зонтикомъ, то стирать начерченное. Вдругъ раздались проворные дѣтскіе шаги: Наташа вбѣжала въ бесѣдку. Вѣра Николаевна выпрямилась, встала и, къ удивленію моему, съ какою-то порывистой нѣжностью обняла свою дочь.... Это не въ ея привычкахъ. Потомъ явился Пріимковъ. Сѣдовласый, но аккуратный младенецъ Шиммель уѣхалъ до свѣта, чтобъ не пропустить урока. Мы пошли пить чай.

Однако, я усталъ; пора кончить это письмо. Оно должно показаться тебѣ нелѣпымъ, смутнымъ. Я самъ чувствую себя смутнымъ. Мнѣ не по себѣ. Я не знаю, что̀ со мною. Мнѣ то и дѣло мерещится маленькая комната съ голыми стѣнами, лампа, раскрытая дверь, запахъ и свѣжесть ночи, а тамъ, возлѣ двери, внимательное молодое лицо, легкія бѣлыя одежды.... Я понимаю теперь, почему я хотѣлъ на ней жениться: я, видно, не такъ былъ глупъ передъ поѣздкой въ Берлинъ, какъ я до сихъ поръ думалъ. Да, Семенъ Николаичъ, въ странномъ состояніи духа находится вашъ другъ. Все это, я знаю, пройдетъ.... а если не пройдетъ—ну, что жъ? не пройдетъ. Но я, все-таки, собой доволенъ: во-первыхъ, я удивительный провелъ вечеръ; а во-вторыхъ, если я разбудилъ эту душу, кто можетъ меня обвинить? Старуха Ельцова пригвождена къ стѣнѣ и должна молчать. Старуха!... подробности ея жизни не всѣ мнѣ извѣстны; но я знаю, что она убѣжала изъ отцовскаго дома: видно, не даромъ она родилась отъ итальянки. Ей хотѣлось застраховать свою дочь. Посмотримъ.

Бросаю перо. Ты, насмѣшливый человѣкъ, пожалуйста, думай обо мнѣ, что̀ хочешь, но не глумись надо мною письменно. Мы съ тобой старые пріятели и должны щадить другъ друга. Прощай! Твой П. Б.

ПИСЬМО ПЯТОЕ.

Отъ того же къ тому же.

Сельцо М....е, 26 іюля 1850 г.

Я давно къ тебѣ не писалъ, милый Степанъ Николаичъ; кажется, больше мѣсяца. Писать было о чемъ, да лѣнь одолѣла. Говоря правду, я почти не вспомнилъ о тебѣ все это время. Но изъ послѣдняго твоего письма ко мнѣ я могу заключить, что ты дѣлаешь предположенія на мой счетъ, которыя несправедливы, то-есть, не совсѣмъ справедливы. Ты думаешь, что я увлеченъ Вѣрой (мнѣ какъ-то неловко называть ее Вѣрой Николаевной); ты ошибаешься. Конечно, я вижусь съ ней часто, она мнѣ нравится чрезвычайно.... да кому бы она не понравилась? хотѣлъ бы я тебя посмотрѣть на моемъ мѣстѣ. Удивительное созданіе! Проницательность мгновенная рядомъ съ неопытностью ребенка, ясный, здравый смыслъ и врожденное чувство красоты, постоянное стремленіе къ правдѣ, къ высокому, и пониманіе всего, даже порочнаго, даже смѣшного—и надо всѣмъ этимъ, какъ бѣлыя крылья ангела, тихая женская прелесть.... Да что и говорить! Мы много читали, много толковали съ ней въ теченіе этого мѣсяца. Читать съ ней—наслажденіе, какого я еще не испытывалъ. Точно новыя страны открываешь. Въ восторгъ она ни отъ чего не приходитъ: все шумное ей чуждо; она тихо свѣтится вся, когда ей что нравится, и лицо принимаетъ такое благородное и доброе.... именно, доброе выраженіе. Съ самаго ранняго дѣтства Вѣра не знала, что̀ такое ложь: она привыкла къ правдѣ, она дышетъ ею, а потому и въ поэзіи одна правда кажется ей естественной; она тотчасъ, безъ труда и напряженія, узнаётъ ее, какъ знакомое лицо.... великое преимущество и счастіе! Нельзя за это не помянуть добромъ ея матери. Сколько разъ думалъ я, глядя

на Вѣру: да, правъ Гёте:—„добрый человѣкъ въ неясномъ своемъ стремленіи всегда чувствуетъ, гдѣ настоящая дорога“ *). Одно досадно: мужъ все тутъ вертится. (Пожалуйста, не смѣйся глупымъ смѣхомъ, не оскверняй даже мыслью нашей чистой дружбы). Онъ столь же способенъ понимать поэзію, какъ я расположенъ играть на флейтѣ, а не хочетъ отстать отъ жены, просвѣтиться тоже желаетъ. Иногда она сама меня выводитъ изъ терпѣнья; вдругъ найдетъ на нее стихъ какой-то: ни читать не хочетъ, ни разговаривать, шьетъ въ пяльцахъ, возится съ Наташей, съ ключницей, въ кухню вдругъ сбѣгаетъ, или просто сидитъ, поджавъ руки, и посматриваетъ въ окошко, а не то примется играть съ няней въ дурачки.... Я замѣтилъ: въ этихъ случаяхъ къ ней приставать не должно, а лучше подождать, пока она подойдетъ, заговоритъ или возьмется за книжку. Самостоятельности въ ней много, и я очень этому радъ. Бывало, помнишь, въ дни нашей юности; какая-нибудь дѣвочка повторяетъ тебѣ, какъ умѣетъ, твои же слова, а ты восхищаешься этимъ эхомъ и, пожалуй, поклоняешься ему, пока не раскусишь, въ чемъ дѣло; а эта.... нѣтъ: эта сама по себѣ. На вѣру она ничего не приметъ; авторитетомъ ее не запугаешь; спорить она не станетъ; но и не поддастся. О „Фаустѣ“ мы съ ней разсуждали не однажды: но—странное дѣло! — о Гретхенъ она ничего сама не говоритъ, а только слушаетъ, что я ей скажу. Мефистофель ее пугаетъ не какъ чортъ, а какъ „что-то такое, что въ каждомъ человѣкѣ можетъ быть....“ Это ея собственныя слова. Я началъ-было толковать ей, что это „что-то“ мы называемъ рефлексіей; но она не поняла слова рефлексія въ нѣмецкомъ смыслѣ: она только знаетъ одну французскую „réflexion“ и привыкла почитать ее полезной. Удивительныя наши от-

*) «Фаустъ», прологъ 1-й части.

ношенія! Съ нѣкоторой точки зрѣнія я могу сказать, что имѣю на нее вліяніе большое и какъ бы воспитываю ее; но и она, сама того не замѣчая, во многомъ меня передѣлываетъ къ лучшему. Я, напримѣръ, только по ея милости недавно открылъ, какая бездна условнаго, риторическаго во многихъ прекрасныхъ, извѣстныхъ поэтическихъ произведеніяхъ. Къ чему она остается холодною, то уже въ моихъ глазахъ заподозрѣно. Да, я сталъ лучше, яснѣе. Быть къ ней близкимъ, видаться съ нею и остаться прежнимъ человѣкомъ—невозможно.

Что же изъ этого всего выйдетъ? спросишь ты. Да, право, я думаю—ничего. Я весьма пріятно проведу время до сентября, а тамъ уѣду. Темна и скучна покажется мнѣ жизнь въ первые мѣсяцы.... Привыкну. Я знаю, какъ опасна какая бы то ни было связь между мужчиной и молодой женщиной, какъ незамѣтно одно чувство смѣняется другимъ.... Я бы сумѣлъ оторваться, если бъ я не сознавалъ, что мы оба совершенно покойны. Правда, однажды между нами произошло что-то странное. Не знаю, какъ и вслѣдствіе чего—помнится, мы читали „Онѣгина“—я у ней поцѣловалъ руку. Она слегка отодвинулась, устремила на меня взглядъ (я, кромѣ ея, ни у кого не видалъ такого взгляда: въ немъ и задумчивость, и вниманіе, и какая-то строгость).... вдругъ покраснѣла, встала и ушла. Въ тотъ день мнѣ ужъ не удалось быть съ ней наединѣ. Она избѣгала меня и битыхъ четыре часа играла съ мужемъ, няней и гувернанткой въ свои-козыри! На другое утро она предложила мнѣ идти въ садъ. Мы прошли его весь, до самаго озера. Она вдругъ, не оборачиваясь ко мнѣ, тихо прошептала: „Пожалуйста, впередъ не дѣлайте этого!“ и тотчасъ начала мнѣ что-то разсказывать.... Я былъ очень пристыженъ.

Я долженъ сознаться, что образъ ея не выходитъ у меня изъ головы, и я едва ли не съ тѣмъ намѣреніемъ сталъ пи-

сать къ тебѣ письмо, чтобы имѣть возможность думать и говорить о ней. Я слышу фырканье и топотъ лошадей: это мнѣ подаютъ коляску. Ѣду къ нимъ. Кучеръ мой уже не спрашиваетъ меня теперь, куда ѣхать, когда я сажусь въ экипажъ,—прямо везетъ къ Пріимковымъ. За двѣ версты до ихъ села, на крутомъ поворотѣ дороги, усадьба ихъ внезапно выглядываетъ изъ-за березовой рощи.... У меня всякій разъ радостно станетъ на сердцѣ, какъ только блеснутъ вдали ея окна. Шиммель (безвредный этотъ старикъ изрѣдка къ нимъ пріѣзжаетъ; князей Х....хъ они, слава Богу, видѣли всего разъ).... Шиммель не даромъ говоритъ, со свойственною ему скромною торженственностью, указывая на домъ, гдѣ живетъ Вѣра: „это обитель мира!“ Въ этомъ домѣ поселился мирный ангелъ....

Крыломъ своимъ меня одѣнь,
Волненье сердца утиши,—
И благодатна будетъ тѣнь
Для очарованной души....

Ну, однако, довольно; а то ты Богъ знаетъ, что̀ подумаешь. До слѣдующаго раза.... Что-то напишу я въ слѣдующій разъ?—Прощай!—Кстати, она никогда не скажетъ: прощайте, а всегда: ну, прощайте. — Мнѣ это ужасно нравится.

Твой П. Б.

P. S. Я не помню, сказывалъ ли я тебѣ, что она знаетъ, что я за нее сватался.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ.

Отъ того же къ тому же.

Сельцо М....ое, 10 августа 1850 г.

Сознайся, ты ожидаешь отъ меня письма либо отчаяннаго, либо восторженнаго.... Не тутъ-то было. Письмо мое будетъ, какъ всѣ письма. Новаго ничего не произошло,

да, кажется, и произойти не можетъ. На-дняхъ мы катались въ лодкѣ по озеру. Опишу тебѣ это катанье. Насъ было трое: она, Шиммель и я. Не понимаю, что̀ ей за охота такъ часто приглашать этого старика. Х....іе дуются на него, говорятъ, что онъ сталъ пренебрегать своими уроками. Впрочемъ, на этотъ разъ онъ былъ забавенъ. Пріимковъ не поѣхалъ съ нами: у него болѣла голова. Погода была славная, веселая: большія, точно разодранныя, бѣлыя тучи по синему небу, вездѣ блескъ, шумъ въ деревьяхъ, плесканье и шлёпанье воды у берега, на волнахъ бѣглыя, золотыя змѣйки, свѣжесть и солнце!—Сперва мы съ нѣмцемъ гребли; потомъ мы подняли парусъ и помчались. Носъ лодки такъ и занырялъ, а за кормою слѣдъ шипѣлъ и пѣнился. Она сѣла у руля и стала править; на голову она повязала платокъ: шляпу бы снесло; кудри вырывались изъ-подъ него и мягко бились по воздуху. Она твердо держала руль своей загорѣлой ручкой и улыбалась брызгамъ, изрѣдка летѣвшимъ ей въ лицо. Я прикорнулъ на днѣ лодки, недалеко отъ ея ногъ, нѣмецъ досталъ трубку, закурилъ свой кнастеръ и—вообрази—запѣлъ довольно пріятнымъ басомъ. Сперва онъ спѣлъ старинную пѣсенку: „Freut' euch des Lebens“, потомъ арію изъ „Волшебной Флейты“, потомъ романсъ подъ названіемъ: „Азбука Любви“ — „Das A-B-C der Liebe“. Въ этомъ романсѣ проходится—съ приличными прибаутками, разумѣется—вся азбука, начиная съ А, Бе, Це, Де,—Венъ ихъ дихъ зе! и кончая: У, Фау, Ве, Иксъ,—Махъ эйненъ книксъ!—Онъ пропѣлъ всѣ куплеты съ чувствительнымъ выраженіемъ; но надо было видѣть, какъ плутовски онъ прищурилъ лѣвый глазъ на словѣ: книксъ:—Вѣра засмѣялась и погрозила ему пальцемъ. Я замѣтилъ, что, сколько мнѣ кажется, г. Шиммель, въ свое время, былъ малый не промахъ. „О, да, и я могъ постоять за себя!“ возразилъ онъ съ важностью, выколотилъ пепелъ

изъ трубки себѣ на ладонь и, полѣзая пальцами въ кисетъ, ухарски, сбоку, укусилъ мундштукъ чубука. „Когда я былъ студентомъ“, — прибавилъ онъ: — „о-хо-хо!“ Больше онъ ничего не сказалъ. Но что это было за о-хо-хо!—Вѣра попросила его спѣть какую-нибудь студенческую пѣсню, и онъ спѣлъ ей: „Knaster, den gelben“, но на послѣдней нотѣ сфальшивилъ. Очень ужъ онъ раскутился. Между тѣмъ, вѣтеръ усилился, волны покатились довольно большія, лодку слегка накренило; ласточки зашныряли низко вокругъ насъ. Мы переставили парусъ, начали лавировать. Вѣтеръ вдругъ перескочилъ, мы не успѣли справиться—волна шлёпнула черезъ бортъ, лодка сильно зачерпнула. И тутъ нѣмецъ показалъ себя молодцомъ, вырвалъ у меня веревку и поставилъ парусъ какъ слѣдовало, промолвивъ при томъ: „Вотъ какъ это дѣлается въ Куксгафенѣ!“—„So macht man's in Kuxhafen!“

Вѣра, вѣроятно, испугалась, потому что поблѣднѣла, но, по своему обыкновенію, не произнесла ни слова, подобрала платье и поставила носки на перекладину лодки. Мнѣ вдругъ пришло въ голову стихотвореніе Гёте (я съ нѣкоторыхъ поръ весь зараженъ имъ).... помнишь: „На волнахъ сверкаютъ тысячи колеблющихся звѣздъ“, и прочелъ его громко. Когда я дошелъ до стиха: „Глаза мои, зачѣмъ вы опускаетесь?“ она слегка приподняла свои глаза (я сидѣлъ ниже ея: взоръ ея падалъ на меня сверху) и долго смотрѣла вдаль, щурясь отъ вѣтра.... Легкій дождь налетѣлъ мгновенно и запрыгалъ пузырями по водѣ. Я предложилъ ей свое пальто: она накинула его себѣ на плечи. Мы пристали къ берегу — не у пристани—и до дому дошли пѣшкомъ. Я велъ ее подъ руку. Мнѣ все какъ будто хотѣлось сказать ей что-то; но я молчалъ. Однако, я, помнится, спросилъ ее, зачѣмъ она, когда бываетъ дома, всегда сидитъ подъ портретомъ г-жи Ельцовой, словно птенчикъ подъ крыломъ матери? — „Ваше

сравненіе очень вѣрно", — возразила она: — „я бы никогда не желала выйти изъ-подъ ея крыла".—„Не желала бы выйти на волю?"—спросилъ я опять. Она ничего не отвѣчала.

Я не знаю, зачѣмъ я разсказалъ тебѣ эту прогулку,— потому развѣ, что она осталась въ моей памяти, какъ одно изъ самыхъ свѣтлыхъ событій прошедшихъ дней, хотя, въ сущности, какое же это событіе? Мнѣ было такъ отрадно и безмолвно весело, и слезы, слезы легкія и счастливыя, такъ и просились изъ глазъ.

Да! вообрази: на другой день, проходя въ саду мимо бесѣдки, слышу я вдругъ чей-то пріятный, звучный, женскій голосъ поетъ: „Freut' euch des Lebens...." Я взглянулъ въ бесѣдку:—это была Вѣра. „Браво!"—воскликнулъ я:—„я и не зналъ, что у васъ такой славный голосъ!"—Она застыдилась и умолкла. Кромѣ шутокъ, у ней отличный, сильный сопрано. А она, я думаю, и не подозрѣвала, что у ней хорошій голосъ. Сколько нетронутыхъ богатствъ еще таится въ ней! Она сама себя не знаетъ. Но не правда ли, что такая женщина въ наше время рѣдкость?

12 августа.

Престранный разговоръ былъ у насъ вчера. Рѣчь зашла сперва о привидѣніяхъ. Вообрази: она въ нихъ вѣритъ и говоритъ, что имѣетъ на то свои причины. Пріимковъ, который тутъ же сидѣлъ, опустилъ глаза и покачалъ головою, какъ бы подтверждая ея слова. Я сталъ-было ее разспрашивать, но скоро замѣтилъ, что этотъ разговоръ былъ ей непріятенъ. Мы начали говорить о воображеніи, о силѣ воображенія. Я разсказалъ, что въ молодости я, много мечтая о счастіи (обыкновенное занятіе людей, которымъ въ жизни не повезло или не везетъ), между прочимъ, мечталъ о томъ, какое было бы блаженство провести

вмѣстѣ съ любимой женщиной нѣсколько недѣль въ Венеціи. Я такъ часто думалъ объ этомъ, особенно по ночамъ, что у меня понемногу сложилась въ головѣ цѣлая картина, которую я могъ, по желанію, вызвать передъ собою; стòило только закрыть глаза. Вотъ чтò мнѣ представлялось! ночь, луна, свѣтъ отъ луны бѣлый и нѣжный, запахъ.... ты думаешь, лимона? нѣтъ, ванили, запахъ кактуса, широкая водная гладь, плоскій островъ, заросшій оливами; на островѣ, у самаго берега, небольшой мраморный домъ, съ раскрытыми окнами; слышится музыка, Богъ знаетъ откуда; въ домѣ деревья съ темными листьями, и свѣтъ полузавѣшенной лампы; изъ одного окна перекинулась тяжёлая бархатная мантія съ золотой бахромой и лежитъ однимъ концомъ на водѣ; а облокотясь на мантію рядомъ сидятъ *онъ* и *она*, и глядятъ вдаль, туда, гдѣ виднѣется Венеція. Все это такъ ясно мнѣ представлялось, какъ будто я все это видѣлъ собственными глазами. Она выслушала мои бредни и сказала, что и она тоже часто мечтаетъ, но что ея мечтанія другого рода: она либо воображаетъ себя въ степяхъ Африки, съ какимъ-нибудь путешественникомъ, либо отыскиваетъ слѣды Франклина на Ледовитомъ океанѣ; живо представляетъ себѣ всѣ лишенія, которымъ должна подвергаться, всѣ трудности, съ которыми приходится бороться....

— Ты начиталась путешествій,—замѣтилъ ея мужъ.

— Можетъ-быть,—возразила она:—но коли ужъ мечтать, что за охота мечтать о несбыточномъ?

— А почему же нѣтъ?—подхватилъ я.—Чѣмъ бѣдное несбыточное виновато?

— Я не такъ выразилась,—промолвила она:—я хотѣла сказать, что за охота мечтать о самой себѣ, о своемъ счастіи? О немъ думать нечего; оно не приходитъ—что за нимъ гоняться! Оно—какъ здоровье: когда его не замѣчаешь, значитъ, оно есть.

Эти слова меня удивили. Въ этой женщинѣ великая душа, повѣрь мнѣ.... Отъ Венеціи разговоръ перешелъ къ Италіи, къ итальянцамъ. Пріимковъ вышелъ, мы съ Вѣрой остались одни.

— И въ вашихъ жилахъ течетъ итальянская кровь,— замѣтилъ я.

— Да,—возразила она:—хотите, я покажу вамъ портретъ моей бабушки?

— Сдѣлайте одолженіе.

Она пошла въ свой кабинетъ и принесла оттуда довольно большой золотой медальонъ. Раскрывъ этотъ медальонъ, я увидѣлъ превосходно написанные миніатюрные портреты отца Ельцовой и его жены—этой крестьянки изъ Альбано. Дѣдъ Вѣры поразилъ меня сходствомъ съ своей дочерью. Только черты у него, окаймленныя бѣлымъ облакомъ пудры, казались еще строже, заостреннѣе и рѣзче, а въ маленькихъ желтыхъ глазахъ просвѣчивало какое-то угрюмое упрямство. Но что за лицо было у итальянки! сладострастное, раскрытое, какъ расцвѣтшая роза, съ большими влажными глазами на выкатѣ и самодовольно улыбавшимися, румяными губами! Тонкія чувственныя ноздри, казалось, дрожали и расширялись, какъ послѣ недавнихъ поцѣлуевъ; отъ смуглыхъ щекъ такъ и вѣяло зноемъ и здоровьемъ, роскошью молодости и женской силы.... Этотъ лобъ не мыслилъ никогда, да и слава Богу! Она нарисована въ своемъ альбанскомъ нарядѣ; живописецъ (мастеръ!) помѣстилъ виноградную вѣтку въ ея волосахъ, черныхъ, какъ смоль, съ ярко-сѣрыми отблесками: это вакхическое украшеніе идетъ какъ нельзя болѣе къ выраженію ея лица. И знаешь ли, кого мнѣ напоминало это лицо? Мою Манонъ Леско въ черной рамкѣ. И что всего удивительнѣе: глядя на этотъ портретъ, я вспомнилъ, что у Вѣры, несмотря на совершенное не-

сходство очертаній, мелькаетъ иногда что-то похожее на эту улыбку, на этотъ взглядъ....

Да, повторяю: ни она сама, ни другой кто на свѣтѣ не знаетъ еще всего, что̀ таится въ ней....

Кстати! Ельцова, передъ свадьбой своей дочери, разсказала ей всю свою жизнь, смерть своей матери и т. д., вѣроятно, съ поучительною цѣлью. На Вѣру особенно подѣйствовало то, что она услыхала о дѣдѣ, объ этомъ таинственномъ Ладановѣ. Не отъ этого ли она вѣритъ въ привидѣнія? Странно! сама она такая чистая и свѣтлая, а боится всего мрачнаго, подземнаго, и вѣритъ въ него....

Но довольно. Къ чему писать все это? Впрочемъ, такъ какъ оно уже написалось, то пусть и отправляется къ тебѣ.

Твой П. Б.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ.

Отъ того же къ тому же.

Сельцо М....ое, 22-го августа.

Берусь за перо спустя десять дней послѣ послѣдняго письма.... О, мой другъ, я не могу скрываться болѣе.... Какъ мнѣ тяжело! какъ я ее люблю! Ты можешь себѣ представить, съ какимъ горькимъ содроганьемъ пишу я это роковое слово. Я не мальчикъ, даже не юноша; я уже не въ той порѣ, когда обмануть другого почти невозможно, а самого себя обмануть ничего не стòитъ. Я все знаю и вижу ясно. Я знаю, что мнѣ подъ сорокъ лѣтъ, что она жена другого, что она любитъ своего мужа; я очень хорошо знаю, что отъ несчастнаго чувства, которое мною овладѣло, мнѣ, кромѣ тайныхъ терзаній и окончательной растраты жизненныхъ силъ, ожидать нечего,—я все это знаю, я ни на что не надѣюсь и ничего не хочу; но отъ

этого мнѣ не легче. Уже съ мѣсяцъ тому назадъ, началъ я замѣчать, что влеченіе мое къ ней становилось все сильнѣй и сильнѣй. Это меня отчасти смущало, отчасти даже радовало.... Но могъ ли я ожидать, что со мною повторится все то, чему, казалось, такъ же, какъ и молодости, нѣтъ возврата? Да что я говорю! Такъ я никогда не любилъ, нѣтъ, никогда! Манонъ Леско, Фретильоны—вотъ были мои кумиры. Такіе кумиры разбить легко; а теперь.... я только теперь узналъ, что значитъ полюбить женщину. Стыдно мнѣ даже говорить объ этомъ; но оно такъ. Стыдно мнѣ.... Любовь все-таки эгоизмъ; а въ мои годы эгоистомъ быть непозволительно: нельзя въ тридцать-семь лѣтъ жить для себя; должно жить съ пользой, съ цѣлью на землѣ исполнять свой долгъ, свое дѣло. И я принялся-было за работу.... Вотъ, опять все развѣяно, какъ вихремъ! Теперь я понимаю, о чемъ я писалъ тебѣ въ первомъ моемъ письмѣ; я понимаю, какого испытанія мнѣ недоставало. Какъ внезапно обрушился этотъ ударъ на мою голову! Стою и безсмысленно гляжу впередъ: черная завѣса виситъ передъ самыми глазами; на душѣ тяжело и страшно! Я могу себя сдерживать, я наружно спокоенъ не только при другихъ, даже наединѣ; не бѣсноваться же мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, какъ мальчику! Но червь вползъ въ мое сердце и сосетъ его днемъ и ночью. Чѣмъ это кончится? До сихъ поръ я въ ея отсутствіи тосковалъ и волновался и при ней утихалъ тотчасъ.... Теперь я при ней непокоенъ — вотъ что меня пугаетъ. О, другъ мой, какъ тяжело стыдиться слезъ своихъ, скрывать ихъ!... Одной молодости позволительно плакать; слезы идутъ къ ней одной....

Я не могу перечесть это письмо; оно у меня вырвалось невольно, какъ стонъ. Я не могу ничего прибавить, ничего разсказать.... Дай срокъ: я приду въ себя, овладѣю своею душою, я буду говорить съ тобою какъ мужчина,

а теперь мнѣ бы хотѣлось прислонить мою голову къ твоей груди и....

О, Мефистофель! и ты мнѣ не помогаешь. Я остановился съ намѣреніемъ, съ намѣреніемъ раздражалъ въ себѣ ироническую жилу, напоминалъ самому себѣ, какъ смѣшны и приторны покажутся мнѣ черезъ годъ, черезъ полгода, эти жалобы, эти изліянія.... Нѣтъ, Мефистофель безсиленъ, и зубъ его притупѣлъ.... Прощай.

Твой П. Б.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ.

Отъ того же къ тому же.

Сельцо М....ое, 8 сентября 1850.

Любезный другъ мой, Семенъ Николаичъ!

Ты слишкомъ къ сердцу принялъ мое послѣднее письмо. Ты знаешь, какъ я всегда былъ склоненъ къ преувеличиванію моихъ ощущеній. Это у меня какъ-то невольно дѣлается: бабья натура! Съ годами это, конечно, пройдетъ; но, признаюсь со вздохомъ, до сихъ поръ, я все еще не исправился. А потому успокойся. Не буду отрицать впечатлѣнія, произведеннаго на меня Вѣрой, но опять-таки скажу: во всемъ этомъ нѣтъ ничего необыкновеннаго. Пріѣзжать тебѣ сюда, какъ ты пишешь, совсѣмъ не слѣдуетъ. Скакать за тысячу верстъ, Богъ знаетъ изъ-за чего—да это было-бы безуміе! Но я очень благодаренъ тебѣ за это новое доказательство твоей дружбы и, повѣрь мнѣ, никогда его не забуду. Твое путешествіе сюда потому еще неумѣстно, что я самъ скоро намѣренъ выѣхать въ Петербургъ. Сидя на твоемъ диванѣ, я разскажу тебѣ много, а теперь, право, не хочется: чего добраго, опять разболтаюсь и напутаю. Передъ выѣздомъ я тебѣ еще напишу. Итакъ, до скораго свиданія. Будь здоровъ и веселъ, и не сокрушайся слишкомъ объ участи—преданнаго тебѣ П. Б.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ.

Отъ того же къ тому же.

Село П....ое, 10 марта 1853.

Я долго не отвѣчалъ на твое письмо; я всѣ эти дни думалъ о немъ. Я чувствовалъ, что оно внушено тебѣ не праздным любопытствомъ, а истиннымъ дружескимъ участіемъ, но я все-таки колебался: послѣдовать ли мнѣ твоему совѣту, исполнить ли твое желаніе? Наконецъ я рѣшился; я все разскажу тебѣ. Облегчитъ ли меня моя исповѣдь, какъ ты полагаешь, не знаю; но мнѣ кажется, что я не въ правѣ скрыть отъ тебя то, что̀ навсегда измѣнило жизнь мою; мнѣ кажется, что я даже остался бы виновнымъ.... увы! еще болѣе виновнымъ передъ той незабвенной, милой тѣнью, если бъ я не повѣрилъ печальной нашей тайны единственному сердцу, которымъ я еще дорожу. Ты одинъ, можетъ-быть, на землѣ помнишь о Вѣрѣ, и ты судишь о ней легкомысленно и ложно, этого я допустить не могу. Узнай же все! Увы! это все можно передать двумя словами; то, что̀ было между нами, промелькнуло мгновенно, какъ молнія, и какъ молнія принесло смерть и гибель....

Съ тѣхъ поръ, какъ ея не стало, съ тѣхъ поръ, какъ я поселился въ эту глушь, которой уже не покину до конца дней моихъ, прошло слишкомъ два года, и все такъ ясно въ моей памяти, такъ еще живы мои раны, такъ горько мое горе....

Я не стану жаловаться. Жалобы, раздражая, утоляютъ печаль, но не мою. Стану разсказывать.

Помнишь ты мое послѣднее письмо—то письмо, въ которомъ я вздумалъ-было разсѣять твои опасенія и отсовѣтовалъ тебѣ выѣзжать изъ Петербурга? Ты заподозрилъ его принужденную развязность, ты не повѣрилъ нашему

скорому свиданію: ты былъ правъ. Наканунѣ того дня, когда я написалъ къ тебѣ, я узналъ, что я любимъ.

Начертавъ эти слова, я понялъ, какъ трудно мнѣ будетъ продолжать мой разсказъ до конца. Неотступная мысль объ ея смерти будетъ терзать меня съ удвоенной силой, меня будутъ жечь эти воспоминанія.... Но я постараюсь совладать съ собой, и либо брошу писать, либо не скажу ненужнаго слова.

Вотъ какъ я узналъ, что Вѣра меня любитъ. Прежде всего, я долженъ тебѣ сказать (и ты мнѣ повѣришь), что до того дня я рѣшительно ничего не подозрѣвалъ. Правда, она иногда стала задумываться, чего съ ней прежде не бывало; но я не понималъ, отчего это съ ней дѣлалось. Наконецъ, въ одинъ день, 7 сентября,—памятный для меня день—вотъ что̀ случилось. Ты знаешь, какъ я любилъ ее и какъ мнѣ было тяжело. Я бродилъ, какъ тѣнь, мѣста не могъ найти. Я хотѣлъ-было остаться дома, но не вытерпѣлъ и отправился къ ней. Я засталъ ее одну въ кабинетѣ. Пріимкова не было дома: онъ уѣхалъ на охоту. Когда я вошелъ къ Вѣрѣ, она пристально посмотрѣла на меня и не отвѣтила на мой поклонъ. Она сидѣла у окна; на колѣняхъ у ней лежала книга, которую я узналъ тотчасъ: это былъ мой „Фаустъ“. Лицо ея выражало усталость. Я сѣлъ противъ нея. Она попросила меня прочесть вслухъ ту сцену Фауста съ Гретхенъ, гдѣ она спрашиваетъ его, вѣритъ ли онъ въ Бога. Я взялъ книгу и началъ читать. Когда я кончилъ, я взглянулъ на нее. Прислонивъ голову къ спинкѣ креселъ и скрестивъ на груди руки, она все такъ же пристально смотрѣла на меня.

Не знаю, отчего у меня сердце вдругъ забилось.

— Что̀ вы со мной сдѣлали?—проговорила она медленнымъ голосомъ.

— Какъ?—произнесъ я съ смущеніемъ.

— Да, что́ вы со мной сдѣлали?—повторила она.

— Вы хотите сказать,—началъ я:—зачѣмъ я убѣдилъ васъ читать такія книги?

Она встала молча и пошла вонъ изъ комнаты. Я глядѣлъ за нею вслѣдъ.

На порогѣ двери она остановилась и обернулась ко мнѣ.

— Я васъ люблю, — сказала она: — вотъ что̀ вы со мной сдѣлали.

Кровь мнѣ бросилась въ голову....

— Я васъ люблю, я въ васъ влюблена, — повторила Вѣра.

Она ушла и заперла за собою дверь. Не стану тебѣ описывать, что произошло тогда со мной. Помню, я вышелъ въ садъ, забрался въ глушь, прислонился къ дереву и сколько я тамъ простоялъ, сказать не могу. Я словно замеръ; чувство блаженства по временамъ волной пробѣгало по сердцу.... Нѣтъ, не стану говорить объ этомъ. Голосъ Пріимкова вызвалъ меня изъ оцѣпенѣнья; ему послали сказать, что я пріѣхалъ: онъ вернулся съ охоты и искалъ меня. Онъ изумился, найдя меня въ саду одного, безъ шляпы, и повелъ меня въ домъ. „Жена въ гостиной,—промолвилъ онъ:—пойдемте къ ней“. Ты можешь себѣ представить, съ какими чувствами переступилъ я порогъ гостиной. Вѣра сидѣла въ углу, за пяльцами; я взглянулъ на нее украдкой и долго потомъ не поднималъ глазъ. Къ удивленію моему, она казалась спокойной; въ томъ, что она говорила, въ звукѣ ея голоса не слышалось тревоги. Я, наконецъ, рѣшился посмотрѣть на нее. Взоры наши встрѣтились.... Она чуть-чуть покраснѣла и наклонилась надъ канвой. Я сталъ наблюдать за нею. Она какъ будто недоумѣвала; невеселая усмѣшка изрѣдка трогала ея губы.

Пріимковъ вышелъ. Она вдругъ подняла голову и довольно громко спросила меня:

— Что вы теперь намѣрены сдѣлать?

Я смутился и торопливо, глухимъ голосомъ, отвѣчалъ,

что намѣренъ исполнить долгъ честнаго человѣка—удалиться, „потому что—прибавилъ я—я васъ люблю, Вѣра Николаевна, вы, вѣроятно, давно это замѣтили“. Она опять наклонилась къ канвѣ и задумалась.

— Я должна переговорить съ вами,—промолвила она:—приходите сегодня вечеромъ, послѣ чаю, въ нашъ домикъ.... знаете, гдѣ вы читали „Фауста“.

Она сказала это такъ внятно, что я и теперь не постигаю, какимъ образомъ Пріимковъ, который въ это самое мгновенье входилъ въ комнату, не слыхалъ ничего. Тихо, томительно тихо прошелъ этотъ день. Вѣра иногда озиралась съ такимъ выраженіемъ, какъ будто спрашивала себя: не во снѣ ли она? И въ то же время на лицѣ ея была написана рѣшимость. А я.... я не могъ прійти въ себя. Вѣра меня любитъ! Эти слова безпрестанно вращались въ моемъ умѣ; но я не понималъ ихъ,—ни себя не понималъ я, ни ее. Я не вѣрилъ такому неожиданному, такому потрясающему счастію; съ усиліемъ припоминалъ прошедшее, и тоже глядѣлъ, говорилъ, какъ во снѣ....

Послѣ чаю, когда я уже начиналъ думать о томъ, какъ бы незамѣтно выскользнуть изъ дома, она сама вдругъ объявила, что хочетъ идти гулять, и предложила мнѣ проводить ее. Я всталъ, взялъ шляпу и побрелъ за ней. Я не смѣлъ заговорить, я едва дышалъ, я ждалъ ея перваго слова, ждалъ объясненій; но она молчала. Молча дошли мы до китайскаго домика, молча вошли въ него, и тутъ—я до сихъ поръ не знаю, не могу понять, какъ это сдѣлалось—мы внезапно очутились въ объятіяхъ другъ друга. Какая-то невидимая сила бросила меня къ ней, ее—ко мнѣ. При потухающемъ свѣтѣ дня, ея лицо, съ закинутыми назадъ кудрями, мгновенно озарилось улыбкой самозабвенія и нѣги, и наши губы слились въ поцѣлуй....

Этотъ поцѣлуй былъ первымъ и послѣднимъ.

Вѣра вдругъ вырвалась изъ рукъ моихъ и, съ выраже-

ніемъ ужаса въ расширенныхъ глазахъ, отшатнулась назадъ....

— Оглянитесь, — сказала она мнѣ дрожащимъ голосомъ:—вы ничего не видите?

Я быстро обернулся.

— Ничего. А вы развѣ что-нибудь видите?

— Теперь не вижу, а видѣла.

Она глубоко и рѣдко дышала.

— Кого? что?

— Мою мать,—медленно проговорила она и затрепетала вся.

Я тоже вздрогнулъ, словно холодомъ меня обдало. Мнѣ вдругъ стало жутко, какъ преступнику. Да развѣ я не былъ преступникомъ въ это мгновенье?

— Полноте!—началъ я: — что вы это? Скажите мнѣ лучше....

— Нѣтъ, ради Бога нѣтъ!—перебила она и схватила себя за голову.—Это сумасшествіе.... Я съ ума схожу.... Этимъ шутить нельзя—это смерть.... Прощайте....

Я протянулъ къ ней руки.

— Остановитесь, ради Бога, на мгновеніе,—воскликнулъ я съ невольнымъ порывомъ. Я не зналъ что говорилъ, и едва держался на ногахъ.—Ради Бога.... вѣдь это жестоко!

Она взглянула на меня.

— Завтра, завтра вечеромъ,—проговорила она: — не сегодня, прошу васъ.... уѣзжайте сегодня.... завтра вечеромъ приходите къ калиткѣ сада, возлѣ озера. Я тамъ буду, я приду.... я клянусь тебѣ, что приду, — прибавила она съ увлеченіемъ, и глаза ея блеснули:—кто бы ни останавливалъ меня, клянусь! Я все скажу тебѣ, только пусти меня сегодня.

И прежде, чѣмъ я могъ промолвить слово, она исчезла.

Потрясенный до основанія, я остался на мѣстѣ. Голова

моя кружилась. Сквозь безумную радость, наполнявшую все мое существо, прокрадывалось тоскливое чувство.... Я оглянулся. Страшна мнѣ показалась глухая, сырая комната, въ которой я стоялъ, съ ея низкимъ сводомъ и темными стѣнами.

Я вышелъ вонъ и направился тяжелыми шагами къ дому. Вѣра дожидалась меня на террасѣ; она вошла въ домъ, какъ только я приблизился, и тотчасъ же удалилась къ себѣ въ спальню.

Я уѣхалъ.

Какъ я провелъ ночь и слѣдующій день до вечера—этого передать нельзя. Помню только, что я лежалъ ничкомъ, спрятавъ лицо въ руки, вспоминалъ ея улыбку передъ поцѣлуемъ, шепталъ: „вотъ она, наконецъ... "

Вспоминалъ я также слова Ельцовой, переданныя мнѣ Вѣрой. Она ей сказала однажды:—„ты какъ ледъ: пока не растаешь, крѣпка, какъ камень, а растаешь, и слѣда отъ тебя не останется".

Еще вотъ что мнѣ приходило на память: мы какъ-то толковали съ Вѣрой о томъ, что значитъ умѣнье, талантъ.

— Я умѣю только одно,—сказала она: — молчать до послѣдней минуты.

Я тогда ничего не понималъ.

„Но что значитъ ея испугъ?" спрашивалъ я себя.... „Неужели она, точно, видѣла Ельцову? Воображеніе!" думалъ я, и снова предавался ощущеніямъ ожиданія.

Въ тотъ же день я написалъ тебѣ—съ какими мыслями, жутко вспомнить—то лукавое письмо.

Вечеромъ — солнце еще не садилось— я уже стоялъ шагахъ въ пятидесяти отъ калитки сада, въ высокомъ и густомъ лознякѣ, на берегу озера. Я изъ дому пришелъ пѣшкомъ. Сознаюсь, къ стыду моему: страхъ, страхъ самый малодушный наполнялъ мою грудь, я безпрестанно вздрагивалъ.... но я не чувствовалъ раскаянія. Спрятав-

шись между вѣтвями, я неотступно глядѣлъ на калитку. Она не растворялась. Вотъ сѣло солнце, вотъ завечерѣло: вотъ уже звѣзды выступили, и небо почернѣло. Никто не показывался. Лихорадка меня била. Наступила ночь. Я не могъ терпѣть долѣе, осторожно вышелъ изъ лозняка и подкрался къ калиткѣ. Все было тихо въ саду. Я кликнулъ шопотомъ Вѣру, кликнулъ въ другой разъ, въ третій.... Ничей голосъ не отозвался. Прошло еще полчаса, прошелъ часъ; совсѣмъ темно стало. Ожиданіе меня истомило; я потянулъ къ себѣ калитку, разомъ отворилъ ее и на цыпочкахъ, словно воръ, направился къ дому. Я остановился въ тѣни липъ.

Въ домѣ почти всѣ окна были освѣщены: люди ходили взадъ и впередъ по комнатамъ. Это удивило меня: часы мои, сколько я могъ различить при тускломъ свѣтѣ звѣздъ, показывали половину двѣнадцатаго. Вдругъ раздался стукъ за домомъ: экипажъ съѣзжалъ со двора.

„Видно, гости“, подумалъ я. Потерявъ всякую надежду видѣть Вѣру, я выбрался изъ сада и проворными шагами пошелъ домой. Ночь была темная, сентябрьская, но теплая и безъ вѣтра. Чувство не столько досады, сколько печали, которое овладѣло-было мною, разсѣялось понемногу, и я пришелъ къ себѣ домой, немного усталый отъ быстрой ходьбы, но успокоенный тишиною ночи, счастливый и почти веселый. Я вошелъ въ спальню, отослалъ Тимофѣя, не раздѣваясь бросился въ постель и погрузился въ думу.

Сперва мечты мои были отрадны; но скоро я замѣтилъ въ себѣ странную перемѣну. Я началъ ощущать какую-то тайную, грызущую тоску, какое-то глубокое, внутреннее безпокойство. Я не могъ понять, отчего оно происходило; но мнѣ становилось жутко и томно, точно близкое несчастіе мнѣ грозило, точно кто-то милый страдалъ въ это мгновенье и звалъ меня на помощь. На столѣ вос-

ковая свѣчка горѣла небольшимъ, неподвижнымъ пламенемъ, маятникъ стучалъ тяжело и мѣрно. Я оперъ голову на руку и принялся глядѣть въ пустой полумракъ моей одинокой комнаты. Я подумалъ о Вѣрѣ, и душа во мнѣ заныла: все, чему я такъ радовался, показалось мнѣ, какъ оно и слѣдовало, несчастіемъ, безвыходной пагубой. Чувство тоски во мнѣ росло и росло; я не могъ лежать долѣе; мнѣ вдругъ опять почудилось, что кто-то зоветъ меня умоляющимъ голосомъ.... Я приподнялъ голову и вздрогнулъ: точно, я не обманывался: жалобный крикъ примчался издалека и прильнулъ, слабо дребезжа, къ чернымъ стекламъ оконъ. Мнѣ стало страшно: я вскочилъ съ постели, раскрылъ окно. Явственный стонъ ворвался въ комнату и словно закружился надо мной. Весь похолодѣвъ отъ ужаса, внималъ я его послѣднимъ, замиравшимъ переливамъ. Казалось, кого-то рѣзали въ отдаленьи, и несчастный напрасно молилъ о пощадѣ. Сова ли это закричала въ рощѣ, другое ли какое существо издало этотъ стонъ, я не далъ себѣ тогда отчета, но какъ Мазепа Кочубею, отвѣчалъ крикомъ на зловѣщій звукъ.

— Вѣра, Вѣра!—воскликнулъ я:—ты ли это зовешь меня?—Тимофей, заспанный и изумленный, явился предо мною.

Я опомнился, выпилъ стаканъ воды, перешелъ въ другую комнату; но сонъ не посѣтилъ меня. Сердце во мнѣ билось болѣзненно, хоть и не часто. Я уже не могъ предаваться мечтамъ о счастіи; я уже не смѣлъ вѣрить ему.

На другой день, передъ обѣдомъ, я отправился къ Пріимкову. Онъ встрѣтилъ меня съ озабоченнымъ лицомъ.

— Жена у меня больна, — началъ онъ: — въ постели лежитъ; я посылалъ за докторомъ.

— Что съ ней?

— Не понимаю. Вчера ввечеру пошла-было въ садъ и вдругъ вернулась, внѣ себя, перепуганная. Горничная за

мной прибѣжала. Я прихожу, спрашиваю жену: что̀ съ тобой? Она ничего не отвѣчаетъ, и тутъ же слегла; ночью открылся бредъ. Въ бреду Богъ знаетъ что̀ говорила, васъ поминала. Горничная мнѣ сказала удивительную вещь: будто бы Вѣрочкѣ въ саду ея мать покойница привидѣлась, будто бы ей показалось, что она идетъ къ ней навстрѣчу, съ раскрытыми руками.

Ты можешь себѣ представить, что̀ я почувствовалъ при этихъ словахъ.

— Конечно, это вздоръ, — продолжалъ Пріимковъ: — однако, я долженъ сознаться, что съ моей женой въ этомъ родѣ случались необыкновенныя вещи.

— И, скажите, Вѣра Николаевна очень нездорова?

— Да, нездорова: ночью плохо было; теперь она въ забытьи.

— Что же сказалъ докторъ?

— Докторъ сказалъ, что болѣзнь еще не опредѣлилась....

12 марта.

Я не могу продолжать такъ, какъ началъ, любезный другъ: это сто̀итъ мнѣ слишкомъ большихъ усилій и слишкомъ растравляетъ мои раны. Болѣзнь, говоря словами доктора, опредѣлилась, и Вѣра умерла отъ этой болѣзни. Она двухъ недѣль не прожила послѣ рокового дня нашего мгновеннаго свиданія. Я ее видѣлъ еще разъ передъ ея кончиной. У меня нѣтъ воспоминанія болѣе жестокаго. Я уже зналъ отъ доктора, что надежды нѣтъ. Поздно вечеромъ, когда уже всѣ улеглись въ домѣ, я подкрался къ дверямъ ея спальни и заглянулъ въ нее. Вѣра лежала на постели, съ закрытыми глазами, худая, маленькая, съ лихорадочнымъ румянцемъ на щекахъ. Какъ окаменѣлый, смотрѣлъ я на нее. Вдругъ она раскрыла глаза, устремила ихъ на меня, вглядѣлась и, протянувъ исхудалую руку—

ея дѣвственной бѣлизны. Однажды, оставшись наединѣ, я началъ качать цоколь, на которомъ она стояла.... ваза вдругъ упала и разбилась въ дребезги. Я обмеръ отъ испуга и стоялъ неподвижно передъ осколками. Отецъ мой вошелъ, увидалъ меня и сказалъ: „вотъ, посмотри, что ты сдѣлалъ: уже не будетъ у насъ нашей прекрасной вазы; теперь ужъ ничѣмъ ее поправить нельзя". Я зарыдалъ. Мнѣ показалось, что я совершилъ преступленіе.

Я возмужалъ — и легкомысленно разбилъ сосудъ, въ тысячу разъ драгоцѣннѣйшій....

Напрасно говорю я себѣ, что я не могъ ожидать такой мгновенной развязки, что она меня самого поразила своей внезапностью, что я не подозрѣвалъ, какое существо была Вѣра. Она, точно, умѣла молчать до послѣдней минуты. Мнѣ слѣдовало бѣжать, какъ только я почувствовалъ, что люблю ее, люблю замужнюю женщину; но я остался,—и въ дребезги разбилось прекрасное созданіе, и съ нѣмымъ отчаяніемъ гляжу я на дѣло рукъ своихъ.

Да, Ельцова ревниво оберегала свою дочь. Она сберегла ее до конца и, при первомъ неосторожномъ шагѣ, унесла ее съ собой въ могилу.

Пора кончить.... Я тебѣ и сотой доли не сказалъ того, что бы слѣдовало: но съ меня и этого было довольно. Пускай же опять упадетъ на дно души все, что всплыло.... Кончая, скажу тебѣ: одно убѣжденіе вынесъ я изъ опыта послѣднихъ годовъ: жизнь не шутка и не забава; жизнь даже не наслажденіе.... жизнь—тяжелый трудъ. Отреченіе, отреченіе постоянное—вотъ ея тайный смыслъ, ея разгадка: не исполненіе любимыхъ мыслей и мечтаній, какъ бы онѣ возвышенны ни были, — исполненіе долга, вотъ о чемъ слѣдуетъ заботиться человѣку; не наложивъ на себя цѣпей, желѣзныхъ цѣпей долга, не можетъ онъ дойти, не падая, до конца своего поприща; а въ молодости мы думаемъ: чѣмъ свободнѣе, тѣмъ лучше; тѣмъ даль-

ше уйдешь. Молодости позволительно такъ думать; но стыдно тѣшиться обманомъ, когда суровое лицо истины глянуло, наконецъ, тебѣ въ глаза.

Прощай! Прежде я прибавилъ бы: будь счастливъ; теперь скажу тебѣ: старайся жить, оно не такъ легко, какъ кажется. Вспоминай обо мнѣ, не въ часы печали— въ часы раздумья, и сохраняй въ душѣ твоей образъ Вѣры во всей его чистой непорочности.... Еще разъ, прощай!

Твой П. Б.

1855 г.

ПОѢЗДКА ВЪ ПОЛѢСЬЕ.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ.

Видъ огромнаго, весь небосклонъ обнимающаго бора, видъ „Полѣсья“ напоминаетъ видъ моря. И впечатлѣнія имъ возбуждаются тѣ же; та же первобытная, нетронутая сила разстилается широко и державно передъ лицомъ зрителя. Изъ нѣдра вѣковыхъ лѣсовъ, съ безсмертнаго лона водъ поднимается тотъ же голосъ: „Мнѣ нѣтъ до тебя дѣла,—говоритъ природа человѣку,—я царствую, а ты хлопочи о томъ, какъ бы не умереть“. Но лѣсъ однообразнѣе и печальнѣе моря, особенно сосновый лѣсъ, постоянно одинаковый и почти безшумный. Море грозитъ и ласкаетъ, оно играетъ всѣми красками, говоритъ всѣми голосами; оно отражаетъ небо, отъ котораго тоже вѣетъ вѣчностью, но вѣчностью какъ будто намъ нечуждой.... Неизмѣнный, мрачный боръ угрюмо молчитъ или воетъ глухо—и при видѣ его еще глубже и неотразимѣе проникаетъ въ сердце людское сознаніе нашей ничтожности. Трудно человѣку, существу единаго дня, вчера рожденному и уже сегодня обреченному смерти, трудно ему выносить холодный, безучастно устремленный на него взглядъ вѣч-

ной Изиды; не однѣ дерзостныя надежды и мечтанья молодости смиряются и гаснутъ въ немъ, охваченныя ледянымъ дыханіемъ стихіи; нѣтъ—вся душа его никнетъ и замираетъ; и чувствуетъ, что послѣдній изъ его братій можетъ исчезнуть съ лица земли—и ни одна игла не дрогнетъ на этихъ вѣтвяхъ; онъ чувствуетъ свое одиночество, свою слабость, свою случайность—и съ торопливымъ, тайнымъ испугомъ обращается онъ къ мелкимъ заботамъ и трудамъ жизни; ему легче въ этомъ мірѣ, имъ самимъ созданномъ, здѣсь онъ дома, здѣсь онъ смѣетъ еще вѣрить въ свое значенье и въ свою силу.

Вотъ какія мысли приходили мнѣ на умъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда, стоя на крыльцѣ постоялаго дворика, построеннаго на берегу болотистой рѣчки Ресеты, увидалъ я впервые Полѣсье. Длинными, сплошными уступами разбѣгались передо мною синѣющія громады хвойнаго лѣса; кой-гдѣ лишь пестрѣли зелеными пятнами небольшія березовыя рощи; весь кругозоръ былъ охваченъ боромъ; нигдѣ не бѣлѣла церковь, не свѣтлѣли поля—все деревья да деревья, все зубчатыя верхушки и тонкій, тусклый туманъ, вѣчный туманъ Полѣсья висѣлъ вдали надъ ними. Не лѣнью, этой неподвижностью жизни, нѣтъ — отсутствіемъ жизни, чѣмъ-то мертвымъ, хотя и величавымъ, вѣяло мнѣ со всѣхъ краевъ небосклона; помню, большія бѣлыя тучи плыли мимо, тихо и высоко, и жаркій лѣтній день лежалъ недвижно на безмолвной землѣ. Красноватая вода рѣчки скользила безъ плеска между густыми тростниками; на днѣ ея смутно виднѣлись круглые бугры иглистаго моха, а берега то исчезали въ болотной тинѣ, то рѣзко бѣлѣли разсыпчатымъ и мелкимъ пескомъ. Мимо самаго дворика шла уѣздная, торная дорога.

На этой дорогѣ, прямо противъ крыльца, стояла телѣга, нагруженная коробами и ящиками. Владѣлецъ ея, худощавый мѣщанинъ съ ястребинымъ носомъ и мышиными

глазками, сгорбленный и хромой, впрягалъ въ нее свою, тоже хромую, лошаденку; это былъ пряничникъ, который пробирался въ Карачевскую ярмарку. Вдругъ показалось на дорогѣ нѣсколько людей; за ними потянулись другіе.... наконецъ, повалила цѣлая гурьба; у всѣхъ были палки въ рукахъ и котомки за плечами. По ихъ походкѣ, усталой и развалистой, по загорѣлымъ лицамъ, видно было, что они шли издалека: это юхновцы, копачи, возвращались съ заработковъ. Старикъ лѣтъ семидесяти, весь бѣлый, казалось, предводительствовалъ ими; онъ изрѣдка оборачивался и спокойнымъ голосомъ понукалъ отсталыхъ. „Но, но, но, ребятушки, — говорилъ онъ,—„но-о“. Всѣ они шли молча, въ какой-то важной тишинѣ. Одинъ лишь только, низкаго роста и на видъ сердитый, въ тулупѣ нараспашку, въ бараньей шапкѣ, надвинутой на самые глаза, поровнявшись съ пряничникомъ, вдругъ спросилъ его:

— Почемъ пряникъ, шутъ?

— Каковъ будетъ пряникъ, любезный человѣкъ,—возразилъ тонкимъ голоскомъ озадаченный торговецъ.—Есть и въ копѣйку—а то и грошъ дать надо. А есть ли грошъ въ мошнѣ-то?

— Да отъ него, чай, въ брюхѣ просолодитъ, — возразилъ тулупъ и отошелъ отъ телѣги.

— Поспѣшите, ребятушки, поспѣшите! — послышался голосъ старика:—до ночлега далеко.

— Необразованный народъ, — проговорилъ, искоса взглянувъ на меня, пряничникъ, какъ только вся толпа провалила мимо:—развѣ это кушанье про нихъ?

И наскоро снарядивши свою лошадку, спустился онъ къ рѣчкѣ, на которой виднѣлся маленькій бревенчатый паромъ. Мужикъ, въ бѣломъ войлочномъ „шлыкѣ“ (обыкновенной полѣсской шапкѣ), вышелъ изъ низкой землянки ему навстрѣчу и переправилъ его на противополож-

ный берегъ. Телѣжка поползла по изрытой и выбитой дорогѣ, изрѣдка взвизгивая однимъ колесомъ.

Я покормилъ лошадей—и тоже переправился. Протащившись версты съ двѣ болотистымъ лугомъ, взобрался я, наконецъ, по узкой гати въ просѣку лѣса. Тарантасъ неровно запрыгалъ по круглымъ бревешкамъ; я вылѣзъ и пошелъ пѣшкомъ. Лошади выступали дружнымъ шагомъ, фыркая и отмахиваясь головами отъ комаровъ и мошекъ. Полѣсье приняло насъ въ свои нѣдры. Съ окраины, ближе къ лугу, росли березы, осины, липы, клены и дубы; потомъ они стали рѣже попадаться, сплошной стѣной надвинулся густой ельникъ; далѣе закраснѣли голые стволы сосенника, а тамъ опять потянулся смѣшанный лѣсъ, заросшій снизу кустами орѣшника, черемухи, рябины и крупными, сочными травами. Солнечные лучи ярко освѣщали верхушки деревьевъ и, разсыпаясь по вѣтвямъ, лишь кое-гдѣ достигали до земли поблѣднѣвшими полосами и пятнами. Птицъ почти не было слышно—онѣ не любятъ большихъ лѣсовъ; только по временамъ раздавался заунывный, троекратный возгласъ удода, да сердитый крикъ орѣховки или сойки; молчаливый, всегда одинокій сивоворонокъ перелеталъ черезъ просѣку, сверкая золотистою лазурью своихъ красивыхъ перьевъ. Иногда деревья рѣдѣли, разступались, впереди свѣтлѣло, тарантасъ выѣзжалъ на расчищенную, песчаную поляну; жидкая рожь росла на ней грядами, безшумно качая свои блѣдные колосики; въ сторонѣ темнѣла ветхая часовенька съ покривившимся крестомъ надъ колодцемъ; невидимый ручеекъ мирно болталъ переливчатыми и гулкими звуками, какъ будто втекая въ пустую бутылку; а тамъ вдругъ дорогу перегораживала недавно обрушившаяся береза, и лѣсъ стоялъ кругомъ, до того старый, высокій и дремучій, что даже воздухъ казался спертымъ. Мѣстами просѣка была вся залита водой; по обѣимъ сторонамъ раз-

стилалось лѣсное болото, все зеленое и темное, все покрытое тростниками и мелкимъ ольшаникомъ; утки взлётывали попарно—и странно было видѣть этихъ водяныхъ птицъ, быстро мелькающихъ между соснами.—„Га, га, га, га“, неожиданно поднимался протяжный крикъ; то пастухъ гналъ стадо черезъ мелколѣсье; бурая корова съ острыми, короткими рогами шумно продиралась сквозь кусты и останавливалась, какъ вкопанная, на краю просѣки, уставивъ свои большіе темные глаза на бѣжавшую передо мной собаку; вѣтерокъ приносилъ тонкій и крѣпкій запахъ жженаго дерева; бѣлый дымокъ расползался вдали круглыми струйками по блѣдно-синему лѣсному воздуху: знать, мужичекъ промышлялъ уголь на стеклянный заводъ или на фабрику. Чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ глуше и тише становилось вокругъ. Въ бору всегда тихо, только идетъ—тамъ, высоко надъ головою, какой-то долгій ропотъ и сдержанный гулъ по верхушкамъ.... Ѣдешь, ѣдешь, не перестаетъ эта вѣчная лѣсная молвь, и начинаетъ сердце ныть понемногу, и хочется человѣку выйти поскорѣй на просторъ, на свѣтъ, хочется ему вздохнуть полной грудью—и давитъ его эта пахучая сырость и гниль....

Верстъ пятнадцать ѣхали мы шагомъ, изрѣдка рыскцой. Мнѣ хотѣлось засвѣтло попасть въ село Святое, лежащее въ самой серединѣ лѣса. Раза два встрѣтились мнѣ мужички съ надраннымъ лыкомъ или съ длинными бревнами на телѣгахъ.

— Далеко ли до Святого?—спросилъ я одного изъ нихъ.

— Нѣтъ, недалеко.

— А сколько?

— Да версты три будетъ.

Прошло часа полтора. Мы все ѣхали да ѣхали. Вотъ опять заскрипѣла нагруженная телѣга. Мужикъ шелъ сбоку.

— Сколько, братъ, осталось до Святого?

— Чего?

— Сколько до Святого?

— Восемь верстъ.

Солнце уже садилось, когда я, наконецъ, выбрался изъ лѣса и увидѣлъ передъ собою небольшое село. Дворовъ двадцать лѣпилось вокругъ старой, деревянной, одноглавой церкви съ зеленымъ куполомъ и крошечными окнами, ярко рдѣвшими на вечерней зарѣ. Это было Святое. Я въѣхалъ въ околицу. Возвращавшееся стадо нагнало мой тарантасъ и съ мычаньемъ, хрюканьемъ и блеяньемъ пробѣжало мимо. Молодыя дѣвки, хлопотливыя бабы встрѣчали своихъ животныхъ; бѣлоголовые мальчишки гнались съ веселыми криками за непокорными поросятами; пыль мчалась вдоль улицы легкими клубами и, поднимаясь выше, алѣла.

Я остановился у старосты, хитраго и умнаго „полѣхи“, изъ тѣхъ полѣхъ, про которыхъ говорятъ, что они на два аршина подъ землю видятъ. На другой день рано отправился я, въ телѣжкѣ, запряженной парой толстопузыхъ крестьянскихъ лошадей, съ старостинымъ сыномъ и другимъ крестьяниномъ, по имени Егоромъ, на охоту за глухарями и рябчиками. Лѣсъ синѣлъ сплошнымъ кольцомъ по всему краю неба — десятинъ двѣсти, не больше, считалось распаханнаго поля вокругъ Святого; но до хорошихъ мѣстъ приходилось ѣхать верстъ семь. Старостина сына звали Кондратомъ. Это былъ малый молодой, русый и краснощекій, съ добрымъ и смирнымъ выраженіемъ лица, услужливый и болтливый. Онъ правилъ лошадьми. Егоръ сидѣлъ со мною рядомъ. Мнѣ хочется сказать о немъ слова два.

Онъ считался лучшимъ охотникомъ во всемъ уѣздѣ. Всѣ мѣста, верстъ на пятьдесятъ кругомъ, онъ исходилъ вдоль и поперекъ. Онъ рѣдко выстрѣливалъ по птицѣ, за

скудостью пороха и дроби; но съ него уже того было довольно, что онъ рябчика подманилъ, подмѣтилъ точёкъ дупелиный. Егоръ слылъ за человѣка правдиваго и за „молчальника“. Онъ не любилъ говорить и никогда не преувеличивалъ числа найденной имъ дичи—черта, рѣдкая въ охотникѣ. Роста онъ былъ средняго, сухощавъ, лицо имѣлъ вытянутое и блѣдное, большіе, честные глаза. Всѣ черты его, особенно губы, правильныя и постоянно неподвижныя, дышали спокойствіемъ невозмутимымъ. Онъ улыбался слегка и какъ-то внутрь, когда произносилъ слова—очень мила была эта тихая улыбка. Онъ не пилъ вина и работалъ прилежно, но ему не везло: жена его все хворала, дѣти умирали; онъ „забѣднялъ“ и никакъ не могъ справиться. И то сказать, страсть къ охотѣ не мужицкое дѣло, и кто „съ ружьемъ балуетъ“—хозяинъ плохой. Отъ постояннаго ли пребыванія въ лѣсу, лицомъ къ лицу съ печальной и строгой природой того нелюдимаго края, вслѣдствіе ли особеннаго склада и строя души, но только во всѣхъ движеніяхъ Егора замѣчалась какая-то скромная важность, именно важность, а не задумчивость—важность статнаго оленя. Онъ на своемъ вѣку убилъ семь медвѣдей, подкарауливъ ихъ на „овсахъ“. Въ послѣдняго онъ только на четвертую ночь рѣшился выстрѣлить: медвѣдь все не становился къ нему бокомъ, а пуля у него была одна. Егоръ убилъ его наканунѣ моего пріѣзда. Когда Кондратъ привелъ меня къ нему, я засталъ его на задворкѣ; присѣвши на корточки передъ громаднымъ звѣремъ, онъ вырѣзывалъ изъ него сало короткимъ и тупымъ ножомъ.

— Какого же ты молодца повалилъ!—замѣтилъ я.

Егоръ поднялъ голову и посмотрѣлъ сперва на меня, потомъ на пришедшую со мной собаку.

— Коли охотиться пріѣхали, въ Мошномъ глухари

есть—три выводка, да рябцовъ пять, — промолвилъ онъ и снова принялся за свою работу.

Съ этимъ-то Егоромъ да съ Кондратомъ я и поѣхалъ на другой день на охоту. Живо перекатили мы поляну, окружавшую Святое, а выѣхавши въ лѣсъ, опять потащились шагомъ.

— Вонъ, витютень сидитъ,—заговорилъ вдругъ, обратившись ко мнѣ, Кондратъ:—хорошо бы сшибить!

Егоръ посмотрѣлъ въ сторону, куда Кондратъ указывалъ, и ничего не сказалъ. До витютня шаговъ было сто слишкомъ, а его и на сорокъ шаговъ не убьешь: такова у него крѣпость въ перьяхъ.

Еще нѣсколько замѣчаній сдѣлалъ словоохотливый Кондратъ; но лѣсная тишь не даромъ охватила и его: онъ умолкъ. Лишь изрѣдка перекидываясь словами, да поглядывая впередъ, да прислушиваясь къ пыхтѣнью и храпу лошадей, добрались мы, наконецъ, до „Мошного". Этимъ именемъ назывался крупный сосновый лѣсъ, изрѣдка поросшій ельникомъ. Мы слѣзли; Кондратъ вдвинулъ телѣгу въ кустъ, чтобы комары лошадей не кусали. Егоръ осмотрѣлъ курокъ ружья и перекрестился: онъ ничего безъ креста не начиналъ.

Лѣсъ, въ который мы вступили, былъ чрезвычайно старъ. Не знаю, бродили ли по немъ татары, но русскіе воры или литовскіе люди смутнаго времени уже навѣрное могли скрываться въ его захолустьяхъ. Въ почтительномъ разстояніи другъ отъ друга поднимались могучія сосны громадными, слегка искривленными столбами блѣдно-желтаго цвѣта; между ними стояли, вытянувшись въ струнку, другія, помоложе. Зеленоватый мохъ, весь усѣянный мертвыми иглами, покрывалъ землю; голубица росла сплошными кустами; крѣпкій запахъ ея ягодъ, подобный запаху выхухоли, стѣснялъ дыханіе. Солнце не могло пробиться сквозь высокій наметъ сосновыхъ

вѣтвей; но въ лѣсу было все-таки душно и не темно; какъ крупныя капли пота, выступала и тихо ползла внизъ тяжелая, прозрачная смола по грубой корѣ деревьевъ. Неподвижный воздухъ, безъ тѣни и безъ свѣта, жогъ лицо. Все молчало; даже шаговъ нашихъ не было слышно; мы шли по мху, какъ по ковру; особенно Егоръ двигался безшумно, словно тѣнь; подъ его ногами даже хворостинка не трещала. Онъ шелъ не торопясь и изрѣдка посвистывая въ пищикъ; рябчикъ скоро отозвался и въ моихъ глазахъ нырнулъ въ густую елку; но напрасно указывалъ мнѣ его Егоръ: какъ я ни напрягалъ свое зрѣніе, а разсмотрѣть его никакъ не могъ; пришлось Егору по немъ выстрѣлить. Мы нашли также два выводка глухарей; осторожныя птицы поднимались далеко, съ тяжелымъ и рѣзкимъ стукомъ; намъ однако удалось убить трехъ молодыхъ.

У одного *майдана**) Егоръ вдругъ остановился и подозвалъ меня.

— Медвѣдь воды хотѣлъ достать, — промолвилъ онъ, указывая на широкую, свѣжую царапину на самой серединѣ ямы, затянутой мелкимъ мхомъ.

— Это слѣдъ его лапы?—спросилъ я.

— Его; да вода-то пересохла. На той соснѣ тоже его слѣдъ: за медомъ лазилъ. Какъ ножомъ прорубилъ когтями-то.

Мы продолжали забираться въ самую глушь лѣса. Егоръ только изрѣдка посматривалъ вверхъ и шелъ впередъ спокойно и самоувѣренно. Я увидалъ круглый, высокій валъ, обнесенный полу-засыпаннымъ рвомъ.

— Что это майданъ тоже?—спросилъ я.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Егоръ:—здѣсь воровской городокъ стоялъ.

— Давно?

---

*) „Майданомъ“ называется мѣсто, гдѣ гнали деготь.

— Давно; дѣдамъ нашимъ за память. Тутъ и кладъ зарытъ. Да зарокъ положенъ крѣпко; на человѣчью кровь.

Мы прошли еще версты съ двѣ; мнѣ захотѣлось пить.

— Посидите маленько,—сказалъ Егоръ:—я схожу за водой, тутъ колодезь недалеко.

Онъ ушелъ; я остался одинъ.

Я присѣлъ на срубленный пень, оперся локтемъ на колѣни и, послѣ долгаго безмолвія, медленно поднялъ голову и оглянулся. О, какъ все кругомъ было тихо и сурово-печально—нѣтъ, даже не печально, а нѣмо, холодно и грозно въ то же время! Сердце во мнѣ сжалось. Въ это мгновенье, на этомъ мѣстѣ, я почуялъ вѣяніе смерти, я ощутилъ, я почти осязалъ ея непрестанную близость. Хотя бы одинъ звукъ задрожалъ, хотя бы мгновенный шорохъ поднялся въ неподвижномъ зѣвѣ обступившаго меня бора! Я снова, почти со страхомъ, опустилъ голову; точно я заглянулъ куда-то, куда не слѣдуетъ заглядывать человѣку.... Я закрылъ глаза рукою—и вдругъ, какъ бы повинуясь таинственному повелѣнію, я началъ припоминать всю мою жизнь....

Вотъ, мелькнуло передо мной мое дѣтство, шумливое и тихое, задорное и доброе, съ торопливыми радостями и быстрыми печалями; потомъ возникла молодость, смутная, странная, самолюбивая, со всѣми ея ошибками и начинаніями, съ безпорядочнымъ трудомъ и взволнованнымъ бездѣйствіемъ.... Пришли на память и они, товарищи первыхъ стремленій.... потомъ, какъ молнія въ ночи, сверкнуло нѣсколько свѣтлыхъ воспоминаній.... потомъ начали наростать и надвигаться тѣни, темнѣе и темнѣе стало кругомъ, глуше и тише побѣжали однообразные годы—и камнемъ на сердце опустилась грусть. Я сидѣлъ неподвижно и глядѣлъ, глядѣлъ съ изумленіемъ и усиліемъ, точно всю жизнь свою я передъ собою видѣлъ, точно свитокъ развивался у меня передъ глазами. О, что я сдѣлалъ! невольно

шептали горькимъ шопотомъ мои губы. О, жизнь, жизнь, куда, какъ ушла ты такъ безслѣдно? Какъ выскользнула ты изъ крѣпко-стиснутыхъ рукъ? Ты ли меня обманула, я ли не успѣлъ воспользоваться твоими дарами? Возможно ли? эта малость, эта бѣдная горсть пыльнаго пепла — вотъ все, что осталось отъ тебя? Это холодное, неподвижное, ненужное нѣчто — это я, тотъ прежній я? Какъ? Душа жаждала счастья такого полнаго, она съ такимъ презрѣніемъ отвергала все мелкое, все недостаточное, она ждала: вотъ-вотъ, нахлынетъ счастье потокомъ — и ни одна капля не смочила алкавшихъ губъ? О, золотыя мои струны, вы, такъ чутко, такъ сладостно дрожавшія когда-то,—я такъ и не услышалъ вашего пѣнья.... вы и звучали только—когда рвались. Или, можетъ-быть, счастье, прямое счастье всей жизни проходило близко, мимо, улыбалось лучезарною улыбкой—да я не умѣлъ признать его божественнаго лица? Или оно, точно, посѣщало меня и сидѣло у моего изголовья, да позабылось мною, какъ сонъ? Какъ сонъ—повторилъ я уныло. Неуловимые образы бродили по душѣ, возбуждая въ ней не то жалость, не то недоумѣнье.... А вы, думалъ я, милыя, знакомыя, погибшія лица, вы, обступившія меня въ этомъ мертвомъ уединеніи, отчего вы такъ глубоко и грустно безмолвны? Изъ какой бездны возникли вы? Какъ мнѣ понять ваши загадочные взоры? Прощаетесь ли вы со мною, привѣтствуете ли вы меня? О, неужели нѣтъ надежды, нѣтъ возврата? Зачѣмъ полились вы изъ глазъ, скупыя, позднія капли? О, сердце, къ чему, зачѣмъ еще жалѣть, старайся забыть, если хочешь покоя, пріучайся къ смиренью послѣдней разлуки, къ горькимъ словамъ: „прости“ и „навсегда“. Не оглядывайся назадъ, не вспоминай, не стремись туда, гдѣ свѣтло, гдѣ смѣется молодость, гдѣ надежда вѣнчается цвѣтами весны, гдѣ голубка радость бьетъ лазурными крылами, гдѣ любовь, какъ роса на зарѣ, сіяетъ слезами восторга; не смотри туда, гдѣ блаженство, и вѣра, и сила—тамъ не наше мѣсто!

— Вотъ вамъ вода, — раздался за мною звучный голосъ Егора:—пейте съ Богомъ.

Я невольно вздрогнулъ: живая эта рѣчь поразила меня, радостно потрясла все мое существованіе. Точно я падалъ въ неизвѣданную, темную глубь, гдѣ уже все стихало кругомъ и слышался только тихій и непрестанный стонъ какой-то вѣчной скорби.... я замиралъ, но противиться не могъ, и вдругъ дружескій зовъ долетѣлъ до меня, чья-то могучая рука однимъ взмахомъ вынесла меня на свѣтъ Божій. Я оглянулся и съ несказанной отрадой увидалъ честное и спокойное лицо моего провожатаго. Онъ стоялъ передо мной легко и стройно, съ обычной своей улыбкой, протягивая мнѣ мокрую бутылочку, всю наполненную свѣтлой влагой.... Я всталъ.

— Пойдемъ, веди меня,—сказалъ я съ увлеченіемъ.

Мы отправились и бродили долго, до вечера. Какъ только жара „свалила“, въ лѣсу стало такъ быстро холодать и темнѣть, что оставаться въ немъ уже не хотѣлось. „Ступайте вонъ, безпокойные живые“, казалось, шепталъ онъ намъ угрюмо изъ-за каждой сосны. Мы вышли, но не скоро нашли Кондрата. Мы кричали, кликали его, онъ не отзывался. Вдругъ, среди чрезвычайной тишины въ воздухѣ, слышимъ мы, ясно раздается его: „тпру, тпру“, въ близкомъ отъ насъ оврагѣ.... Онъ не слышалъ нашихъ криковъ отъ вѣтра, который внезапно разыгрался и такъ же внезапно упалъ совершенно. Только на отдѣльно стоявшихъ деревьяхъ виднѣлись слѣды его порывовъ: многіе листья были поставлены имъ на изнанку, и такъ и остались, придавая пестроту неподвижной листвѣ. Мы взобрались въ телѣгу и покатили домой. Я сидѣлъ, покачиваясь и тихо вдыхая сырой, немного рѣзкій воздухъ, и всѣ мои недавнія мечтанья и сожалѣнья потонули въ одномъ ощущеніи дремоты и усталости, въ одномъ желаніи поскорѣе вернуться подъ крышу теплаго дома, напиться чаю съ гу-

стыми сливками, зарыться въ мягкое и рыхлое сѣно и заснуть, заснуть, заснуть....

ДЕНЬ ВТОРОЙ.

На слѣдующее утро мы опять втроемъ отправились на „Гарь“. Лѣтъ десять тому назадъ, нѣсколько тысячъ десятинъ выгорѣло въ Полѣсьѣ и до сихъ поръ не заросло; кой-гдѣ пробиваются молодыя елки и сосенки, а то все мохъ да перележалая зола. На этой „Гари“, до которой отъ Святого считается верстъ двѣнадцать, ростутъ всякія ягоды въ великомъ множествѣ и водятся тетерева, большіе охотники до земляники и брусники.

Мы ѣхали молча, какъ вдругъ Кондратъ поднялъ голову.

— Э!—воскликнулъ онъ:—да это никакъ Ефремъ стоитъ. Здорово, Александрычъ,—прибавилъ онъ, возвысивъ голосъ и приподнявъ шапку.

Небольшого роста мужикъ въ черномъ, короткомъ армякѣ, подпоясанномъ веревкой, вышелъ изъ-за дерева и приблизился къ телѣгѣ.

— Аль отпустили?—спросилъ Кондратъ.

— А то небось нѣтъ!—возразилъ мужичекъ и оскалилъ зубы.—Нашего брата держать не приходится.

— И Петръ Филиппычъ ничего?

— Филипповъ-то? Знамо дѣло, ничего.

— Вишь ты! А я, Александрычъ, думалъ: ну, братъ, думалъ я, теперь ложись гусь на сковороду!

— Отъ Петра Филиппова-то? Вона! Видали мы такихъ. Суется въ волки, а хвостъ собачій. На охоту, что ль, ѣдешь, баринъ?—спросилъ вдругъ мужичекъ, быстро вскинувъ на меня свои прищуренные глазки, и тотчасъ опустилъ ихъ снова.

— На охоту.

— А куда, примѣрно?

— На Гарь,—сказалъ Кондратъ.

— Ѣдете на Гарь, не наѣхать бы на пожаръ.

— А что?

— Видалъ я глухарей много,—продолжалъ мужичекъ, все какъ бы посмѣиваясь и не отвѣчая Кондрату,—да вамъ туда не попасть; прямикомъ верстъ двадцать будетъ. Вотъ и Егоръ—что говорить! въ бору, какъ у себя на двору, а и тотъ не продерется. Здорово, Егоръ, Божія душа въ полтора гроша,—гаркнулъ онъ вдругъ.

— Здорово, Ефремъ,—медленно возразилъ Егоръ.

Я съ любопытствомъ посмотрѣлъ на этого Ефрема. Такого страннаго лица я давно не видывалъ. Носъ имѣлъ онъ длинный и острый, крупныя губы и жидкую бородку. Его голубые глазки такъ и бѣгали, какъ живчики. Стоялъ онъ развязно, легонько подпершись руками въ бока и не ломая шапки.

— На побывку домой, что ли?—спросилъ его Кондратъ.

— Экъ-ста, на побывку! Теперь, братъ, погода не та: разгулялось. Широко, братъ, стало, вò-какъ. Хоть до зимы на печи лежи, никакà собака не чукнетъ. Мнѣ въ городѣ говорилъ этотъ-та производитель: брось, молъ, насъ, Лександрычъ, выѣзжай изъ уѣзда вонъ, пачпортъ дадимъ первый сортъ.... да жаль мнѣ васъ, Святовскихъ-то: такого вамъ вора другого не нажить.

Кондратъ засмѣялся.

— Шутникъ ты, дядюшка, право шутникъ, — проговорилъ онъ и тряхнулъ вожжами. Лошади тронулись.

— Тпру,—промолвилъ Ефремъ. Лошади остановились. Кондрату не понравилась эта выходка.

— Полно озорничать, Александрычъ, — замѣтилъ онъ вполголоса.—Вишь, съ бариномъ ѣдемъ. Осерчаетъ, гляди.

— Эхъ ты, морской селезень! Съ чего ему серчать-то? Баринъ онъ добрый. Вотъ, посмотри, онъ мнѣ на водку

дастъ. Эхъ, баринъ, дай проходимцу на косушку! Ужъ раздавлю жъ я ее, — подхватилъ онъ, поднявъ плечо къ уху и скрипнувъ зубами.

Я невольно улыбнулся, далъ ему гривенникъ и велѣлъ Кондрату ѣхать.

— Много довольны, ваше благородіе, — крикнулъ по-солдатски намъ вслѣдъ Ефремъ. — А ты, Кондратъ, напредки знай, у кого учиться; оробѣлъ—пропалъ, смѣлъ—съѣлъ. Какъ вернешься, у меня побывай, слышь, у меня три дня попойка стоять будетъ; сшибемъ горла два; жена у меня баба хлѣцкая, дворъ на полозу.... Гей, сорока-бѣлобока, гуляй пока хвостъ цѣлъ!

И засвиставъ рѣзкимъ свистомъ, Ефремъ юркнулъ въ кусты.

— Что за человѣкъ?—спросилъ я Кондрата, который, сидя на облучкѣ, все потряхивалъ головой, какъ бы разсуждая самъ съ собою.

— Тотъ-то?—возразилъ Кондратъ и потупился.—Тотъ-то?—повторилъ онъ.

— Да. Онъ вашъ?

— Нашъ, Святовскій. Это такой человѣкъ.... Такого на сто верстъ другого не сыщешь. Воръ и плутъ такой—и Боже ты мой! На чужое добро у него глазъ такъ и коробится. Отъ него и въ землю не зароешься, а что деньги, напримѣръ, изъ-подъ самаго хребта у тебя вытащитъ, ты не замѣтишь.

— Какой онъ смѣлый!

— Смѣлый? Да онъ никого не боится. Да вы посмотрите на него: по финазоміи бестіянъ, съ носу виденъ. (Кондратъ часто ѣзживалъ съ господами и въ губернскомъ городѣ бывалъ, а потому любилъ, при случаѣ, показать себя). Ему и сдѣлать-то ничего нельзя. Сколько разъ его и въ городъ возили, и въ острогъ сажали,—только убытки одни. Его станутъ вязать,—а онъ говоритъ: „что жъ, молъ, вы

ту ногу не путаете? путайте и ту, да покрѣпче, я, пока, посплю; а домой я раньше вашихъ провожатыхъ поспѣю". Глядишь: точно, опять вернулся, опять тутъ, ахъ ты, Боже ты мой! Ужъ на что мы всѣ, здѣшніе, лѣсъ знаемъ, пріобыкли сызмала, а съ нимъ поровняться немочно. Прошлымъ лѣтомъ, ночью, напрямки, изъ Алтухина въ Святое пришелъ, а тутъ никто и не хаживалъ отродясь, верстъ сорокъ будетъ. Вотъ, и медъ красть, на это онъ первый человѣкъ; и пчела его не жалитъ. Всѣ пасѣки разорилъ.

— Я думаю, онъ и бортамъ спуска не даетъ.

— Ну, нѣтъ, что напраслину на него взводить? Такого грѣха за нимъ не замѣчали. Бортъ у насъ святое дѣло. Пасѣка огорожòна; тутъ караулъ; коли утащилъ — твое счастье; а бортовая пчела — дѣло Божіе, не береженое; одинъ медвѣдь ее трогаетъ.

— За то онъ и медвѣдь,—замѣтилъ Егоръ.

— Онъ женатъ?

— Какъ же. И сынъ есть. Да и воръ же будетъ сынъ-то! Въ отца вышелъ весь. Ужъ онъ его и теперь учитъ. Намеднись горшокъ съ старыми пятаками притащилъ, укралъ гдѣ-нибудь, значитъ; пошелъ, да зарылъ его на полянкѣ въ лѣсу, а самъ вернулся домой, да и послалъ сына на полянку. Пока, говоритъ, горшка не отыщешь, ѣсть тебѣ не дамъ и на дворъ не пущу. Сынъ-то день цѣлый просидѣлъ въ лѣсу, и ночевалъ въ лѣсу, а нашелъ-таки горшокъ. Да, мудреный этотъ Ефремъ. Пока дома— любезный человѣкъ, всѣхъ потчуетъ: пей, ѣшь, сколько хочешь, пляска тутъ у него поднимется, балагурство всякое; а что коли на сходкѣ—такая у насъ сходка на селѣ бываетъ—ужъ лучше его никто не разсудитъ; подойдетъ сзади, послушаетъ, скажетъ слово, какъ отрубитъ, и прочь; да ужъ и слово-то вѣское. А какъ вотъ уйдетъ въ лѣсъ, ну, такъ бѣда! Жди разоренія. А и то сказать: онъ

своихъ не трогаетъ, развѣ самому тѣсно придется. Коли встрѣтитъ кого Святовскаго — „обходи, братъ, мимо,— кричитъ издали:—на меня лѣсной духъ нашелъ: убью!“— Бѣда!

— Чего же вы смотрите? Цѣлая вотчина съ однимъ человѣкомъ справиться не можетъ?

— Да уже пожалуй, что такъ.

— Колдунъ онъ, что ли?

— Кто его знаетъ! Вотъ, намеднись онъ къ сосѣднему дьячку на пасѣку забрался ночью, а дьячокъ-то караулилъ самъ. Ну, поймалъ его, да въ потемкахъ и приколотилъ. Какъ кончилъ, Ефремъ-то и говоритъ ему: а знаешь ты, кого билъ? Дьячокъ, какъ узналъ его по голосу, такъ и обомлѣлъ. Ну, братъ, говоритъ Ефремъ, это тебѣ даромъ не пройдетъ. Дьячокъ ему въ ноги: возьми, молъ, что̀ хочешь. Нѣтъ, говоритъ, я съ тебя въ свое время возьму, да и чѣмъ захочу. Что жъ вы думаете? Вѣдь съ самаго того дня дьячокъ-то, словно ошпаренный, какъ тѣнь бродитъ! Сердце, говоритъ, во мнѣ изныло; слово больно крѣпкое, знать, залѣпилъ мнѣ разбойникъ. Вотъ что̀ съ нимъ сталось, съ дьячкомъ-то.

— Дьячокъ этотъ, должно-быть, глупъ,—замѣтилъ я.

— Глупъ? А вотъ это какъ вы разсудите? Вышелъ разъ приказъ изловить эттаго самаго Ефрема. Становой такой у насъ завелся вострый. Вотъ, и пошло человѣкъ десять въ лѣсъ, ловить Ефрема. Смотрятъ, а онъ имъ навстрѣчу идетъ.... Одинъ-то изъ нихъ и закричи: вонъ онъ, держите его, вяжите! А Ефремъ вошелъ въ лѣсъ, да вырѣзалъ себѣ дерево, этакъ перста въ два, да какъ выскочитъ опять на дорогу, безобразный такой, страшный, какъ скомандуетъ, словно енаралъ на разводѣ: „на колѣнки!“—всѣ такъ и попадали. „А кто, говоритъ, тутъ кричалъ: держите, вяжите? Ты, Серёга?“ Тотъ-то какъ вскочитъ, да бѣжать.... А Ефремъ за нимъ, да дре-

вомъ-то его по пяткамъ.... Съ версту его гладилъ. И потомъ все еще жалѣлъ: „Эхъ, молъ, досадно: заговѣться ему не помѣшалъ“. Дѣло-то было передъ самыми Филипповками. Ну, а станового въ скоромъ времени смѣстили,— тѣмъ все и покончилось.

— Зачѣмъ же они ему всѣ покорились?

— Зачѣмъ! то-то и есть....

— Онъ васъ всѣхъ запугалъ, да и дѣлаетъ теперь съ вами, что̀ хочетъ.

— Запугалъ.... Да онъ кого хочешь запугаетъ. И ужъ гораздъ же онъ на выдумки, Боже ты мой!—Я разъ въ лѣсу на него наткнулся, дождь такой шелъ здоровый, я-было въ сторону.... А онъ поглядѣлъ на меня, да этакъ меня ручкою и подозвалъ. „Подойди, молъ, Кондратъ, не бойся. Поучись у меня, какъ въ лѣсу жить, на дождю сухимъ быть“. Я подошелъ, а онъ подъ елкой сидитъ и огонекъ развелъ изъ сырыхъ вѣтокъ: дымъ-то набрался въ елку и не даетъ дождю капать. Подивился я тутъ ему. А то, вотъ онъ разъ что̀ выдумалъ (и Кондратъ засмѣялся), вотъ ужъ потѣшилъ. Овесъ у насъ молотили на току, да не кончили; послѣдній ворохъ сгрести не успѣли; ну, и посадили на ночь двухъ караульщиковъ, а ребята-то были не изъ бойкихъ. Вотъ, сидятъ они да гуторятъ, а Ефремъ возьми, да рукава рубахи соломой набей, концы завяжи, да на голову себѣ рубаху и надѣнь. Вотъ, подкрался онъ въ этакомъ-то видѣ къ овину, да и ну изъ-за угла показывàться, помаленьку роги-то свои выставлять. Одинъ-то малый и говоритъ другому: видишь? — Вижу, говоритъ другой, да какъ ахнулъ вдругъ.... только плетни затрещали. А Ефремъ нагребъ овса въ мѣшокъ, да и стащилъ къ себѣ домой. Самъ потомъ все разсказалъ. Ужъ стыдилъ жъ онъ, стыдилъ ребятъ-то.... Право!

Кондратъ засмѣялся опять. И Егоръ улыбнулся. „Такъ только плетни затрещали?“ промолвилъ онъ.

— Только ихъ и видно было,—подхватилъ Кондратъ.— Такъ и пошли сигать!

Мы опять всѣ притихли. Вдругъ Кондратъ всполохнулся и выпрямился.

— Э, батюшки, — воскликнулъ онъ, — да это никакъ пожаръ!

— Гдѣ, гдѣ?—спросили мы.

— Вонъ, смотрите, впереди, куда мы ѣдемъ.... Пожаръ и есть! Ефремъ-то, Ефремъ — вѣдь напророчилъ! Ужъ не его ли это работа, окаянная онъ душа....

Я взглянулъ по направленію, куда указывалъ Кондратъ. Дѣйствительно, верстахъ въ двухъ или трехъ впереди насъ, за зеленой полосой низкаго ельника, толстый столбъ сизаго дыма медленно поднимался отъ земли, постепенно выбигаясь и расползаясь шапкой; отъ него вправо и влѣво виднѣлись другіе, поменьше и побѣлѣй.

Мужикъ, весь красный, въ поту, въ одной рубашкѣ, съ растрепанными волосами надъ испуганнымъ лицомъ, наскакалъ прямо на насъ и съ трудомъ остановилъ свою поспѣшно взнузданную лошаденку.

— Братцы,—спросилъ онъ задыхающимся голосомъ:— полѣсовщиковъ не видали?

— Нѣтъ, не видали. Что это, лѣсъ горитъ?

— Лѣсъ. Народъ согнать надо, а то, коли къ Тросному кинется....

Мужикъ задергалъ локтями, заколотилъ пятками по бокамъ лошади.... Она поскакала.

Кондратъ также погналъ свою пару. Мы ѣхали прямо на дымъ, который разстилался все шире и шире; мѣстами онъ внезапно чернѣлъ и высоко взвивался. Чѣмъ ближе мы подвигались, тѣмъ неяснѣе становились его очертанія; скоро воздухъ весь потускнѣлъ, сильно запахло горѣлымъ, и вотъ, между деревьями, странно и жутко шевелясь на солнцѣ, мелькнули первые, блѣдно-красные языки пламени.

— Ну, слава Богу,—замѣтилъ Кондратъ: — кажется, пожаръ-то позёмный.

— Какой?

— Позёмный; такой, что по землѣ бѣжитъ. Вотъ, съ подземнымъ мудрено ладить. Что тутъ сдѣлаешь, когда земля на цѣлый аршинъ горитъ? Одно спасеніе: копай канавы—да это развѣ легко? А позёмный—ничего. Только траву сбреетъ, да сухой листъ сожжетъ! Еще лучше лѣсу отъ него бываетъ. Ухъ, однако, гляди, батюшки, какъ шибануло!

Мы подъѣхали почти къ самой чертѣ пожара. Я слѣзъ и пошелъ ему навстрѣчу. Это не было ни опасно, ни затруднительно. Огонь бѣжалъ по рѣдкому сосновому лѣсу *противъ* вѣтра: онъ подвигался неровной чертой или, говоря точнѣе, сплошной зубчатой стѣнкой загнутыхъ назадъ языковъ. Дымъ относило вѣтромъ. Кондратъ сказалъ правду; это, дѣйствительно, былъ позёмный пожаръ, который только брилъ траву и, не разыгрываясь, шелъ дальше, оставляя за собою черный и дымящійся, но даже не тлѣющій слѣдъ. Правда, иногда тамъ, гдѣ огню попадалась яма, наполненная дромомъ и сухими сучьями, онъ вдругъ, и съ какимъ-то особеннымъ, довольно зловѣщимъ ревомъ, воздымался длинными, волнующимися косицами, но скоро опадалъ и бѣжалъ впередъ попрежнему, слегка потрескивая и шипя. Я даже не разъ замѣтилъ, какъ кругомъ охваченный дубовый кустъ съ сухими, висячими листами, оставался нетронутымъ; только снизу его слегка подпаливало. Признаюсь, я не могъ понять, отчего сухіе листья не загорались. Кондратъ объяснялъ мнѣ, что это происходило отъ того, что пожаръ позёмный, „значитъ, не сердитый“. Да вѣдь огонь тотъ же, возразилъ я. Позёмный пожаръ, повторилъ Кондратъ. Однако, хоть и позёмный, а пожаръ все-таки производилъ свое дѣйствіе: зайцы какъ-то безпорядочно бѣгали взадъ и впередъ, безо

всякой нужды возвращаясь въ сосѣдство огня; птицы попали въ дымъ и кружились, лошади оглядывались и фыркали, самый лѣсъ какъ бы гудѣлъ,—да и человѣку становилось неловко отъ внезапно бьющаго ему въ лицо жара....

— Чего смотрѣть! — сказалъ вдругъ Егоръ за моей спиной.—Поѣдемте.

— Да гдѣ проѣхать?—спросилъ Кондратъ.

— Возьми влѣво, по сухоболотью,—проѣдемъ.

Мы взяли влѣво и проѣхали, хоть иногда трудненько приходилось и лошадямъ, и телѣгѣ.

Цѣлый день протаскались мы по Гари. Передъ вечеромъ (заря еще не закраснѣлась на небѣ, но тѣни отъ деревьевъ уже легли неподвижныя и длинныя, и чувствовался въ травѣ холодокъ, который предшествуетъ росѣ) я прилегъ на дорогу вблизи телѣги, въ которую Кондратъ, не спѣша, впрягалъ наѣвшихся лошадей, и вспомнилъ свои вчерашнія, невеселыя мечтанья. Кругомъ все было такъ же тихо, какъ и наканунѣ, но не было давящаго и тѣснящаго душу бора; на высохшемъ мхѣ, на лиловомъ бурьянѣ, на мягкой пыли дороги, на тонкихъ стволахъ и чистыхъ листочкахъ молодыхъ березъ, лежалъ ясный и кроткій свѣтъ уже беззнойнаго, невысокаго солнца. Все отдыхало, погруженное въ успокоительную прохладу; ничего еще не заснуло, но уже все готовилось къ цѣлебнымъ усыпленьямъ вечера и ночи. Все, казалось, говорило человѣку: „отдохни, братъ нашъ: дыши легко и не горюй и ты передъ близкимъ сномъ“. Я поднялъ голову и увидалъ на самомъ концѣ тонкой вѣтки одну изъ тѣхъ большихъ мухъ съ изумрудной головкой, длиннымъ тѣломъ и четырьмя прозрачными крыльями, которыхъ кокетливые французы величаютъ „дѣвицами“, а нашъ безхитростный народъ прозвалъ „коромыслами“. Долго, болѣе часа не отводилъ я отъ нея глазъ. Насквозь пропеченная солнцемъ, она не шевелилась, только изрѣдка поворачивала головку съ сто-

роны на сторону и трепетала приподнятыми крылышками.... вотъ и все. Глядя на нее, мнѣ вдругъ показалось, что я понялъ жизнь природы, понялъ ея несомнѣнный и явный, хотя для многихъ еще таинственный смыслъ. Тихое и медленное одушевленіе, неторопливость и сдержанность ощущеній и силъ, равновѣсіе здоровья въ каждомъ отдѣльномъ существѣ — вотъ самая ея основа, ея неизмѣнный законъ, вотъ на чемъ она стоитъ и держится. Все, что выходитъ изъ-подъ этого уровня, кверху ли, книзу ли, все равно — выбрасывается ею вонъ, какъ негодное. Многія насѣкомыя умираютъ, какъ только узнаютъ нарушающія равновѣсіе радости любви; больной звѣрь забивается въ чащу и угасаетъ тамъ одинъ: онъ какъ-бы чувствуетъ, что уже не имѣетъ права ни видѣть всѣмъ общаго солнца, ни дышать вольнымъ воздухомъ; онъ не имѣетъ права жить;— а человѣкъ, которому, отъ своей ли вины, отъ вины ли другихъ, пришлось худо на свѣтѣ—долженъ, по крайней мѣрѣ, умѣть молчать.

— Ну, что жъ ты, Егоръ!—воскликнулъ вдругъ Кондратъ, который уже успѣлъ помѣститься на облучкѣ телѣги и поигрывалъ и перебиралъ вожжами:—иди, садись. Чего задумался? Аль о коровѣ все?

— О коровѣ? О какой коровѣ?—повторилъ я и взглянулъ на Егора: спокойный и важный, какъ всегда, онъ, дѣйствительно, казалось, задумался и глядѣлъ куда-то вдаль, въ поля, уже начинавшія темнѣть.

— А вы не знаете?—подхватилъ Кондратъ:—у него сегодня ночью послѣдняя корова околѣла. Не везетъ ему— что̀ ты будешь дѣлать?

Егоръ сѣлъ молча на облучекъ, и мы поѣхали. „Этотъ умѣетъ не жаловаться“, подумалъ я.

1857 г.

АСЯ.

I.

Мнѣ было тогда лѣтъ двадцать пять, началъ Н. Н.:—дѣла давно минувшихъ дней, какъ видите. Я только-что вырвался на волю и уѣхалъ за границу, не для того, чтобы „кончить мое воспитаніе“, какъ говаривалось тогда, а просто, мнѣ захотѣлось посмотрѣть на міръ Божій. Я былъ здоровъ, молодъ, веселъ, деньги у меня не переводились, заботы еще не успѣли завестись—я жилъ безъ оглядки, дѣлалъ, что̀ хотѣлъ, процвѣталъ, однимъ словомъ. Мнѣ тогда и въ голову не приходило, что человѣкъ не растеніе, и процвѣтать ему долго нельзя. Молодость ѣстъ пряники золоченые, да и думаетъ, что это-то и есть хлѣбъ насущный; а придетъ время,—и хлѣбца напросишься. Но толковать объ этомъ не для чего.

Я путешествовалъ безъ всякой цѣли, безъ плана; останавливался вездѣ, гдѣ мнѣ нравилось, и отправлялся тотчасъ далѣе, какъ только чувствовалъ желаніе видѣть новыя лица—именно лица. Меня занимали исключительно одни люди; я ненавидѣлъ любопытные памятники, замѣчательныя собранія, одинъ видъ лонъ-лакея возбуждалъ

во мнѣ ощущеніе тоски и злобы; я чуть съ ума не сошелъ въ дрезденскомъ „Грюне-Гевёлбе“. Природа дѣйствовала на меня чрезвычайно, но я не любилъ такъ-называемыхъ ея красотъ, необыкновенныхъ горъ, утесовъ, водопадовъ; я не любилъ, чтобы она навязывалась мнѣ, чтобы она мнѣ мѣшала. За то лица, живыя, человѣческія лица—рѣчи людей, ихъ движенія, смѣхъ—вотъ безъ чего я обойтись не могъ. Въ толпѣ мнѣ было всегда особенно легко и отрадно; мнѣ было весело идти, куда шли другіе, кричать, когда другіе кричали, и въ то же время я любилъ смотрѣть, какъ эти другіе кричатъ. Меня забавляло наблюдать людей.... да я даже не наблюдалъ ихъ—я ихъ разсматривалъ съ какимъ-то радостнымъ и ненасытнымъ любопытствомъ. Но я опять сбиваюсь въ сторону.

Итакъ, лѣтъ двадцать тому назадъ, я проживалъ въ нѣмецкомъ небольшомъ городкѣ З., на лѣвомъ берегу Рейна. Я искалъ уединенія: я только-что былъ пораженъ въ сердце одной молодой вдовой, съ которой познакомился на водахъ. Она была очень хороша собой и умна, кокетничала со всѣми—и со мною грѣшнымъ,—сперва даже поощряла меня, а потомъ жестоко меня уязвила, пожертвовавъ мною одному краснощекому баварскому лейтенанту. Признаться сказать, рана моего сердца не очень была глубока; но я почелъ долгомъ предаться на нѣкоторое время печали и одиночеству — чѣмъ молодость не тѣшится!—и поселился въ З.

Городокъ этотъ мнѣ понравился своимъ мѣстоположеніемъ у подошвы двухъ высокихъ холмовъ, своими дряхлыми стѣнами и башнями, вѣковыми липами, крутымъ мостомъ надъ свѣтлой рѣчкой, впадавшей въ Рейнъ—а главное, своимъ хорошимъ виномъ. По его узкимъ улицамъ гуляли вечеромъ, тотчасъ послѣ захожденія солнца (дѣло было въ іюнѣ), прехорошенькія бѣлокурыя нѣмочки и, встрѣтясь съ иностранцемъ, произносили пріятнымъ голо-

скомъ: „Guten Abend!“—а нѣкоторыя изъ нихъ не уходили даже и тогда, когда луна поднималась изъ-за острыхъ крышъ старенькихъ домовъ, и мелкіе каменья мостовой четко рисовались въ ея неподвижныхъ лучахъ. Я любилъ бродить тогда по городу; луна, казалось, пристально глядѣла на него съ чистаго неба; и городъ чувствовалъ этотъ взглядъ, и стоялъ чутко и мирно, весь облитый ея свѣтомъ, этимъ безмятежнымъ и въ то же время тихо душу волнующимъ свѣтомъ. Пѣтухъ на высокой готической колокольнѣ блестѣлъ блѣднымъ золотомъ; такимъ же золотомъ переливались струйки по черному глянцу рѣчки; тоненькія свѣчки (нѣмецъ бережливъ!) скромно теплились въ узкихъ окнахъ подъ грифельными кровлями: виноградныя лозы таинственно высовывали свои завитые усики изъ-за каменныхъ оградъ; что-то пробѣгало въ тѣни около стариннаго колодца на трехъ-угольной площади; внезапно раздавался сонливый свистокъ ночного сторожа, добродушная собака ворчала вполголоса, а воздухъ такъ и ластился къ лицу, и липы пахли такъ сладко, что грудь, поневолѣ, все глубже и глубже дышала, и слово: „Гретхенъ“—не то восклицаніе, не то вопросъ—такъ и просилось на уста.

Городокъ З. лежитъ въ двухъ верстахъ отъ Рейна. Я часто ходилъ смотрѣть на величавую рѣку и, не безъ нѣкотораго напряженія мечтая о коварной вдовѣ, просиживалъ долгіе часы на каменной скамьѣ, подъ одинокимъ огромнымъ ясенемъ. Маленькая статуя Мадонны съ почти дѣтскимъ лицомъ и краснымъ сердцемъ на груди, пронзеннымъ мечами, печально выглядывала изъ его вѣтвей. На противоположномъ берегу находился городокъ Л., немного побольше того, въ которомъ я поселился. Однажды, вечеромъ, сидѣлъ я на своей любимой скамьѣ и глядѣлъ то на рѣку, то на небо, то на виноградники. Передо мною бѣлоголовые мальчишки карабкались по бокамъ лодки, вытащенной на берегъ и

опрокинутой насмоленнымъ брюхомъ кверху. Кораблики тихо бѣжали на слабо надувшихся парусахъ; зеленоватыя волны скользили мимо, чуть-чуть вспухая и урча. Вдругъ донеслись до меня звуки музыки: я прислушался. Въ городѣ Л. играли вальсъ; контрабасъ гудѣлъ отрывисто, скрипка неясно заливалась, флейта свистала бойко.

— Что это?—спросилъ я у подошедшаго ко мнѣ старика въ плисовомъ жилетѣ, синихъ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками.

— Это,—отвѣчалъ онъ мнѣ, предварительно передвинувъ мундштукъ своей трубки изъ одного угла губъ въ другой:—студенты пріѣхали изъ Б. на коммершъ.

„А посмотрю-ка я на этотъ коммершъ,—подумалъ я:—кстати же я въ Л. не бывалъ“. Я отыскалъ перевозчика и отправился на другую сторону.

II.

Можетъ-быть, не всякій знаетъ, что такое коммершъ. Это особеннаго рода торжественный пиръ, на который сходятся студенты одной земли или братства (Landsmannschaft). Почти всѣ участники въ коммершѣ носятъ издавна установленный костюмъ нѣмецкихъ студентовъ: венгерки, большіе сапоги и маленькія шапочки съ околышами извѣстныхъ цвѣтовъ. Собираются студенты обыкновенно къ обѣду подъ предсѣдательствомъ сеніора, т.-е. старшины, — и пируютъ до утра, пьютъ, поютъ пѣсни Landesvater, Gaudeamus, курятъ, бранятъ филистеровъ; иногда они нанимаютъ оркестръ.

Такой точно коммершъ происходилъ въ г. Л. передъ небольшой гостинницей подъ вывѣской Солнца, въ саду, выходившемъ на улицу. Надъ самой гостинницей и надъ садомъ вѣяли флаги; студенты сидѣли за столами подъ обстриженными липками; огромный бульдогъ лежалъ подъ

однимъ изъ столовъ; въ сторонѣ, въ бесѣдкѣ изъ плюща, помѣщались музыканты и усердно играли, то и дѣло подкрѣпляя себя пивомъ. На улицѣ, передъ низкой оградой сада, собралось довольно много народа: добрые граждане городка Л. не хотѣли пропустить случая поглазѣть на заѣзжихъ гостей. Я тоже вмѣшался въ толпу зрителей. Мнѣ было весело смотрѣть на лица студентовъ; ихъ объятія, восклицанія, невинное кокетничанье молодости, горящіе взгляды, смѣхъ безъ причины—лучшій смѣхъ на свѣтѣ,—все это радостное кипѣніе жизни юной, свѣжей, этотъ порывъ впередъ—куда бы то ни было, лишь бы впередъ,—это добродушное раздолье меня трогало и поджигало. Ужъ не пойти ли къ нимъ? спрашивалъ я себя....

— Ася, довольно тебѣ? — вдругъ произнесъ за мною мужской голосъ по-русски.

— Подождемъ еще,—отвѣчалъ другой, женскій голосъ на томъ же языкѣ.

Я быстро обернулся.... Взоръ мой упалъ на красиваго молодого человѣка въ фуражкѣ и широкой курткѣ; онъ держалъ подъ руку дѣвушку невысокаго роста, въ соломенной шляпѣ, закрывавшей всю верхнюю часть ея лица.

— Вы русскіе?—сорвалось у меня невольно съ языка.

Молодой человѣкъ улыбнулся и промолвилъ:

— Да, русскіе.

— Я никакъ не ожидалъ.... въ такомъ захолустьѣ,— началъ-было я.

— И мы не ожидали,—перебилъ онъ меня:—что жъ? тѣмъ лучше. Позвольте рекомендоваться: меня зовутъ Гагинымъ, а вотъ это моя....—онъ запнулся на мгновенье:—моя сестра. А ваше имя позвольте узнать?

Я назвалъ себя, и мы разговорились. Я узналъ, что Гагинъ, путешествуя, такъ же какъ я, для своего удовольствія, недѣлю тому назадъ заѣхалъ въ городокъ Л.,

да и застрялъ въ немъ. Правду сказать, я неохотно знакомился съ русскими за границей. Я ихъ узнавалъ даже издали по ихъ походкѣ, покрою платья, а главное, по выраженію ихъ лица. Самодовольное и презрительное, часто повелительное, оно вдругъ смѣнялось выраженіемъ осторожности и робости.... Человѣкъ внезапно настораживался весь, глазъ безпокойно бѣгалъ.... „Батюшки мои! не соврaлъ ли я, не смѣются ли надо мною?“ казалось, говорилъ этотъ утопленный взглядъ.... Проходило мгновенье,—и снова возстановлялось величіе физіономіи, изрѣдка чередуясь съ тупымъ недоумѣньемъ. Да, я избѣгалъ русскихъ, но Гагинъ мнѣ понравился тотчасъ. Есть на свѣтѣ такія счастливыя лица: глядѣть на нихъ всякому любо, точно они грѣютъ васъ или гладятъ. У Гагина было именно такое лицо, милое, ласковое съ большими, мягкими глазами и мягкими курчавыми волосами. Говорилъ онъ такъ, что, даже не видя его лица, вы, по одному звуку его голоса, чувствовали, что онъ улыбается!

Дѣвушка, которую онъ назвалъ своею сестрою, съ перваго взгляда показалась мнѣ очень миловидной. Было что-то свое, особенное, въ складѣ ея смугловатаго, круглаго лица, съ небольшимъ тонкимъ носомъ, почти дѣтскими щечками и черными, свѣтлыми глазами. Она была граціозно сложена, но какъ будто не вполнѣ еще развита. Она нисколько не походила на своего брата.

— Хотите вы зайти къ намъ?—сказалъ мнѣ Гагинъ:—кажется, довольно мы насмотрѣлись на нѣмцевъ. Наши бы, правда, стекла разбили и поломали стулья, но эти ужъ больно скромны. Какъ ты думаешь, Ася, пойти намъ домой?

Дѣвушка утвердительно качнула головой.

— Мы живемъ за городомъ,—продолжалъ Гагинъ:—въ виноградникѣ, въ одинокомъ домишкѣ, высоко. У насъ славно, посмотрите. Хозяйка обѣщала приготовить намъ

кислаго молока. Теперь же скоро стемнѣетъ, и вамъ лучше будетъ переѣзжать Рейнъ при лунѣ.

Мы отправились. Чрезъ низкія ворота города (старинная стѣна изъ булыжника окружала его со всѣхъ сторонъ, даже бойницы не всѣ еще обрушились) мы вышли въ поле и, пройдя шаговъ сто вдоль каменной ограды, остановились передъ узенькой калиткой. Гагинъ отворилъ ее и повелъ насъ въ гору по крутой тропинкѣ. Съ обѣихъ сторонъ, на уступахъ, росъ виноградъ; солнце только-что сѣло, и алый тонкій свѣтъ лежалъ на зеленыхъ лозахъ, на высокихъ тычинкахъ, на сухой землѣ, усѣянной сплошь крупнымъ и мелкимъ плитнякомъ, и на бѣлой стѣнѣ небольшого домика, съ косыми черными перекладинами и четырьмя свѣтлыми окошками, стоявшаго на самомъ верху горы, по которой мы взбирались.

— Вотъ и наше жилище!—воскликнулъ Гагинъ, какъ только мы стали приближаться къ домику: — а вотъ и хозяйка несетъ молоко. Guten Abend, Madame!... Мы сейчасъ примемся за ѣду; но прежде,—прибавилъ онъ:— оглянитесь.... каковъ видъ?

Видъ былъ, точно, чудесный. Рейнъ лежалъ передъ нами, весь серебряный, между зелеными берегами; въ одномъ мѣстѣ онъ горѣлъ багрянымъ золотомъ заката! Пріютившійся къ берегу городокъ показывалъ всѣ свои дома и улицы; широко разбѣгались холмы и поля. Внизу было хорошо, но наверху еще лучше: меня особенно поразила чистота и глубина неба, сіяющая прозрачность воздуха. Свѣжій и легкій, онъ тихо колыхался и перекатывался волнами, словно и ему было раздольнѣе на высотѣ.

— Отличную вы выбрали квартиру,—промолвилъ я.

— Это Ася ее нашла, — отвѣчалъ Гагинъ: — ну-ка, Ася,—продолжалъ онъ:—распоряжайся. Вели все сюда подать. Мы станемъ ужинать на воздухѣ. Тутъ музыка слышнѣе. Замѣтили ли вы,— прибавилъ онъ, обратясь ко

мнѣ:—вблизи иной вальсъ никуда не годится—пошлые, грубые звуки — а въ отдаленьи, чудо! такъ и шевелитъ въ васъ всѣ романтическія струны.

Ася (собственное имя ея было Анна, но Гагинъ называлъ ее Асей, и ужъ вы позвольте мнѣ ее такъ называть)—Ася отправилась въ домъ и скоро вернулась вмѣстѣ съ хозяйкой. Онѣ вдвоемъ несли большой подносъ съ горшкомъ молока, тарелками, ложками, сахаромъ, ягодами, хлѣбомъ. Мы усѣлись и принялись за ужинъ. Ася сняла шляпу; ея черные волосы, остриженные и причесанные, какъ у мальчика, падали крупными завитками на шею и уши. Сначала она дичилась меня; но Гагинъ сказалъ ей:

— Ася, полно ёжиться! онъ не кусается.

Она улыбнулась и, немного спустя, уже сама заговаривала со мной. Я не видалъ существа, болѣе подвижнаго. Ни одно мгновенье она не сидѣла смирно; вставала, убѣгала въ домъ и прибѣгала снова, напѣвала вполголоса, часто смѣялась, и престраннымъ образомъ: казалось, она смѣялась не тому, что̀ слышала, а разнымъ мыслямъ, приходившимъ ей въ голову. Ея большіе глаза глядѣли прямо, свѣтло, смѣло, но иногда вѣки ея слегка щурились, и тогда взоръ ея внезапно становился глубокъ и нѣженъ.

Мы проболтали часа два. День давно погасъ, и вечеръ, сперва весь огнистый, потомъ ясный и алый, потомъ блѣдный и смутный, тихо таялъ и переливался въ ночь, а бесѣда наша все продолжалась, мирная и кроткая, какъ воздухъ, окружавшій насъ. Гагинъ велѣлъ принести бутылку рейнвейна; мы ее роспили, не спѣша. Музыка, попрежнему, долетала до насъ, звуки ея казались слаще и нѣжнѣе; огни зажглись въ городѣ и надъ рѣкою. Ася вдругъ опустила голову, такъ что кудри ей на глаза упали, замолкла и вздохнула, а потомъ сказала намъ, что хочетъ спать, и ушла въ домъ; я, однако, видѣлъ,

какъ она, не зажигая свѣчи, долго стояла за нераскрытымъ окномъ. Наконецъ, луна встала и заиграла по Рейну; всё освѣтилось, потемнѣло, измѣнилось, даже вино въ нашихъ граненыхъ стаканахъ заблестѣло таинственнымъ блескомъ. Вѣтеръ упалъ, точно крылья сложилъ, и замеръ; ночнымъ, душистымъ тепломъ повѣяло отъ земли.

— Пора! — воскликнулъ я:—а то, пожалуй, перевозчика не сыщешь.

— Пора,—повторилъ Гагинъ.

Мы пошли внизъ по тропинкѣ. Камни вдругъ посыпались за нами; это Ася насъ догоняла.

— Ты развѣ не спишь?—спросилъ ее братъ, но она, не отвѣтивъ ему ни слова, пробѣжала мимо. Послѣднія умиравшія плошки, зажженныя студентами въ саду гостинницы, освѣщали внизу листья деревьевъ, что̀ придавало имъ праздничный и фантастическій видъ. Мы нашли Асю у берега: она разговаривала съ перевозчикомъ. Я прыгнулъ въ лодку и простился съ новыми моими друзьями. Гагинъ обѣщалъ навѣстить меня на слѣдующій день; я пожалъ его руку и протянулъ свою Асѣ; но она только посмотрѣла на меня и покачала головой. Лодка отчалила и понеслась по быстрой рѣкѣ. Перевозчикъ, бодрый старикъ, съ напряженіемъ погружалъ весла въ темную воду.

— Вы въ лунный столбъ въѣхали, вы его разбили,— закричала мнѣ Ася.

Я опустилъ глаза; вокругъ лодки, чернѣя, колыхались волны.

— Прощайте!—раздался опять ея голосъ.

— До завтра,—проговорилъ за нею Гагинъ.

Лодка причалила. Я вышелъ и оглянулся. Никого ужъ не было видно на противоположномъ берегу. Лунный столбъ опять тянулся золотымъ мостомъ черезъ всю рѣку. Словно

на прощаніе примчались звуки стариннаго ланнеровскаго вальса. Гагинъ былъ правъ: я почувствовалъ, что всѣ струны сердца моего задрожали въ отвѣтъ на тѣ заискивающіе напѣвы. Я отправился домой черезъ потемнѣвшія поля, медленно вдыхая пахучій воздухъ, и пришелъ въ свою комнатку весь разнѣженный сладостнымъ томленіемъ безпредметныхъ и безконечныхъ ожиданій. Я чувствовалъ себя счастливымъ.... Но отчего я былъ счастливъ? Я ничего не желалъ, я ни о чемъ не думалъ.... Я былъ счастливъ.

Чуть не смѣясь отъ избытка пріятныхъ и игривыхъ чувствъ, я нырнулъ въ постель и уже закрылъ-было глаза, какъ вдругъ мнѣ пришло на умъ, что въ теченіе вечера я ни разу не вспомнилъ о моей жестокой красавицѣ.... „Что же это значитъ?—спросилъ я самого себя:—развѣ я не влюбленъ?“ Но, задавъ себѣ этотъ вопросъ, я, кажется, немедленно заснулъ, какъ дитя въ колыбели.

III.

На другое утро (я уже проснулся, но еще не вставалъ) стукъ палки раздался у меня подъ окномъ, и голосъ, который я тотчасъ призналъ за голосъ Гагина, запѣлъ:

«Ты спишь ли? Гитарой
Тебя разбужу....»

Я поспѣшилъ ему отворить дверь.

— Здравствуйте,—сказалъ Гагинъ, входя:—я васъ раненько потревожилъ, но посмотрите, какое утро. Свѣжесть, роса, жаворонки поютъ....

Съ своими курчавыми, блестящими волосами, открытой шеей и розовыми щеками, онъ самъ былъ свѣжъ, какъ утро.

Я одѣлся; мы вышли въ садикъ, сѣли на лавочку, велѣли подать себѣ кофе и принялись бесѣдовать. Гагинъ

сообщилъ мнѣ свои планы на будущее: владѣя порядочнымъ состояніемъ и ни отъ кого не завися, онъ хотѣлъ посвятить себя живописи, и только сожалѣлъ о томъ, что поздно хватился за умъ и много времени потратилъ попустому; я также упомянулъ о моихъ предположеніяхъ, да, кстати, повѣрилъ ему тайну моей несчастной любви. Онъ выслушалъ меня съ снисхожденіемъ, но, сколько я могъ замѣтить, сильнаго сочувствія къ моей страсти я въ немъ не возбудилъ. Вздохнувши вслѣдъ за мной раза два, изъ вѣжливости, Гагинъ предложилъ мнѣ пойти къ нему, посмотрѣть его этюды. Я тотчасъ согласился.

Мы не застали Асю. Она, по словамъ хозяйки, отправилась на „развалину“. Верстахъ въ двухъ отъ города Л. находились остатки феодальнаго замка. Гагинъ раскрылъ мнѣ всѣ свои картоны. Въ его этюдахъ было много жизни и правды, что-то свободное и широкое; но ни одинъ изъ нихъ не былъ оконченъ и рисунокъ показался мнѣ небреженъ и невѣренъ. Я откровенно высказалъ ему мое мнѣніе.

— Да, да,—подхватилъ онъ со вздохомъ:—вы правы; все это очень плохо и незрѣло, что̀ дѣлать! Не учился я, какъ слѣдуетъ, да и проклятая славянская распущенность беретъ свое. Пока мечтаешь о работѣ, такъ и паришь орломъ: землю, кажется, сдвинулъ бы съ мѣста — а въ исполненіи тотчасъ ослабѣешь и устанешь.

Я началъ-было ободрять его, но онъ махнулъ рукой и, собравши картоны въ охапку, бросилъ ихъ на диванъ.

— Коли хватитъ терпѣнья, изъ меня выйдетъ что-нибудь,—промолвилъ онъ сквозь зубы:—не хватитъ, останусь недорослемъ изъ дворянъ. Пойдемте-ка, лучше, Асю отыскивать.

Мы пошли.

IV.

Дорога къ развалинѣ вилась по скату узкой, лѣсистой долины; на днѣ ея бѣжалъ ручей и шумно прядалъ черезъ камни, какъ бы торопясь слиться съ великой рѣкой, спокойно сіявшей за темной гранью круто разсѣченныхъ горныхъ гребней. Гагинъ обратилъ мое вниманіе на нѣкоторыя счастливо освѣщенныя мѣста; въ словахъ его слышался, если не живописецъ, то ужъ навѣрное художникъ. Скоро показалась развалина. На самой вершинѣ голой скалы возвышалась четырехъугольная башня, вся черная, еще крѣпкая, но словно разрубленная продольной трещиной. Мшистыя стѣны примыкали къ башнѣ; кой-гдѣ лѣпился плющъ; искривленныя деревца свѣшивались съ сѣдыхъ бойницъ и рухнувшихъ сводовъ. Каменистая тропинка вела къ уцѣлѣвшимъ воротамъ. Мы уже подходили къ нимъ, какъ вдругъ впереди насъ мелькнула женская фигура, быстро бѣжавшая по грудѣ обломковъ и помѣстилась на уступѣ стѣны, прямо надъ пропастью.

— А вѣдь это Ася!—воскликнулъ Гагинъ:—экая сумасшедшая!

Мы вошли въ ворота и очутились на небольшомъ дворикѣ, до половины заросшемъ дикими яблонями и крапивой. На уступѣ сидѣла, точно, Ася. Она повернулась къ намъ лицомъ и засмѣялась, но не тронулась съ мѣста. Гагинъ погрозилъ ей пальцемъ, а я громко упрекнулъ ее въ неосторожности.

— Полноте,—сказалъ мнѣ шопотомъ Гагинъ:—не дразните ее; вы ея не знаете: она, пожалуй, еще на башню взберется. А вотъ, вы лучше подивитесь смышленности здѣшнихъ жителей.

Я оглянулся. Въ уголкѣ, пріютившись въ крошечномъ и деревянномъ балаганчикѣ, старушка вязала чулокъ и косилась на насъ чрезъ очки. Она продавала туристамъ

пиво, пряники и зельтерскую воду. Мы умѣстились на лавочкѣ и принялись пить изъ тяжелыхъ оловянныхъ кружекъ довольно холодное пиво. Ася продолжала сидѣть неподвижно, подобравъ подъ себя ноги и закутавъ голову кисейнымъ шарфомъ; стройный обликъ ея отчетливо и красиво рисовался на ясномъ небѣ; но я съ непріязненнымъ чувствомъ посматривалъ на нее. Уже наканунѣ замѣтилъ я въ ней что-то напряженное, несовсѣмъ естественное.... „Она хочетъ удивить насъ", думалъ я: — „къ чему это? Что за дѣтская выходка?" Словно угадавши мои мысли, она вдругъ бросила на меня быстрый и пронзительный взглядъ, засмѣялась опять, въ два прыжка соскочила со стѣны, и, подойдя къ старушкѣ, попросила у ней стаканъ воды.

— Ты думаешь, я хочу пить?—промолвила она, обратившись къ брату:—нѣтъ; тутъ есть цвѣты на стѣнахъ, которые непремѣнно полить надо.

Гагинъ ничего не отвѣчалъ ей; а она, съ стаканомъ въ рукѣ, пустилась карабкаться по развалинамъ, изрѣдка останавливаясь, наклоняясь и съ забавной важностью роняя нѣсколько капель воды, ярко блестѣвшихъ на солнцѣ. Ея движенья были очень милы, но мнѣ, попрежнему, было досадно на нее, хотя я невольно любовался ея легкостью и ловкостью. На одномъ опасномъ мѣстѣ она нарочно вскрикнула и потомъ захохотала.... Мнѣ стало еще досаднѣе.

— Да она какъ коза лазитъ,—пробормотала себѣ подъносъ старушка, оторвавшись на мгновенье отъ своего чулка.

Наконецъ, Ася опорожнила весь свой стаканъ и, шаловливо покачиваясь, возвратилась къ намъ. Странная усмѣшка слегка подергивала ея брови, ноздри и губы; полу-дерзко, полу-весело щурились темные глаза.

„Вы находите мое поведеніе неприличнымъ,—казалось,

говорило ея лицо:—все равно: я знаю, вы мной любуетесь".

— Искусно, Ася, искусно,—промолвилъ Гагинъ вполголоса.

Она вдругъ какъ будто застыдилась, опустила свои длинныя рѣсницы и скромно подсѣла къ намъ, какъ виноватая. Я тутъ въ первый разъ хорошенько разсмотрѣлъ ея лицо, самое измѣнчивое лицо, какое я только видѣлъ. Нѣсколько мгновеній спустя, оно уже поблѣднѣло и приняло сосредоточенное, почти печальное выраженіе; самыя черты ея мнѣ показались больше, строже, проще. Она вся затихла. Мы обошли развалину кругомъ (Ася шла за нами слѣдомъ) и полюбовались видами. Между тѣмъ, часъ обѣда приближался. Расплачиваясь со старушкой, Гагинъ спросилъ еще кружку пива и, обернувшись ко мнѣ, воскликнулъ съ лукавой ужимкой:

— За здоровье дамы вашего сердца!

— А развѣ у него,—развѣ у васъ есть такая дама?—спросила вдругъ Ася.

— Да у кого же ея нѣтъ?—возразилъ Гагинъ.

Ася задумалась на мгновенье; ея лицо опять измѣнилось, опять появилась на немъ вызывающая, почти дерзкая усмѣшка.

На возвратномъ пути она пуще хохотала и шалила. Она сломала длинную вѣтку, положила ее къ себѣ на плечо, какъ ружье, повязала себѣ голову шарфомъ. Помнится, намъ встрѣтилась многочисленная семья бѣлокурыхъ и чопорныхъ англичанъ; всѣ они, словно по командѣ, съ холоднымъ изумленіемъ проводили Асю своими стеклянными глазами, а она, какъ бы имъ на зло, громко запѣла. Воротясь домой, она тотчасъ ушла къ себѣ въ комнату и появилась только къ самому обѣду, одѣтая въ лучшее свое платье, тщательно причесанная, перетянутая и въ перчаткахъ. За столомъ она держалась очень чинно, почти

чопорно, едва отвѣдывала кушанья и пила воду изъ рюмки. Ей явно хотѣлось разыграть передо мною новую роль,— роль приличной и благовоспитанной барышни. Гагинъ не мѣшалъ ей: замѣтно было, что онъ привыкъ потакать ей во всемъ. Онъ только по-временамъ добродушно взглядывалъ на меня и слегка пожималъ плечомъ, какъ бы желая сказать: „Она ребенокъ, будьте снисходительны". Какъ только кончился обѣдъ, Ася встала, сдѣлала намъ книксенъ и, надѣвая шляпу, спросила Гагина: можно ли ей пойти къ фрау Луизе?

— Давно ли ты стала спрашиваться?—отвѣчалъ онъ съ своей неизмѣнной, на этотъ разъ нѣсколько смущенной улыбкой:—развѣ тебѣ скучно съ нами?

— Нѣтъ, но я вчера еще обѣщала фрау Луизе побывать у ней; притомъ же,я думала, вамъ будетъ лучше вдвоемъ: г. Н. (она указала на меня) что-нибудь еще тебѣ разскажетъ.

Она ушла.

— Фрау Луизе,—началъ Гагинъ, стараясь избѣгать моего взора:—вдова бывшаго здѣшняго бургомистра, добрая, впрочемъ, пустая старушка. Она очень полюбила Асю. У Аси страсть знакомиться съ людьми круга низшаго; я замѣтилъ: причиною этому всегда бываетъ гордость. Она у меня порядкомъ избалована, какъ видите, — прибавилъ онъ, помолчавъ немного:—да что̀ прикажете дѣлать? Взыскивать я ни съ кого не умѣю, а съ нея и подавно. Я *обязанъ* быть снисходительнымъ съ нею.

Я промолчалъ. Гагинъ перемѣнилъ разговоръ. Чѣмъ больше я узналъ его, тѣмъ сильнѣе я къ нему привязывался. Я скоро его понялъ. Это была прямо русская душа, правдивая, честная, простая, но, къ сожалѣнію, немного вялая, безъ цѣпкости и внутренняго жара. Молодость не кипѣла въ немъ ключемъ; она свѣтилась тихимъ свѣтомъ. Онъ былъ очень милъ и уменъ, но я не могъ

себѣ представить, что̀ съ нимъ станется, какъ только онъ возмужаетъ. Быть художникомъ.... Безъ горькаго, постояннаго труда не бываетъ художниковъ.... а трудиться, думалъ я, глядя на его мягкія черты, слушая его неспѣшную рѣчь,—нѣтъ! трудиться ты не будешь, сжаться ты не сумѣешь. Но не полюбить его не было возможности: сердце такъ и влеклось къ нему. Часа четыре провели мы вдвоемъ, то сидя на диванѣ, то медленно расхаживая передъ домомъ, и въ эти четыре часа сошлись окончательно.

Солнце сѣло, и мнѣ уже пора было идти домой. Ася все еще не возвращалась.

— Экая она у меня вольница!—промолвилъ Гагинъ:—хотите, я пойду провожать васъ? Мы, по пути, завернемъ къ фрау Луизе; я спрошу, тамъ ли она? Крюкъ не великъ.

Мы спустились въ городъ и, свернувши въ узкій, кривой переулочекъ, остановились передъ домомъ въ два окна шириною и вышиною въ четыре этажа. Второй этажъ выступалъ на улицу больше перваго, третій и четвертый еще больше второго; весь домъ, съ своей ветхой рѣзьбой, двумя толстыми столбами внизу, острой черепичной кровлей и протянутымъ въ видѣ клюва воротомъ на чердакѣ, казался огромной, сгорбленной птицей.

— Ася!—крикнулъ Гагинъ:—ты здѣсь?

Освѣщенное окошко въ третьемъ этажѣ стукнуло и отворилось, и мы увидали темную головку Аси. Изъ-за нея выглядывало беззубое и подслѣповатое лицо старой нѣмки.

— Я здѣсь,—проговорила Ася, кокетливо опершись локтями на оконницу:—мнѣ здѣсь хорошо. На̀ тебѣ, возьми,—прибавила она, бросая Гагину вѣтку гераніума:—вообрази, что я дама твоего сердца.

Фрау Луизе засмѣялась.

— Н. уходитъ, — возразилъ Гагинъ: — онъ хочетъ съ тобой проститься.

— Будто?—промолвила Ася:—въ такомъ случаѣ, дай ему мою вѣтку, а я сейчасъ вернусь.

Она захлопнула окно и, кажется, поцѣловала фрау Луизе. Гагинъ протянулъ мнѣ молча вѣтку. Я молча положилъ ее въ карманъ, дошелъ до перевоза и перебрался на другую сторону.

Помнится, я шелъ домой, ни о чемъ не размышляя, но съ странной тяжестью на сердцѣ, какъ вдругъ меня поразилъ сильный, знакомый, но въ Германіи рѣдкій запахъ. Я остановился и увидалъ возлѣ дороги небольшую грядку конопли. Ея степной запахъ мгновенно напомнилъ мнѣ родину и возбудилъ въ душѣ страстную тоску по ней. Мнѣ захотѣлось дышать русскимъ воздухомъ, ходить по русской землѣ. „Что я здѣсь дѣлаю, зачѣмъ таскаюсь я въ чужой сторонѣ, между чужими?“ воскликнулъ я; мертвенная тяжесть, которую я ощущалъ на сердцѣ, разрѣшилась внезапно въ горькое и жгучее волненіе. Я пришелъ домой совсѣмъ въ другомъ настроеніи духа, чѣмъ наканунѣ. Я чувствовалъ себя почти разсерженнымъ и долго не могъ успокоиться. Непонятная мнѣ самому досада меня разбирала. Наконецъ, я сѣлъ и, вспомнивъ о своей коварной вдовѣ (оффиціальнымъ воспоминаніемъ объ этой дамѣ заключался каждый мой день), досталъ одну изъ ея записокъ. Но я даже не раскрылъ ее; мысли мои тотчасъ приняли иное направленіе. Я началъ думать.... думать объ Асѣ. Мнѣ пришло въ голову, что Гагинъ, въ теченіе разговора, намекнулъ мнѣ на какія-то затрудненія, препятствующія его возвращенію въ Россію.... „Полно, сестра ли она его?“ произнесъ я громко.

Я раздѣлся, легъ и старался заснуть; но часъ спустя я опять сидѣлъ въ постели, облокотившись локтемъ на подушку, и снова думалъ объ этой „капризной дѣвочкѣ съ натянутымъ смѣхомъ....“ „Она сложена какъ маленькая

рафаэлевская Галатея въ Фарнезинѣ", — шепталъ я: — „да; и она ему не сестра...."

А записка вдовы преспокойно лежала на полу, бѣлѣя въ лучахъ луны.

V.

На слѣдующее утро я опять пошелъ въ Л. Я увѣрялъ себя, что мнѣ хочется повидаться съ Гагинымъ, но втайнѣ меня тянуло посмотрѣть, что̀ станетъ дѣлать Ася, такъ же ли она будетъ „чудить", какъ наканунѣ. Я засталъ обоихъ въ гостиной, и, странное дѣло!—оттого ли, что я ночью и утромъ много размышлялъ о Россіи—Ася показалась мнѣ совершенно русской дѣвушкой, да простою дѣвушкой, чуть не гроничной. На ней было старенькое платьице, волосы она зачесала за уши и сидѣла, не шевелясь, у окна, да шила въ пяльцахъ, скромно, тихо, точно она вѣкъ свой ничѣмъ другимъ не занималась. Она почти ничего не говорила, спокойно посматривала на свою работу, и черты ея приняли такое незначительное, будничное выраженіе, что мнѣ невольно вспомнились наши доморощенныя Кати и Маши. Для довершенія сходства, она принялась напѣвать вполголоса „Матушку голубушку". Я глядѣлъ на ея желтоватое, угасшее личико, вспоминалъ о вчерашнихъ мечтаніяхъ, и жаль мнѣ было чего-то. Погода была чудесная. Гагинъ объявилъ намъ, что пойдетъ сегодня рисовать этюдъ съ натуры; я спросилъ его, позволитъ ли онъ мнѣ провожать его, не помѣшаю ли ему?

— Напротивъ, — возразилъ онъ:—вы мнѣ можете хорошій совѣтъ дать.

Онъ надѣлъ круглую шляпу à la Van Dyck, блузу, взялъ картонъ подъ мышку и отправился; я поплелся вслѣдъ за нимъ. Ася осталась дома. Гагинъ, уходя, по-

просилъ ее позаботиться о томъ, чтобы супъ былъ не слишкомъ жидокъ: Ася обѣщалась побывать на кухнѣ. Гагинъ добрался до знакомой уже мнѣ долины, присѣлъ на камень, и началъ срисовывать старый дуплистый дубъ съ раскидистыми сучьями. Я легъ на траву и досталъ книжку; но я двухъ страницъ не прочелъ, а онъ только бумагу измаралъ: мы все больше разсуждали и, сколько я могу судить, довольно умно и тонко разсуждали о томъ, какъ именно должно работать, чего слѣдуетъ избѣгать, чего придерживаться, и какое собственно значеніе художника въ нашъ вѣкъ. Гагинъ, наконецъ, рѣшилъ, что онъ „сегодня не въ ударѣ", легъ рядомъ со мною, и ужъ тутъ свободно потекли молодыя наши рѣчи, то горячія, то задумчивыя, то восторженныя, но почти всегда неясныя рѣчи, въ которыхъ такъ охотно разливается русскій человѣкъ. Наболтавшись досыта и наполнившись чувствомъ удовлетворенія, словно мы что-то сдѣлали, успѣли въ чемъ-то, вернулись мы домой. Я нашелъ Асю точно такою же, какою я ее оставилъ; какъ я ни старался наблюдать за нею—ни тѣни кокетства, ни признака намѣренно-принятой роли я въ ней не замѣтилъ; на этотъ разъ не было возможности упрекнуть ее въ неестественности.

— А-га!—говорилъ Гагинъ:—постъ и покаяніе на себя наложила.

Къ вечеру она нѣсколько разъ непритворно зѣвнула и рано ушла къ себѣ. Я самъ скоро простился съ Гагинымъ и, возвратившись домой, не мечталъ уже ни о чемъ: этотъ день прошелъ въ трезвыхъ ощущеніяхъ. Помнится, однако, ложась спать, я невольно промолвилъ вслухъ:

— Что за хамелеонъ эта дѣвушка!—и, подумавъ немного, прибавилъ:—а все-таки, она ему не сестра.

VI.

Прошли цѣлыя двѣ недѣли. Я каждый день посѣщалъ Гагиныхъ. Ася словно избѣгала меня, но уже не позволяла себѣ ни одной изъ тѣхъ шалостей, которыя такъ удивили меня въ первые два дня нашего знакомства. Она казалась втайнѣ огорченной или смущенной; она и смѣялась меньше. Я съ любопытствомъ наблюдалъ за ней.

Она довольно хорошо говорила по-французски и понѣмецки; но по всему было замѣтно, что она съ дѣтства не была въ женскихъ рукахъ и воспитаніе получила странное, необычное, не имѣвшее ничего общаго съ воспитаніемъ самого Гагина. Отъ него, несмотря на его шляпу à la Van Dyck и блузу, такъ и вѣяло мягкимъ, полуизнѣженнымъ великорусскимъ дворяниномъ, а она не походила на барышню; во всѣхъ ея движеніяхъ было что-то неспокойное; этотъ дичекъ недавно былъ привитъ, это вино еще бродило. По природѣ стыдливая и робкая, она досадовала на свою застѣнчивость и, съ досады, насильственно старалась быть развязной и смѣлой, что ей не всегда удавалось. Я нѣсколько разъ заговаривалъ съ ней объ ея жизни въ Россіи, объ ея прошедшемъ: она неохотно отвѣчала на мои разспросы; я узналъ, однако, что до отъѣзда за границу она долго жила въ деревнѣ. Я засталъ ее разъ за книгой, одну. Опершись головой на обѣ руки и запустивъ пальцы глубоко въ волосы, она пожирала глазами строки.

— Браво!—сказалъ я, подойдя къ ней:—какъ вы прилежны!

Она приподняла голову важно и строго посмотрѣла на меня.

— Вы думаете, я только смѣяться умѣю, — промолвила она, и хотѣла удалиться....

Я взглянулъ на заглавіе книги: это былъ какой-то французскій романъ.

— Однако, я вашъ выборъ похвалить не могу, — замѣтилъ я.

— Что же читать! — воскликнула она, и, бросивъ книгу на столъ, прибавила: — такъ лучше пойду дурачиться,—и побѣжала въ садъ.

Въ тотъ же день, вечеромъ, я читалъ Гагину „Германа и Доротею". Ася сперва все только шныряла мимо насъ, потомъ вдругъ остановилась, приникла ухомъ, тихонько подсѣла ко мнѣ и прослушала чтеніе до конца. На слѣдующій день я опять не узналъ ея, пока не догадался, что ей вдругъ вошло въ голову: быть домовитой и степенной, какъ Доротея. Словомъ, она являлась мнѣ полузагадочнымъ существомъ. Самолюбивая до крайности, она привлекала меня, даже когда я сердился на нее. Въ одномъ только я болѣе и болѣе убѣждался, а именно въ томъ, что она не сестра Гагина. Онъ обходился съ нею не по-братски: слишкомъ ласково, слишкомъ снисходительно и въ то же время нѣсколько принужденно.

Странный случай, повидимому, подтвердилъ мои подозрѣнія.

Однажды вечеромъ, подходя къ винограднику, гдѣ жили Гагины, я нашелъ калитку запертою. Не долго думавши, добрался я до одного обрушеннаго мѣста въ оградѣ, уже прежде замѣченнаго мною, и перескочилъ черезъ нее. Недалеко отъ этого мѣста, въ сторонѣ отъ дорожки, находилась небольшая бесѣдка изъ акацій; я поровнялся съ нею и уже прошелъ-было мимо.... вдругъ меня поразилъ голосъ Аси, съ жаромъ и сквозь слезы произносившей слѣдующія слова:

— Нѣтъ, я никого не хочу любить, кромѣ тебя, нѣтъ, нѣтъ, одного тебя я хочу любить—и навсегда.

— Полно, Ася, успокойся, — говорилъ Гагинъ: — ты знаешь, я тебѣ вѣрю.

Голоса ихъ раздавались въ бесѣдкѣ. Я увидалъ ихъ обоихъ сквозь негустой переплетъ вѣтвей. Они меня не замѣтили.

— Тебя, тебя одного,—повторила она, бросилась ему на шею и съ судорожными рыданіями начала цѣловать его и прижиматься къ его груди.

— Полно, полно,—твердилъ онъ, слегка проводя рукой по ея волосамъ.

Нѣсколько мгновеній остался я неподвижнымъ.... Вдругъ я встрепенулся.—Подойти къ нимъ?... Ни за что!—сверкнуло у меня въ головѣ. Быстрыми шагами вернулся я къ оградѣ, перескочилъ черезъ нее на дорогу, и чуть не бѣгомъ пустился домой. Я улыбался, потиралъ руки, удивлялся случаю, внезапно подтвердившему мои догадки (я ни на одно мгновенье не усомнился въ ихъ справедливости), а, между тѣмъ, на сердцѣ у меня было очень горько. Однако, думалъ я, умѣютъ же они притворяться! Но къ чему? Что за охота меня морочить? Не ожидалъ я этого отъ него.... И что за чувствительное объясненіе?

VII.

Я спалъ дурно, и на другое утро всталъ рано, привязалъ походную котомочку за спину и, объявивъ своей хозяйкѣ, чтобы она не ждала меня къ ночи, отправился пѣшкомъ въ горы, вверхъ по теченію рѣки, на которой лежитъ городокъ З. Эти горы, отрасли хребта, называемаго Собачьей-спиной (Hundsrück) очень любопытны въ геологическомъ отношеніи; въ особенности замѣчательны онѣ правильностью и чистотой базальтовыхъ слоевъ; но мнѣ было не до геологическихъ наблюденій. Я не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что̀ во мнѣ происходило; одно чув-

ство было мнѣ ясно: не желаніе видѣться съ Гагинымъ. Я увѣрялъ себя, что единственной причиной моего внезапнаго нерасположенія къ нимъ была досада на ихъ лукавство. Кто ихъ принуждалъ выдавать себя за родственниковъ? Впрочемъ, я старался о нихъ не думать; бродилъ, не спѣша, по горамъ и долинамъ, засиживался въ деревенскихъ харчевняхъ, мирно бесѣдуя съ хозяевами и гостями, или ложился на плоскій, согрѣтый камень и смотрѣлъ, какъ плыли облака, благо погода стояла удивительная. Въ такихъ занятіяхъ я провелъ три дня, и не безъ удовольствія,—хотя на сердцѣ у меня щемило по временамъ. Настроеніе моихъ мыслей приходилось какъ разъ подъ-стать спокойной природѣ того края.

Я отдалъ себя всего тихой игрѣ случайности, набѣгавшимъ впечатлѣніямъ: неторопливо смѣняясь, протекали они по душѣ и оставили въ ней наконецъ одно общее чувство, въ которомъ слилось все, что̀ я видѣлъ, ощутилъ, слышалъ въ эти три дня—все: тонкій запахъ смолы по лѣсамъ, крикъ и стукъ дятловъ, немолчная болтовня свѣтлыхъ ручейковъ съ пестрыми форелями на песчаномъ днѣ, не слишкомъ смѣлыя очертанія горъ, хмурыя скалы, чистенькія деревеньки съ почтенными старыми церквами и деревьями, аисты въ лугахъ, уютныя мельницы съ проворно-вертящимися колесами, радушныя лица поселянъ, ихъ синіе камзолы и сѣрые чулки, скрипучіе, медлительные возы, запряженные жирными лошадьми, а иногда коровами, молодые, длинноволосые странники по чистымъ дорогамъ, обсаженнымъ яблонями и грушами....

Даже и теперь мнѣ пріятно вспоминать мои тогдашнія впечатлѣнія. Привѣтъ тебѣ, скромный уголокъ германской земли, съ твоимъ незатѣйливымъ довольствомъ, съ повсемѣстными слѣдами прилежныхъ рукъ, терпѣливой, хотя неспѣшной работы.... Привѣтъ тебѣ и миръ!

Я пришелъ домой къ самому концу третьяго дня. Я за-

былъ сказать, что съ досады на Гагиныхъ, я попытался воскресить въ себѣ образъ жестокосердой вдовы;—но мои усилія остались тщетны. Помнится, когда я принялся мечтать о ней, я увидѣлъ передъ собою крестьянскую дѣвочку, лѣтъ пяти, съ круглымъ личикомъ, съ невинно выпученными глазенками. Она такъ дѣтски-простодушно смотрѣла на меня.... Мнѣ стало стыдно ея чистаго взора, я не хотѣлъ лгать въ ея присутствіи, и тотчасъ же окончательно и навсегда раскланялся съ моимъ прежнимъ предметомъ.

Дома я нашелъ записку отъ Гагина. Онъ удивлялся неожиданности моего рѣшенія, пенялъ мнѣ, зачѣмъ я не взялъ его съ собою, и просилъ прійти къ нимъ, какъ только я вернусь. Я съ неудовольствіемъ прочелъ эту записку, но на другой же день отправился въ Л.

VIII.

Гагинъ встрѣтилъ меня по-пріятельски, осыпалъ меня ласковыми упреками; но Ася, точно нарочно, какъ только увидала меня, расхохоталась безъ всякаго повода и, по своей привычкѣ, тотчасъ убѣжала. Гагинъ смутился, пробормоталъ ей вслѣдъ, что она сумасшедшая, попросилъ меня извинить ее. Признаюсь, мнѣ стало очень досадно на Асю: ужъ и безъ того мнѣ было не по себѣ, а тутъ опять этотъ неестественный смѣхъ, эти странныя ужимки. Я, однако, показалъ видъ, будто ничего не замѣтилъ, и сообщилъ Гагину подробности моего небольшого путешествія. Онъ разсказалъ мнѣ, что̀ дѣлалъ въ мое отсутствіе. Но рѣчи наши не клеились; Ася входила въ комнатку и убѣгала снова; я объявилъ, наконецъ, что у меня есть спѣшная работа, и что мнѣ пора вернуться домой. Гагинъ сперва меня удерживалъ, потомъ, посмотрѣвъ на меня пристально, вызвался провожать меня. Въ передней Ася вдругъ подошла ко мнѣ и протянула мнѣ руку; я слегка

пожалъ ея пальцы и едва поклонился ей. Мы вмѣстѣ съ Гагинымъ переправились черезъ Рейнъ и, проходя мимо любимаго моего ясеня со статуйкой Мадонны, присѣли на скамью, чтобы полюбоваться видомъ. Замѣчательный разговоръ произошелъ тутъ между нами.

Сперва мы перекинулись немногими словами, потомъ замолкли, глядя на свѣтлую рѣку.

— Скажите,—началъ вдругъ Гагинъ, съ своей обычной улыбкой:—какого вы мнѣнія объ Асѣ? Неправда ли, она должна казаться вамъ немного странной?

— Да,—отвѣтилъ я не безъ нѣкотораго недоумѣнія. Я не ожидалъ, что онъ заговоритъ о ней.

— Ее надо хорошенько узнать, чтобы о ней судить,— промолвилъ онъ:—у ней сердце очень доброе, но голова бѣдовая. Трудно съ нею ладить. Впрочемъ, ее нельзя винить, если бъ вы знали ея исторію....

— Ея исторію?—перебилъ я....—развѣ она не ваша....

Гагинъ взглянулъ на меня.

— Ужъ не думаете ли вы, что она не сестра мнѣ?... Нѣтъ,—продолжалъ онъ, не обращая вниманія на мое замѣшательство: — она, точно, мнѣ сестра, она дочь моего отца. Выслушайте меня. Я чувствую къ вамъ довѣріе и разскажу вамъ все.

— Отецъ мой былъ человѣкъ весьма добрый, умный, образованный—и несчастливый. Судьба обошлась съ нимъ не хуже, чѣмъ со многими другими; но онъ и перваго удара ея не вынесъ. Онъ женился рано, по любви; жена его, моя мать, умерла очень скоро: я остался послѣ нея шести мѣсяцевъ. Отецъ увезъ меня въ деревню и цѣлыя двѣнадцать лѣтъ не выѣзжалъ никуда. Онъ самъ занимался моимъ воспитаніемъ и никогда бы со мной не разстался, если бъ братъ его, мой родной дядя, не заѣхалъ къ намъ въ деревню. Дядя этотъ жилъ постоянно въ Петербургѣ и занималъ довольно важное мѣсто. Онъ уговорилъ отца от-

дать меня къ нему на руки, такъ какъ отецъ ни за что не соглашался покинуть деревню. Дядя представилъ ему, что мальчику моихъ лѣтъ вредно жить въ совершенномъ уединеніи, что съ такимъ вѣчно унылымъ и молчаливымъ наставникомъ, каковъ былъ мой отецъ, я непремѣнно отстану отъ моихъ сверстниковъ, да и самый нравъ мой легко можетъ испортиться. Отецъ долго противился увѣщаніямъ своего брата, однако, уступилъ наконецъ. Я плакалъ, разставаясь съ отцомъ; я любилъ его, хотя никогда не видалъ улыбки на лицѣ его.... но, попавши въ Петербургъ, скоро позабылъ наше темное и невеселое гнѣздо. Я поступилъ въ юнкерскую школу, а изъ школы перешелъ въ гвардейскій полкъ. Каждый годъ пріѣзжалъ я въ деревню на нѣсколько недѣль и съ каждымъ годомъ находилъ отца моего все болѣе и болѣе грустнымъ, въ себя углубленнымъ, задумчивымъ до робости. Онъ каждый день ходилъ въ церковь и почти разучился говорить. Въ одно изъ моихъ посѣщеній (мнѣ уже было лѣтъ двадцать слишкомъ), я въ первый разъ увидалъ у насъ въ домѣ худенькую, черноглазую дѣвочку лѣтъ десяти — Асю. Отецъ сказалъ, что она сирота, и взята имъ на прокормленіе — онъ именно такъ выразился. Я не обратилъ особеннаго вниманія на нее; она была дика, проворна и молчалива какъ звѣрёкъ, и какъ только я входилъ въ любимую комнату моего отца, огромную и мрачную комнату, гдѣ скончалась моя мать и гдѣ даже днемъ зажигались свѣчки, она тотчасъ пряталась за вольтеровское кресло его или за шкапъ съ книгами. Случилось такъ, что въ послѣдовавшіе за тѣмъ три-четыре года обязанности службы помѣшали мнѣ побывать въ деревнѣ. Я получалъ отъ отца ежемѣсячно по короткому письму; объ Асѣ онъ упоминалъ рѣдко, и то вскользь. Ему было уже за пятьдесятъ лѣтъ, но онъ казался еще молодымъ человѣкомъ. Представьте же мой ужасъ: вдругъ я, ничего не подозрѣвав-

шій, получаю отъ приказчика письмо, въ которомъ онъ извѣщаетъ меня о смертельной болѣзни моего отца и умоляетъ пріѣхать какъ можно скорѣе, если хочу проститься съ нимъ. Я поскакалъ, сломя голову, и засталъ отца въ живыхъ, но уже при послѣднемъ издыханіи. Онъ обрадовался мнѣ чрезвычайно, обнялъ меня своими исхудалыми руками, долго поглядѣлъ мнѣ въ глаза какимъ-то, не то испытующимъ, не то умоляющимъ взоромъ, и, взявъ съ меня слово, что я исполню его послѣднюю просьбу, велѣлъ своему старому камердинеру привести Асю. Старикъ привелъ ее: она едва держалась на ногахъ и дрожала всѣмъ тѣломъ.

— Вотъ,—сказалъ мнѣ съ усиліемъ отецъ:—завѣщаю тебѣ мою дочь—твою сестру. Ты все узнаешь отъ Якова,—прибавилъ онъ, указавъ на камердинера.

Ася зарыдала и упала лицомъ на кровать.... Полчаса спустя, мой отецъ скончался.

Вотъ что я узналъ. Ася была дочь моего отца и бывшей горничной моей матери, Татьяны. Живо помню я эту Татьяну, помню ея высокую, стройную фигуру, ея благообразное, строгое, умное лицо, съ большими, темными глазами. Она слыла дѣвушкой гордой и неприступной. Сколько я могъ понять изъ почтительныхъ недомолвокъ Якова, отецъ мой сошелся съ нею нѣсколько лѣтъ спустя послѣ смерти матушки. Татьяна уже не жила тогда въ господскомъ домѣ, а въ избѣ у замужней сестры своей, скотницы. Отецъ мой сильно къ ней привязался и послѣ моего отъѣзда изъ деревни хотѣлъ даже жениться на ней, но она сама не согласилась быть его женой, несмотря на его просьбы.

— Покойница Татьяна Васильевна,—такъ докладывалъ мнѣ Яковъ, стоя у двери съ закинутыми назадъ руками:—во всемъ были разсудительны и не захотѣли батюшку вашего обидѣть. Что, молъ, я вамъ за жена? какая я бары-

ня? такъ онѣ говорить изволили, при мнѣ говорили-съ.— Татьяна даже не хотѣла переселиться къ намъ въ домъ и продолжала жить у своей сестры, вмѣстѣ съ Асей. Въ дѣтствѣ я видывалъ Татьяну только по праздникамъ, въ церкви. Повязанная темнымъ платкомъ, съ желтою шалью на плечахъ, она становилась въ толпѣ, возлѣ окна,—ея строгій профиль четко вырѣзывался на прозрачномъ стеклѣ,—и смиренно и важно молилась, кланяясь низко, по старинному. Когда дядя увезъ меня, Асѣ было всего два года, а на девятомъ году она лишилась матери.

Какъ только Татьяна умерла, отецъ взялъ Асю къ себѣ въ домъ. Онъ и прежде изъявилъ желаніе имѣть ее при себѣ, но Татьяна ему и въ этомъ отказала. Представьте же себѣ, что должно было произойти въ Асѣ, когда ее взяли къ барину. Она до сихъ поръ не можетъ забыть ту минуту, когда ей въ первый разъ надѣли шелковое платье и поцѣловали у ней ручку. Мать, пока была жива, держала ее очень строго, у отца она пользовалась совершенной свободой. Онъ былъ ея учителемъ; кромѣ его, она никого не видала. Онъ не баловалъ ее, то-есть, не няньчился съ нею; но онъ любилъ ее страстно и никогда ничего ей не запрещалъ: онъ въ душѣ считалъ себя передъ ней виноватымъ. Ася скоро поняла, что она главное лицо въ домѣ; она знала, что баринъ—ея отецъ; но она такъ же скоро поняла свое ложное положеніе; самолюбіе развилось въ ней сильно, недовѣрчивость тоже; дурныя привычки укоренялись, простота исчезла. Она хотѣла (она сама мнѣ разъ призналась въ этомъ) заставить *цѣлый міръ* забыть ея происхожденіе; она и стыдилась своей матери, и стыдилась своего стыда, и гордилась ею. Вы видите, что она многое знала и знаетъ, чего не должно бы знать въ ея годы.... Но развѣ она виновата? Молодыя силы разыгрывались въ ней, кровь кипѣла, а вблизи ни одной руки, которая бы ее направила. Полная независимость во всемъ!

да развѣ легко ее вынести? Она хотѣла быть не хуже другихъ барышень; она бросилась на книги. Что тутъ могло выйти путнаго? Неправильно начатая жизнь слагалась неправильно, но сердце въ ней не испортилось, умъ уцѣлѣлъ.

И вотъ, я, двадцатилѣтній малый, очутился съ тринадцатилѣтней дѣвочкой на рукахъ! Въ первые дни послѣ смерти отца, при одномъ звукѣ моего голоса, ее била лихорадка, ласки мои повергали ее въ тоску, и только понемногу, исподволь, привыкла она ко мнѣ. Правда, потомъ, когда она убѣдилась, что я точно признаю ее за сестру и полюбилъ ее, какъ сестру, она страстно ко мнѣ привязалась; у ней ни одно чувство не бываетъ въ половину

Я привезъ ее въ Петербургъ. Какъ мнѣ ни больно было съ ней разстаться,—жить съ ней вмѣстѣ я никакъ не могъ; я помѣстилъ ее въ одинъ изъ лучшихъ пансіоновъ. Ася поняла необходимость нашей разлуки, но начала съ того, что заболѣла и чуть не умерла. Потомъ она обтерпѣлась и выжила въ пансіонѣ четыре года; но, противъ моихъ ожиданій, осталась почти такою же, какою была прежде. Начальница пансіона часто жаловалась мнѣ на нее: „И наказать ее нельзя,—говаривала она мнѣ:—и на ласку она не подается“. Ася была чрезвычайно понятлива, училась прекрасно, лучше всѣхъ; но никакъ не хотѣла подойти подъ общій уровень, упрямилась, глядѣла букой.... Я не могъ слишкомъ винить ее: въ ея положеніи, ей надо было либо прислуживаться, либо дичиться. Изъ всѣхъ своихъ подругъ она сошлась только съ одной, некрасивой, загнанной и бѣдной дѣвушкой. Остальныя барышни, съ которыми она воспитывалась, большею частью изъ хорошихъ фамилій, не любили ея, язвили ее и кололи, какъ только могли; Ася имъ на волосъ не уступала. Однажды, на урокѣ изъ закона Божія, преподаватель заговорилъ о порокахъ. „Лесть и трусость самые дурные пороки“, громко промол-

вила Ася. Словомъ, она продолжала идти своей дорогой; только манеры ея стали лучше: хотя и въ этомъ отношеніи она, кажется, не много успѣла.

Наконецъ, ей минуло семнадцать лѣтъ; оставаться ей долѣе въ пансіонѣ было невозможно. Я находился въ довольно большомъ затрудненіи. Вдругъ мнѣ пришла благая мысль: выйти въ отставку, поѣхать за границу на годъ или на два, и взять Асю съ собою. Задумано—сдѣлано; и вотъ, мы съ ней на берегахъ Рейна, гдѣ я стараюсь заниматься живописью, а она.... шалитъ и чудитъ попрежнему. Но теперь я надѣюсь, что вы не станете судить ее слишкомъ строго; а она, хоть и притворяется, что ей все нипочемъ,—мнѣніемъ каждаго дорожитъ, вашимъ же въ особенности.

И Гагинъ опять улыбнулся своей тихой улыбкой. Я крѣпко стиснулъ ему руку.

— Все такъ,—заговорилъ опять Гагинъ:—но съ нею мнѣ бѣда. Порохъ она настоящій. До сихъ поръ ей никто не нравился, но бѣда, если она кого полюбитъ! Я иногда не знаю, какъ съ ней быть. На-дняхъ она что вздумала: начала вдругъ увѣрять меня, что я къ ней сталъ холоднѣе прежняго, что она одного меня любитъ и вѣкъ будетъ меня одного любить.... И при этомъ такъ расплакалась....

— Такъ вотъ что.... — промолвилъ-было я, и прикусилъ языкъ.

— А скажите-ка мнѣ, — спросилъ я Гагина: дѣло между нами пошло на откровенность,—неужели, въ самомъ дѣлѣ, ей до сихъ поръ никто не нравился? въ Петербургѣ видала же она молодыхъ людей.

— Они-то ей и не нравились вовсе. Нѣтъ, Асѣ нуженъ герой, необыкновенный человѣкъ—или живописный пастухъ въ горномъ ущельѣ. А впрочемъ, я заболтался

ъ задержалъ васъ,—прибавилъ онъ, вставая.

— Послушайте,—началъ я:—пойдемте къ вамъ, мнѣ домой не хочется.

— А работа ваша?

Я ничего не отвѣчалъ; Гагинъ добродушно усмѣхнулся и мы вернулись въ Л. Увидѣвъ знакомый виноградникъ и бѣлый домикъ наверху горы, я почувствовалъ какую-то сладость—именно, сладость на сердцѣ: точно мнѣ втихомолку меду туда налили. Мнѣ стало легко послѣ Гагинскаго разсказа.

IX.

Ася встрѣтила насъ на самомъ порогѣ дома; я снова ожидалъ смѣха; но она вышла къ намъ вся блѣдная, молчаливая, съ потупленными глазами.

— Вотъ онъ опять,—заговорилъ Гагинъ:—и, замѣть, самъ захотѣлъ вернуться.

Ася вопросительно посмотрѣла на меня. Я, въ свою очередь, протянулъ ей руку и на этотъ разъ крѣпко пожалъ ея холодные пальчики. Мнѣ стало очень жаль ея; теперь я многое понималъ въ ней, что̀ прежде сбивало меня съ толку: ея внутреннее безпокойство, неумѣнье держать себя, желаніе порисоваться,—все мнѣ стало ясно. Я взглянулъ въ эту душу: тайный гнётъ давилъ ее постоянно, тревожно путалось и билось неопытное самолюбіе, но все существо ея стремилось къ правдѣ. Я понялъ, почему эта странная дѣвочка меня привлекала; не одной только полудикой прелестью, разлитой по всему ея тонкому тѣлу, привлекала она меня: ея душа мнѣ нравилась.

Гагинъ началъ копаться въ своихъ рисункахъ; я предложилъ Асѣ погулять со мною по винограднику. Она тотчасъ согласилась, съ веселой и почти покорной готовностью. Мы спустились до половины горы и присѣли на широкую плиту.

— И вамъ не скучно было безъ насъ?—начала Ася.

— А вамъ безъ меня было скучно?—спросилъ я.

Ася взглянула на меня сбоку.

— Да,—отвѣчала она.—Хорошо въ горахъ?—продолжала она тотчасъ:—онѣ высоки? Выше облаковъ? Разскажите мнѣ, что̀ вы видѣли. Вы разсказывали брату, но я ничего не слыхала.

— Вольно жъ вамъ было уходить,—замѣтилъ я.

— Я уходила.... потому что.... Я теперь вотъ не уйду,—прибавила она съ довѣрчивой лаской въ голосѣ:—вы сегодня были сердиты.

— Я?

— Вы.

— Отчего же, помилуйте....

— Не знаю, но вы были сердиты и ушли сердитыми. Мнѣ было очень досадно, что вы такъ ушли, и я такъ рада, что вы вернулись.

— И я радъ, что вернулся,—промолвилъ я.

Ася повела плечами, какъ это часто дѣлаютъ дѣти, когда имъ хорошо.

— О, я умѣю отгадывать!—продолжала она:—бывало, я по одному папашину кашлю изъ другой комнаты узнавала, доволенъ ли онъ мной или нѣтъ.

До того дня Ася ни разу не говорила мнѣ о своемъ отцѣ. Меня это поразило.

— Вы любили вашего батюшку? — проговорилъ я, и вдругъ, къ великой моей досадѣ, почувствовалъ, что краснѣю.

Она ничего не отвѣчала и покраснѣла тоже. Мы оба замолкли. Вдали по Рейну бѣжалъ и дымился пароходъ. Мы принялись глядѣть на него.

— Что же вы не разсказываете?—прошептала Ася.

— Отчего вы сегодня разсмѣялись, какъ только увидѣли меня?—спросилъ я.

— Сама не знаю. Иногда мнѣ хочется плакать, а я смѣюсь. Вы не должны судить меня.... по тому, что я дѣлаю. Ахъ, кстати, что это за сказка о Лорелеѣ! Вѣдь это ея скала виднѣется? Говорятъ, она прежде всѣхъ топила, а какъ полюбила, сама бросилась въ воду. Мнѣ нравится эта сказка. Фрау Луизе мнѣ всякія сказки сказываетъ. У фрау Луизе есть черный котъ съ желтыми глазами....

Ася подняла голову и встряхнула кудрями.

— Ахъ, мнѣ хорошо,—проговорила она.

Въ это мгновенье долетѣли до насъ отрывочные, однообразные звуки. Сотни голосовъ разомъ и съ мѣрными разстановками повторяли молитвенный напѣвъ: толпа богомольцевъ тянулась внизу, по дорогѣ, съ крестами и хоругвями....

— Вотъ бы пойти съ ними,—сказала Ася, прислушиваясь къ постепенно ослабѣвавшимъ взрывамъ голосовъ.

— Развѣ вы такъ набожны?

— Пойти куда-нибудь далеко, на молитву, на трудный подвигъ,—продолжала она.—А то дни уходятъ, жизнь уйдетъ, а что мы сдѣлали?

— Вы честолюбивы,—замѣтилъ я:—вы хотите прожить не даромъ, слѣдъ за собой оставить....

— А развѣ это невозможно?

„Невозможно“, чуть-было не повторилъ я.... Но я взглянулъ въ ея свѣтлые глаза и только промолвилъ:

— Попытайтесь.

— Скажите,—заговорила Ася, послѣ небольшого молчанія, въ теченіе котораго какія-то тѣни пробѣжали у ней по лицу, уже успѣвшему поблѣднѣть:—вамъ очень нравилась та дама.... Вы помните, братъ пилъ ея здоровье въ развалинѣ, на второй день нашего знакомства?

Я [illegible]ялся.

— Вашъ братъ шутилъ; мнѣ ни одна дама не нравилась; по крайней мѣрѣ, теперь ни одна не нравится.

— А что̀ вамъ нравится въ женщинахъ? — спросила Ася, закинувъ голову съ невиннымъ любопытствомъ.

— Какой странный вопросъ!—воскликнулъ я.

Ася слегка смутилась.

— Я не должна была сдѣлать вамъ такой вопросъ, не правда ли? Извините меня, я привыкла болтать все, что мнѣ въ голову входитъ. Оттого-то я и боюсь говорить.

— Говорите, ради Бога, не бойтесь,—подхватилъ я:— я такъ радъ, что вы, наконецъ, перестаете дичиться.

Ася потупилась и засмѣялась тихимъ и легкимъ смѣхомъ; я не зналъ за ней такого смѣха.

— Ну, разсказывайте же,—продолжала она, разглаживая полы своего платья и укладывая ихъ себѣ на ноги, точно она усаживалась надолго:—разсказывайте, или прочтите что-нибудь, какъ, помните, вы намъ читали изъ „Онѣгина....“

Она вдругъ задумалась....

«Гдѣ нынче крестъ и тѣнь вѣтвей
Надъ бѣдной матерью моей!»—

проговорила она вполголоса.

— У Пушкина не такъ,—замѣтилъ я.

— А я хотѣла бы быть Татьяной, — продолжала она все такъ же задумчиво.—Разсказывайте,—подхватила она съ живостью.

Но мнѣ было не до разсказовъ. Я глядѣлъ на нее, всю облитую яснымъ солнечнымъ лучемъ, всю успокоенную и кроткую. Все радостно сіяло вокругъ насъ, внизу, надъ нами — небо, земля и воды; самый воздухъ, казалось, былъ насыщенъ блескомъ.

— Посмотрите, какъ хорошо! — сказалъ я, невольно понизивъ голосъ.

— Да, хорошо!—такъ же тихо отвѣчала она, не смотря на меня.—Если бъ мы съ вами были птицы — какъ бы мы взвились, какъ бы полетѣли.... Такъ бы и утонули въ этой синевѣ.... Но мы не птицы.

— А крылья могутъ у насъ вырости,—возразилъ я.

— Какъ такъ?

— Поживите—узнаете. Есть чувства, которыя поднимаютъ насъ отъ земли. Не безпокойтесь, у васъ будутъ крылья.

— А у васъ были?

— Какъ вамъ сказать.... Кажется, до сихъ поръ я еще не леталъ.

Ася опять задумалась. Я слегка наклонился къ ней.

— Умѣете вы вальсировать?—спросила она вдругъ.

— Умѣю,—отвѣчалъ я, нѣсколько озадаченный.

— Такъ пойдемте, пойдемте.... Я попрошу брата сыграть намъ вальсъ.... Мы вообразимъ, что мы летаемъ, что у насъ выросли крылья.

Она побѣжала къ дому. Я побѣжалъ вслѣдъ за нею—и, нѣсколько мгновеній спустя, мы кружились въ тѣсной комнатѣ, подъ сладкіе звуки Ланнера. Ася вальсировала прекрасно, съ увлеченіемъ. Что-то мягкое, женское проступило вдругъ сквозь ея дѣвически-строгій обликъ. Долго потомъ рука моя чувствовала прикосновеніе ея нѣжнаго стана, долго слышалось мнѣ ея ускоренное, близкое дыханье, долго мерещились мнѣ темные, неподвижные, почти закрытые глаза на блѣдномъ, но оживленномъ лицѣ, рѣзво обвѣянномъ кудрями.

X.

Весь этотъ день прошелъ, какъ нельзя лучше. Мы веселились, какъ дѣти. Ася была очень мила и проста. Гагинъ радовался, глядя на нее. Я ушелъ поздно. Въѣхавши на средину Рейна, я попросилъ перевозчика пустить лодку

внизъ по теченію. Старикъ поднялъ весла—и царственная рѣка понесла насъ. Глядя кругомъ, слушая, вспоминая, я вдругъ почувствовалъ тайное безпокойство на сердцѣ.... поднялъ глаза къ небу—но и въ небѣ не было покоя: испещренное звѣздами, оно все шевелилось, двигалось, содрогалось: я склонился къ рѣкѣ.... но и тамъ, и въ этой темной, холодной глубинѣ, тоже колыхались, дрожали звѣзды; тревожное оживленіе мнѣ чудилось повсюду—и тревога росла во мнѣ самомъ. Я облокотился на край лодки.... Шопотъ вѣтра въ моихъ ушахъ, тихое журчанье воды за кормою меня раздражали, и свѣжее дыханье волны не охлаждало меня; соловей запѣлъ на берегу, и заразилъ меня сладкимъ ядомъ своихъ звуковъ. Слезы закапали у меня на глазахъ, но то не были слезы безпредметнаго восторга. Что я чувствовалъ, было не то смутное, еще недавно испытанное ощущеніе всеобъемлющихъ желаній, когда душа ширится, звучитъ, когда ей кажется, что она все понимаетъ и все любитъ.... Нѣтъ! во мнѣ зажглась жажда счастія. Я еще не смѣлъ назвать его по имени, — но счастья, счастья до пресыщенія— вотъ чего хотѣлъ я, вотъ о чемъ томился.... А лодка все неслась, и старикъ-перевозчикъ сидѣлъ и дремалъ, наклонясь надъ веслами.

XI.

Отправляясь на слѣдующій день къ Гагинымъ, я не спрашивалъ себя, влюбленъ ли я въ Асю, но я много размышлялъ о ней, ея судьба меня занимала, я радовался неожиданному нашему сближенію. Я чувствовалъ, что только съ вчерашняго дня я узналъ ее; до тѣхъ поръ она отворачивалась отъ меня. И вотъ, когда она раскрылась, наконецъ, передо мною, какимъ плѣнительнымъ свѣ-

томъ озарился ея образъ, какъ онъ былъ новъ для меня, какія тайныя объятія стыдливо въ немъ сквозили....

Бодро шелъ я по знакомой дорогѣ, безпрестанно посматривая на издали бѣлѣвшій домикъ; я не только о будущемъ — я о завтрашнемъ днѣ не думалъ; мнѣ было очень хорошо.

Ася покраснѣла, когда я вошелъ въ комнату; я замѣтилъ, что она опять принарядилась, но выраженіе ея лица не шло къ ея наряду: оно было печально. А я пришелъ такимъ веселымъ! Мнѣ показалось даже, что она, по обыкновенію своему, собралась-было бѣжать, но сдѣлала усиліе надъ собою—и осталась. Гагинъ находился въ томъ особенномъ состояніи художническаго жара и ярости, которое, въ видѣ припадка, внезапно овладѣваетъ дилетантами, когда они вообразятъ, что имъ удалось, какъ они выражаются, „поймать природу за хвостъ“. Онъ стоялъ, весь взъерошенный и выпачканный красками, передъ натянутымъ холстомъ и, широко размахивая по немъ кистью, почти свирѣпо кивнулъ мнѣ головой, отодвинулся, прищурилъ глаза и снова накинулся на свою картину. Я не сталъ мѣшать ему и подсѣлъ къ Асѣ. Медленно обратились ко мнѣ ея темные глаза.

— Вы сегодня не такая, какъ вчера, — замѣтилъ я, послѣ тщетныхъ усилій вызвать улыбку на ея губы.

— Нѣтъ, не такая,—возразила она неторопливымъ и глухимъ голосомъ.—Но это ничего. Я не хорошо спала, всю ночь думала.

— О чемъ?

— Ахъ, я о многомъ думала. Это у меня привычка съ дѣтства: еще съ того времени, когда я жила съ матушкой....

Она съ усиліемъ выговорила это слово, и потомъ еще разъ повторила:

— Когда я жила съ матушкой.... я думала, отчего это

никто не можетъ знать, что̀ съ нимъ будетъ; а иногда и видишь бѣду — да спастись нельзя; и отчего никогда нельзя сказать всей правды?... Потомъ я думала, что я ничего не знаю, что мнѣ надобно учиться. Меня перевоспитать надо, я очень дурно воспитана. Я не умѣю играть на фортепіано, не умѣю рисовать, я даже шью плохо. У меня нѣтъ никакихъ способностей, со мной, должно-быть, очень скучно.

— Вы несправедливы къ себѣ, — возразилъ я. — Вы много читали, вы образованы, и съ вашимъ умомъ....

— А я умна?—спросила она съ такой наивной любознательностью, что я невольно засмѣялся; но она даже не улыбнулась.—Братъ, я умна?—спросила она Гагина.

Онъ ничего не отвѣчалъ ей и продолжалъ трудиться, безпрестанно мѣняя кисти и высоко поднимая руку.

— Я сама не знаю иногда, что̀ у меня въ головѣ,— продолжала Ася съ тѣмъ же задумчивымъ видомъ. — Я иногда самой себя боюсь, ей-Богу. Ахъ, я хотѣла бы.... Правда ли, что женщинамъ не слѣдуетъ читать много?

— Много не нужно, но....

— Скажите мнѣ, что̀ я должна читать? Скажите, что̀ я должна дѣлать? Я все буду дѣлать, что̀ вы мнѣ скажете,—прибавила она, съ невинной довѣрчивостью обратясь ко мнѣ.

Я не тотчасъ нашелся, что̀ сказать ей.

— Вѣдь вамъ не будетъ скучно со мной?

— Помилуйте,—началъ я....

— Ну, спасибо! — возразила Ася:—а я думала, что вамъ скучно будетъ.

И ея маленькая горячая ручка крѣпко стиснула мою.

— Н.! — вскрикнулъ въ это мгновенье Гагинъ: — не темень этотъ фонъ?

Я подошелъ къ нему. Ася встала и удалилась.

XII.

Она вернулась черезъ часъ, остановилась въ дверяхъ и подозвала меня рукою.

— Послушайте, — сказала она: — если бъ я умерла, вамъ было бы жаль меня?

— Что̀ у васъ за мысли сегодня!—воскликнулъ я.

— Я воображаю, что я скоро умру; мнѣ иногда кажется, что все вокругъ меня со мною прощается. Умереть лучше, чѣмъ жить такъ.... Ахъ! не глядите такъ на меня; я, право, не притворяюсь. А то я васъ опять бояться буду.

— Развѣ вы меня боялись?

— Если я такая странная, я, право, не виновата,—возразила она.—Видите, я ужъ и смѣяться не могу....

Она осталась печальной и озабоченной до самаго вечера. Что-то происходило въ ней, чего я не понималъ. Ея взоръ часто останавливался на мнѣ; сердце мое тихо сжималось подъ этимъ загадочнымъ взоромъ. Она казалась спокойною,—а мнѣ, глядя на нее, все хотѣлось сказать ей, чтобы она не волновалась.—Я любовался ею, находилъ трогательную прелесть въ ея поблѣднѣвшихъ чертахъ, въ ея нерѣшительныхъ, замедленныхъ движеніяхъ—а ей почему-то воображалось, что я не въ духѣ.

— Послушайте,—сказала она мнѣ незадолго до прощанья:—меня мучитъ мысль, что вы меня считаете легкомысленной.... Вы впередъ всегда вѣрьте тому, что̀ я вамъ говорить буду, только и вы будьте со мной откровенны: а я вамъ всегда буду говорить правду, даю вамъ честное слово....

Это „честное слово“ опять заставило меня засмѣяться.

— Ахъ, не смѣйтесь,—проговорила она съ живостью:—а то̀ я вамъ скажу сегодня то, что̀ вы мнѣ сказали вчера:—„зачѣмъ вы смѣетесь?“—и помолчавъ немного, она

прибавила:—Помните, вы вчера говорили о крыльяхъ?... Крылья у меня выросли—да летѣть некуда.

— Помилуйте,—промолвилъ я:—передъ вами всѣ пути открыты....

Ася посмотрѣла мнѣ прямо и пристально въ глаза.

— Вы сегодня дурного мнѣнія обо мнѣ,—сказала она, нахмуривъ брови.

— Я? дурного мнѣнія? о васъ!...

— Что̀ это вы точно въ воду опущенные,—перебилъ меня Гагинъ:—хотите, я, по-вчерашнему, сыграю вамъ вальсъ?

— Нѣтъ, нѣтъ,— возразила Ася и стиснула руки:— сегодня ни за что!

— Я тебя не принуждаю, успокойся....

— Ни за что,—повторила она, блѣднѣя.

. . . . . .

„Неужели она меня любитъ?“ думалъ я, подходя къ Рейну, быстро катившему темныя волны.

XIII.

„Неужели она меня любитъ?“ спрашивалъ я себя на другой день, только-что проснувшись.—Я не хотѣлъ заглядывать въ самого себя. Я чувствовалъ, что ея образъ, образъ „дѣвушки съ натянутымъ смѣхомъ“, втѣснился мнѣ въ душу и что мнѣ отъ него нескоро отдѣлаться.—Я пошелъ въ Л. и остался тамъ цѣлый день, но Асю видѣлъ только мелькомъ. Ей нездоровилось: у ней голова болѣла. Она сошла внизъ, на минутку, съ повязаннымъ лбомъ, блѣдная, худенькая, съ почти-закрытыми глазами; слабо улыбнулась, сказала: — это пройдетъ, это ничего, все пройдетъ, не правда ли?—и ушла. Мнѣ стало скучно и какъ-то грустно-пусто; я, однако, долго не хотѣлъ уходить и вернулся поздно, не увидавъ ея болѣе.

Слѣдующее утро прошло въ какомъ-то полу-снѣ сознанія. Я хотѣлъ приняться за работу—не могъ; хотѣлъ ничего не дѣлать и не думать.... и это не удалось. Я бродилъ по городу; возвращался домой, выходилъ снова.

— Вы ли г-нъ Н.?—раздался вдругъ за мною дѣтскій голосъ. Я оглянулся; передо мной стоялъ мальчикъ.—Это вамъ отъ фрейлейнъ Annette,—прибавилъ онъ, подавая мнѣ записку.

Я развернулъ ее—и узналъ неправильный и быстрый почеркъ Аси.—„Я непремѣнно должна васъ видѣть,—писала мнѣ она,—приходите сегодня, въ четыре часа, къ каменной часовнѣ, на дорогѣ, возлѣ развалины. Я сдѣлала сегодня большую неосторожность.... Придите, ради Бога, вы все узнаете.... Скажите посланному: да".

— Будетъ отвѣтъ?—спросилъ меня мальчикъ.

— Скажи, что: да,—отвѣчалъ я. Мальчикъ убѣжалъ.

XIV.

Я пришелъ къ себѣ въ комнату, сѣлъ и задумался. Сердце во мнѣ сильно билось. Нѣсколько разъ перечелъ я записку Аси. Я посмотрѣлъ на часы: и двѣнадцати еще не было.

Дверь отворилась—вошелъ Гагинъ.

Лицо его было пасмурно. Онъ схватилъ меня за руку и крѣпко пожалъ ее. Онъ казался очень взволнованнымъ.

— Что съ вами?—спросилъ я.

Гагинъ взялъ стулъ и сѣлъ противъ меня.—Четвертаго дня, — началъ онъ съ принужденной улыбкой и запинаясь: — я удивилъ васъ своимъ разсказомъ; сегодня удивлю еще болѣе.—Съ другимъ я, вѣроятно, не рѣшился бы.... такъ прямо.... Но вы благородный человѣкъ, вы мнѣ другъ, не такъ ли? — Послушайте: моя сестра, Ася, въ васъ влюблена.

Я весь вздрогнулъ и приподнялся....

— Ваша сестра, говорите вы....

— Да, да,—перебилъ меня Гагинъ.—Я вамъ говорю, она сумасшедшая и меня съ ума сведетъ. Но, къ счастью, она не умѣетъ лгать—и довѣряетъ мнѣ. — Ахъ, что̀ за душа у этой дѣвочки.... но она себя погубитъ, непремѣнно.

— Да вы ошибаетесь,—началъ я.

— Нѣтъ, не ошибаюсь. Вчера, вы знаете, она почти цѣлый день пролежала, ничего не ѣла, впрочемъ, не жаловалась.... Она никогда не жалуется.—Я не безпокоился, хотя къ вечеру у ней сдѣлался небольшой жаръ. Сегодня, въ два часа ночи, меня разбудила наша хозяйка: ступайте, говоритъ, къ вашей сестрѣ: съ ней что-то худо.—Я побѣжалъ къ Асѣ и нашелъ ее нераздѣтою, въ лихорадкѣ, въ слезахъ; голова у ней горѣла, зубы стучали. „Что съ тобой? спросилъ я:—ты больна?“—Она бросилась мнѣ на шею и начала умолять меня увезти ее какъ можно скорѣе, если я хочу, чтобы она осталась въ живыхъ.... Я ничего не понимаю, стараюсь успокоить.... Рыданія ея усиливаются.... и вдругъ, сквозь эти рыданія услышалъ я.... Ну, словомъ, я услышалъ, что она васъ любитъ. — Увѣряю васъ, мы съ вами, благоразумные люди, и представить себѣ не можемъ, какъ она глубоко чувствуетъ и съ какой невѣроятной силой высказываются въ ней эти чувства; это находитъ на нее такъ же неожиданно и такъ же неотразимо, какъ гроза.—Вы очень милый человѣкъ,—продолжалъ Гагинъ;—но почему она васъ такъ полюбила—этого я, признаюсь, не понимаю. Она говоритъ, что привязалась къ вамъ съ перваго взгляда. Оттого она и плакала на дняхъ, когда увѣряла меня, что кромѣ меня никого любить не хочетъ.—Она воображаетъ, что вы ее презираете, что вы, вѣроятно, знаете, кто она; она спрашивала меня, не разсказалъ ли я вамъ ея исторію—я, разумѣется, ска-

залъ, что нѣтъ; но чуткость ея—просто страшна. Она желаетъ одного: уѣхать, уѣхать тотчасъ.—Я просидѣлъ съ ней до утра; она взяла съ меня слово, что насъ завтра же здѣсь не будетъ—и тогда только она заснула.—Я подумалъ, подумалъ, и рѣшился—поговорить съ вами. По-моему, Ася права: самое лучшее—уѣхать намъ обоимъ отсюда. И я сегодня же бы увезъ ее, если бъ не пришла мнѣ въ голову мысль, которая меня остановила. Можетъ-быть.... какъ знать?—вамъ сестра моя нравится? Если такъ, съ какой стати я увезу ее?—Я вотъ и рѣшился, отбросивъ въ сторону всякій стыдъ.... Притомъ же, я самъ кое-что замѣтилъ.... Я рѣшился.... узнать отъ васъ....— Бѣдный Гагинъ смутился.—Извините меня, пожалуйста,— прибавилъ онъ:—я не привыкъ къ такимъ передрягамъ.

Я взялъ его за руку.

— Вы хотите знать, — произнесъ я твердымъ голосомъ: — нравится ли мнѣ ваша сестра? — Да, она мнѣ нравится....

Гагинъ взглянулъ на меня. — Но,—проговорилъ онъ, запинаясь:—вѣдь вы не женитесь на ней?

— Какъ вы хотите, чтобы я отвѣчалъ на такой вопросъ? Посудите сами, могу ли я теперь....

— Знаю, знаю,—перебилъ меня Гагинъ.—Я не имѣю никакого права требовать отъ васъ отвѣта, и вопросъ мой— верхъ неприличія.... Но что̀ прикажете дѣлать? Съ огнемъ шутить нельзя. Вы не знаете Асю; она въ состояніи занемочь, убѣжать, свиданье вамъ назначить.... Другая умѣла бы все скрыть и выждать — но не она. Съ нею это въ первый разъ, — вотъ что̀ бѣда! Если бъ вы видѣли, какъ она сегодня рыдала у ногъ моихъ, вы бы поняли мои опасенія.

Я задумался. Слова Гагина: „свиданье вамъ назначить“, кольнули меня въ сердце. Мнѣ показалось постыднымъ не отвѣчать откровенностью на его честную откровенность.

— Да,—сказалъ я наконецъ:—вы правы. Часъ тому назадъ, я получилъ отъ вашей сестры записку. Вотъ она.

Гагинъ взялъ записку, быстро пробѣжалъ ее и уронилъ руки на колѣни. Выраженіе изумленія на его лицѣ было очень забавно, но мнѣ было не до смѣху.

— Вы, повторяю, благородный человѣкъ,—проговорилъ онъ:—но что же теперь дѣлать? Какъ? она сама хочетъ уѣхать, и пишетъ къ вамъ, и упрекаетъ себя въ неосторожности.... и когда это она успѣла написать? Чего жъ она хочетъ отъ васъ?

Я успокоилъ его, и мы принялись толковать хладнокровно, по мѣрѣ возможности, о томъ, что намъ слѣдовало предпринять.

Вотъ на чемъ мы остановились, наконецъ: во избѣжаніе бѣды, я долженъ былъ идти на свиданье и честно объясниться съ Асей; Гагинъ обязался сидѣть дома и не подать вида, что ему извѣстна ея записка; а вечеромъ мы положили сойтись опять.

— Я твердо надѣюсь на васъ,—сказалъ Гагинъ и стиснулъ мнѣ руку:—пощадите и ее, и меня. А уѣзжаемъ мы, все-таки, завтра,—прибавилъ онъ, вставая:—потому что вѣдь вы на Асѣ не женитесь.

— Дайте мнѣ сроку до вечера,—возразилъ я.

— Пожалуй, но вы не женитесь.

Онъ ушелъ, а я бросился на диванъ и закрылъ глаза. Голова у меня ходила кругомъ: слишкомъ много впечатлѣній въ нее нахлынуло разомъ. Я досадовалъ на откровенность Гагина, я досадовалъ на Асю, ея любовь меня и радовала, и смущала. Я не могъ понять, что заставило ее все высказать брату; неизбѣжность скораго, почти мгновеннаго, рѣшенія терзала меня....

„Жениться на семнадцатилѣтней дѣвочкѣ, съ ея нравомъ, какъ это можно!“—сказалъ я, вставая.

XV.

Въ условленный часъ переправился я черезъ Рейнъ, и первое лицо, встрѣтившее меня на противоположномъ берегу, былъ самый тотъ мальчикъ, который приходилъ ко мнѣ поутру. Онъ, повидимому, ждалъ меня.

— Отъ фрейлейнъ Annette,—сказалъ онъ шопотомъ и подалъ мнѣ другую записку.

Ася извѣщала меня о перемѣнѣ мѣста нашего свиданія. Я долженъ былъ прійти черезъ полтора часа не къ часовнѣ, а въ домъ къ фрау Луизе, постучаться внизу и войти въ третій этажъ.

— Опять: да?—спросилъ меня мальчикъ.

— Да, — повторилъ я, и пошелъ по берегу Рейна. Вернуться домой было некогда, я не хотѣлъ бродить по улицамъ. За городской стѣною находился маленькій садъ съ навѣсомъ для кеглей и столами для любителей пива. Я вошелъ туда. Нѣсколько уже пожилыхъ нѣмцевъ играли въ кегли; со стукомъ катились деревянные шары, изрѣдка раздавались одобрительныя восклицанія. Хорошенькая служанка съ заплаканными глазами принесла мнѣ кружку пива; я взглянулъ въ ея лицо. Она быстро отворотилась и отошла прочь.

— Да, да,—промолвилъ тутъ же сидѣвшій толстый и краснощекій гражданинъ:—Ганхенъ наша сегодня очень огорчена:—женихъ ея пошелъ въ солдаты. — Я посмотрѣлъ на нее: она прижалась въ уголокъ и подперла рукою щеку: слезы капали одна за другой по ея пальцамъ. Кто-то спросилъ пива; она принесла ему кружку и опять вернулась на свое мѣсто. Ея горе подѣйствовало на меня; я началъ думать объ ожидавшемъ меня свиданіи, но мои думы были заботливыя, невеселыя думы. Не съ легкимъ сердцемъ шелъ я на это свиданіе, не предаваться радостямъ взаимной любви предстояло мнѣ; мнѣ предстояло

сдержать данное слово, исполнить трудную обязанность. „Съ ней шутить нельзя“—эти слова Гагина, какъ стрѣлы, впились въ мою душу. А еще четвертаго дня въ этой лодкѣ, уносимой волнами, не томился ли я жаждой счастья? Оно стало возможнымъ—и я колебался, я отталкивалъ, я долженъ былъ оттолкнуть его прочь.... Его внезапность меня смущала. Сама Ася, съ ея огненной головой, съ ея прошедшимъ, съ ея воспитаніемъ, это привлекательное, но странное существо—признаюсь, она меня пугала. Долго боролись во мнѣ чувства. Назначенный срокъ приближался. „Я не могу на ней жениться“, рѣшилъ я наконецъ: — „она не узнаетъ, что и я полюбилъ ее“.

Я всталъ,—и, положивъ талеръ въ руку бѣдной Ганхенъ (она даже не поблагодарила меня), направился къ дому фрау Луизе. Вечернія тѣни уже разливались въ воздухѣ, и узкая полоса неба, надъ темной улицей, алѣла отблескомъ зари. Я слабо стукнулъ въ дверь; она тотчасъ отворилась. Я переступилъ порогъ и очутился въ совершенной темнотѣ.

— Сюда! — послышался старушечій голосъ. — Васъ ждутъ.

Я шагнулъ раза два ощупью, чья-то костлявая рука взяла мою руку.

— Вы это, фрау Луизе?—спросилъ я.

— Я,—отвѣчалъ мнѣ тотъ же голосъ: — я, мой прекрасный молодой человѣкъ.—Старуха повела меня опять вверхъ, по крутой лѣстницѣ, и остановилась на площадкѣ третьяго этажа. При слабомъ свѣтѣ, падавшемъ изъ крошечнаго окошка, я увидалъ морщинистое лицо вдовы бургомистра. Приторно-лукавая улыбка растягивала ея ввалившіяся губы, ёжила тусклые глазки. Она указала мнѣ на маленькую дверь. Судорожнымъ движеніемъ руки отворилъ я ее и захлопнулъ за собою.

XVI.

Въ небольшой комнаткѣ, куда я вошелъ, было довольно темно, и я не тотчасъ увидѣлъ Асю. Закутанная въ длинную шаль, она сидѣла на стулѣ, возлѣ окна, отвернувъ и почти спрятавъ голову, какъ испуганная птичка. Она дышала быстро и вся дрожала. Мнѣ стало несказанно жалко ее. Я подошелъ къ ней. Она еще больше отвернула голову....

— Анна Николаевна,—сказалъ я.

Она вдругъ вся выпрямилась, хотѣла взглянуть на меня—и не могла. Я схватилъ ея руку, она была холодна и лежала какъ мертвая на моей ладони.

— Я желала....—начала Ася, стараясь улыбнуться, но ея блѣдныя губы не слушались ея:—я хотѣла.... Нѣтъ, не могу, — проговорила она и умолкла. Дѣйствительно, голосъ ея прерывался на каждомъ словѣ.

Я сѣлъ подлѣ нея.

— Анна Николаевна, — повторилъ я, и тоже не могъ ничего прибавить.

Настало молчаніе. Я продолжалъ держать ея руку и глядѣлъ на нее. Она, попрежнему, вся сжималась, дышала съ трудомъ и тихонько покусывала нижнюю губу, чтобы не заплакать, чтобы удержать накипавшія слезы.... Я глядѣлъ на нее: было что-то трогательно-безпомощное въ ея робкой неподвижности: точно она отъ усталости едва добралась до стула и такъ и упала на него. Сердце во мнѣ растаяло....

— Ася,—сказалъ я, едва слышно....

Она медленно подняла на меня свои глаза.... О, взглядъ женщины, которая полюбила,—кто тебя опишетъ? Они молили, эти глаза, они довѣрялись, вопрошали, отдавались.... Я не могъ противиться ихъ обаянію. Тонкій огонь

пробѣжалъ по мнѣ жгучими иглами; я нагнулся и приникъ къ ея рукѣ....

Послышался трепетный звукъ, похожій на прерывистый вздохъ, и я почувствовалъ на моихъ волосахъ прикосновеніе слабой, какъ листъ дрожащей руки. Я поднялъ голову и увидалъ ея лицо. Какъ оно вдругъ преобразилось! Выраженіе страха исчезло съ него, взоръ ушелъ куда-то далеко и увлекалъ меня за собою, губы слегка раскрылись, лобъ поблѣднѣлъ какъ мраморъ и кудри отодвинулись назадъ, какъ будто вѣтеръ ихъ откинулъ. Я забылъ все, я потянулъ ее къ себѣ — покорно повиновалась ея рука, все ея тѣло повлеклось вслѣдъ за рукою, шаль покатилась съ плечъ и голова ея тихо легла на мою грудь, легла подъ мои загорѣвшіяся губы....

— Ваша....—прошептала она, едва слышно.

Уже руки мои скользили вокругъ ея стана.... Но вдругъ воспоминаніе о Гагинѣ, какъ молнія, меня озарило. — Что̀ мы дѣлаемъ?—воскликнулъ я и судорожно отодвинулся назадъ....—Вашъ братъ.... вѣдь онъ все знаетъ.... Онъ знаетъ, что я вижусь съ вами.

Ася опустилась на стулъ.

— Да, — продолжалъ я, вставая и отходя на другой уголъ комнаты.—Вашъ братъ все знаетъ.... Я долженъ былъ ему все сказать....

— Должны? — проговорила она невнятно. Она, видимо, не могла еще прійти въ себя и плохо меня понимала.

— Да, да, — повторилъ я съ какимъ-то ожесточеніемъ:—и въ этомъ вы однѣ виноваты, вы однѣ. — Зачѣмъ вы сами выдали вашу тайну? Кто заставлялъ васъ все высказать вашему брату? Онъ сегодня былъ самъ у меня и передалъ мнѣ вашъ разговоръ съ нимъ.—Я старался не глядѣть на Асю и ходилъ большими шагами по комнатѣ.—Теперь все пропало, все, все.

Ася поднялась-было со стула.

— Останьтесь,—воскликнулъ я: — останьтесь, прошу васъ. Вы имѣете дѣло съ честнымъ человѣкомъ—да, съ честнымъ человѣкомъ.—Но, ради Бога, что̀ взволновало васъ? Развѣ вы замѣтили во мнѣ какую перемѣну? А я не могъ скрываться передъ вашимъ братомъ, когда онъ пришелъ сегодня ко мнѣ.

„Что̀ я такое говорю?“ думалъ я про себя, и мысль, что я безнравственный обманщикъ, что Гагинъ знаетъ о нашемъ свиданіи, что все искажено, обнаружено, — такъ и звенѣла у меня въ головѣ.

— Я не звала брата, — послышался испуганный шопотъ Аси:—онъ пришелъ самъ.

— Посмотрите же, что̀ вы надѣлали, — продолжалъ я.—Теперь вы хотите уѣхать....

— Да, я должна уѣхать,—такъ же тихо проговорила она:—я и попросила васъ сюда для того только, чтобы проститься съ вами.

— И вы думаете,—возразилъ я:—мнѣ будетъ легко съ вами разстаться?

— Но зачѣмъ же вы сказали брату?—съ недоумѣніемъ повторила Ася.

— Я вамъ говорю—я не могъ поступить иначе. Если бъ вы сами не выдали себя....

— Я заперлась въ моей комнатѣ,—возразила она простодушно:—я не знала, что у моей хозяйки былъ другой ключъ....

Это невинное извиненіе, въ ея устахъ, въ такую минуту—меня тогда чуть не разсердило.... а теперь я безъ умиленія не могу его вспомнить. Бѣдное, честное, искреннее дитя!

— И вотъ, теперь все кончено!—началъ я снова.—Все. Теперь намъ должно разстаться.—Я украдкой взглянулъ на Асю.... лицо ея быстро краснѣло. Ей, я это чувство-

валъ, и стыдно становилось, и страшно. Я самъ ходилъ и говорилъ, какъ въ лихорадкѣ.—Вы не дали развиться чувству, которое начинало созрѣвать, вы сами разорвали нашу связь, вы не имѣли ко мнѣ довѣрія, вы усомнились во мнѣ....

Пока я говорилъ, Ася все больше и больше наклонялась впередъ—и вдругъ упала на колѣни, уронила голову на руки и зарыдала. Я подбѣжалъ къ ней, пытался поднять ее, но она мнѣ не давалась. Я не выношу женскихъ слезъ: при видѣ ихъ я теряюсь тотчасъ.

— Анна Николаевна, Ася,—твердилъ я: — пожалуйста, умоляю васъ, ради Бога, перестаньте....—Я снова взялъ ее за руку....

Но, къ величайшему моему изумленію, она вдругъ вскочила,—съ быстротою молніи бросилась къ двери и исчезла....

Когда, нѣсколько минутъ спустя, фрау Луизе вошла въ комнату—я все еще стоялъ по самой серединѣ ея, ужъ точно какъ громомъ пораженный. Я не понималъ, какъ могло это свиданіе такъ быстро, такъ глупо кончиться—кончиться, когда я и сотой доли не сказалъ того, что̀ хотѣлъ, что долженъ былъ сказать, когда я еще самъ не зналъ, чѣмъ оно могло разрѣшиться....

— Фрейлейнъ ушла?—спросила меня фрау Луизе, приподнявъ свои желтыя брови до самой накладки.

Я посмотрѣлъ на нее какъ дуракъ — и вышелъ вонъ.

XVII.

Я выбрался изъ города и пустился прямо въ поле. Досада, досада бѣшеная, меня грызла. Я осыпа̀лъ себя укоризнами. Какъ я могъ не понять причину, заставившую Асю перемѣнить мѣсто нашего свиданія, какъ не оцѣнить, чего ей стоило прійти къ этой старухѣ, какъ

я не удержалъ ея! Наединѣ съ ней, въ той глухой, едва освѣщенной комнатѣ, у меня достало силы, достало духа — оттолкнуть ее отъ себя, даже упрекать ее.... А теперь ея образъ меня преслѣдовалъ, я просилъ у ней прощенія; воспоминанія объ этомъ блѣдномъ лицѣ, объ этихъ влажныхъ и робкихъ глазахъ, о развитыхъ волосахъ на наклоненной шеѣ, о легкомъ прикосновеніи ея головы къ моей груди—жгли меня. „Ваша“.... слышался мнѣ ея шопотъ. „Я поступилъ по совѣсти“—увѣрялъ я себя.... Неправда! Развѣ я, точно, хотѣлъ такой развязки? Развѣ я въ состояніи съ ней разстаться? Развѣ я могу лишиться ея? „Безумецъ! безумецъ!“ повторялъ я съ озлобленіемъ....

Между тѣмъ, ночь наступала. Большими шагами направился я къ дому, гдѣ жила Ася.

XVIII.

Гагинъ вышелъ ко мнѣ навстрѣчу.

— Видѣли вы сестру?—закричалъ онъ мнѣ еще издали.

— Развѣ ея нѣтъ дома?—спросилъ я.

— Нѣтъ.

— Она не возвращалась?

— Нѣтъ. Я, виноватъ,—продолжалъ Гагинъ:—не могъ утерпѣть: противъ нашего уговора, ходилъ къ часовнѣ; тамъ ея не было; стало-быть, она не приходила?

— Она не была у часовни.

— И вы ее не видѣли?

Я долженъ былъ сознаться, что я ее видѣлъ.

— Гдѣ?

— У фрау Луизе. — Я разстался съ ней часъ тому назадъ,—прибавилъ я:—я былъ увѣренъ, что она домой вернулась.

— Подождемъ,—сказалъ Гагинъ.

Мы пошли въ домъ и сѣли другъ подлѣ друга. Мы молчали. Намъ очень неловко было обоимъ. Мы безпрестанно оглядывались, посматривали на дверь, прислушивались. Наконецъ, Гагинъ всталъ.

— Это ни на что не похоже!—воскликнулъ онъ:—у меня сердце не на мѣстѣ. Она меня уморитъ, ей-Богу.... пойдемте искать ее.

Мы вышли. На дворѣ уже совсѣмъ стемнѣло.

— О чемъ же вы съ ней говорили? — спросилъ меня Гагинъ, надвигая шляпу на глаза.

— Я видѣлся съ ней всего минутъ пять, — отвѣчалъ я:—я говорилъ съ ней, какъ было условлено.

— Знаете ли что?—возразилъ онъ: — лучше намъ разойтись; этакъ мы скорѣе на нее наткнуться можемъ.— Во-всякомъ случаѣ, приходите сюда черезъ часъ.

XIX.

Я проворно спустился съ виноградника и бросился въ городъ. Быстро обошелъ я всѣ улицы, заглянулъ всюду, даже въ окна фрау Луизе, вернулся къ Рейну и побѣжалъ по берегу.... Изрѣдка попадались мнѣ женскія фигуры, но Аси нигдѣ не было видно. Уже не досада меня грызла,—тайный страхъ терзалъ меня, и не одинъ страхъ я чувствовалъ.... нѣтъ, я чувствовалъ раскаяніе, сожалѣніе самое жгучее, любовь—да! самую нѣжную любовь. Я ломалъ руки, я звалъ Асю посреди надвигавшейся ночной тьмы, сперва вполголоса, потомъ все громче и громче; я повторялъ сто разъ, что я ее люблю, я клялся никогда съ ней не разставаться; я бы далъ все на свѣтѣ, чтобы опять держать ея холодную руку, опять слышать ея тихій голосъ, опять видѣть ее передъ собою.... Она была такъ близка, она пришла ко мнѣ съ полной рѣшимостью, въ полной невинности сердца и чувствъ,

она принесла мнѣ свою нетронутую молодость.... и я не прижалъ ее къ своей груди, я лишилъ себя блаженства увидать, какъ ея милое лицо расцвѣло бы радостью и тишиною восторга.... Эта мысль меня съ ума сводила.

„Куда могла она пойти, что̀ она съ собою сдѣлала?“ восклицалъ я въ тоскѣ безсильнаго отчаянія.... Что-то бѣлое мелькнуло вдругъ на самомъ берегу рѣки.—Я зналъ это мѣсто; тамъ, надъ могилой человѣка, утонувшаго лѣтъ семьдесятъ тому назадъ, стоялъ до половины вросшій въ землю каменный крестъ съ старинной надписью.—Сердце во мнѣ замерло.... Я подбѣжалъ къ кресту: бѣлая фигура исчезла. Я крикнулъ: „Ася!“ Дикій голосъ испугалъ меня самого—но никто не отозвался....

Я рѣшился пойти узнать, не нашелъ ли ее Гагинъ.

XX.

Быстро взбираясь по тропинкѣ виноградника, я увидѣлъ свѣтъ въ комнатѣ Аси.... Это меня нѣсколько успокоило.

Я подошелъ къ дому; дверь внизу была заперта; я постучался. Неосвѣщенное окошко въ нижнемъ этажѣ осторожно отворилось и показалась голова Гагина.

— Нашли?—спросилъ я его.

— Она вернулась, — отвѣчалъ онъ мнѣ шопотомъ:— она въ своей комнатѣ и раздѣвается. Все въ порядкѣ.

— Слава Богу!—воскликнулъ я съ несказаннымъ порывомъ радости:—славу Богу! теперь все прекрасно. Но вы знаете, мы должны еще переговорить.

— Въ другое время, — возразилъ онъ, тихо потянувъ къ себѣ раму:—въ другое время, а теперь прощайте.

— До завтра,—промолвилъ я:—завтра все будетъ рѣшено.

Прощайте, — повторилъ Гагинъ. Окно затворилось.

Я чуть-было не постучалъ въ окно. Я хотѣлъ тогда же сказать Гагину, что я прошу руки его сестры. Но такое сватанье въ такую пору.... „До завтра,—подумалъ я:—завтра я буду счастливъ....“

Завтра я буду счастливъ! У счастья нѣтъ завтрашняго дня; у него нѣтъ и вчерашняго; оно не помнитъ прошедшаго, не думаетъ о будущемъ; у него есть настоящее,—и то не день—а мгновенье.

Я не помню, какъ дошелъ я до З. Не ноги меня несли, не лодка меня везла: меня поднимали какія-то широкія, сильныя крылья. Я прошелъ мимо куста, гдѣ пѣлъ соловей, я остановился и долго слушалъ: мнѣ казалось, онъ пѣлъ мою любовь и мое счастье.

XXI.

Когда, на другой день утромъ, я сталъ подходить къ знакомому домику, меня поразило одно обстоятельство: всѣ окна въ немъ были растворены, и дверь тоже была раскрыта; какія-то бумажки валялись передъ порогомъ; служанка съ метлой показалась за дверью.

Я приблизился къ ней....

— Уѣхали! — брякнула она, прежде чѣмъ я успѣлъ спросить ее: дома ли Гагинъ?

— Уѣхали?...—повторилъ я....—Какъ уѣхали? Куда?

— Уѣхали сегодня утромъ, въ шесть часовъ, и не сказали куда. Постойте, вѣдь вы, кажется, г-нъ Н.?

— Я г-нъ Н.

— Къ вамъ есть письмо у хозяйки. — Служанка пошла наверхъ и вернулась съ письмомъ. — Вотъ-съ, извольте.

— Да не можетъ быть.... Какъ же это такъ?...—началъ-было я. Служанка тупо посмотрѣла на меня и принялась мести.

Я развернулъ письмо. Ко мнѣ писалъ Гагинъ; отъ Аси не было ни строчки. Онъ началъ съ того, что просилъ не сердиться на него за внезапный отъѣздъ; онъ былъ увѣренъ, что, по зрѣломъ соображеніи, я одобрю его рѣшеніе. Онъ не находилъ другого выхода изъ положенія, которое могло сдѣлаться затруднительнымъ и опаснымъ. — „Вчера вечеромъ,—писалъ онъ,—пока мы оба молча ожидали Асю, я убѣдился окончательно въ необходимости разлуки. Есть предразсудки, которые я уважаю: я понимаю, что вамъ нельзя жениться на Асѣ. Она мнѣ все сказала; для ея спокойствія я долженъ былъ уступить ея повтореннымъ, усиленнымъ просьбамъ“.—Въ концѣ письма онъ изъявлялъ сожалѣніе о томъ, что наше знакомство такъ скоро прекратилось, желалъ мнѣ счастья, дружески жалъ мнѣ руку и умолялъ меня не стараться ихъ отыскивать.

„Какіе предразсудки? — вскричалъ я, какъ будто онъ могъ меня слышать:—что за вздоръ! Кто далъ право похитить ее у меня....“ Я схватилъ себя за голову....

Служанка начала громко кликать хозяйку: ея испугъ заставилъ меня прійти въ себя. Одна мысль во мнѣ загорѣлась: сыскать ихъ, сыскать, во что бы то ни стало. Принять этотъ ударъ, примириться съ такою развязкой, было невозможно. Я узналъ отъ хозяйки, что они въ шесть часовъ утра сѣли на пароходъ и поплыли внизъ по Рейну. Я отправился въ контору: тамъ мнѣ сказали, что они взяли билеты до Кёльна. Я пошелъ домой съ тѣмъ, чтобы тотчасъ уложиться и поплыть вслѣдъ за ними. Мнѣ пришлось идти мимо дома фрау Луизе.... Вдругъ я слышу: меня кличетъ кто-то. Я поднялъ голову и увидалъ въ окнѣ той самой комнаты, гдѣ я наканунѣ видѣлся съ Асей, вдову бургомистра. Она улыбалась своей противной улыбкой и звала меня. Я отвернулся и прошелъ-было мимо; но она мнѣ крикнула вслѣдъ, что у ней есть что-то для меня. Эти сло-

ва меня остановили, и я вошелъ въ ея домъ. Какъ передать мои чувства, когда я увидалъ опять эту комнатку....

— По настоящему,—начала старуха, показывая мнѣ маленькую записку:—я бы должна была дать вамъ это только въ случаѣ, если бъ вы зашли ко мнѣ сами, но вы такой прекрасный молодой человѣкъ. Возьмите.

Я взялъ записку.

На крошечномъ клочкѣ бумаги стояли слѣдующія слова, торопливо начерченныя карандашемъ:

„Прощайте, мы не увидимся болѣе. Не изъ гордости я уѣзжаю—нѣтъ, мнѣ нельзя иначе. Вчера, когда я плакала передъ вами, если бъ вы мнѣ сказали одно слово, одно только слово—я бы осталась. Вы его не сказали. Видно, такъ лучше.... Прощайте навсегда!“

Одно слово.... О, я безумецъ! Это слово.... я со слезами повторялъ его наканунѣ, я расточалъ его на вѣтеръ, я твердилъ его среди пустыхъ полей.... но я не сказалъ его ей, я не сказалъ ей, что я люблю ее.... Да я и не могъ произнести тогда это слово. Когда я встрѣтился съ ней въ той роковой комнатѣ, во мнѣ еще не было яснаго сознанія моей любви; оно не проснулось даже тогда, когда я сидѣлъ съ ея братомъ въ безсмысленномъ и тягостномъ молчаніи.... оно вспыхнуло съ неудержимой силой лишь нѣсколько мгновеній спустя, когда, испуганный возможностью несчастья, я сталъ искать и звать ее.... но ужъ тогда было поздно. „Да это невозможно!“ скажутъ мнѣ; не знаю, возможно ли это—знаю, что это правда. Ася бы не уѣхала, если бъ въ ней была хоть тѣнь кокетства, и если бъ ея положеніе не было ложно. Она не могла вынести того, что̀ всякая другая снесла бы: я этого не понялъ. Недобрый мой геній остановилъ признаніе на устахъ моихъ при послѣднемъ свиданіи съ Гагинымъ передъ потемнѣвшимъ окномъ, и послѣдняя нить, за которую я еще могъ ухватиться—выскользнула изъ рукъ моихъ.

Въ тотъ же день вернулся я, съ уложеннымъ чемоданомъ, въ городъ Л. и поплылъ въ Кёльнъ. Помню, пароходъ уже отчаливалъ, и я мысленно прощался съ этими улицами, со всѣми этими мѣстами, которыя я уже никогда не долженъ былъ позабыть,—я увидѣлъ Ганхенъ. Она сидѣла возлѣ берега, на скамьѣ. Лицо ея было блѣдно, но не грустно; молодой, красивый парень стоялъ съ ней рядомъ и, смѣясь, разсказывалъ ей что-то; а на другой сторонѣ Рейна, маленькая моя Мадонна все такъ же печально выглядывала изъ темной зелени стараго ясеня.

XXII.

Въ Кёльнѣ я напалъ на слѣдъ Гагиныхъ: я узналъ, что они поѣхали въ Лондонъ, я пустился вслѣдъ за ними; но въ Лондонѣ всѣ мои розыски остались тщетными. Я долго не хотѣлъ смириться, долго упорствовалъ, но я долженъ былъ отказаться, наконецъ, отъ надежды настигнуть ихъ.

И я не увидѣлъ ихъ болѣе—я не увидѣлъ Аси. Темные слухи доходили до меня о немъ, но она навсегда для меня исчезла. Я даже не знаю, жива ли она. Однажды, нѣсколько лѣтъ спустя, я мелькомъ увидалъ за границей, въ вагонѣ желѣзной дороги, женщину, лицо которой живо напомнило мнѣ незабвенныя черты.... но я, вѣроятно, былъ обманутъ случайнымъ сходствомъ. Ася осталась въ моей памяти той самой дѣвочкой, какою я зналъ ее въ лучшую пору моей жизни, какою я ее видѣлъ въ послѣдній разъ, наклоненной на спинку низкаго деревяннаго стула.

Впрочемъ, я долженъ сознаться, что я не слишкомъ долго грустилъ по ней: я даже нашелъ, что судьба хорошо распорядилась, не соединивъ меня съ Асей; я утѣшался мыслію, что я, вѣроятно, не былъ бы счастливъ съ такой женой. Я былъ тогда молодъ—и будущее, это

короткое, быстрое будущее, казалось мнѣ безпредѣльнымъ. Развѣ не можетъ повториться то, что было, думалъ я, и еще лучше, еще прекраснѣе?... Я зналъ другихъ женщинъ, — но чувство, возбужденное во мнѣ Асей, то жгучее, нѣжное, глубокое чувство, уже не повторилось. Нѣтъ! ни одни глаза не замѣнили мнѣ тѣхъ, когда-то съ любовію устремленныхъ на меня глазъ, ни на чье сердце, припавшее къ моей груди, не отвѣчало мое сердце такимъ радостнымъ и сладкимъ замираніемъ! Осужденный на одиночество безсемейнаго бобыля, доживаю я скучные годы, но я храню, какъ святыню, ея записочки и высохшій цвѣтокъ гераніума, тотъ самый цвѣтокъ, который она нѣкогда бросила мнѣ изъ окна. Онъ до сихъ поръ издаетъ слабый запахъ, а рука, мнѣ давшая его, та рука, которую мнѣ только разъ пришлось прижать къ губамъ моимъ, быть можетъ, давно уже тлѣетъ въ могилѣ.... И я самъ—что сталось со мною? Что осталось отъ меня, отъ тѣхъ блаженныхъ и тревожныхъ дней, отъ тѣхъ крылатыхъ надеждъ и стремленій? Такое легкое испареніе ничтожной травки переживаетъ всѣ радости и всѣ горести человѣка — переживаетъ самого человѣка.

1857 г.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Посвящено П. В. Анненкову.

Гости давно разъѣхались. Часы пробили половину перваго. Въ комнатѣ остались только хозяинъ, да Сергѣй Николаевичъ, да Владиміръ Петровичъ.

Хозяинъ позвонилъ и велѣлъ принять остатки ужина.— Итакъ, это дѣло рѣшенное, — промолвилъ онъ, глубже усаживаясь въ кресло и закуривъ сигару:—каждый изъ насъ обязанъ разсказать исторію своей первой любви. За вами очередь, Сергѣй Николаевичъ.

Сергѣй Николаевичъ, кругленькій человѣкъ съ пухленькимъ бѣлокурымъ лицомъ, посмотрѣлъ сперва на хозяина, потомъ поднялъ глаза къ потолку.—У меня не было первой любви, — сказалъ онъ наконецъ:—я прямо началъ со второй.

— Это какимъ образомъ?

— Очень просто. Мнѣ было восемнадцать лѣтъ, когда я въ первый разъ приволокнулся за одной весьма миленькой барышней; но я ухаживалъ за ней такъ, какъ будто дѣло это было мнѣ не вновѣ: точно такъ, какъ я ухаживалъ потомъ за другими. Собственно говоря, въ первый и

послѣдній разъ я влюбился, лѣтъ шести, въ свою няню;—но этому очень давно. Подробности нашихъ отношеній изгладились изъ моей памяти, да если бъ я ихъ и помнилъ, кого это можетъ интересовать?

— Такъ какъ же быть? — началъ хозяинъ.—Въ моей первой любви тоже не много занимательнаго: я ни въ кого не влюблялся до знакомства съ Анной Ивановной, моей теперешней женой—и все у насъ шло какъ по маслу: отцы насъ сосватали, мы очень скоро полюбились другъ другу и вступили въ бракъ, не мѣшкая. Моя сказка двумя словами сказывается. Я, господа, признаюсь, поднимая вопросъ о первой любви — надѣялся на васъ, не скажу старыхъ, но и не молодыхъ холостяковъ. Развѣ вы насъ чѣмъ-нибудь потѣшите, Владиміръ Петровичъ?

— Моя первая любовь принадлежитъ, дѣйствительно, къ числу не совсѣмъ обыкновенныхъ,—отвѣтилъ, съ небольшой запинкой, Владиміръ Петровичъ, человѣкъ лѣтъ сорока, черноволосый съ просѣдью.

— А!—промолвили хозяинъ и Сергѣй Николаевичъ въ одинъ голосъ.—Тѣмъ лучше....—Разсказывайте.

— Извольте.... или нѣтъ: разсказывать я не стану; я не мастеръ разсказывать: выходитъ сухо и коротко, или пространно и фальшиво; а если позволите, я запишу все, что̀ вспомню, въ тетрадку—и прочту вамъ.

Пріятели сперва не согласились, но Владиміръ Петровичъ настоялъ на своемъ. Черезъ двѣ недѣли они опять сошлись, и Владиміръ Петровичъ сдержалъ свое обѣщаніе.

Вотъ что̀ стояло въ его тетрадкѣ:

I.

Мнѣ было тогда шестнадцать лѣтъ. Дѣло происходило лѣтомъ 1833 года.

Я жилъ въ Москвѣ, у моихъ родителей. Они нанимали дачу около Калужской заставы, противъ Нескучнаго.— Я готовился въ университетъ, но работалъ очень мало и не торопясь.

Никто не стѣснялъ моей свободы. Я дѣлалъ, что хотѣлъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ послѣднимъ моимъ гувернеромъ-французомъ, который никакъ не могъ привыкнуть къ мысли, что онъ упалъ, „какъ бомба“ (comme une bombe), въ Россію, и съ ожесточеннымъ выраженіемъ на лицѣ, по цѣлымъ днямъ валялся на постели. Отецъ обходился со мной равнодушно-ласково; матушка почти не обращала на меня вниманія, хотя у ней, кромѣ меня, не было дѣтей: другія заботы ее поглощали. Мой отецъ, человѣкъ еще молодой и очень красивый, женился на ней по разсчету; она была старше его десятью годами. Матушка моя вела печальную жизнь: безпрестанно волновалась, ревновала, сердилась — но не въ присутствіи отца; она очень его боялась, а онъ держался строго, холодно, отдаленно.... Я не видалъ человѣка болѣе изысканно спокойнаго, самоувѣреннаго и самовластнаго.

Я никогда не забуду первыхъ недѣль, проведенныхъ мною на дачѣ. Погода стояла чудесная; мы переѣхали изъ города 9 мая, въ самый Николинъ день. Я гулялъ—то въ саду нашей дачи, то по Нескучному, то за заставой; бралъ съ собою какую-нибудь книгу — курсъ Кайданова, напримѣръ,—но рѣдко ее развертывалъ, а больше вслухъ читалъ стихи, которыхъ зналъ очень много на память; кровь бродила во мнѣ, и сердце ныло—такъ сладко и смѣшно: я все ждалъ, робѣлъ чего-то, и всему дивился, и весь былъ наготовѣ, фантазія играла и носилась быстро вокругъ однихъ и тѣхъ же представленій, какъ на зарѣ стрижи вокругъ колокольни; я задумывался, грустилъ и даже плакалъ; но и сквозь слезы, и сквозь грусть, навѣянную то пѣвучимъ стихомъ, то красотою вечера, проступало, какъ

весенняя травка, радостное чувство молодой, закипающей жизни.

У меня была верховая лошадка, я самъ ее сѣдлалъ и уѣзжалъ одинъ куда-нибудь подальше, пускался вскачь и воображалъ себя рыцаремъ на турнирѣ—какъ весело дулъ мнѣ въ уши вѣтеръ!—или, обративъ лицо къ небу, принималъ его сіяющій свѣтъ и лазурь въ разверстую душу.

Помнится, въ то время, образъ женщины, призракъ женской любви, почти никогда не возникалъ опредѣленными очертаніями въ умѣ; но во всемъ, что я думалъ, во всемъ, что я ощущалъ, таилось полусознанное стыдливое предчувствіе чего-то новаго, несказанно-сладкаго, женскаго.

Это предчувствіе, это ожиданіе проникло весь мой составъ: я дышалъ имъ, оно катилось по моимъ жиламъ въ каждой каплѣ крови.... ему было суждено скоро сбыться.

Дача наша состояла изъ деревяннаго барскаго дома съ колоннами и двухъ низенькихъ флигельковъ; во флигелѣ налѣво помѣщалась крохотная фабрика дешевыхъ обоевъ.... Я не разъ хаживалъ туда смотрѣть, какъ десятокъ худыхъ и взъерошенныхъ мальчишекъ въ засаленныхъ халатахъ и съ испитыми лицами то-и-дѣло вскакивали на деревянные рычаги, нажимавшіе четырехъ-угольные обрубки пресса, и такимъ образомъ, тяжестью своихъ тщедушныхъ тѣлъ, вытискивали пестрые узоры обоевъ. Флигелекъ направо стоялъ пустой и отдавался въ наймы. Въ одинъ день—недѣли три спустя послѣ 9 мая—ставни въ окнахъ этого флигелька открылись, показались въ нихъ женскія лица—какое-то семейство въ нихъ поселилось. Помнится, въ тотъ же день за обѣдомъ, матушка освѣдомилась у дворецкаго о томъ, кто были наши новые сосѣди и, услыхавъ фамилію княгини Засѣкиной, сперва промолвила не безъ нѣкотораго уваженія:—А! княгиня.... а потомъ прибавила:—Должно-быть, бѣдная какая-нибудь.

— На трехъ извозчикахъ пріѣхали-съ,—замѣтилъ, почтительно подавая блюдо, дворецкій:—своего экипажа не имѣютъ-съ, и мебель самая пустая.

— Да,—возразила матушка,—а, все-таки, лучше.

Отецъ холодно взглянулъ на нее; она умолкла.

Дѣйствительно, княгиня Засѣкина не могла быть богатой женщиной: нанятый ею флигелекъ былъ такъ ветхъ и малъ, и низокъ, что люди, хотя нѣсколько зажиточные, не согласились бы поселиться въ немъ.—Впрочемъ, я тогда пропустилъ это все мимо ушей. Княжескій титулъ на меня мало дѣйствовалъ: я недавно прочелъ „Разбойниковъ“ Шиллера.

II.

У меня была привычка бродить каждый вечеръ съ ружьемъ по нашему саду и караулить воронъ.—Къ этимъ осторожнымъ, хищнымъ и лукавымъ птицамъ я издавна чувствовалъ ненависть. Въ день, о которомъ зашла рѣчь, я также отправился въ садъ—и, напрасно исходивъ всѣ аллеи (вороны меня признали и только издали отрывисто каркали), случайно приблизился къ низкому забору, отдѣлявшему собственно *наши* владѣнія отъ узенькой полосы сада, простиравшейся за флигелькомъ направо и принадлежавшей къ нему. Я шелъ, потупя голову. Вдругъ мнѣ послышались голоса; я взглянулъ черезъ заборъ—и окаменѣлъ.... Мнѣ представилось странное зрѣлище.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня—на полянѣ между кустами зеленой малины, стояла высокая, стройная дѣвушка въ полосатомъ, розовомъ платьѣ и съ бѣлымъ платочкомъ на головѣ; вокругъ нея тѣснились четыре молодые человѣка, и она поочередно хлопала ихъ по лбу тѣми небольшими сѣрыми цвѣтками, которыхъ имени я не знаю, но которые хорошо знакомы дѣтямъ: эти цвѣтки образуютъ

небольшіе мѣшечки и разрываются съ трескомъ, когда хлопнешь ими по чему-нибудь твердому. Молодые люди такъ охотно подставляли свои лбы—а въ движеніяхъ дѣвушки (я ее видѣлъ сбоку) было что-то такое очаровательное, повелительное, ласкающее, насмѣшливое и милое, что я чуть не вскрикнулъ отъ удивленія и удовольствія и, кажется, тутъ же бы отдалъ все на свѣтѣ, чтобы только и меня эти прелестные пальчики хлопнули по лбу. Ружье мое соскользнуло на траву, я все забылъ, я пожиралъ взоромъ этотъ стройный станъ, и шейку, и красивыя руки, и слегка растрепанные бѣлокурые волосы подъ бѣлымъ платочкомъ, и этотъ полузакрытый, умный глазъ, и эти рѣсницы, и нѣжную щеку подъ ними....

— Молодой человѣкъ, а молодой человѣкъ,—проговорилъ вдругъ подлѣ меня чей-то голосъ:—развѣ позволительно глядѣть такъ на чужихъ барышень!

Я вздрогнулъ весь, я обомлѣлъ.... Возлѣ меня за заборомъ, стоялъ какой-то человѣкъ съ коротко остриженными черными волосами и иронически посматривалъ на меня. Въ это самое мгновеніе и дѣвушка обернулась ко мнѣ.... Я увидалъ огромные сѣрые глаза на подвижномъ оживленномъ лицѣ—и все это лицо вдругъ задрожало, засмѣялось, бѣлые зубы сверкнули на немъ, брови какъ-то забавно поднялись.... Я вспыхнулъ, схватилъ съ земли ружье и, преслѣдуемый звонкимъ, но не злымъ хохотаньемъ, убѣжалъ къ себѣ въ комнату, бросился на постель и закрылъ лицо руками. Сердце во мнѣ такъ и прыгало; мнѣ было очень стыдно и весело: я чувствовалъ небывалое волненіе.

Отдохнувъ, я причесался, почистился и сошелъ внизъ къ чаю. Образъ молодой дѣвушки носился передо мною, сердце перестало прыгать, но какъ-то пріятно сжималось.

— Что съ тобой?—внезапно спросилъ меня отецъ:—убилъ ворону?

Я хотѣлъ-было все разсказать ему, но удержался и

только улыбнулся про себя. Ложась спать я, самъ не знаю зачѣмъ, раза три повернулся на одной ногѣ, напомадился, легъ и всю ночь спалъ, какъ убитый. Передъ утромъ я проснулся на мгновенье, приподнялъ голову, посмотрѣлъ вокругъ себя съ восторгомъ—и опять заснулъ.

III.

„Какъ бы съ ними познакомиться?“ было первою моею мыслью, какъ только я проснулся поутру. Я передъ чаемъ отправился въ садъ, но не подходилъ слишкомъ близко къ забору и никого не видѣлъ. Послѣ чаю я прошелся нѣсколько разъ по улицѣ передъ дачей—и издали заглядывалъ въ окна.... Мнѣ почудилось за занавѣской *ея* лицо, и я съ испугомъ поскорѣе удалился. „Однако, надо же познакомиться“,—думалъ я, безпорядочно расхаживая по песчаной равнинѣ, разстилавшейся передъ Нескучнымъ....—„но какъ? вотъ въ чемъ вопросъ“. Я припоминалъ малѣйшія подробности вчерашней встрѣчи: мнѣ почему-то особенно ясно представлялось, какъ это она посмѣялась надо мною.... Но, пока я волновался и строилъ различные планы, судьба уже порадѣла обо мнѣ.

Въ мое отсутствіе матушка получила отъ новой своей сосѣдки письмо на сѣрой бумагѣ, запечатанной бурымъ сургучемъ, какой употребляется только на почтовыхъ повѣсткахъ, да на пробкахъ дешеваго вина. Въ этомъ письмѣ, написанномъ безграмотнымъ языкомъ и неопрятнымъ почеркомъ, княгиня просила матушку оказать ей покровительство: матушка моя, по словамъ княгини, была хорошо знакома съ значительными людьми, отъ которыхъ зависѣла ея участь и участь ея дѣтей, такъ какъ у ней были очень важные процессы: „Я квамъ обращаюсь,—писала она,—какъ благородная дама хблагородной даме, и при томъ мне преятно воспользоватца симъ случаемъ“. Кон-

чая, она просила у матушки позволенія явиться къ ней. Я засталъ матушку въ непріятномъ расположеніи духа: отца не было дома, и ей не съ кѣмъ было посовѣтоваться. Не отвѣчать „благородной дамѣ“, да еще княгинѣ, было невозможно, а какъ отвѣчать—матушка недоумѣвала. Написать записку по-французски казалось ей неумѣстнымъ, а въ русской орѳографіи сама матушка не была сильна—и знала это—и не хотѣла компрометироваться. Она обрадовалась моему приходу, и тотчасъ приказала мнѣ сходить къ княгинѣ и на словахъ объяснить ей, что матушка-молъ, моя всегда готова оказать ея сіятельству, по мѣрѣ силъ, услугу, и проситъ ее пожаловать къ ней часу въ первомъ. Неожиданно-быстрое исполненіе моихъ тайныхъ желаній меня и обрадовало, и испугало: однако, я не выказалъ овладѣвшаго мною смущенія—и предварительно отправился къ себѣ въ комнату, чтобы надѣть новенькій галстукъ и сюртучекъ: дома я еще ходилъ въ курткѣ и въ отложныхъ воротничкахъ, хотя очень ими тяготился.

IV.

Въ тѣсной и неопрятной передней флигелька, куда я вступилъ съ невольной дрожью во всемъ тѣлѣ—встрѣтилъ меня старый и сѣдой слуга съ темнымъ, мѣднаго цвѣта, лицомъ, свиными, угрюмыми глазками и такими глубокими морщинами на лбу и на вискахъ, какихъ я въ жизни не видывалъ. Онъ несъ на тарелкѣ обглоданный хребетъ селедки и, притворяя ногою дверь, ведущую въ другую комнату, отрывисто проговорилъ:—Чего вамъ?

— Княгиня Засѣкина дома?—спросилъ я.

— Вонифатій! — закричалъ изъ-за двери дребезжащій женскій голосъ.

Слуга молча повернулся ко мнѣ спиною, причемъ обнаружилась сильно истертая спинка его ливреи, съ оди-

нокой, порыжѣлой гербовой пуговицей, и ушелъ, поставивъ тарелку на полъ.

— Въ кварталъ ходилъ?—повторилъ тотъ же женскій голосъ. — Слуга пробормоталъ что-то. —А?... Пришелъ кто-то? — послышалось опять.... — Барчукъ сосѣдній?— Ну, проси.

— Пожалуйте-съ въ гостиную, — проговорилъ слуга, появившись снова передо мною и поднимая тарелку съ полу. Я отправился и вошелъ въ „гостиную".

Я очутился въ небольшой и не совсѣмъ опрятной комнатѣ съ бѣдной, словно на-скоро разставленной, мебелью. У окна, на креслѣ съ отломанной ручкой, сидѣла женщина лѣтъ пятидесяти, простоволосая и некрасивая, въ зеленомъ старомъ платьѣ и съ пестрой, гарусной косынкой вокругъ шеи. Ея небольшіе черные глазки такъ и впились въ меня.

Я подошелъ къ ней и раскланялся.

— Я имѣю честь говорить съ княгиней Засѣкиной?

— Я княгиня Засѣкина: а вы сынъ г-на В.?

— Точно такъ-съ. Я пришелъ къ вамъ съ порученіемъ отъ матушки.

— Садитесь, пожалуйста. Вонифатій! гдѣ мои ключи, не видалъ?

Я сообщилъ г-жѣ Засѣкиной отвѣтъ моей матушки на ея записку. Она выслушала меня, постукивая толстыми красными пальцами по оконницѣ, а когда я кончилъ, еще разъ уставилась на меня.

— Очень хорошо; непремѣнно буду,—промолвила она наконецъ.—А какъ вы еще молоды! Сколько вамъ лѣтъ, позвольте спросить?

— Шестнадцать лѣтъ,—отвѣчалъ я съ невольной запинкой.

Княгиня достала изъ кармана какія-то исписанныя, засаленныя бумаги, поднесла ихъ къ самому носу и принялась перебирать ихъ.

— Годы хорошіе,—произнесла она внезапно, поворачиваясь и ёрзая на стулѣ.—А вы, пожалуйста, будьте безъ церемоніи. У меня просто.

„Слишкомъ просто“, подумалъ я, съ невольной гадливостью окидывая взоромъ всю ея неблагообразную фигуру.

Въ это мгновенье другая дверь гостиной быстро распахнулась, и на порогѣ появилась дѣвушка, которую я видѣлъ наканунѣ въ саду. Она подняла руку, и на лицѣ ея мелькнула усмѣшка.

— А вотъ и дочь моя,—промолвила княгиня, указавъ на нее локтемъ.—Зиночка, сынъ нашего сосѣда, г-на В. Какъ васъ зовутъ, позвольте узнать?

— Владиміромъ,—отвѣчалъ я, вставая и пришепётывая отъ волненія.

— А по батюшкѣ?

— Петровичемъ.

— Да! У меня былъ полицеймейстеръ знакомый, тоже Владиміромъ Петровичемъ звали. Вонифатій! не ищи ключей; ключи у меня въ карманѣ.

Молодая дѣвушка продолжала глядѣть на меня съ прежней усмѣшкой, слегка щурясь и склонивъ головку немного на бокъ.

— Я уже видѣла мсьё Вольдемара,—начала она. (Серебристый звукъ ея голоса пробѣжалъ по мнѣ какимъ-то сладкимъ холодкомъ).—Вы мнѣ позволите такъ называть васъ?

— Помилуйте-съ,—пролепеталъ я.

— Гдѣ это?—спросила княгиня.

Княжна не отвѣчала своей матери.

— Вы теперь заняты? — промолвила она, не спуская съ меня глазъ.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Хотите вы мнѣ помочь шерсть распутать? Подите сюда, ко мнѣ.

Она кивнула мнѣ головой и пошла вонъ изъ гостиной. Я отправился вслѣдъ за ней.

Въ комнатѣ, куда мы вошли, мебель была немного получше и разставлена съ большимъ вкусомъ.—Впрочемъ, въ это мгновенье я почти ничего замѣтить не могъ: я двигался какъ во снѣ и ощущалъ во всемъ составѣ своемъ какое-то до глупости напряженное благополучіе.

Княжна сѣла, достала связку красной шерсти, и, указавъ мнѣ на стулъ противъ нея, старательно развязала связку и положила мнѣ ее на руки. Все это она дѣлала молча, съ какой-то забавной медлительностью и съ той же свѣтлой и лукавой усмѣшкой на чуть-чуть раскрытыхъ губахъ. Она начала наматывать шерсть на перегнутую карту и вдругъ озарила меня такимъ яснымъ и быстрымъ взглядомъ, что я невольно потупился. Когда ея глаза, большею частію полуприщуренные, открывались во всю величину свою—ея лицо измѣнялось совершенно: точно свѣтъ проливался по немъ.

— Что вы подумали обо мнѣ вчера, мсьё Вольдемаръ?—спросила она, погодя немного.—Вы, навѣрное, осудили меня?

— Я.... княжна.... я ничего не думалъ.... какъ я могу....—отвѣчалъ я съ смущеніемъ.

— Послушайте, — возразила она. — Вы меня еще не знаете: я престранная; я хочу, чтобъ мнѣ всегда правду говорили. Вамъ, я слышала, шестнадцать лѣтъ, а мнѣ двадцать-одинъ: вы видите, я гораздо старше васъ, и потому вы всегда должны мнѣ говорить правду.... и слушаться меня,—прибавила она.—Глядите на меня: отчего вы на меня не глядите?

Я смутился еще болѣе; однако, поднялъ на нее глаза. Она улыбнулась, только не прежней, а другой одобрительной улыбкой.—Глядите на меня,—промолвила она, ласково понижая голосъ:—мнѣ это не непріятно.... Мнѣ

ваше лицо нравится: я предчувствую, что мы будемъ друзьями. А я вамъ нравлюсь?—прибавила она лукаво.

— Княжна....—началъ-было я....

— Во-первыхъ, называйте меня Зинаидой Александровной; а во-вторыхъ—что это за привычка у дѣтей—(она поправилась:) — у молодыхъ людей — не говорить прямо то, что̀ они чувствуютъ? Это хорошо для взрослыхъ. Вѣдь я вамъ нравлюсь?

Хотя мнѣ очень было пріятно, что она такъ откровенно со мной говорила, однако я немного обидѣлся. Я хотѣлъ показать ей, что она имѣетъ дѣло не съ мальчикомъ и, принявъ по возможности развязный и серьезный видъ, промолвилъ:—Конечно, вы очень мнѣ нравитесь, Зинаида Александровна; я не хочу это скрывать.

Она съ разстановкой покачала головой.—У васъ есть гувернеръ?—спросила она вдругъ.

— Нѣтъ, у меня уже давно нѣтъ гувернера.

Я лгалъ: еще мѣсяца не прошло съ тѣхъ поръ, какъ я разстался съ моимъ французомъ.

— О! да я вижу—вы совсѣмъ большой.

Она легонько ударила меня по пальцамъ. — Держите прямо руки!—И она прилежно занялась наматываніемъ клубка.

Я воспользовался тѣмъ, что она не поднимала глазъ и принялся ее разсматривать, сперва украдкой, потомъ все смѣлѣе и смѣлѣе. Лицо ея показалось мнѣ еще прелестнѣе, чѣмъ наканунѣ: такъ все въ немъ было тонко, умно и мило. Она сидѣла спиной къ окну, завѣшанному бѣлой шторой; солнечный лучъ, пробиваясь сквозь эту штору, обливалъ мягкимъ свѣтомъ ея пушистые, золотистые волосы, ея невинную шею, покатыя плечи и нѣжную, спокойную грудь.—Я глядѣлъ на нее—и какъ дорога̀ и близка становилась она мнѣ! Мнѣ сдавалось, что и давно-то я ее знаю, и ничего не зналъ и не жилъ до нея.... На ней было тем-

ненькое, уже поношенное платье съ передникомъ; я, кажется, охотно поласкалъ бы каждую складку этого платья и этого передника. Кончики ея ботинокъ выглядывали изъ-подъ ея платья: я бы съ обожаніемъ преклонился къ этимъ ботинкамъ.... И вотъ, я сижу передъ ней — подумалъ я,—я съ ней познакомился.... какое счастіе, Боже мой! Я чуть не соскочилъ со стула отъ восторга, но только ногами немного поболталъ, какъ ребенокъ, который лакомится.

Мнѣ было хорошо, какъ рыбѣ въ водѣ, и я бы вѣкъ не ушелъ изъ этой комнаты, не покинулъ бы этого мѣста.

Ея вѣки тихо поднялись, и опять ласково засіяли передо мною ея свѣтлые глаза, и опять она усмѣхнулась.

— Какъ вы на меня смотрите,—медленно проговорила она и погрозила мнѣ пальцемъ.

Я покраснѣлъ.... „Она все понимаетъ, она все видитъ“, мелькнуло у меня въ головѣ. „И какъ ей всего не понимать и не видѣть!“

Вдругъ что-то застучало въ сосѣдней комнатѣ—зазвенѣла сабля.

— Зина!—закричала въ гостиной княгиня:—Бѣловзоровъ принесъ тебѣ котенка.

— Котенка! — воскликнула Зинаида и, стремительно поднявшись со стула, бросила клубокъ мнѣ на колѣни и выбѣжала вонъ.

Я тоже всталъ и, положивъ связку шерсти и клубокъ на оконницу, вышелъ въ гостиную и остановился въ недоумѣніи. Посрединѣ комнаты лежалъ, растопыря лапки, полосатый котенокъ; Зинаида стояла передъ нимъ на колѣняхъ и осторожно поднимала ему мордочку. Возлѣ княгини, заслонивъ почти весь простѣнокъ между окнами, виднѣлся бѣлокурый и курчавый молодецъ, гусаръ, съ румянымъ лицомъ и глазами на выкатѣ.

— Какой смѣшной! — твердила Зинаида: — и глаза у

него не сѣрые, а зеленые, и уши какія большія! Спасибо вамъ, Викторъ Егорычъ! Вы очень милы.

Гусаръ, въ которомъ я узналъ одного изъ видѣнныхъ мною наканунѣ молодыхъ людей, улыбнулся и поклонился, при чемъ щелкнулъ шпорами и брякнулъ колечками сабли.

— Вамъ угодно было вчера сказать, что вы желаете имѣть полосатаго котенка съ большими ушами.... вотъ, я досталъ-съ. Слово—законъ.—И онъ опять поклонился.

Котенокъ слабо пискнулъ и началъ нюхать полъ.

— Онъ голоденъ!—воскликнула Зинаида.—Вонифатій, Соня! принесите молока.

Горничная, въ старомъ желтомъ платьѣ и съ полинялымъ платочкомъ на шеѣ, вошла съ блюдечкомъ молока въ рукѣ и поставила его передъ котенкомъ. Котенокъ дрогнулъ, зажмурился и принялся лакать.

— Какой у него розовый язычекъ,—замѣтила Зинаида, пригнувъ голову почти къ полу и заглядывая ему сбоку подъ самый носъ.

Котенокъ насытился и замурлыкалъ, жеманно перебирая лапками. Зинаида встала и, обернувшись къ горничной, равнодушно промолвила:—унеси его.

— За котенка—ручку,—проговорилъ гусаръ, осклабясь и передернувъ всѣмъ своимъ могучимъ тѣломъ, туго затянутымъ въ новый мундиръ.

— Обѣ,—возразила Зинаида и протянула къ нему руки. Пока онъ цѣловалъ ихъ, она смотрѣла на меня черезъ плечо.

Я стоялъ неподвижно на одномъ мѣстѣ и не зналъ—засмѣяться ли мнѣ, сказать ли что-нибудь или такъ промолчать. Вдругъ, сквозь раскрытую дверь передней, мнѣ бросилась въ глаза фигура нашего лакея Ѳедора. Онъ дѣлалъ мнѣ знаки. Я машинально вышелъ къ нему.

— Что ты?—спросилъ я.

— Маменька прислали за вами, — проговорилъ онъ шопотомъ.—Онѣ гнѣваются, что вы съ отвѣтомъ не ворочаетесь.

— Да развѣ я давно здѣсь?

— Часъ слишкомъ.

— Часъ слишкомъ!—повторилъ я невольно и, вернувшись въ гостиную, началъ раскланиваться и шаркать ногами.

— Куда вы?—спросила меня княжна, взглянувъ изъ-за гусара.

— Мнѣ нужно домой-съ. Такъ я скажу,—прибавилъ я, обращаясь къ старухѣ,—что вы пожалуете къ намъ во второмъ часу.

— Такъ и скажите, батюшка.

Княгиня торопливо достала табакерку и такъ шумно понюхала, что я даже вздрогнулъ.—Такъ и скажите,—повторила она, слезливо моргая и кряхтя.

Я еще разъ поклонился, повернулся и вышелъ изъ комнаты съ тѣмъ чувствомъ неловкости въ спинѣ, которое ощущаетъ очень молодой человѣкъ, когда онъ знаетъ, ему глядятъ вслѣдъ.

— Смотрите же, мсьё Вольдемаръ, заходите къ намъ,—крикнула Зинаида и опять разсмѣялась.

— Что это она все смѣется? думалъ я, возвращаясь домой въ сопровожденіи Ѳедора, который ничего мнѣ не говорилъ, но двигался за мной неодобрительно. Матушка меня побранила и удивилась: что я могъ такъ долго дѣлать у этой княгини? Я ничего не отвѣчалъ ей и отправился къ себѣ въ комнату. Мнѣ вдругъ стало очень грустно.... Я силился не плакать.... Я ревновалъ къ гусару.

V.

Княгиня, по обѣщанію, навѣстила матушку, и не понравилась ей. Я не присутствовалъ при ихъ свиданіи, но

за столомъ матушка разсказывала отцу, что эта княгиня Засѣкина ей кажется femme très vulgaire, что она очень ей надоѣла своими просьбами ходатайствовать за нее у князя Сергія, что у ней все какія-то тяжбы и дѣла—de vilaines affaires d'argent—и что она должна быть великая кляузница. Матушка однако же прибавила, что она позвала ее съ дочерью на завтрашній день обѣдать (услыхавъ слово: „съ дочерью", я уткнулъ носъ въ тарелку),—потому что она, все-таки, сосѣдка, и съ именемъ. На это отецъ объявилъ матушкѣ, что онъ теперь припоминаетъ, какая это госпожа; что онъ въ молодости зналъ покойнаго князя Засѣкина, отлично воспитаннаго, но пустого и вздорнаго человѣка; что его въ обществѣ звали „le Parisien", по причинѣ его долгаго житья въ Парижѣ; что онъ былъ очень богатъ, но проигралъ все свое состояніе — и неизвѣстно почему, чуть ли не изъ-за денегъ, — впрочемъ, онъ бы могъ лучше выбрать,—прибавилъ отецъ и холодно улыбнулся, — женился на дочери какого-то приказнаго, а женившись, пустился въ спекуляціи и разорился окончательно.

— Какъ бы она денегъ взаймы не попросила,—замѣтила матушка.

— Это весьма возможно,—спокойно промолвилъ отецъ.—Говоритъ она по-французски?

— Очень плохо.

— Гм. Впрочемъ, это все равно. Ты мнѣ, кажется, сказала, что ты и дочь ея позвала; меня кто-то увѣрялъ, что она очень милая и образованная дѣвушка.

— А! стало-быть, она не въ мать.

— И не въ отца,—возразилъ отецъ.—Тотъ былъ тоже образованъ, да глупъ.

Матушка вздохнула и задумалась. Отецъ умолкъ. Мнѣ было очень неловко въ теченіе этого разговора.

Послѣ обѣда я отправился въ садъ, но безъ ружья.

Я далъ-было себѣ слово не подходить къ „Засѣкинскому саду“, но неотразимая сила влекла меня туда—и не даромъ. Не успѣлъ я приблизиться къ забору, какъ увидѣлъ Зинаиду. На этотъ разъ она была одна. Она держала въ рукахъ книжку и медленно шла по дорожкѣ. Она меня не замѣчала.

Я чуть-чуть не пропустилъ ее; но вдругъ спохватился и кашлянулъ.

Она обернулась, но не остановилась, отвела рукою широкую, голубую ленту своей круглой, соломенной шляпы, посмотрѣла на меня, тихонько улыбнулась и опять устремила глаза въ книжку.

Я снялъ фуражку и, помявшись немного на мѣстѣ, пошелъ прочь съ тяжелымъ сердцемъ. „Que suis-je pour elle?“ подумалъ я (Богъ знаетъ почему) по-французски.

Знакомые шаги раздались за мною: я оглянулся—ко мнѣ, своей быстрой и легкой походкой, шелъ отецъ.

— Это княжна?—спросилъ онъ меня.

— Княжна.

— Развѣ ты ее знаешь?

— Я ее видѣлъ сегодня утромъ у княгини.

Отецъ остановился и, круто повернувшись на каблукахъ, пошелъ назадъ. Поровнявшись съ Зинаидой, онъ вѣжливо ей поклонился. Она также ему поклонилась, не безъ нѣкотораго изумленія на лицѣ, и опустила книгу. Я видѣлъ, какъ она провожала его глазами. Мой отецъ всегда одѣвался очень изящно, своеобразно и просто; но никогда его фигура не показалась мнѣ болѣе стройной, никогда его сѣрая шляпа не сидѣла красивѣе на его, едва порѣдѣвшихъ кудряхъ.

Я направился-было къ Зинаидѣ, но она даже не взглянула на меня, снова приподняла книгу и удалилась.

VI.

Цѣлый вечеръ и слѣдующее утро я провелъ въ какомъ-то уныломъ онѣмѣніи. Помнится, я попытался работать и взялся за Кайданова — но напрасно мелькали передо мною разгонистыя строчки и страницы знаменитаго учебника. Десять разъ сряду прочелъ я слова: „Юлій Цезарь отличался воинской отвагой“—не понялъ ничего и бросилъ книгу. Передъ обѣдомъ я опять напомадился и опять надѣлъ сюртучекъ и галстукъ.

— Это зачѣмъ?—спросила матушка.—Ты еще не студентъ, и Богъ знаетъ, выдержишь ли ты экзаменъ. Да и давно ли тебѣ сшили куртку? Не бросать же ее!

— Гости будутъ, — прошепталъ я почти съ отчаяніемъ.

— Вотъ вздоръ! какіе это гости!

Надо было покориться. Я замѣнилъ сюртучекъ курткой, но галстука не снялъ. Княгиня съ дочерью явилась за полчаса до обѣда; старуха, сверхъ зеленаго, уже знакомаго мнѣ платья, накинула желтую шаль и надѣла старомодный чепецъ съ лентами огненнаго цвѣта. Она тотчасъ заговорила о своихъ векселяхъ, вздыхала, жаловалась на свою бѣдность, „канючила“, но нисколько не чинилась: такъ же шумно нюхала табакъ, такъ же свободно поворачивалась и ёрзала на стулѣ. Ей какъ будто и въ голову не входило, что она княгиня. За то Зинаида держала себя очень строго, почти надменно, настоящей княжной. На лицѣ ея появилась холодная неподвижность и важность— и я не узнавалъ ея, не узнавалъ ея взглядовъ, ея улыбки, хотя и въ этомъ новомъ видѣ она мнѣ казалась прекрасной. На ней было легкое барежевое платье съ блѣдно-синими разводами; волосы ея падали длинными локонами вдоль щекъ, на англійскій манеръ; эта прическа шла къ холодному выраженію ея лица.—Отецъ мой сидѣлъ возлѣ

нея во время обѣда и со свойственной ему изящной и спокойной вѣжливостью занималъ свою сосѣдку. Онъ изрѣдка взглядывалъ на нее — и она изрѣдка на него взглядывала, да такъ странно, почти враждебно. Разговоръ у нихъ шелъ по-французски;—меня, помнится, удивила чистота Зинаидина произношенія. Княгиня, во время стола, попрежнему, ничѣмъ не стѣснялась, много ѣла и хвалила кушанья. Матушка видимо ею тяготилась и отвѣчала ей съ какимъ-то грустнымъ пренебреженіемъ; отецъ изрѣдка чуть-чуть морщилъ брови. Зинаида также не понравилась матушкѣ.—Это какая-то гордячка,—говорила она на слѣдующій день. — И подумаешь — чего гордиться—avec sa mine de grisette!

— Ты, видно, не видала гризетокъ,—замѣтилъ ей отецъ.

— И слава Богу!

— Разумѣется, слава Богу.... только какъ же ты можешь судить о нихъ?

На меня Зинаида не обращала рѣшительно никакого вниманія. Скоро послѣ обѣда княгиня стала прощаться.

— Буду надѣяться на ваше покровительство, Марья Николаевна и Петръ Васильичъ,—сказала она нараспѣвъ матушкѣ и отцу.—Что дѣлать! Были времена, да прошли. Вотъ и я—сіятельная — прибавила она съ непріятнымъ смѣхомъ, — да что за честь, коли нечего ѣсть! — Отецъ почтительно ей поклонился и проводилъ ее до двери передней. Я стоялъ тутъ же въ своей куцой куртКѣ, и глядѣлъ на полъ, словно къ смерти приговоренный. Обращеніе Зинаиды со мной меня окончательно убило. Каково же было мое удивленіе, когда, проходя мимо меня, она скороговоркой и съ прежнимъ ласковымъ выраженіемъ въ глазахъ, шепнула мнѣ:—приходите къ намъ въ восемь часовъ, слышите, непремѣнно....—Я только развелъ руками — но она уже удалилась, накинувъ на голову бѣлый шарфъ

VII.

Ровно въ восемь часовъ, я, въ сюртукѣ и съ приподнятымъ на головѣ кокомъ, входилъ въ переднюю флигелька, гдѣ жила княгиня. Старикъ-слуга угрюмо посмотрѣлъ на меня и неохотно поднялся съ лавки. Въ гостиной раздавались веселые голоса. Я отворилъ дверь и отступилъ въ изумленіи. Посреди комнаты, на стулѣ, стояла княжна и держала передъ собой мужскую шляпу; вокругъ стула толпилось пятеро мужчинъ. Они старались запустить руки въ шляпу, а она поднимала ее кверху и сильно встряхивала ею. Увидѣвши меня, она вскрикнула:—постойте, постойте! новый гость, надо и ему дать билетъ—и, легко соскочивъ со стула, взяла меня за обшлагъ сюртука.—Пойдемте же,—сказала она,—что вы стоите? Messieurs, позвольте васъ познакомить: это мсьё Вольдемаръ, сынъ нашего сосѣда. А это—прибавила она, обращаясь ко мнѣ и указывая поочередно на гостей,—графъ Малевскій, докторъ Лушинъ, поэтъ Майдановъ, отставной капитанъ Нирмацкій и Бѣловзоровъ, гусаръ, котораго вы уже видѣли. Прошу любить да жаловать.

Я до того сконфузился, что даже не поклонился никому; въ докторѣ Лушинѣ я узналъ того самаго черномазаго господина, который такъ безжалостно меня пристыдилъ въ саду; остальные были мнѣ незнакомы.

— Графъ! — продолжала Зинаида, — напишите мсьё Вольдемару билетъ.

— Это несправедливо, — возразилъ съ легкимъ польскимъ акцентомъ графъ, очень красивый и щегольски одѣтый брюнетъ, съ выразительными карими глазами, узкимъ бѣлымъ носикомъ и тонкими усиками надъ крошечнымъ ртомъ.—Они не играли съ нами въ фанты.

— Несправедливо, — повторили Бѣловзоровъ и господинъ, названный отставнымъ капитаномъ, человѣкъ лѣтъ

сорока, рябой до безобразія, курчавый какъ арабъ, сутуловатый, кривоногій и одѣтый въ военный сюртукъ безъ эполетъ, нараспашку.

— Пишите билетъ, говорятъ вамъ,—повторила княжна. — Это что за бунтъ? Мсьё Вольдемаръ съ нами въ первый разъ, и сегодня для него законъ не писанъ. Нечего ворчать, пишите, я такъ хочу.

Графъ пожалъ плечами, но наклонивъ покорно голову, взялъ перо въ бѣлую, перстнями украшенную руку, оторвалъ клочекъ бумаги и сталъ писать на немъ.

— По крайней мѣрѣ, позвольте объяснить г-ну Вольдемару, въ чемъ дѣло,—началъ насмѣшливымъ голосомъ Лушинъ,—а то онъ совсѣмъ растерялся. Видите ли, молодой человѣкъ: мы играемъ въ фанты; княжна подверглась штрафу, и тотъ, кому вынется счастливый билетъ, будетъ имѣть право поцѣловать у ней ручку. Поняли ли вы, что я вамъ сказалъ?

Я только взглянулъ на него и продолжалъ стоять какъ отуманенный, а княжна снова вскочила на стулъ и снова принялась встряхивать шляпой. Всѣ къ ней потянулись— и я за другими.

— Майдановъ,—сказала княжна высокому молодому человѣку съ худощавымъ лицомъ, маленькими слѣпыми глазками и чрезвычайно длинными, черными волосами— вы, какъ поэтъ, должны быть великодушны и уступить вашъ билетъ мсьё Вольдемару, такъ, чтобы у него было два шанса, вмѣсто одного.

Но Майдановъ отрицательно покачалъ головой и взмахнулъ волосами. Я послѣ всѣхъ опустилъ руку въ шляпу, взялъ и развернулъ билетъ.... Господи! что̀ сталось со мною, когда я увидалъ на немъ слово: поцѣлуй!

— Поцѣлуй!—вскрикнулъ я невольно.

— Браво! онъ выигралъ,—подхватила княжна.—Какъ я рада!—Она сошла со стула и такъ ясно и сладко загля-

нула мнѣ въ глаза, что у меня сердце покатилось.—А вы рады?—спросила она меня.

— Я?...—пролепеталъ я.

— Продайте мнѣ свой билетъ,—брякнулъ вдругъ надъ самымъ моимъ ухомъ Бѣловзоровъ.—Я вамъ сто рублей дамъ.

Я отвѣчалъ гусару такимъ негодующимъ взоромъ, что Зинаида захлопала въ ладоши, а Лушинъ воскликнулъ: молодецъ!

— Но,—продолжалъ онъ,—я, какъ церемоніймейстеръ, обязанъ наблюдать за исполненіемъ всѣхъ правилъ. Мсьё Вольдемаръ, опуститесь на одно колѣно. Такъ у насъ заведено.

Зинаида стала передо мной, наклонила немного голову на бокъ, какъ бы для того, чтобы лучше разсмотрѣть меня, и съ важностью протянула мнѣ руку. У меня помутилось въ глазахъ; я хотѣлъ-было опуститься на одно колѣно, упалъ на оба, и такъ неловко прикоснулся губами къ пальцамъ Зинаиды, что слегка оцарапалъ себѣ конецъ носа ея ногтемъ.

— Добре!—закричалъ Лушинъ и помогъ мнѣ встать.

Игра въ фанты продолжалась. Зинаида посадила меня возлѣ себя. Какихъ ни придумывала она штрафовъ! Ей пришлось, между прочимъ, представлять „статую“—и она въ пьедесталъ себѣ выбрала безобразнаго Нирмацкаго, велѣла ему лечь ничкомъ, да еще уткнуть лицо въ грудь. Хохотъ не умолкалъ ни на мгновеніе. Мнѣ, уединенно и трезво воспитанному мальчику, выросшему въ барскомъ, степенномъ домѣ, весь этотъ шумъ и гамъ, эта безцеремонная, почти буйная веселость, эти небывалыя сношенія съ незнакомыми людьми такъ и бросились въ голову. Я просто опьянѣлъ, какъ отъ вина. Я сталъ хохотать и болтать громче другихъ, такъ что даже старая княгиня, сидѣвшая въ сосѣдней комнатѣ съ какимъ-то приказнымъ

отъ Иверскихъ воротъ, позваннымъ для совѣщанія, вышла посмотрѣть на меня. Но я чувствовалъ себя до такой степени счастливымъ, что, какъ говорится, въ усъ не дулъ и въ грошъ не ставилъ ничьихъ насмѣшекъ и ничьихъ косыхъ взглядовъ. Зинаида продолжала оказывать мнѣ предпочтеніе и не отпускала меня отъ себя. Въ одномъ штрафѣ мнѣ довелось сидѣть съ ней рядомъ, накрывшись однимъ и тѣмъ же шелковымъ платкомъ: я долженъ былъ сказать ей *свой секретъ*. Помню я, какъ наши обѣ головы вдругъ очутились въ душной, полупрозрачной, пахучей мглѣ, какъ въ этой мглѣ близко и мягко свѣтились ея глаза и горячо дышали раскрытыя губы, и зубы виднѣлись, и концы ея волосъ меня щекотали и жгли. Я молчалъ. Она улыбалась таинственно и лукаво и наконецъ шепнула мнѣ: ну, что же? а я только краснѣлъ и смѣялся, и отворачивался, и едва переводилъ духъ. Фанты наскучили намъ — мы стали играть въ веревочку. Боже мой! какой я почувствовалъ восторгъ, когда, зазѣвавшись, получилъ отъ ней сильный и рѣзкій ударъ по пальцамъ, и какъ потомъ я нарочно старался показывать видъ, что зазѣвываюсь, а она дразнила меня и не трогала подставляемыхъ рукъ!

Да то ли мы еще продѣлывали въ теченіе этого вечера! Мы и на фортепіано играли, и пѣли, и танцовали, и представляли цыганскій таборъ. Нирмацкаго одѣли медвѣдемъ и напоили водою съ солью. Графъ Малевскій показывалъ намъ разные карточные фокусы и кончилъ тѣмъ, что, перетасовавши карты, сдалъ себѣ въ вистъ всѣ козыри, съ чѣмъ Лушинъ „имѣлъ честь его поздравить“. Майдановъ декламировалъ намъ отрывки изъ поэмы своей „Убійца“ (дѣло происходило въ самомъ разгарѣ романтизма), которую онъ намѣревался издать въ черной оберткѣ, съ заглавными буквами кроваваго цвѣта; у приказнаго отъ Иверскихъ воротъ украли съ колѣнъ шапку и заставили его, въ видѣ выкупа, проплясать казачка; старика Вонифатія

нарядили въ чепецъ—а княжна надѣла мужскую шляпу.... Всего не перечислишь. Одинъ Бѣловзоровъ все больше держался въ углу, нахмуренный и сердитый.... Иногда глаза его наливались кровью, онъ весь краснѣлъ и, казалось, что вотъ-вотъ онъ сейчасъ ринется на всѣхъ насъ и расшвыряетъ насъ, какъ щепки, во всѣ стороны; но княжна взглядывала на него, грозила ему пальцемъ, и онъ снова забивался въ свой уголъ.

Мы, наконецъ, выбились изъ силъ. Княгиня ужъ на что была, какъ сама выражалась, ходка—никакія крики ее не смущали—однако, и она почувствовала усталость и пожелала отдохнуть. Въ двѣнадцатомъ часу ночи подали ужинъ, состоявшій изъ куска стараго, сухого сыру и какихъ-то холодныхъ пирожковъ съ рубленой ветчиной, которые мнѣ показались вкуснѣе всякихъ паштетовъ; вина было всего одна бутылка, и та какая-то странная: темная, съ раздутымъ горлышкомъ, и вино въ ней отдавало розовой краской: впрочемъ, его никто не пилъ. Усталый и счастливый до изнеможенія, я вышелъ изъ флигеля: на прощанье Зинаида мнѣ крѣпко пожала руку и опять загадочно улыбнулась.

Ночь тяжело и сыро пахнула мнѣ въ разгоряченное лицо; казалось готовилась гроза; черныя тучи росли и ползли по небу, видимо мѣняя свои дымныя очертанія. Вѣтерокъ безпокойно содрогался въ темныхъ деревьяхъ, и гдѣ-то, далеко за небосклономъ, словно про себя, ворчалъ громъ сердито и глухо.

Черезъ заднее крыльцо пробрался я въ свою комнату. Дядька мой спалъ на полу и мнѣ пришлось перешагнуть черезъ него; онъ проснулся, увидалъ меня и доложилъ, что матушка опять на меня разсердилась и опять хотѣла послать за мною, но что отецъ ее удержалъ. (Я никогда не ложился спать, не простившись съ матушкой и не испросивши ея благословенія). Нечего было дѣлать!

Я сказалъ дядькѣ, что раздѣнусь и лягу самъ—и погасилъ свѣчку. Но я не раздѣлся и не легъ.

Я присѣлъ на стулъ и долго сидѣлъ, какъ очарованный. То, что̀ я ощущалъ, было такъ ново и такъ сладко.... Я сидѣлъ, чуть-чуть озираясь и не шевелясь, медленно дышалъ и только по временамъ то молча смѣялся, вспоминая, то внутренно холодѣлъ при мысли, что я влюбленъ, что вотъ она, вотъ эта любовь. Лицо Зинаиды тихо плыло передо мною во мракѣ—плыло и не проплывало; губы ея все такъ же загадочно улыбались, глаза глядѣли на меня немного сбоку, вопросительно, задумчиво и нѣжно.... какъ въ то мгновеніе, когда я разстался съ ней. Наконецъ, я всталъ, на цыпочкахъ подошелъ къ своей постели, и осторожно, не раздѣваясь, положилъ голову на подушку, какъ бы страшась рѣзкимъ движеніемъ потревожить то, чѣмъ я былъ переполненъ....

Я легъ, но даже глазъ не закрылъ. Скоро я замѣтилъ, что ко мнѣ въ комнату безпрестанно западали какіе-то слабые отсвѣты.... Я приподнялся и глянулъ въ окно. Переплетъ его четко отдѣлялся отъ таинственно и смутно бѣлѣвшихъ стеколъ. Гроза—подумалъ я,—и точно, была гроза, но она проходила очень далеко, такъ что и грома не было слышно; только на небѣ непрерывно вспыхивали неяркія, длинныя, словно развѣтвленныя, молніи: онѣ не столько вспыхивали, сколько трепетали и подергивались, какъ крыло умирающей птицы. Я всталъ, подошелъ къ окну и простоялъ тамъ до утра.... Молніи не прекращались ни на мгновеніе, была, что называется въ народѣ, *воробьиная* ночь. Я глядѣлъ на нѣмое песчаное поле, на темную массу Нескучнаго сада, на желтоватые фасады далекихъ зданій, тоже какъ будто вздрагивавшихъ при каждой слабой вспышкѣ.... Я глядѣлъ—и не могъ оторваться: эти нѣмыя молніи, эти сдержанныя блистанія, казалось, отвѣчали тѣмъ нѣмымъ и тайнымъ по-

рывамъ, которые вспыхивали также во мнѣ. Утро стало заниматься; алыми пятнами выступила заря. Съ приближеніемъ солнца все блѣднѣли и сокращались молніи: онѣ вздрагивали все рѣже и рѣже, и исчезли, наконецъ, затопленныя отрезвляющимъ и несомнительнымъ свѣтомъ возникавшаго дня.

И во мнѣ исчезли мои молніи. Я почувствовалъ большую усталость и тишину.... но образъ Зинаиды продолжалъ носиться, торжествуя, надъ моей душой. Только онъ самъ, этотъ образъ, казался успокоеннымъ: какъ полетѣвшій лебедь—отъ болотныхъ травъ, отдѣлился онъ отъ окружавшихъ его другихъ неблаговидныхъ фигуръ, и я, засыпая, въ послѣдній разъ припалъ къ нему съ прощальнымъ и довѣрчивымъ обожаніемъ....

О, кроткія чувства, мягкіе звуки, доброта и утиханіе тронутой души, тающая радость первыхъ умиленій любви,—гдѣ вы, гдѣ вы?

VIII.

На слѣдующее утро, когда я сошелъ къ чаю, матушка побранила меня — меньше, однако, чѣмъ я ожидалъ,— и заставила меня разсказать, какъ я провелъ наканунѣ вечеръ. Я отвѣчалъ ей въ немногихъ словахъ, выпуская многія подробности и стараясь придать всему видъ самый невинный.

— Все-таки, они люди не comme il faut, — замѣтила матушка, — и тебѣ нечего къ нимъ таскаться, вмѣсто того, чтобъ готовиться къ экзамену, да заниматься.

Такъ какъ я зналъ, что заботы матушки о моихъ занятіяхъ ограничатся этими немногими словами, то я и не почелъ нужнымъ возражать ей; но послѣ чаю отецъ меня взялъ подъ руку и, отправившись вмѣстѣ со мною въ садъ, заставилъ меня разсказать все, что̀ я видѣлъ у Засѣкиныхъ.

Странное вліяніе имѣлъ на меня отецъ — и странныя были наши отношенія. Онъ почти не занимался моимъ воспитаніемъ, но никогда не оскорблялъ меня; онъ уважалъ мою свободу — онъ даже былъ, если можно такъ выразиться, вѣжливъ со мною.... только онъ не допускалъ меня до себя. Я любилъ его, я любовался имъ, онъ казался мнѣ образцомъ мужчины — и, Боже мой, какъ бы я страстно къ нему привязался, если бъ я постоянно не чувствовалъ его отклоняющей руки! За то, когда онъ хотѣлъ, онъ умѣлъ почти мгновенно, однимъ словомъ, однимъ движеніемъ возбудить во мнѣ неограниченное довѣріе къ себѣ. Душа моя раскрывалась — я болталъ съ нимъ, какъ съ разумнымъ другомъ, какъ съ снисходительнымъ наставникомъ.... потомъ онъ такъ же внезапно покидалъ меня — и рука его опять отклоняла меня—ласково и мягко, но отклоняла.

На него находила иногда веселость, и тогда онъ готовъ былъ рѣзвиться и шалить со мной, какъ мальчикъ (онъ любилъ всякое сильное тѣлесное движеніе); разъ — всего только разъ!—онъ приласкалъ меня съ такою нѣжностью, что я чуть не заплакалъ.... Но и веселость его и нѣжность исчезали безъ слѣда—и то, что происходило между нами, не давало мнѣ никакихъ надеждъ на будущее—точно я все это во снѣ видѣлъ. Бывало, стану я разсматривать его умное, красивое, свѣтлое лицо.... сердце мое задрожитъ, и все существо мое устремится къ нему.... онъ словно почувствуетъ, что̀ во мнѣ происходитъ, мимоходомъ потреплетъ меня по щекѣ—и либо уйдетъ, либо займется чѣмъ-нибудь, либо вдругъ весь застынетъ, какъ онъ одинъ умѣлъ застывать, и я тотчасъ же сожмусь и тоже похолодѣю. Рѣдкіе припадки его расположенія ко мнѣ никогда не были вызваны моими безмолвными, но понятными мольбами: они приходили всегда неожиданно. Размышляя впослѣдствіи о характерѣ моего отца, я пришелъ

къ тому заключенію, что ему было не до меня и не до семейной жизни; онъ любилъ другое и насладился этимъ другимъ вполнѣ. „Самъ бери, что можешь, а въ руки не давайся; самому себѣ принадлежать—въ этомъ вся штука жизни“—сказалъ онъ мнѣ однажды. Въ другой разъ, я, въ качествѣ молодого демократа, пустился въ его присутствіи разсуждать о свободѣ (онъ въ тотъ день былъ, какъ я это называлъ, „добрый“; тогда съ нимъ можно было говорить о чемъ угодно).—Свобода,—повторилъ онъ;—а знаешь ли ты, что̀ можетъ человѣку дать свободу?

— Что?

— Воля, собственная воля, и власть она дастъ, которая лучше свободы. Умѣй хотѣть—и будешь свободнымъ, и командовать будешь.

Отецъ мой прежде всего и больше всего хотѣлъ жить—и жилъ.... Быть можетъ, онъ предчувствовалъ, что ему не придется долго пользоваться „штукой“ жизни: онъ умеръ сорока-двухъ лѣтъ.

Я подробно разсказалъ отцу мое посѣщеніе у Засѣкиныхъ. Онъ полувнимательно, полуразсѣянно слушалъ меня, сидя на скамьѣ и рисуя концомъ хлыстика на пескѣ. Онъ изрѣдка посмѣивался, какъ-то свѣтло и забавно поглядывалъ на меня и подзадоривалъ меня короткими вопросами и возраженіями. Я сперва не рѣшался даже выговорить имя Зинаиды, но не удержался и началъ превозносить ее. Отецъ все продолжалъ посмѣиваться. Потомъ онъ задумался, потянулся и всталъ.

Я вспомнилъ, что, выходя изъ дома, онъ велѣлъ осѣдлать себѣ лошадь. Онъ былъ отличный ѣздокъ—и умѣлъ, гораздо раньше г. Рери, укрощать самыхъ дикихъ лошадей.

— Я съ тобой поѣду, папаша?—спросилъ я его.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ, и лицо его приняло обычное,

равнодушно-ласковое выраженіе. — Ступай одинъ, коли хочешь; а кучеру скажи, что я не поѣду.

Онъ повернулся ко мнѣ спиной и быстро удалился. Я слѣдилъ за нимъ глазами—онъ скрылся за воротами. Я видѣлъ, какъ его шляпа двигалась вдоль забора: онъ вошелъ къ Засѣкинымъ.

Онъ остался у нихъ не болѣе часа, но тотчасъ же отправился въ городъ и вернулся домой только къ вечеру.

Послѣ обѣда я самъ пошелъ къ Засѣкинымъ. Въ гостиной я засталъ одну старуху княгиню. Увидѣвъ меня, она почесала себѣ въ головѣ подъ чепцомъ концомъ спицы и вдругъ спросила меня: могу ли я переписать ей одну просьбу.

— Съ удовольствіемъ, — отвѣчалъ я, и присѣлъ на кончикъ стула.

— Только смотрите, покрупнѣе буквы ставьте,—промолвила княгиня, подавая мнѣ измаранный листъ:—да нельзя ли сегодня, батюшка?

— Сегодня же перепишу-съ.

Дверь изъ сосѣдней комнаты чуть-чуть отворилась—и въ отверстіи показалось лицо Зинаиды—блѣдное, задумчивое, съ небрежно откинутыми назадъ волосами: она посмотрѣла на меня большими холодными глазами и тихо закрыла дверь.

— Зина,—а Зина!—проговорила старуха. Зинаида не откликнулась. Я унесъ просьбу старухи и цѣлый вечеръ просидѣлъ надъ ней.

IX.

Моя „страсть“ началась съ того дня. Я, помнится, почувствовалъ тогда нѣчто подобное тому, что долженъ почувствовать человѣкъ, поступившій на службу: я уже пересталъ быть просто молодымъ мальчикомъ; я былъ влю-

бленный. Я сказалъ, что съ того дня началась моя страсть; я бы могъ прибавить, что и страданія мои начались съ того же самаго дня. Я изнывалъ въ отсутствіи Зинаиды: ничего мнѣ на умъ не шло, все изъ рукъ валилось, я по цѣлымъ днямъ напряженно думалъ о ней.... Я изнывалъ.... но въ ея присутствіи мнѣ становилось не легче. Я ревновалъ, я сознавалъ свое ничтожество, я глупо дулся и глупо раболѣпствовалъ—и, все-таки, непреодолимая сила влекла меня къ ней—и я всякій разъ съ невольной дрожью счастья переступалъ порогъ ея комнаты. Зинаида тотчасъ же догадалась, что я въ нее влюбился, да я и не думалъ скрываться; она потѣшалась моей страстью, дурачила, баловала и мучила меня. Сладко быть единственнымъ источникомъ, самовластной и безотвѣтной причиной величайшихъ радостей и глубочайшаго горя для другого—а я въ рукахъ Зинаиды былъ какъ мягкій воскъ. Впрочемъ, не я одинъ влюбился въ нее; всѣ мужчины, посѣщавшіе ея домъ, были отъ ней безъ ума—и она ихъ всѣхъ держала на привязи—у своихъ ногъ. Ее забавляло возбуждать въ нихъ то надежды, то опасенія, вертѣть ими по своей прихоти (это она называла: стукать людей другъ о друга)—а они и не думали сопротивляться и охотно покорялись ей. Во всемъ ея существѣ, живучемъ и красивомъ, была какая-то особенно обаятельная смѣсь хитрости и безпечности, искусственности и простоты, тишины и рѣзвости; надъ всѣмъ, что она дѣлала, говорила, надъ каждымъ ея движеніемъ носилась тонкая, легкая прелесть, во всемъ сказывалась своеобразная, играющая сила. И лицо ея безпрестанно мѣнялось, играло тоже: оно выражало, почти въ одно и то же время,—насмѣшливость, задумчивость и страстность. Разнообразнѣйшія чувства, легкія, быстрыя, какъ тѣни облаковъ въ солнечный вѣтреный день, перебѣгали то и дѣло по ея глазамъ и губамъ.

Каждый изъ ея поклонниковъ былъ ей нуженъ. Бѣло-

взоровъ, котораго она иногда называла „мой звѣрь“, а иногда просто „мой“—охотно кинулся бы за нее въ огонь; не надѣясь на свои умственныя способности и прочія достоинства, онъ все предлагалъ ей жениться на ней, намекая на то, что другіе только болтаютъ. Майдановъ отвѣчалъ поэтическимъ струнамъ ея души: человѣкъ довольно холодный, какъ почти всѣ сочинители, онъ напряженно увѣрялъ ее, а можетъ-быть и себя, что онъ ее обожаетъ, воспѣвалъ ее въ нескончаемыхъ стихахъ и читалъ ихъ ей съ какимъ-то и неестественнымъ, и искреннимъ восторгомъ. Она и сочувствовала ему, и чуть-чуть трунила надъ нимъ; она плохо ему вѣрила и, наслушавшись его изліяній, заставляла его читать Пушкина, чтобы, какъ она говорила, очистить воздухъ. Лушинъ, насмѣшливый, циническій на словахъ докторъ, зналъ ее лучше всѣхъ — и любилъ ее больше всѣхъ, хотя бранилъ ее за глаза и въ глаза. Она его уважала, но не спускала ему—и подчасъ, съ особеннымъ злорадымъ удовольствіемъ давала ему чувствовать, что и онъ у ней въ рукахъ. „Я кокетка, я безъ сердца, я актерская натура,—сказала она ему однажды въ моемъ присутствіи: — а, хорошо! такъ подайте жъ вашу руку, я воткну въ нее булавку, вамъ будетъ стыдно этого молодого человѣка, вамъ будетъ больно, а все-таки вы, г-нъ правдивый человѣкъ, извольте смѣяться“. Лушинъ покраснѣлъ, отворотился, закусилъ губы, но кончилъ тѣмъ, что подставилъ руку. Она его уколола, и онъ, точно, началъ смѣяться.... и она смѣялась, запуская довольно глубоко булавку и заглядывая ему въ глаза, которыми онъ напрасно бѣгалъ по сторонамъ....

Хуже всего я понималъ отношенія, существовавшія между Зинаидой и графомъ Малевскимъ. Онъ былъ хорошъ собою, ловокъ и уменъ, но что-то сомнительное, что-то фальшивое чудилось въ немъ даже мнѣ, шестнадцатилѣтнему мальчику, и я дивился тому, что Зинаида этого

не замѣчаетъ. А можетъ-быть, она и замѣчала эту фальшь и не гнушалась ею. Неправильное воспитаніе, странныя знакомства и привычки, постоянное присутствіе матери, бѣдность и безпорядокъ въ домѣ, все, начиная съ самой свободы, которою пользовалась молодая дѣвушка, съ сознанія ея превосходства надъ окружавшими ее людьми, развило въ ней какую-то полупрезрительную небрежность и невзыскательность. Бывало, что̀ ни случится—придетъ ли Вонифатій доложить, что сахару нѣтъ, выйдетъ ли наружу какая-нибудь дрянная сплетня, поссорятся ли гости — она только кудрями встряхнетъ, скажетъ: пустяки!—и горя ей мало.

За то у меня, бывало, вся кровь загоралась, когда Малевскій подойдетъ къ ней, хитро покачиваясь, какъ лиса, изящно обопрется на спинку ея стула и начнетъ шептать ей на ухо съ самодовольной и заискивающей улыбочкой,—а она скреститъ руки на груди, внимательно глядитъ на него, и сама улыбается, и качаетъ головой

— Что вамъ за охота принимать г. Малевскаго? — спросилъ я ее однажды.

— А у него такіе прекрасные усики,—отвѣчала она.— Да это не по вашей части.

— Вы не думаете ли, что я его люблю,—сказала она мнѣ въ другой разъ.—Нѣтъ; я такихъ любить не могу, на которыхъ мнѣ приходится глядѣть сверху внизъ. Мнѣ надобно такого, который самъ бы меня сломилъ.... Да я на такого не наткнусь, Богъ милостивъ! Не попадусь никому въ лапы, ни-ни!

— Стало-быть, вы никогда не полюбите?

— А васъ-то? Развѣ я васъ не люблю?—сказала она, и ударила меня по носу концомъ перчатки.

Да, Зинаида очень потѣшалась надо мною. Въ теченіе трехъ недѣль я ее видѣлъ каждый день — и чего, чего она со мной не выдѣлывала! Къ намъ она ходила рѣдко,

и я объ этомъ не сожалѣлъ; въ нашемъ домѣ она превращалась въ барышню, въ княжну,—и я ея дичился. Я боялся выдать себя передъ матушкой; она очень не благоволила къ Зинаидѣ, и непріязненно наблюдала за нами. Отца я не такъ боялся: онъ словно не замѣчалъ меня, а съ ней говорилъ мало, но какъ-то особенно умно и значительно. Я пересталъ работать, читать — я даже пересталъ гулять по окрестностямъ, ѣздить верхомъ. Какъ привязанный за ножку жукъ, я кружился постоянно вокругъ любимаго флигелька: казалось, остался бы тамъ навсегда.... но это было невозможно, матушка ворчала на меня, иногда сама Зинаида меня прогоняла. Тогда я запирался у себя въ комнатѣ, или уходилъ на самый конецъ сада, взбирался на уцѣлѣвшую развалину высокой каменной оранжереи и, свѣсивъ ноги со стѣны, выходившей на дорогу, сидѣлъ по часамъ и глядѣлъ, глядѣлъ, ничего не видя. Возлѣ меня, по запыленной крапивѣ, лѣниво перепархивали бѣлыя бабочки; бойкій воробей садился недалеко на полусломанномъ, красномъ кирпичѣ и раздражительно чирикалъ, безпрестанно поворачиваясь всѣмъ тѣломъ и распустивъ хвостикъ; все еще недовѣрчивыя вороны изрѣдка каркали, сидя высоко, высоко на обнаженной макушкѣ березы; солнце и вѣтеръ тихо играли въ ея жидкихъ вѣткахъ; звонъ колоколовъ Донского монастыря прилеталъ по временамъ спокойный и унылый,—а я сидѣлъ, глядѣлъ, слушалъ—и наполнялся весь какимъ-то безыменнымъ ощущеніемъ, въ которомъ было все: и грусть, и радость, и предчувствіе будущаго, и желаніе, и страхъ жизни. Но я тогда ничего этого не понималъ и ничего бы не сумѣлъ назвать изъ всего того, что̀ во мнѣ бродило, — или бы назвалъ это все однимъ именемъ—именемъ Зинаиды.

А Зинаида все играла со мной, какъ кошка съ мышью. Она то кокетничала со мной—и я волновался и таялъ—

то она вдругъ меня отталкивала—и я не смѣлъ приблизиться къ ней, не смѣлъ взглянуть на нее.

Помнится, она нѣсколько дней сряду была очень холодна со мною, я совсѣмъ заробѣлъ и, трусливо забѣгая къ нимъ во флигель, старался держаться около старухи княгини, несмотря на то, что она очень бранилась и кричала именно въ это время: ея вексельныя дѣла шли плохо, и она уже имѣла два объясненія съ квартальнымъ.

Однажды я проходилъ въ саду мимо извѣстнаго забора—и увидѣлъ Зинаиду: подпершись обѣими руками, она сидѣла на травѣ и не шевелилась. Я хотѣлъ-было осторожно удалиться, но она внезапно подняла голову и сдѣлала мнѣ повелительный знакъ. Я замеръ на мѣстѣ: я не понялъ ея съ перваго раза. Она повторила свой знакъ. Я немедленно перескочилъ черезъ заборъ и радостно подбѣжалъ къ ней; но она остановила меня взглядомъ и указала мнѣ на дорожку въ двухъ шагахъ отъ нея. Въ смущеніи, не зная, что дѣлать, я сталъ на колѣни на краю дорожки. Она до того была блѣдна, такая горькая печаль, такая глубокая усталость сказывалась въ каждой ея чертѣ, что сердце у меня сжалось и я невольно пробормоталъ: что съ вами?

Зинаида протянула руку, сорвала какую-то травку, укусила ее и бросила ее прочь, подальше.

— Вы меня очень любите?—спросила она наконецъ.—Да?

Я ничего не отвѣчалъ,—да и зачѣмъ мнѣ было отвѣчать?

— Да,—повторила она, попрежнему глядя на меня.—Это такъ. Такіе же глаза,—прибавила она, задумалась и закрыла лицо руками.—Все мнѣ опротивѣло,—прошептала она,—ушла бы я на край свѣта, не могу я это вынести, не могу сладить.... И что ждетъ меня впереди!... Ахъ, мнѣ тяжело.... Боже мой, какъ тяжело!

— Отчего?—спросилъ я робко.

Зинаида мнѣ не отвѣчала и только пожала плечами. Я продолжалъ стоять на колѣняхъ и съ глубокимъ унынiемъ глядѣлъ на нее. Каждое ея слово такъ и врѣзалось мнѣ въ сердце. Въ это мгновенье я, кажется, охотно бы отдалъ жизнь свою, лишь бы она не горевала. Я глядѣлъ на нее—и, все-таки, не понимая, отчего ей было тяжело, живо воображалъ себѣ, какъ она вдругъ, въ припадкѣ неудержимой печали, ушла въ садъ—и упала на землю, какъ подкошенная.—Кругомъ было и свѣтло, и зелено; вѣтеръ шелестѣлъ въ листьяхъ деревьевъ, изрѣдка качая длинную вѣтку малины надъ головой Зинаиды. Гдѣ-то ворковали голуби—и пчелы жужжали, низко перелетывая по рѣдкой травѣ. Сверху ласково синѣло небо—а мнѣ было такъ грустно....

— Прочтите мнѣ какiе-нибудь стихи, — промолвила вполголоса Зинаида и оперлась на локоть. — Я люблю, когда вы стихи читаете. Вы поете, но это ничего, это молодо. Прочтите мнѣ: „На холмахъ Грузiи“.—Только сядьте сперва.

Я сѣлъ и прочелъ: „На холмахъ Грузiи“.

— „Что не любить оно не можетъ“,—повторила Зинаида.—Вотъ, чѣмъ поэзiя хороша: она говоритъ намъ то, чего нѣтъ, и что не только лучше того, что есть, но даже больше похоже на правду.... Что не любить оно не можетъ — и хотѣло бы, да не можетъ! — Она опять умолкла и вдругъ встрепенулась и встала. — Пойдемте. У мамаши сидитъ Майдановъ; онъ мнѣ принесъ свою поэму, а я его оставила. Онъ также огорченъ теперь.... что дѣлать! вы когда-нибудь узнаете.... только не сердитесь на меня!

Зинаида торопливо пожала мнѣ руку, и побѣжала впередъ. Мы вернулись во флигель. Майдановъ принялся читать намъ своего только-что отпечатаннаго „Убiйцу“,

но я не слушалъ его. Онъ выкрикивалъ нараспѣвъ свои четырехъ-стопные ямбы, риѳмы чередовались и звенѣли какъ бубенчики, пусто и громко, а я все глядѣлъ на Зинаиду и все старался понять значеніе ея послѣднихъ словъ.

«Иль, можетъ-быть, соперникъ тайный
«Тебя нежданно покорилъ?»

воскликнулъ вдругъ въ носъ Майдановъ — и мои глаза и глаза Зинаиды встрѣтились. Она опустила ихъ и слегка покраснѣла. Я увидалъ, что она покраснѣла, и похолодѣлъ отъ испуга. Я уже прежде ревновалъ къ ней, но только въ это мгновеніе мысль о томъ, что она полюбила, сверкнула у меня въ головѣ. „Боже мой! она полюбила!“

X.

Настоящія мои терзанія начались съ того мгновенія. Я ломалъ себѣ голову, раздумывалъ, передумывалъ,—и неотступно, хотя по мѣрѣ возможности скрытно, наблюдалъ за Зинаидой. Въ ней произошла перемѣна—это было очевидно. Она уходила гулять одна и гуляла долго. Иногда она гостямъ не показывалась; по цѣлымъ часамъ сидѣла у себя въ комнатѣ. Прежде этого за ней не водилось. Я вдругъ сдѣлался,—или мнѣ показалось, что я сдѣлался—чрезвычайно проницателенъ. „Не онъ ли? или ужъ не онъ ли?“ спрашивалъ я самого себя, тревожно перебѣгая мыслью отъ одного ея поклонника къ другому. Графъ Малевскій (хоть я и стыдился за Зинаиду въ этомъ сознаться) втайнѣ казался мнѣ опаснѣе другихъ.

Моя наблюдательность не видала дальше своего носа, и моя скрытность, вѣроятно, никого не обманула; по крайней мѣрѣ, докторъ Лушинъ скоро меня раскусилъ. Впрочемъ, и онъ измѣнился въ послѣднее время: онъ похудѣлъ, смѣялся такъ же часто, но какъ-то глуше, злѣе и

короче—невольная, нервическая раздражительность смѣнила въ немъ прежнюю легкую иронію и напущенный цинизмъ.

— Что вы это безпрестанно таскаетесь сюда, молодой человѣкъ,—сказалъ онъ мнѣ однажды, оставшись со мною въ гостиной Засѣкиныхъ. (Княжна еще не возвращалась съ прогулки, а крикливый голосъ княгини раздавался въ мезонинѣ: она бранилась съ своей горничной).—Вамъ бы надобно учиться, работать—пока вы молоды—а вы что дѣлаете?

— Вы не можете знать, работаю ли я дома,—возразилъ я ему не безъ надменности, но и не безъ замѣшательства.

— Какая ужъ тутъ работа? у васъ не то на умѣ. Ну, я не спорю.... въ ваши годы это въ порядкѣ вещей. Да выборъ-то вашъ больно не удаченъ. Развѣ вы не видите, что это за домъ?

— Я васъ не понимаю,—замѣтилъ я.

— Не понимаете? тѣмъ хуже для васъ. Я считаю долгомъ предостеречь васъ. Нашему брату, старому холостяку, можно сюда ходить: что намъ дѣлается? мы народъ прокаленный, насъ ничѣмъ не проберешь, а у васъ кожица еще нѣжная; здѣсь для васъ воздухъ вредный — повѣрьте мнѣ, заразиться можете.

— Какъ такъ?

— Да такъ же. Развѣ вы здоровы теперь? Развѣ вы въ нормальномъ положеніи? Развѣ то, что вы чувствуете—полезно вамъ, хорошо?

— Да что же я чувствую? — сказалъ я — а самъ въ душѣ сознавалъ, что докторъ правъ.

— Эхъ, молодой человѣкъ, молодой человѣкъ, — продолжалъ докторъ съ такимъ выраженіемъ, какъ будто въ этихъ двухъ словахъ заключалось что-то для меня весьма обидное:—гдѣ вамъ хитрить, вѣдь у васъ еще, слава Богу, что на душѣ, то и на лицѣ. А впрочемъ, что толковать? Я

бы и самъ сюда не ходилъ, если бъ.... (докторъ стиснулъ зубы).... если бъ я не былъ такой же чудакъ. Только вотъ чему я удивляюсь: какъ вы, съ вашимъ умомъ, не видите, что дѣлается вокругъ васъ?

— А что же такое дѣлается? — подхватилъ я и весь насторожился.

Докторъ посмотрѣлъ на меня съ какимъ-то насмѣшливымъ сожалѣніемъ.

— Хорошъ же и я,—промолвилъ онъ, словно про себя,— очень нужно это ему говорить. Однимъ словомъ,—прибавилъ онъ, возвысивъ голосъ,—повторяю вамъ: здѣшняя атмосфера вамъ не годится. Вамъ здѣсь пріятно, да мало чего нѣтъ! и въ оранжереѣ тоже пріятно пахнетъ — да жить въ ней нельзя. Эй! послушайтесь, возьмитесь опять за Кайданова.

Княгиня вошла и начала жаловаться доктору на зубную боль. Потомъ явилась Зинаида.

— Вотъ,—прибавила княгиня,—г. докторъ, побраните-ка ее. Цѣлый день пьетъ воду со льдомъ; развѣ ей это здорово, при ея слабой груди?

— Зачѣмъ вы это дѣлаете?—спросилъ Лушинъ.

— А что изъ этого можетъ выйти?

— Что? вы можете простудиться и умереть.

— Въ самомъ дѣлѣ? Неужели? Ну, что жъ — туда и дорога!

— Вотъ какъ!—проворчалъ докторъ. Княгиня ушла.

— Вотъ какъ,—повторила Зинаида.—Развѣ жить такъ весело? оглянитесь-ка кругомъ.... Что—хорошо? Или вы думаете, что я этого не понимаю, не чувствую? Мнѣ доставляетъ удовольствіе— пить воду со льдомъ, и вы серьезно можете увѣрять меня, что такая жизнь стоитъ того, чтобъ не рискнуть ею за мигъ удовольствія — я уже о счастіи не говорю.

— Ну, да,—замѣтилъ Лушинъ:—капризъ и независи-

мость.... Эти два слова васъ исчерпываютъ: вся ваша натура въ этихъ двухъ словахъ.

Зинаида нервически засмѣялась.

— Опоздали почтой, любезный докторъ. Наблюдаете плохо; отстаете.—Надѣньте очки.—Не до капризовъ мнѣ теперь; васъ дурачить, себя дурачить.... куда какъ весело!—а что до независимости.... Мсьё Вольдемаръ,—прибавила вдругъ Зинаида и топнула ножкой,—не дѣлайте меланхолической физіономіи. Я терпѣть не могу, когда обо мнѣ сожалѣютъ.—Она быстро удалилась.

— Вредна, вредна вамъ здѣшняя атмосфера, молодой человѣкъ,—еще разъ сказалъ мнѣ Лушинъ.

XI.

Вечеромъ того же дня собрались у Засѣкиныхъ обычные гости; я былъ въ ихъ числѣ.

Разговоръ зашелъ о поэмѣ Майданова; Зинаида чистосердечно ее хвалила.—Но знаете ли что?—сказала она ему:—если бъ я была поэтомъ—я бы другіе брала сюжеты. Можетъ-быть, все это вздоръ,—но мнѣ иногда приходятъ въ голову странныя мысли, особенно когда я не сплю, передъ утромъ, когда небо начинаетъ становиться и розовымъ, и сѣрымъ. — Я бы, напримѣръ.... Вы не будете надо мной смѣяться?

— Нѣтъ! нѣтъ!—воскликнули мы всѣ въ одинъ голосъ.

— Я бы представила,—продолжала она, скрестивъ руки на груди и устремивъ глаза въ сторону, — цѣлое общество молодыхъ дѣвушекъ, ночью, въ большой лодкѣ—на тихой рѣкѣ. Луна свѣтитъ, а онѣ всѣ въ бѣломъ и въ вѣнкахъ изъ бѣлыхъ цвѣтовъ, и поютъ, знаете, что-нибудь въ родѣ гимна.

— Понимаю, понимаю, продолжайте,—значительно и мечтательно промолвилъ Майдановъ.

— Вдругъ—шумъ, хохотъ, факелы, бубны на берегу.... Это толпа вакханокъ бѣжитъ, съ пѣснями, съ крикомъ. Ужъ тутъ ваше дѣло нарисовать картину, господинъ поэтъ.... только я бы хотѣла, чтобы факелы были красны и очень бы дымились и чтобъ глаза у вакханокъ блестѣли подъ вѣнками, а вѣнки должны быть темные. Не забудьте также тигровыхъ кожъ и чашъ—и золота, много золота.

— Гдѣ же должно быть золото?—спросилъ Майдановъ, откидывая назадъ свои плоскіе волосы и расширяя ноздри.

— Гдѣ? на плечахъ, на рукахъ, на ногахъ, вездѣ. Говорятъ, въ древности женщины золотыя кольца носила на щиколоткахъ. Вакханки зовутъ къ себѣ дѣвушекъ въ лодкѣ. Дѣвушки перестали пѣть свой гимнъ—онѣ не могутъ его продолжать—но онѣ не шевелятся: рѣка подноситъ ихъ къ берегу. И вотъ, вдругъ одна изъ нихъ тихо поднимается.... Это надо хорошо описать: какъ она тихо встаетъ при лунномъ свѣтѣ, и какъ ея подруги пугаются.... Она перешагнула край лодки, вакханки ее окружили, умчали въ ночь, въ темноту.... Представьте тутъ дымъ клубами, и все смѣшалось. Только слышится ихъ визгъ, да вѣнокъ ея остался на берегу.

Зинаида умолкла. (О! она полюбила! — подумалъ я опять).

— И только?—спросилъ Майдановъ.

— Только,—отвѣчала она.

— Это не можетъ быть сюжетомъ для цѣлой поэмы,—важно замѣтилъ онъ,—но для лирическаго стихотворенія я вашей мыслію воспользуюсь.

— Въ романтическомъ родѣ?—спросилъ Малевскій.

— Конечно, въ романтическомъ родѣ, Байроновскомъ.

— А по моему, Гюго лучше Байрона,—небрежно промолвилъ молодой графъ:—интереснѣе.

— Гюго писатель первоклассный,—возразилъ Майда-

новъ,—и мой пріятель Тонкошеевъ, въ своемъ испанскомъ романѣ Эль-Тровадоръ....

— Ахъ, это та книга съ опрокинутыми вопросительными знаками?—перебила Зинаида.

— Да. Это такъ принято у испанцевъ! Я хотѣлъ сказать, что Тонкошеевъ....

— Ну! вы опять заспорите о классицизмѣ и романтизмѣ,—вторично перебила его Зинаида.—Давайте лучше играть....

— Въ фанты?—подхватилъ Лушинъ.

— Нѣтъ, въ фанты скучно; а въ сравненія. (Эту игру придумала сама Зинаида: назывался какой-нибудь предметъ, всякій старался сравнить его съ чѣмъ-нибудь, и тотъ, кто подбиралъ лучшее сравненіе, получалъ призъ). Она подошла къ окну. Солнце только-что сѣло; на небѣ высоко стояли длинныя, красныя облака.

— На что похожи эти облака?—спросила Зинаида и, не дожидаясь нашего отвѣта, сказала:—я нахожу, что они похожи на тѣ пурпуровые паруса, которые были на золотомъ кораблѣ у Клеопатры, когда она ѣхала навстрѣчу Антонію. Помните, Майдановъ, вы недавно мнѣ объ этомъ разсказывали?

Всѣ мы, какъ Полоній въ „Гамлетѣ", рѣшили, что облака напоминали именно эти паруса, и что лучшаго сравненія никто изъ насъ не пріищетъ.

— А сколько лѣтъ было тогда Антонію? — спросила Зинаида.

— Ужъ навѣрное былъ молодой человѣкъ,—замѣтилъ Малевскій.

— Да, молодой, — увѣрительно подтвердилъ Майдановъ.

— Извините, — воскликнулъ Лушинъ, — ему было за сорокъ лѣтъ.

— За сорокъ лѣтъ, — повторила Зинаида, взглянувъ на него быстрымъ взглядомъ....

Я скоро ушелъ домой. — „Она полюбила“, невольно шептали мои губы.... „Но кого?“

XII.

Дни проходили. Зинаида становилась все страннѣй, все непонятнѣй. Однажды я вошелъ къ ней и увидѣлъ ее сидящей на соломенномъ стулѣ, съ головой, прижатой къ острому краю стола. Она выпрямилась.... все лицо ея было облито слезами.

— А! вы!—сказала она съ жестокой усмѣшкой.— Подите-ка сюда.

Я подошелъ къ ней: она положила мнѣ руку на голову и, внезапно ухвативъ меня за волосы, начала крутить ихъ.

— Больно....—проговорилъ я наконецъ.

— А! больно! а мнѣ не больно? не больно? — повторила она.

— Ай!—вскрикнула она вдругъ, увидавъ, что выдернула у меня маленькую прядь волосъ.—Что это я сдѣлала? Бѣдный мсьё Вольдемаръ!

Она осторожно расправила вырванные волосы, обмотала ихъ вокругъ пальца и свернула ихъ въ колечко.

— Я ваши волосы къ себѣ въ медальонъ положу и носить ихъ буду, — сказала она, а у самой на глазахъ все блестѣли слезы. — Это васъ, быть-можетъ, утѣшитъ немного.... а теперь прощайте.

Я вернулся домой и засталъ тамъ непріятность. У матушки происходило объясненіе съ отцомъ: она въ чемъ-то упрекала его, а онъ, по своему обыкновенію, холодно и вѣжливо отмалчивался — и скоро уѣхалъ. Я не могъ слышать, о чемъ говорила матушка, да и мнѣ было не

до того; помню только, что по окончаніи объясненія, она велѣла позвать меня къ себѣ въ кабинетъ и съ большимъ неудовольствіемъ отозвалась о моихъ частыхъ посѣщеніяхъ у княгини, которая по ея словамъ, была une femme capable de tout. Я подошелъ къ ней къ ручкѣ (это я дѣлалъ всегда, когда хотѣлъ прекратить разговоръ) и ушелъ къ себѣ. Слезы Зинаиды меня совершенно сбили съ толку: я рѣшительно не зналъ, на какой мысли остановиться, и самъ готовъ былъ плакать: я все-таки былъ ребенкомъ, несмотря на мои шестнадцать лѣтъ. Уже я не думалъ болѣе о Малевскомъ, хотя Бѣловзоровъ съ каждымъ днемъ становился все грознѣе и грознѣе и глядѣлъ на увертливаго графа, какъ волкъ на барана; да я ни о чемъ и ни о комъ не думалъ. Я терялся въ соображеніяхъ и все искалъ уединенныхъ мѣстъ. Особенно полюбилъ я развалины оранжереи. Взберусь, бывало, на высокую стѣну, сяду, и сижу тамъ такимъ несчастнымъ, одинокимъ и грустнымъ юношей, что мнѣ самому становится себя жалко—и такъ мнѣ были отрадны эти горестныя ощущенія, такъ упивался я ими!...

Вотъ, однажды, сижу я на стѣнѣ, гляжу вдаль и слушаю колокольный звонъ.... вдругъ что-то пробѣжало по мнѣ—вѣтерокъ не вѣтерокъ и не дрожь, а словно дуновеніе, словно ощущеніе чьей-то близости.... Я опустилъ глаза. Внизу, по дорогѣ, въ легкомъ сѣренькомъ платьѣ, съ розовымъ зонтикомъ на плечѣ, поспѣшно шла Зинаида. Она увидѣла меня, остановилась и, откинувъ край соломенной шляны, подняла на меня свои бархатные глаза.

— Что это вы дѣлаете тамъ, на такой вышинѣ?— спросила она меня съ какой-то странной улыбкой.— Вотъ, — продолжала она, — вы все увѣряете, что вы меня любите—спрыгните ко мнѣ на дорогу, если вы дѣйствительно любите меня.

Не успѣла Зинаида произнести эти слова, какъ я уже

летѣлъ внизъ, точно кто подтолкнулъ меня сзади. Въ стѣнѣ было около двухъ саженъ вышины. Я пришелся о землю ногами, но толчекъ былъ такъ силенъ, что я не могъ удержаться: я упалъ и на мгновенье лишился сознанья. Когда я пришелъ въ себя, я, не раскрывая глазъ, почувствовалъ возлѣ себя Зинаиду. — „Милый мой мальчикъ,—говорила она, наклонясь надо мною—и въ голосѣ ея звучала встревоженная нѣжность,—какъ могъ ты это сдѣлать, какъ могъ ты послушаться.... вѣдь я люблю тебя.... встань“.

Ея грудь дышала возлѣ моей, ея руки касались моей головы, и вдругъ—что̀ сталось со мной тогда!—ея мягкія, свѣжія губы начали покрывать все мое лицо поцѣлуями.... онѣ коснулись моихъ губъ.... Но тутъ Зинаида, вѣроятно, догадалась, по выраженію моего лица, что я уже пришелъ въ себя, хотя я все глазъ не раскрывалъ—и, быстро приподнявшись, промолвила:—„Ну, вставайте, шалунъ, безумный; что это вы лежите въ пыли?“ — Я поднялся. — Подайте мнѣ мой зонтикъ, — сказала Зинаида,—вишь, я его куда бросила; да не смотрите на меня такъ.... что за глупости? вы не ушиблись? чай, обожглись въ крапивѣ? Говорятъ вамъ, не смотрите на меня.... Да онъ ничего не понимаетъ, не отвѣчаетъ, — прибавила она, словно про себя.... — Ступайте домой, мсьё Вольдемаръ, почиститесь, да не смѣйте идти за мной—а то я разсержусь, и уже больше никогда....

Она не договорила своей рѣчи и проворно удалилась, а я присѣлъ на дорогу.... ноги меня не держали. Крапива обожгла мнѣ руки, спина ныла и голова кружилась, но чувство блаженства, которое я испыталъ тогда, уже не повторилось въ моей жизни. Оно стояло сладкой болью во всѣхъ моихъ членахъ и разрѣшилось, наконецъ, восторженными прыжками и восклицаніями. Точно: я былъ еще ребенокъ.

XIII.

Я такъ былъ веселъ и гордъ весь этотъ день, я такъ живо сохранялъ на моемъ лицѣ ощущеніе Зинаидиныхъ поцѣлуевъ, я съ такимъ содроганіемъ восторга вспоминалъ каждое ея слово, я такъ лелѣялъ свое неожиданное счастіе, что мнѣ становилось даже страшно, не хотѣлось даже увидѣть ее, виновницу этихъ новыхъ ощущеній. Мнѣ казалось, что уже больше ничего нельзя требовать отъ судьбы, что теперь бы слѣдовало „взять, вздохнуть хорошенько въ послѣдній разъ, да и умереть". За то, на слѣдующій день, отправляясь во флигель, я чувствовалъ большое смущеніе, которое напрасно старался скрыть подъ личиною скромной развязности, приличной человѣку, желающему дать знать, что онъ умѣетъ сохранять тайну. Зинаида приняла меня очень просто, безъ всякаго волненія, только погрозила мнѣ пальцемъ и спросила: нѣтъ ли у меня синихъ пятенъ? Вся моя скромная развязность и таинственность исчезли мгновенно, а вмѣстѣ съ ними и смущеніе мое. Конечно, я ничего не ожидалъ особеннаго, но спокойствіе Зинаиды меня точно холодной водой окатило. Я понялъ, что я дитя въ ея глазахъ — и мнѣ стало очень тяжело! Зинаида ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, всякій разъ быстро улыбалась, какъ только взглядывала на меня; но мысли ея были далеко, я это ясно видѣлъ.... „Заговорить самому о вчерашнемъ дѣлѣ,—подумалъ я, — спросить ее, куда она такъ спѣшила, чтобы узнать окончательно...." но я только махнулъ рукой и присѣлъ въ уголокъ.

Бѣловзоровъ вошелъ; я ему обрадовался.

— Не нашелъ я вамъ верховой лошади, смирной, — заговорилъ онъ суровымъ голосомъ, —Фрейтагъ мнѣ ручается за одну—да я не увѣренъ. Боюсь.

— Чего же вы боитесь,—спросила Зинаида,—позвольте спросить?

— Чего? Вѣдь вы не умѣете ѣздить. Сохрани Богъ, что случится! И что за фантазія пришла вамъ вдругъ въ голову?

— Ну, это мое дѣло, мсьё мой звѣрь. Въ такомъ случаѣ, я попрошу Петра Васильевича.... (Моего отца звали Петромъ Васильевичемъ. Я удивился тому, что она такъ легко и свободно упомянула его имя, точно она была увѣрена въ его готовности услужить ей).

— Вотъ какъ, — возразилъ Бѣловзоровъ.—Вы это съ нимъ хотите ѣздить?

— Съ нимъ или съ другимъ—это для васъ все равно. Только не съ вами.

— Не со мной,—повторилъ Бѣловзоровъ. — Какъ хотите. Что жъ? Я вамъ лошадь доставлю.

— Да только смотрите, не корову какую-нибудь. Я васъ предувѣдомляю, что я хочу скакать.

— Скачите, пожалуй.... Съ кѣмъ же это, съ Малевскимъ, что ли, вы поѣдете?

— А почему бы и не съ нимъ, воинъ? Ну, успокойтесь,—прибавила она,—и не сверкайте глазами. Я и васъ возьму. Вы знаете, что для меня теперь Малевскій—фи!— Она тряхнула головой.

— Вы это говорите, чтобы меня утѣшить, — проворчалъ Бѣловзоровъ.

Зинаида прищурилась.—Это васъ утѣшаетъ? О.... о.... о.... воинъ!—сказала она наконецъ, какъ бы не найдя другого слова.—А вы, мсьё Вольдемаръ, поѣхали ли бы вы съ нами?

— Я не люблю.... въ большомъ обществѣ.... — пробормоталъ я, не поднимая глазъ.

— Вы предпочитаете tête-à-tête?... Ну, вольному воля, спасенному.... рай,—промолвила она вздохнувши.—Сту-

пайте же, Бѣловзоровъ, хлопочите. Мнѣ лошадь нужна къ завтрашнему дню.

— Да; а деньги откуда взять?—вмѣшалась княгиня.

Зинаида наморщила брови.

— Я у васъ ихъ не прошу; Бѣловзоровъ мнѣ повѣритъ.

— Повѣритъ, повѣритъ.... — проворчала княгиня — и вдругъ во все горло закричала:—Дуняшка!

— Maman, я вамъ подарила колокольчикъ,—замѣтила княжна.

— Дуняшка!—повторила старуха.

Бѣловзоровъ откланялся; я ушелъ вмѣстѣ съ нимъ. Зинаида меня не удерживала.

XIV.

На слѣдующее утро я всталъ рано, вырѣзалъ себѣ палку и отправился за заставу. Пойду, молъ, размыкаю свое горе. День былъ прекрасный, свѣтлый и не слишкомъ жаркій; веселый, свѣжій вѣтеръ гулялъ надъ землею и въ мѣру шумѣлъ и игралъ, все шевеля и ничего не тревожа. Я долго бродилъ по горамъ, по лѣсамъ; я не чувствовалъ себя счастливымъ, я вышелъ изъ дому съ намѣреніемъ предаться унынію, — но молодость, прекрасная погода, свѣжій воздухъ, потѣха быстрой ходьбы, нѣга уединеннаго лежанія на густой травѣ—взяли свое: воспоминаніе о тѣхъ незабвенныхъ словахъ, о тѣхъ поцѣлуяхъ, опять втѣснилось мнѣ въ душу. Мнѣ пріятно было думать, что Зинаида не можетъ, однако, не отдать справедливости моей рѣшимости, моему героизму.... „Другіе для нея лучше меня,—думалъ я,—пускай! За то, другіе только скажутъ, что сдѣлаютъ, а я сдѣлалъ! И то ли я въ состояніи еще сдѣлать для нея?“—Воображеніе мое заиграло. Я началъ представлять себѣ, какъ я буду спасать ее изъ

рукъ непріятелей, какъ я, весь облитый кровью, исторгну ее изъ темницы, какъ умру у ея ногъ. Я вспомнилъ картину, висѣвшую у насъ въ гостиной: Малекъ-Аделя, уносящаго Матильду—и тутъ же занялся появленіемъ большого пестраго дятла, который хлопотливо поднимался по тонкому стволу березы и съ безпокойствомъ выглядывалъ изъ-за нея, то направо, то налѣво, точно музыкантъ изъ-за шейки контрабаса.

Потомъ я запѣлъ: „Не бѣлы снѣги“, и свелъ на извѣстный въ то время романсъ: „Я жду тебя, когда зефиръ игривый“; потомъ я началъ громко читать обращеніе Ермака къ звѣздамъ изъ трагедіи Хомякова; попытался-было сочинить что-нибудь въ чувствительномъ родѣ, придумалъ даже строчку, которой должно было заканчиваться все стихотвореніе: „о, Зинаида! Зинаида!“ но ничего не вышло. Между тѣмъ, наступало время обѣда. Я спустился въ долину; узкая песчаная дорожка вилась по ней и вела въ городъ. Я пошелъ по этой дорожкѣ.... Глухой стукъ лошадиныхъ копытъ раздался за мною. Я оглянулся, невольно остановился и снялъ фуражку: я увидѣлъ моего отца и Зинаиду. Они ѣхали рядомъ. Отецъ говорилъ ей что-то, перегнувшись къ ней всѣмъ станомъ и опершись рукою на шею лошади; онъ улыбался. Зинаида слушала его молча, строго опустивъ глаза и сжавши губы. Я сперва увидалъ ихъ однихъ; только черезъ нѣсколько мгновеній, изъ-за поворота долины, показался Бѣловзоровъ, въ гусарскомъ мундирѣ съ ментикомъ, на опѣненномъ ворономъ конѣ. Добрый конь моталъ головою, фыркалъ и плясалъ: всадникъ и сдерживалъ его, и шпорилъ. Я посторонился. Отецъ подобралъ поводья, отклонился отъ Зинаиды, она медленно подняла на него глаза—и оба поскакали.... Бѣловзоровъ промчался вслѣдъ за ними, гремя саблей. „Онъ красенъ, какъ ракъ,—подумалъ я,—а она.... Отчего она такая блѣдная? ѣздила верхомъ цѣлое утро—и блѣдная?

Я удвоилъ шаги и поспѣлъ домой передъ самымъ обѣдомъ. Отецъ уже сидѣлъ, переодѣтый, вымытый и свѣжій, возлѣ матушкинаго кресла и читалъ ей своимъ ровнымъ и звучнымъ голосомъ фельетонъ Journal des Débats; но матушка слушала его безъ вниманія и, увидавши меня, спросила, гдѣ я пропадалъ цѣлый день, и прибавила, что не любитъ, когда таскаются Богъ знаетъ гдѣ и Богъ знаетъ съ кѣмъ. Да я гулялъ одинъ, хотѣлъ-было я отвѣтить, но посмотрѣлъ на отца и почему-то промолчалъ.

XV.

Въ теченіе слѣдующихъ пяти-шести дней я почти не видѣлъ Зинаиды: она сказывалась больной, что̀ не мѣшало, однако, обычнымъ посѣтителямъ флигеля являться—какъ они выражались—на свое дежурство—всѣмъ, кромѣ Майданова, который тотчасъ падалъ духомъ и скучалъ, какъ только не имѣлъ случая восторгаться. Бѣловзоровъ сидѣлъ угрюмо въ углу, весь застегнутый и красный; на тонкомъ лицѣ графа Малевскаго постоянно бродила какая-то недобрая улыбка; онъ, дѣйствительно, впалъ въ немилость у Зинаиды и съ особеннымъ стараньемъ подслуживался старой княгинѣ, ѣздилъ съ ней въ ямской каретѣ къ генералъ-губернатору. Впрочемъ, эта поѣздка оказалась неудачной, и Малевскому вышла даже непріятность: ему напомнили какую-то исторію съ какими-то путейскими офицерами—и онъ долженъ былъ, въ объясненіяхъ своихъ, сказать, что былъ тогда неопытенъ. Лушинъ пріѣзжалъ раза по два въ день, но оставался недолго; я немножко боялся его послѣ нашего послѣдняго объясненія и, въ то же время, чувствовалъ къ нему искреннее влеченіе. Онъ однажды пошелъ гулять со мною по Нескучному саду, былъ очень добродушенъ и любезенъ, сообщалъ мнѣ названія и свойства разныхъ травъ и цвѣ-

товъ, и вдругъ, какъ говорится—ни къ селу, ни къ городу—воскликнулъ, ударивъ себя по лбу: а я, дуракъ, думалъ, что она кокетка! видно — жертвовать собою сладко—для иныхъ.

— Что вы хотите этимъ сказать?—спросилъ я.

— Вамъ я ничего не хочу сказать,—отрывисто возразилъ Лушинъ.

Меня Зинаида избѣгала: мое появленіе — я не могъ этого не замѣтить—производило на нее впечатлѣніе непріятное. Она невольно отворачивалась отъ меня.... невольно; вотъ, что̀ было горько, вотъ, что̀ меня сокрушало! Но дѣлать было нечего—и я старался не попадаться ей на глаза, и лишь издали ее подкарауливалъ, что̀ не всегда мнѣ удавалось. Съ ней, попрежнему, происходило что-то непонятное; ея лицо стало другое, вся она другая стала. Особенно поразила меня происшедшая въ ней перемѣна—въ одинъ теплый, тихій вечеръ. Я сидѣлъ на низенькой скамеечкѣ, подъ широкимъ кустомъ бузины; я любилъ это мѣстечко: оттуда было видно окно Зинаидиной комнаты. Я сидѣлъ; надъ моей головой, въ потемнѣвшей листвѣ, хлопотливо ворошилась маленькая птичка; сѣрая кошка, вытянувъ спину, осторожно кралась въ садъ, и первые жуки тяжело гудѣли въ воздухѣ, еще прозрачномъ, хотя уже не свѣтломъ. Я сидѣлъ, и смотрѣлъ на окно, и ждалъ, не отворится ли оно: точно—оно отворилось, и въ немъ появилась Зинаида. На ней было бѣлое платье — и сама она, ея лицо, плечи, руки — были блѣдны до бѣлизны. Она долго осталась неподвижной и долго глядѣла неподвижно и прямо изъ-подъ сдвинутыхъ бровей. Я и не зналъ за ней такого взгляда. Потомъ она стиснула руки, крѣпко-крѣпко, поднесла ихъ къ губамъ, ко лбу—и вдругъ, раздернувъ пальцы, откинула волосы отъ ушей, встряхнула ими и, съ какой-то рѣшительностью кивнувъ сверху внизъ головою, захлопнула окно.

Дня три спустя, она встрѣтила меня въ саду. Я хотѣлъ уклониться въ сторону, но она сама меня остановила.

— Дайте мнѣ руку, — сказала она мнѣ съ прежней лаской,—мы давно съ вами не болтали.

Я взглянулъ на нее: глаза ея тихо свѣтились, и лицо улыбалось, точно сквозь дымку.

— Вы все еще нездоровы?—спросилъ я ее.

— Нѣтъ, теперь все прошло, — отвѣчала она и сорвала небольшую красную розу.—Я немножко устала, но и это пройдетъ.

— И вы опять будете такая же, какъ прежде?—спросилъ я.

Зинаида поднесла розу къ лицу—и мнѣ показалось, какъ будто отблескъ яркихъ лепестковъ упалъ ей на щеки.—Развѣ я измѣнилась?—спросила она меня.

— Да, измѣнились,—отвѣтилъ я вполголоса.

— Я съ вами была холодна—я знаю,—начала Зинаида,—но вы не должны были обращать на это вниманія.... Я не могла иначе.... Ну, да что̀ объ этомъ говорить!

— Вы не хотите, чтобъ я любилъ васъ—вотъ что!—воскликнулъ я мрачно, съ невольнымъ порывомъ.

— Нѣтъ, любите меня, но не такъ, какъ прежде.

— Какъ же?

— Будемте друзьями—вотъ какъ!—Зинаида дала мнѣ понюхать розу. — Послушайте, вѣдь я гораздо старше васъ—я могла бы быть вашей тетушкой, право; ну, не тетушкой, старшей сестрой. А вы....

— Я для васъ ребенокъ,—перебилъ я ее.

— Ну, да, ребенокъ, но милый, хорошій, умный, котораго я очень люблю. Знаете ли, что? Я васъ съ нынѣшняго же дня жалую къ себѣ въ пажи; а вы не забывайте, что пажи не должны отлучаться отъ своихъ госпожъ. Вотъ вамъ знакъ вашего новаго достоинства—прибавила она, вдѣвая розу въ петлю моей курточки:—знакъ нашей къ вамъ милости.

— Я отъ васъ прежде получалъ другія милости,—пробормоталъ я.

— А!—промолвила Зинаида и сбоку посмотрѣла на меня. — Какая у него память! Что жъ? я и теперь готова....

И, склонившись ко мнѣ, она напечатлѣла мнѣ на лобъ чистый, спокойный поцѣлуй.

Я только посмотрѣлъ на нее—а она отвернулась и, сказавши:—ступайте за мной, мой пажъ,—пошла къ флигелю. Я отправился вслѣдъ за нею—и все недоумѣвалъ. „Неужели,—думалъ я,—эта кроткая, разсудительная дѣвушка — та самая Зинаида, которую я зналъ?“ И походка ея мнѣ казалась тише — вся ея фигура величественнѣе и стройнѣй....

И, Боже мой! съ какой новой силой разгоралась во мнѣ любовь.

XVI.

Послѣ обѣда опять собрались во флигелѣ гости — и княжна вышла къ нимъ. Все общество было на лицо, въ полномъ составѣ, какъ въ тотъ первый, незабвенный для меня вечеръ: даже Нирмацкій притащился; Майдановъ пришелъ въ этотъ разъ раньше всѣхъ—онъ принесъ новые стихи. Начались опять игры въ фанты, но уже безъ прежнихъ странныхъ выходокъ, безъ дурачествъ и шума—цыганскій элементъ исчезъ. Зинаида дала новое настроеніе нашей сходкѣ. Я сидѣлъ подлѣ нея, по праву пажа. Между прочимъ, она предложила, чтобы тотъ, чей фантъ вынется, разсказывалъ свой сонъ, но это не удалось. Сны выходили либо неинтересные (Бѣловзоровъ видѣлъ во снѣ, что накормилъ свою лошадь карасями, и что у ней была деревянная голова), либо неестественные, сочиненные. Майдановъ угостилъ насъ цѣлою повѣстью: тутъ были и

могильные склепы, и ангелы съ лирами, и говорящіе цвѣты, и несущіеся издалека звуки. Зинаида не дала ему докончить. Коли ужъ дѣло пошло на сочиненія,—сказала она,—такъ пускай каждый разскажетъ что-нибудь, непремѣнно выдуманное. — Первому досталось говорить тому же Бѣловзорову.

Молодой гусаръ смутился.—Я ничего выдумать не могу!—воскликнулъ онъ.

— Какіе пустяки!—подхватила Зинаида.—Ну, вообразите себѣ, напримѣръ, что вы женаты, и разскажите намъ, какъ бы вы проводили время съ вашей женой. Вы бы ее заперли?

— Я бы ее заперъ.

— И сами бы сидѣли съ ней?

— И самъ непремѣнно сидѣлъ бы съ ней.

— Прекрасно. Ну, а если бы ей это надоѣло, и она бы измѣнила вамъ?

— Я бы ее убилъ.

— А если бъ она убѣжала?

— Я бы догналъ ее, и все-таки бы убилъ.

— Такъ. Ну, а положимъ, я была бы вашей женой, что̀ бы вы тогда сдѣлали?

Бѣловзоровъ помолчалъ.—Я бы себя убилъ....

Зинаида засмѣялась.—Я вижу, у васъ недолга пѣсня.

Второй фантъ вышелъ Зинаидинъ. Она подняла глаза къ потолку и задумалась. — Вотъ, послушайте,—начала она наконецъ,—что̀ я выдумала.... Представьте себѣ великолѣпный чертогъ, лѣтнюю ночь и удивительный балъ. Балъ этотъ даетъ молодая королева. Вездѣ золото, мраморъ, хрусталь, шелкъ, огни, алмазы, цвѣты, куренья, всѣ прихоти роскоши.

— Вы любите роскошь?—перебилъ ее Лушинъ.

— Роскошь красива, — возразила она,—я люблю все красивое.

— Больше прекраснаго?—спросилъ онъ.

— Это что-то хитро, не понимаю. Не мѣшайте мнѣ. Итакъ, балъ великолѣпный. Гостей множество, всѣ они молоды, прекрасны, храбры, всѣ безъ памяти влюблены въ королеву.

— Женщинъ нѣтъ въ числѣ гостей? — спросилъ Малевскій.

— Нѣтъ—или погодите—есть.

— Все некрасивыя?

— Прелестныя. Но мужчины всѣ влюблены въ королеву. Она высока и стройна; у ней маленькая золотая діадема на черныхъ волосахъ.

Я посмотрѣлъ на Зинаиду — и въ это мгновеніе она мнѣ показалась настолько выше всѣхъ насъ, отъ ея бѣлаго лба, отъ ея недвижныхъ бровей вѣяло такимъ свѣтлымъ умомъ и такою властію, что я подумалъ: „ты сама эта королева!“

— Всѣ толпятся вокругъ нея,—продолжала Зинаида,—всѣ расточаютъ передъ ней самыя льстивыя рѣчи.

— А она любитъ лесть?—спросилъ Лушинъ.

— Какой несносный! все перебиваетъ.... Кто же не любитъ лести?

— Еще одинъ, послѣдній вопросъ,—замѣтилъ Малевскій:—у королевы есть мужъ?

— Я объ этомъ и не подумала. Нѣтъ, зачѣмъ мужъ?

— Конечно,—подхватилъ Малевскій,—зачѣмъ мужъ.

— Silence!—воскликнулъ Майдановъ, который по-французски говорилъ плохо.

— Mercі,—сказала ему Зинаида. — Итакъ, королева слушаетъ эти рѣчи, слушаетъ музыку, но не глядитъ ни на кого изъ гостей. Шесть оконъ раскрыты сверху до низу, отъ потолка до полу, а за ними темное небо съ большими звѣздами, да темный садъ съ большими деревьями. Королева глядитъ въ садъ. Тамъ, около деревьевъ, фон-

танъ: онъ бѣлѣетъ во мракѣ — длинный, длинный, какъ привидѣніе. Королева слышитъ, сквозь говоръ и музыку, тихій плескъ воды. Она смотритъ и думаетъ; вы всѣ, господа, благородны, умны, богаты, вы окружили меня, вы дорожите каждымъ моимъ словомъ, вы всѣ готовы умереть у моихъ ногъ, я владѣю вами.... а тамъ, возлѣ фонтана, возлѣ этой плещущей воды, стоитъ и ждетъ меня тотъ, кого я люблю, кто мною владѣетъ. На немъ нѣтъ ни богатаго платья, ни драгоцѣнныхъ камней, никто его не знаетъ, но онъ ждетъ меня и увѣренъ, что я приду—и я приду, и нѣтъ такой власти, которая бы остановила меня, когда я захочу пойти къ нему, и остаться съ нимъ, и потеряться съ нимъ тамъ, въ темнотѣ сада, подъ шорохъ деревьевъ, подъ плескъ фонтана....

Зинаида умолкла.

— Это выдумка?—хитро спросилъ Малевскій.

Зинаида даже не посмотрѣла на него.

— А что бы мы сдѣлали, господа,—вдругъ заговорилъ Лушинъ, — если бы мы были въ числѣ гостей и знали про этого счастливца у фонтана?

— Постойте, постойте,—перебила Зинаида: — я сама скажу вамъ, что бы каждый изъ васъ сдѣлалъ. Вы, Бѣловзоровъ, вызвали бы его на дуэль; вы, Майдановъ, написали бы на него эпиграмму.... Впрочемъ, нѣтъ — вы не умѣете писать эпиграммъ: вы сочинили бы на него длинный ямбъ, въ родѣ Барбье, и помѣстили бы ваше произведеніе въ „Телеграфѣ“. Вы, Нирмацкій, заняли бы у него.... нѣтъ, вы бы дали ему взаймы денегъ за проценты; вы, докторъ....—Она остановилась....—Вотъ, я про васъ не знаю, что бы вы сдѣлали.

— По званію лейбъ-медика,—отвѣчалъ Лушинъ,—я бы присовѣтовалъ королевѣ не давать баловъ, когда ей не до гостей....

— Можетъ-быть, вы были бы правы. А вы, графъ?...

— А я? — повторилъ со своей недоброй улыбкой Малевскій....

— А вы бы поднесли ему отравленную конфетку.

Лицо Малевскаго слегка перекосилось и приняло на мигъ жидовское выраженіе, но онъ тотчасъ же захохоталъ.

— Что же касается до васъ, Вольдемаръ....—продолжала Зинаида,—впрочемъ, довольно; давайте играть въ другую игру.

— Мсьё Вольдемаръ, въ качествѣ пажа королевы, держалъ бы ей шлейфъ, когда бы она побѣжала въ садъ,— ядовито замѣтилъ Малевскій.

Я вспыхнулъ, но Зинаида проворно положила мнѣ на плечо руку и, приподнявшись, промолвила слегка дрожащимъ голосомъ: — Я никогда не давала вашему сіятельству права быть дерзкимъ, и потому прошу васъ удалиться. Она указала ему на дверь.

— Помилуйте, княжна, — пробормоталъ Малевскій и весь поблѣднѣлъ.

— Княжна права,—воскликнулъ Бѣловзоровъ и тоже поднялся.

— Я, ей-Богу, никакъ не ожидалъ,—продолжалъ Малевскій: — въ моихъ словахъ, кажется, ничего не было такого.... у меня и въ мысляхъ не было оскорбить васъ.... Простите меня.

Зинаида окинула его холоднымъ взглядомъ и холодно усмѣхнулась.—Пожалуй, останьтесь, — промолвила она съ небрежнымъ движеніемъ руки.—Мы съ мсьё Вольдемаромъ напрасно разсердились. Вамъ весело жалиться.... на здоровье.

— Простите меня, — еще разъ повторилъ Малевскій; а я, вспоминая движеніе Зинаиды, подумалъ опять, что настоящая королева не могла бы съ большимъ достоинствомъ указать дерзновенному на дверь.

Игра въ фанты продолжалась недолго послѣ этой небольшой сцены; всѣмъ немного стало неловко, не столько отъ самой этой сцены, сколько отъ другого, не совсѣмъ опредѣленнаго, но тяжелаго чувства. Никто о немъ не говорилъ, но всякій сознавалъ его и въ себѣ, и въ своемъ сосѣдѣ. Майдановъ прочелъ намъ свои стихи — и Малевскій съ преувеличеннымъ жаромъ расхвалилъ ихъ.—Какъ ему теперь хочется показаться добрымъ, — шепнулъ мнѣ Лушинъ. Мы скоро разошлись. На Зинаиду внезапно напало раздумье; княгиня выслала сказать, что у ней голова болитъ; Нирмацкій сталъ жаловаться на свои ревматизмы....

Я долго не могъ заснуть, меня поразилъ разсказъ Зинаиды.—Неужели въ немъ заключался намекъ?—спрашивалъ я самого себя:—и на кого, на что она намекала? И если, точно, есть на что намекнуть.... какъ же рѣшиться? Нѣтъ, нѣтъ, не можетъ быть,—шепталъ я, переворачиваясь съ одной горячей щеки на другую.... Но я вспоминалъ выраженіе лица Зинаиды во время ея разсказа.... я вспоминалъ восклицаніе, вырвавшееся у Лушина въ Нескучномъ, внезапныя перемѣны въ ея обращеніи со мною—и терялся въ догадкахъ. „Кто онъ?“ Эти два слова точно стояли передъ моими глазами, начертанныя во мракѣ;—точно низкое, зловѣщее облако повисло надо мною— и я чувствовалъ его давленіе—и ждалъ, что вотъ-вотъ оно разразится. Ко многому я привыкъ въ послѣднее время, на многое насмотрѣлся у Засѣкиныхъ; ихъ безпорядочность, сальные огарки, сломанные ножи и вилки, мрачный Вонифатій, обтёрханныя горничныя, манеры самой княгини — вся эта странная жизнь уже не поражала меня болѣе.... Но къ тому, что̀ мнѣ смутно чудилось теперь въ Зинаидѣ,—я привыкнуть не могъ.... Авантюрьерка— сказала про нее однажды моя мать. Авантюрьерка—она, мой идолъ, мое божество! Это названіе жгло меня, я ста-

рался уйти отъ него въ подушку, я негодовалъ — и въ то же время, на что̀ бы я не согласился, чего бы я не далъ, чтобы только быть тѣмъ счастливцемъ у фонтана!...

Кровь во мнѣ загорѣлась и расходилась. „Садъ.... фонтанъ....“—подумалъ я....—„Пойду-ка я въ садъ“. Я проворно одѣлся и выскользнулъ изъ дому. Ночь была темна, деревья чуть шептали; съ неба падалъ тихій холодокъ, отъ огорода тянуло запахомъ укропа. Я обошелъ всѣ аллеи; легкій звукъ моихъ шаговъ меня и смущалъ, и бодрилъ; я останавливался, ждалъ и слушалъ, какъ стукало мое сердце—крупно и скоро. Наконецъ, я приблизился къ забору и оперся на тонкую жердь. Вдругъ—или это мнѣ почудилось?—въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня промелькнула женская фигура.... Я усиленно устремилъ взоръ въ темноту—я притаилъ дыханіе. Что это? Шаги ли мнѣ слышатся—или это опять стучитъ мое сердце?—Кто здѣсь? — пролепеталъ я едва внятно. Что это опять? подавленный ли смѣхъ?... или шорохъ въ листьяхъ.... или вздохъ надъ самымъ ухомъ? Мнѣ стало страшно....—Кто здѣсь?—повторилъ я еще тише.

Воздухъ заструился на мгновеніе; по небу сверкнула огненная полоска: звѣзда покатилась.—Зинаида?—хотѣлъ спросить я, но звукъ замеръ у меня на губахъ. И вдругъ все стало глубоко безмолвно кругомъ, какъ это часто бываетъ въ срединѣ ночи.... Даже кузнечики перестали трещать въ деревьяхъ—только окошко гдѣ-то звякнуло. Я постоялъ, постоялъ и вернулся въ свою комнату, къ своей простывшей постели. Я чувствовалъ странное волненіе: точно я ходилъ на свиданіе—и остался одинокимъ и прошелъ мимо чужого счастія.

XVII.

На слѣдующій день я видѣлъ Зинаиду только мелькомъ: она ѣздила куда-то съ княгинею на извозчикѣ. За то я

видѣлъ Лушина, который, впрочемъ, едва удостоилъ меня привѣта, и Малевскаго. Молодой графъ осклабился и дружелюбно заговорилъ со мною. Изъ всѣхъ посѣтителей флигелька онъ одинъ умѣлъ втереться къ намъ въ домъ и полюбился матушкѣ. Отецъ его не жаловалъ и обращался съ нимъ до оскорбительности вѣжливо.

— Ah, monsieur le page,—началъ Малевскій,—очень радъ васъ встрѣтить. Что дѣлаетъ ваша прекрасная королева?

Его свѣжее, красивое лицо такъ мнѣ было противно въ эту минуту — и онъ глядѣлъ на меня такъ презрительно-игриво, что я не отвѣчалъ ему вовсе.

— Вы все сердитесь?—продолжалъ онъ. — Напрасно. Вѣдь не я васъ назвалъ пажемъ, а пажи бываютъ преимущественно у королевъ. Но позвольте вамъ замѣтить, что вы худо исполняете свою обязанность.

— Какъ такъ?

— Пажи должны быть неотлучны при своихъ владычицахъ; пажи должны все знать, что онѣ дѣлаютъ, они должны даже наблюдать за ними,—прибавилъ онъ, понизивъ голосъ,—днемъ и ночью.

— Что вы хотите сказать?

— Что я хочу сказать? Я, кажется, ясно выражаюсь. Днемъ—и ночью. Днемъ еще такъ и сякъ; днемъ свѣтло и людно; но ночью—тутъ какъ разъ жди бѣды. Совѣтую вамъ не спать по ночамъ и наблюдать, наблюдать изъ всѣхъ силъ. Помните—въ саду, ночью, у фонтана—вотъ гдѣ надо караулить. Вы мнѣ спасибо скажете.

Малевскій засмѣялся и повернулся ко мнѣ спиной. Онъ, вѣроятно, не придавалъ особеннаго значенья тому, что сказалъ мнѣ; онъ имѣлъ репутацію отличнаго мистификатора и славился своимъ умѣніемъ дурачить людей на маскарадахъ, чему весьма способствовала та, почти безсознательная лживость, которою было проникнуто все его су-

щество.... Онъ хотѣлъ только подразнить меня; но каждое его слово протекло ядомъ по всѣмъ моимъ жиламъ. Кровь бросилась мнѣ въ голову. „А! вотъ что!—сказалъ я самому себѣ: — добро! Стало-быть, меня не даромъ тянуло въ садъ! Такъ не бывать же этому!“—воскликнулъ я громко и ударилъ кулакомъ себя въ грудь, хотя я собственно и не зналъ—чему не бывать.—„Самъ ли Малевскій пожалуетъ въ садъ, — думалъ я (онъ, можетъ-быть, проболтался: на это дерзости у него станетъ) — другой ли кто—(ограда нашего сада была очень низка и никакого труда не стоило перелѣзть черезъ нее) — но только не сдобровать тому, кто мнѣ попадется! Никому не совѣтую встрѣчаться со мною! Я докажу всему свѣту и ей, измѣнницѣ, (я такъ-таки и назвалъ ее измѣнницей)—что я умѣю мстить!“

Я вернулся къ себѣ въ комнату, досталъ изъ письменнаго стола недавно купленный англійскій ножикъ, пощупалъ остріе лезвія и, нахмуривъ брови, съ холодной и сосредоточенной рѣшительностью сунулъ его себѣ въ карманъ, точно мнѣ такія дѣла дѣлать было не въ диво и не въ первой. Сердце во мнѣ злобно приподнялось и окаменѣло: я до самой ночи не раздвинулъ бровей и не разжалъ губъ, и то и дѣло похаживалъ взадъ и впередъ, стискивая рукою въ карманѣ разогрѣвшійся ножъ и заранѣе приготовляясь къ чему-то страшному. Эти новыя, небывалыя ощущенія до того занимали и даже веселили меня, что собственно о Зинаидѣ я мало думалъ. Мнѣ все мерещились:—Алеко, молодой цыганъ—„куда, красавецъ молодой?—Лежи....“ а потомъ: „ты весь обрызганъ кровью!... О, что ты сдѣлалъ?... Ничего!“ Съ какой жестокой улыбкой я повторилъ это: ничего! Отца не было дома; но матушка, которая съ нѣкотораго времени находилась въ состояніи почти постояннаго глухого раздраженія, обратила вниманіе на мой фатальный видъ и сказала мнѣ за

ужиномъ:—чего ты дуешься, какъ мышь на крупу?—Я только снисходительно усмѣхнулся ей въ отвѣтъ и подумалъ: „если бъ они знали!“ Пробило 11 часовъ; я ушелъ къ себѣ, но не раздѣвался; я выжидалъ полночи; наконецъ, пробила и она. „Пора!“ шепнулъ я сквозь зубы и, застегнувшись доверху, засучивъ даже рукава, отправился въ садъ.

Я уже заранѣе выбралъ себѣ мѣсто, гдѣ караулить. На концѣ сада, тамъ, гдѣ заборъ, раздѣлявшій наши и Засѣкинскія владѣнія, упирался въ общую стѣну, росла одинокая ель. Стоя подъ ея низкими, густыми вѣтвями, я могъ хорошо видѣть, насколько позволяла ночная темнота, что происходило вокругъ; тутъ же вилась дорожка, которая мнѣ всегда казалась таинственной: она змѣей проползала подъ заборомъ, носившимъ въ этомъ мѣстѣ слѣды перелѣзавшихъ ногъ, и вела къ круглой бесѣдкѣ изъ сплошныхъ акацій. Я добрался до ели, прислонился къ ея стволу и началъ караулить.

Ночь стояла такая же тихая, какъ и наканунѣ; но на небѣ было меньше тучъ — и очертанья кустовъ, даже высокихъ цвѣтовъ, яснѣе виднѣлись. Первыя мгновенья ожиданія были томительны, почти страшны. Я на все рѣшился, я только соображалъ: какъ мнѣ поступить? Загремѣть ли: „Куда идешь? Стой! сознайся—или смерть!“—или просто поразить.... Каждый звукъ, каждый шорохъ и шелестъ казался мнѣ значительнымъ, необычайнымъ.... Я готовился.... Я наклонился впередъ.... Но прошло полчаса, прошелъ часъ: кровь моя утихала, холодѣла; сознаніе, что я напрасно все это дѣлаю, что я даже нѣсколько смѣшонъ, что Малевскій подшутилъ надо мною—начало прокрадываться мнѣ въ душу. Я покинулъ мою засаду и обошелъ весь садъ. Какъ нарочно, нигдѣ не было слышно малѣйшаго шума; все покоилось; даже собака наша спала, свернувшись въ клубочекъ у калитки. Я

взобрался на развалину оранжереи, увидѣлъ предъ собою далекое поле, вспомнилъ встрѣчу съ Зинаидой и задумался....

Я вздрогнулъ.... Мнѣ почудился скрипъ отворявшейся двери, потомъ легкій трескъ переломаннаго сучка. Я въ два прыжка спустился съ развалины—и замеръ на мѣстѣ. Быстрые, легкіе, но осторожные шаги явственно раздавались въ саду. Они приближались ко мнѣ. „Вотъ онъ.... Вотъ онъ, наконецъ!“ промчалось у меня по сердцу. Я судорожно выдернулъ ножъ изъ кармана, судорожно раскрылъ его—какія-то красныя искры закрутились у меня въ глазахъ, отъ страха и злости на головѣ зашевелились волосы.... Шаги направлялись прямо на меня—я сгибался, я тянулся имъ навстрѣчу.... Показался человѣкъ.... Боже мой! это былъ мой отецъ!

Я тотчасъ узналъ его, хотя онъ весь закутался въ темный плащъ, и шляпу надвинулъ на лицо. На цыпочкахъ прошелъ онъ мимо. Онъ не замѣтилъ меня, хотя меня ничто не скрывало, но я такъ скорчился и съежился, что, кажется, сравнился съ самою землею. Ревнивый, готовый на убійство Отелло внезапно превратился въ школьника.... Я до того испугался неожиданнаго появленія отца, что даже, на первыхъ порахъ, не замѣтилъ, откуда онъ шелъ и куда исчезъ. Я только тогда выпрямился и подумалъ: „зачѣмъ это отецъ ходитъ ночью по саду“,—когда опять все утихло вокругъ. Со страху, я уронилъ ножъ въ траву, но даже искать его не сталъ: мнѣ было очень стыдно. Я разомъ отрезвился. Возвращаясь домой, я, однако, подошелъ къ моей скамеечкѣ подъ кустомъ бузины и взглянулъ на окошко Зинаидиной спальни. Небольшія, немного выгнутыя стекла окошка тускло синѣли при слабомъ свѣтѣ, падавшемъ съ ночного неба. Вдругъ—цвѣтъ ихъ сталъ измѣняться.... За ними—я это видѣлъ, видѣлъ явственно—осторожно

и тихо спускалась бѣловатая штора, спустилась до оконницы—и такъ и осталась неподвижной.

— Что жъ это такое? — проговорилъ я вслухъ, почти невольно, когда снова очутился въ своей комнатѣ.—Сонъ, случайность, или.... Предположенія, которыя внезапно вошли мнѣ въ голову, такъ были новы и странны, что я не смѣлъ даже предаться имъ.

XVIII.

Я всталъ поутру съ головною болью. Вчерашнее волненіе исчезло. Оно замѣнилось тяжелымъ недоумѣніемъ и какою-то, еще небывалою, грустью—точно во мнѣ что-то умирало.

— Что это вы смотрите кроликомъ, у котораго вынули половину мозга?—сказалъ мнѣ, встрѣтившись со мною, Лушинъ. За завтракомъ я украдкой взглядывалъ то на отца, то на мать: онъ былъ спокоенъ, по обыкновенію; она, по обыкновенію, тайно раздражалась. Я ждалъ, не заговоритъ ли отецъ со мною дружелюбно, какъ это иногда съ нимъ случалось.... Но онъ даже не поласкалъ меня своею вседневною, холодною лаской. „Разсказать все Зинаидѣ?“ подумалъ я.... „Вѣдь уже все равно—все кончено между нами“. Я отправился къ ней, но не только ничего не разсказалъ ей—даже побесѣдовать съ ней мнѣ не удалось, какъ бы хотѣлось. Къ княгинѣ на вакацію пріѣхалъ изъ Петербурга родной ея сынъ, кадетъ, лѣтъ двѣнадцати; Зинаида тотчасъ поручила мнѣ своего брата.—Вотъ вамъ,—сказала она,—мой милый Володя, (она въ первый разъ такъ меня называла) товарищъ. Его тоже зовутъ Володей. Пожалуйста, полюбите его; онъ еще дичокъ, но у него сердце доброе. Покажите ему Нескучное, гуляйте съ нимъ, возьмите его подъ свое покровительство. Не правда ли, вы это сдѣлаете? вы тоже такой добрый!—

Она ласково положила мнѣ обѣ руки на плечи—а я совсѣмъ потерялся. Прибытіе этого мальчика превращало меня самого въ мальчика. Я глядѣлъ молча на кадета, который такъ же безмолвно уставился на меня. Зинаида расхохоталась и толкнула насъ другъ на друга. — Да обнимитесь же, дѣти!—Мы обнялись. — Хотите, я васъ поведу въ садъ?—спросилъ я кадета.

— Извольте-съ,—отвѣчалъ онъ сиплымъ, прямо кадетскимъ голосомъ. Зинаида опять разсмѣялась.... Я успѣлъ замѣтить, что никогда еще не было у ней на лицѣ такихъ прелестныхъ красокъ. Мы съ кадетомъ отправились. У насъ въ саду стояли старенькія качели. Я его посадилъ на тоненькую дощечку и началъ его качать. Онъ сидѣлъ неподвижно, въ новомъ своемъ мундирчикѣ изъ толстаго сукна, съ широкими золотыми позументами и крѣпко держался за веревки. — Да вы разстегните свой воротникъ,—сказалъ я ему.—Ничего-съ, мы привыкли-съ,—проговорилъ онъ и откашлялся. Онъ походилъ на свою сестру: особенно глаза ее напоминали. Мнѣ было и пріятно ему услуживать, и въ то же время та же ноющая грусть тихо грызла мнѣ сердце. „Теперь ужъ я точно ребенокъ“, думалъ я, „а вчера....“ Я вспомнилъ, гдѣ я наканунѣ уронилъ ножикъ и отыскалъ его. Кадетъ выпросилъ его у меня, сорвалъ толстый стебель зори, вырѣзалъ изъ него дудку и принялся свистать. Отелло посвисталъ тоже.

Но за то вечеромъ, какъ онъ плакалъ, этотъ самый Отелло, на рукахъ Зинаиды, когда, отыскавъ его въ уголку сада, она спросила его, отчего онъ такъ печаленъ? Слезы мои хлынули съ такой силой, что она испугалась.— Что съ вами? что съ вами, Володя?—твердила она, и, видя, что я не отвѣчаю ей и не перестаю плакать, вздумала-было поцѣловать мою мокрую щеку. Но я отвернулся отъ нея и прошепталъ сквозь рыданія: — я все

знаю: зачѣмъ же вы играли мною?... На что вамъ нужна была моя любовь?

— Я виновата передъ вами, Володя.... — промолвила Зинаида.—Ахъ, я очень виновата....—промолвила она и стиснула руки.—Сколько во мнѣ дурного, темнаго, грѣшнаго.... Но я теперь не играю вами, я васъ люблю — вы и не подозрѣваете, почему и какъ.... Однако, что̀ же вы знаете?

Что могъ я сказать ей? Она стояла передо мною и глядѣла на меня—а я принадлежалъ ей весь, съ головы до ногъ, какъ-только она на меня глядѣла.... Четверть часа спустя, я уже бѣгалъ съ кадетомъ и съ Зинаидой взапуски; я не плакалъ, я смѣялся, хотя напухшія вѣки отъ смѣха роняли слезы; у меня на шеѣ, вмѣсто галстучка, была повязана лента Зинаиды, и я закричалъ отъ радости, когда мнѣ удалось поймать ее за талію. Она дѣлала со мной все, что̀ хотѣла.

XIX.

Я пришелъ бы въ большое затрудненіе, если бы меня заставили разсказать подробно, что происходило со мною въ теченіе недѣли, послѣ моей неудачной ночной экспедиціи. Это было странное, лихорадочное время, хаосъ какой-то, въ которомъ самыя противоположныя чувства, мысли, подозрѣнія, надежды, радости и страданья кружились вихремъ; я страшился заглянуть въ себя, если только шестнадцатилѣтній мальчикъ можетъ въ себя заглянуть, страшился отдать себѣ отчетъ въ чемъ бы то ни было; я, просто, спѣшилъ прожить день до вечера; за то ночью я спалъ.... дѣтское легкомысліе мнѣ помогало. Я не хотѣлъ знать, любятъ ли меня, и не хотѣлъ сознаться самому себѣ, что меня не любятъ; отца я избѣгалъ—но Зинаиды избѣгать я не могъ.... Меня жгло какъ огнемъ въ ея при-

сутствіи.... но къ чему мнѣ было знать, что̀ это былъ за огонь, на которомъ я горѣлъ и таялъ—благо, мнѣ было сладко таять и горѣть. Я отдавался всѣмъ своимъ впечатлѣніямъ, и самъ съ собой лукавилъ, отворачивался отъ воспоминаній, я закрывалъ глаза передъ тѣмъ, что предчувствовалъ впереди.... Это томленіе, вѣроятно, долго бы не продолжилось.... громовой ударъ разомъ все прекратилъ и перебросилъ меня въ новую колею.

Вернувшись однажды къ обѣду съ довольно продолжительной прогулки, я съ удивленіемъ узналъ, что буду обѣдать одинъ, что отецъ уѣхалъ, а матушка нездорова, не желаетъ кушать и заперлась у себя въ спальнѣ. По лицамъ лакеевъ я догадывался, что произошло нѣчто необыкновенное.... Разспрашивать ихъ я не смѣлъ, но у меня былъ пріятель, молодой буфетчикъ, Филиппъ, страстный охотникъ до стиховъ и артистъ на гитарѣ—я къ нему обратился. Отъ него я узналъ, что между отцомъ и матушкой произошла страшная сцена (а въ дѣвичьей все было слышно до единаго слова; многое было сказано по-французски—да горничная Маша пять лѣтъ жила у швеи изъ Парижа и все понимала); что матушка моя упрекала отца въ невѣрности, въ знакомствѣ съ сосѣдней барышней, что отецъ сперва оправдывался, потомъ вспыхнулъ и въ свою очередь сказалъ какое-то жестокое слово „яко бы объ ихнихъ лѣтахъ“, отъ чего матушка заплакала; что матушка также упомянула о векселѣ, будто бы данномъ старой княгинѣ, и очень о ней дурно отзывалась, и о барышнѣ также, и что тутъ отецъ ей пригрозилъ.—А произошла вся бѣда—продолжалъ Филиппъ,—отъ безыменнаго письма; а кто его написалъ — неизвѣстно; а то бы, какъ этимъ дѣламъ наружу выйти, причины никакой нѣтъ.

— Да развѣ что-нибудь было,—съ трудомъ проговорилъ я, между тѣмъ какъ руки и ноги у меня холодѣли, и что-то задрожало въ самой глубинѣ груди.

Филиппъ знаменательно мигнулъ. — Было. Этихъ дѣловъ не скроешь; ужъ на что батюшка вашъ въ этомъ разѣ остороженъ—да вѣдь надобно жъ, примѣрно, карету нанять или тамъ что.... безъ людей не обойдешься, тоже.

Я услалъ Филиппа—и повалился на постель. Я не зарыдалъ, не предался отчаянію: я не спрашивалъ себя, когда и какъ все это случилось; не удивлялся, какъ я прежде, какъ я давно не догадался—я даже не ропталъ на отца.... То, что̀ я узналъ, было мнѣ не подъ силу: это внезапное откровеніе раздавило меня.... Все было кончено. Всѣ цвѣты мои были вырваны разомъ и лежали вокругъ меня, разбросанные и истоптанные.

XX.

Матушка на слѣдующій день объявила, что переѣзжаетъ въ городъ. Утромъ отецъ вошелъ къ ней въ спальню и долго сидѣлъ съ нею наединѣ. Никто не слышалъ, что онъ сказалъ ей, но матушка уже не плакала больше; она успокоилась, и кушать потребовала—однако не показалась и рѣшенія своего не перемѣнила. Помнится, я пробродилъ цѣлый день, но въ садъ не заходилъ, и ни разу не взглянулъ на флигель—а вечеромъ я былъ свидѣтелемъ удивительнаго происшествія: отецъ мой вывелъ графа Малевскаго подъ руку черезъ залу въ переднюю и, въ присутствіи лакея, холодно сказалъ ему: „Нѣсколько дней тому назадъ вашему сіятельству въ одномъ домѣ указали на дверь; а теперь я не буду входить съ вами въ объясненія, но имѣю честь вамъ доложить, что если вы еще разъ пожалуете ко мнѣ, то я васъ выброшу въ окошко. Мнѣ вашъ почеркъ не нравится“. Графъ наклонился, стиснулъ зубы, съежился и исчезъ.

Начались сборы къ переселенію въ городъ, на Арбатъ, гдѣ у насъ былъ домъ. Отцу, вѣроятно, самому уже не

хотѣлось болѣе оставаться на дачѣ; но, видно, онъ успѣлъ упросить матушку не затѣвать исторіи. Все дѣлалось тихо, не спѣша, матушка велѣла даже поклониться княгинѣ и изъявить ей сожалѣніе, что, по нездоровью, не увидится съ ней до отъѣзда. Я бродилъ, какъ шальной—и одного только желалъ, какъ бы поскорѣе все это кончилось. Одна мысль не выходила у меня изъ головы: какъ могла она, молодая дѣвушка—ну, и все-таки княжна, рѣшиться на такой поступокъ, зная, что мой отецъ человѣкъ несвободный и имѣя возможность выйти замужъ, хоть, напримѣръ, за Бѣловзорова? На что же она надѣялась? Какъ не побоялась погубить всю свою будущность? Да, думалъ я, вотъ это—любовь, это—страсть, это—преданность.... и вспоминались мнѣ слова Лушина: жертвовать собою сладко для иныхъ. Какъ-то пришлось мнѣ увидѣть въ одномъ изъ оконъ флигеля блѣдное пятно.... „неужели это лицо Зинаиды?“ подумалъ я.... точно, это было ея лицо. Я не вытерпѣлъ. Я не могъ разстаться съ нею, не сказавъ ей послѣдняго прости. Я улучилъ удобное мгновеніе и отправился во флигель.

Въ гостиной княгиня встрѣтила меня своимъ обычнымъ, неопрятно-небрежнымъ привѣтомъ.

— Что̀ это, батюшка, ваши такъ рано всполошились?—промолвила она, забивая табакъ въ обѣ ноздри. Я посмотрѣлъ на нее, и у меня отлегло отъ сердца. Слово: вексель, сказанное Филиппомъ, мучило меня. Она ничего не подозрѣвала.... по крайней мѣрѣ, мнѣ тогда такъ показалось. Зинаида появилась изъ сосѣдней комнаты, въ черномъ платьѣ, блѣдная, съ развитыми волосами: она молча взяла меня за руку и увела съ собой.

— Я услышала вашъ голосъ,—начала она,—и тотчасъ вышла. И вамъ такъ легко было насъ покинуть, злой мальчикъ?

— Я пришелъ съ вами проститься, княжна,—отвѣчалъ

я,—вѣроятно, навсегда. Вы, можетъ-быть, слышали—мы уѣзжаемъ.

Зинаида пристально посмотрѣла на меня.

— Да, я слышала. Спасибо, что пришли. Я уже думала, что не увижу васъ. Не поминайте меня лихомъ. Я иногда мучила васъ; но, все-таки, я не такая, какою вы меня воображаете.

Она отвернулась и прислонилась къ окну.

— Право, я не такая. Я знаю, вы обо мнѣ дурного мнѣнія.

— Я?

— Да, вы.... вы.

— Я?—повторилъ я горестно, и сердце у меня задрожало попрежнему, подъ вліяніемъ неотразимаго, невыразимаго обаянія. — Я? Повѣрьте, Зинаида Александровна, что̀ бы вы ни сдѣлали, какъ бы вы ни мучили меня, я буду любить и обожать васъ до конца дней моихъ.

Она быстро обернулась ко мнѣ и, раскрывъ широко руки, обняла мою голову, и крѣпко и горячо поцѣловала меня. Богъ знаетъ, кого искалъ этотъ долгій, прощальный поцѣлуй, но я жадно вкусилъ его сладость. Я зналъ, что онъ уже никогда не повторится. Прощайте, прощайте, твердилъ я....

Она вырвалась и ушла. И я удалился. Я не въ состояніи передать чувство, съ которымъ я удалился. Я бы не желалъ, чтобы оно когда-нибудь повторилось; но я почелъ бы себя несчастливымъ, если бъ я никогда его не испыталъ.

Мы переѣхали въ городъ. Не скоро я отдѣлался отъ прошедшаго, не скоро принялся за работу. Рана моя медленно заживала; но собственно противъ отца у меня не было никакого дурного чувства. Напротивъ: онъ, какъ будто, еще выросъ въ моихъ глазахъ.... пускай психологи

объяснятъ это противорѣчіе, какъ знаютъ. Однажды я шелъ по бульвару и, къ неописанной моей радости, столкнулся съ Лушинымъ. Я его любилъ за его прямой и нелицемѣрный нравъ, да притомъ, онъ былъ мнѣ дорогъ по воспоминаніямъ, которыя онъ во мнѣ возбуждалъ. Я бросился къ нему.

— Ага!—промолвилъ онъ и нахмурилъ брови.—Это вы, молодой человѣкъ! Покажите-ка себя. Вы все еще желты, а, все-таки, въ глазахъ нѣтъ прежней дряни. Человѣкомъ смотрите, не комнатной собачкой. Это хорошо. Ну, что же вы? работаете?

Я вздохнулъ. Лгать мнѣ не хотѣлось, а правду сказать я стыдился.

— Ну, ничего, — продолжалъ Лушинъ,—не робѣйте. Главное дѣло: жить нормально и не поддаваться увлеченіямъ. А то, что̀ пользы? Куда бы волна ни понесла—все худо; человѣкъ хоть на камнѣ стой, да на своихъ ногахъ. Я, вотъ, кашляю.... а Бѣловзоровъ—слыхали вы?

— Что такое? нѣтъ.

— Безъ вѣсти пропалъ; говорятъ, на Кавказъ уѣхалъ. Урокъ вамъ, молодой человѣкъ. А вся штука оттого, что не умѣютъ во-время разстаться, разорвать сѣти. Вотъ, вы, кажется, выскочили благополучно. Смотрите же, не попадитесь опять. Прощайте.

— Не попадусь, думалъ я.... не увижу ея больше; но мнѣ было суждено еще разъ увидѣть Зинаиду.

XXI.

Отецъ мой каждый день выѣзжалъ верхомъ; у него была славная рыже-чалая англійская лошадь, съ длинной, тонкой шеей и длинными ногами, неутомимая и злая. Ее звали Электрикъ. Кромѣ отца на ней никто ѣздить не могъ. Однажды онъ пришелъ ко мнѣ въ добромъ распо-

ложеніи духа, чего съ нимъ давно не бывало: онъ собирался выѣхать и уже надѣлъ шпоры. Я сталъ просить его взять меня съ собою.

— Давай лучше играть въ чехарду, — отвѣчалъ мнѣ отецъ,—а то ты на своемъ клеперѣ за мной не поспѣешь.

— Поспѣю; я тоже шпоры надѣну.

— Ну, пожалуй.

Мы отправились. У меня былъ вороненькій, косматый конекъ, крѣпкій на ноги и довольно рѣзвый; правда, ему приходилось скакать во всѣ лопатки, когда Электрикъ шелъ полной рысью, но я, все-таки, не отставалъ. Я не видывалъ всадника, подобнаго отцу; онъ сидѣлъ такъ красиво и небрежно-ловко, что, казалось, сама лошадь подъ нимъ это чувствовала и щеголяла имъ. Мы проѣхали по всѣмъ бульварамъ, побывали на Дѣвичьемъ-полѣ, перепрыгнули чрезъ нѣсколько заборовъ (сперва я боялся прыгать, но отецъ презиралъ робкихъ людей,—и я пересталъ бояться), переѣхали дважды чрезъ Москву-рѣку— и я уже думалъ, что мы возвращаемся домой, тѣмъ болѣе, что самъ отецъ замѣтилъ, что лошадь моя устала, какъ вдругъ онъ повернулъ отъ меня въ сторону отъ Крымскаго броду и поскакалъ вдоль берега.—Я пустился вслѣдъ за нимъ. Поровнявшись съ высокой грудой сложенныхъ старыхъ бревенъ, онъ проворно соскочилъ съ Электрика, велѣлъ мнѣ слѣзть и, отдавъ мнѣ поводья своего коня, сказалъ, чтобы я подождалъ его тутъ же, у бревенъ, а самъ повернулъ въ небольшой переулокъ и исчезъ. Я принялся расхаживать взадъ и впередъ вдоль берега, ведя за собой лошадей и бранясь съ Электрикомъ, который на ходу то и дѣло дергалъ головой, встряхивался, фыркалъ, ржалъ; а когда я останавливался, поперемѣнно рылъ копытомъ землю, съ визгомъ кусалъ моего клепера въ шею, словомъ, велъ себя какъ избалованный pur sang. Отецъ не возвращался. Отъ рѣки несло непріятной сыростью; мелкій дождикъ тихонь-

ко побѣжалъ и испестрилъ крошечными темными пятнами сильно надоѣвшія мнѣ глупыя, сѣрыя бревна, около которыхъ я скитался. Тоска меня брала, а отца все не было. Какой-то будочникъ изъ чухонцевъ, тоже весь сѣрый, съ огромнымъ старымъ киверомъ въ видѣ горшка на головѣ и съ алебардой (зачѣмъ, кажется, было будочнику находиться на берегу Москвы-рѣки!) приблизился ко мнѣ и, обративъ ко мнѣ свое старушечье, сморщенное лицо, промолвилъ:

— Что вы здѣсь дѣлаете съ лошадьми, барчукъ? Дайтека, я подержу.

Я не отвѣчалъ ему; онъ попросилъ у меня табаку. Чтобы отвязаться отъ него (къ тому же, нетерпѣніе меня мучило), я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ тому направленію, куда удалился отецъ; потомъ прошелъ переулочекъ до конца, повернулъ за уголъ и остановился. На улицѣ, въ сорока шагахъ отъ меня, предъ раскрытымъ окномъ деревяннаго домика, спиной ко мнѣ, стоялъ мой отецъ; онъ опирался грудью на оконницу, а въ домикѣ, до половины скрытая занавѣской, сидѣла женщина въ темномъ платьѣ и разговаривала съ отцомъ; эта женщина была Зинаида.

Я остолбенѣлъ. Этого я, признаюсь, никакъ не ожидалъ. Первымъ движеніемъ моимъ было убѣжать. „Отецъ оглянется,—подумалъ я,—и я пропалъ....“ но странное чувство, чувство сильнѣе любопытства, сильнѣе даже ревности, сильнѣе страха — остановило меня. Я сталъ глядѣть, я силился прислушаться. Казалось, отецъ настаивалъ на чемъ-то. Зинаида не соглашалась. Я какъ теперь вижу ея лицо—печальное, серьезное, красивое и съ непередаваемымъ отпечаткомъ преданности, грусти, любви и какого-то отчаянія—я другого слова подобрать не могу. Она произносила односложныя слова, не поднимала глазъ и только улыбалась—покорно и упрямо. По одной этой улыбкѣ я узналъ мою прежнюю Зинаиду. Отецъ

повелъ плечами и поправилъ шляпу на головѣ—что у него всегда служило признакомъ нетерпѣнія.... Потомъ послышались слова: Vous devez vous sèparer de cette..... Зинаида выпрямилась и протянула руку.... Вдругъ въ глазахъ моихъ совершилось невѣроятное дѣло: отецъ внезапно поднялъ хлыстъ, которымъ сбивалъ пыль съ полы своего сюртука—и послышался рѣзкій ударъ по этой обнаженной до локтя рукѣ. Я едва удержался, чтобы не вскрикнуть, а Зинаида вздрогнула, молча посмотрѣла на моего отца и, медленно поднеся свою руку къ губамъ, поцѣловала заалѣвшійся на ней рубецъ. Отецъ швырнулъ въ сторону хлыстъ и, торопливо взбѣжавъ на ступеньки крылечка, ворвался въ домъ.... Зинаида обернулась—и, протянувъ руки, закинувъ голову, тоже отошла отъ окна.

Съ замираніемъ испуга, съ какимъ-то ужасомъ недоумѣнія на сердцѣ, бросился я назадъ и, пробѣжавъ переулокъ, чуть не упустивъ Электрика, вернулся на берегъ рѣки. Я не могъ ничего сообразить. Я зналъ, что на моего холоднаго и сдержаннаго отца находили иногда порывы бѣшенства—и, все-таки, я никакъ не могъ понять, что̀ я такое видѣлъ.... Но я тутъ же почувствовалъ, что сколько бы я ни жилъ, забыть это движеніе, взглядъ, улыбку Зинаиды было для меня навсегда невозможно, что образъ ея, этотъ новый, внезапно представшій передо мною образъ, навсегда запечатлѣлся въ моей памяти. Я глядѣлъ безсмысленно на рѣку и не замѣчалъ, что у меня слезы лились. Ее бьютъ, думалъ я.... бьютъ.... бьютъ....

— Ну, что же ты—давай мнѣ лошадь!—раздался за мной голосъ отца.

Я машинально подалъ ему поводья. Онъ вскочилъ на Электрика.... прозябшій конь взвился на дыбы и прыгнулъ впередъ на полторы сажени.... но скоро отецъ укротилъ его; онъ вонзилъ ему шпоры въ бока и ударилъ его кулакомъ по шеѣ.... Эхъ, хлыста нѣту, пробормоталъ онъ.

Я вспомнилъ недавній свистъ и ударъ этого самаго хлыста, и содрогнулся.

— Куда жъ ты дѣлъ его? — спросилъ я отца, погодя немного.

Отецъ не отвѣчалъ мнѣ и поскакалъ впередъ. Я нагналъ его. Мнѣ непремѣнно хотѣлось видѣть его лицо.

— Ты соскучился безъ меня?—проговорилъ онъ сквозь зубы.

— Немножко. Гдѣ же ты уронилъ свой хлыстъ? — спросилъ я его опять.

Отецъ быстро глянулъ на меня.—Я его не уронилъ,— промолвилъ онъ,—я его бросилъ.—Онъ задумался и опустилъ голову.... и тутъ-то я въ первый и едва ли не въ послѣдній разъ увидѣлъ, сколько нѣжности и сожалѣнія могли выразить его строгія черты.

Онъ опять поскакалъ, и ужъ я не могъ его догнать; я пріѣхалъ домой четверть часа послѣ него.

„Вотъ это любовь“, говорилъ я себѣ снова, сидя ночью передъ своимъ письменнымъ столомъ, на которомъ уже начали появляться тетради и книги,—„это страсть!... Какъ, кажется, не возмутиться, какъ снести ударъ отъ какой бы то ни было.... отъ самой милой руки! А видно, можно, если любишь.... А я-то.... я-то воображалъ....“

Послѣдній мѣсяцъ меня очень состарилъ—и моя любовь, со всѣми своими волненіями и страданіями, показалась мнѣ самому чѣмъ-то такимъ маленькимъ, и дѣтскимъ, и мизернымъ передъ тѣмъ другимъ, неизвѣстнымъ чѣмъ-то, о которомъ я едва могъ догадываться и которое меня пугало, какъ незнакомое, красивое, но грозное лицо, которое напрасно силишься разглядѣть въ полумракѣ....

Странный и страшный сонъ мнѣ приснился въ эту самую ночь. Мнѣ чудилось, что я вхожу въ низкую, темную комнату.... Отецъ стоитъ съ хлыстомъ въ рукѣ и топаетъ ногами; въ углу прижалась Зинаида и не на рукѣ,

а на лбу у ней красная черта.... а сзади ихъ обоихъ поднимается весь окровавленный Бѣловзоровъ, раскрываетъ блѣдныя губы и гнѣвно грозитъ отцу.

Два мѣсяца спустя, я поступилъ въ университетъ, а черезъ полгода отецъ мой скончался (отъ удара) въ Петербургѣ, куда только-что переселился съ моей матерью и со мною. За нѣсколько дней до своей смерти онъ получилъ письмо изъ Москвы, которое его чрезвычайно взволновало.... Онъ ходилъ просить о чемъ-то матушку и, говорятъ, даже заплакалъ, онъ, мой отецъ! Въ самое утро того дня, когда съ нимъ сдѣлался ударъ, онъ началъ-было письмо ко мнѣ на французскомъ языкѣ: „Сынъ мой, — писалъ онъ мнѣ, — бойся женской любви, бойся этого счастья, этой отравы....“ Матушка, послѣ его кончины, послала довольно значительную сумму денегъ въ Москву.

XXII.

Прошло года четыре. Я только-что вышелъ изъ университета и не зналъ еще хорошенько, что̀ мнѣ начать съ собою, въ какую дверь стучаться; шлялся пока, безъ дѣла. Въ одинъ прекрасный вечеръ я въ театрѣ встрѣтилъ Майданова. Онъ успѣлъ жениться и поступить на службу; но я не нашелъ въ немъ перемѣны. Онъ такъ же ненужно восторгался и такъ же внезапно падалъ духомъ.

— Вы знаете,—сказалъ онъ мнѣ, — между прочимъ, госпожа Дольская здѣсь.

— Какая госпожа Дольская?

— Вы развѣ забыли? бывшая княжна Засѣкина, въ которую мы всѣ были влюблены, да и вы тоже. Помните, на дачѣ, возлѣ Нескучнаго?

— Она замужемъ за Дольскимъ?

— Да.

— И она здѣсь, въ театрѣ?

— Нѣтъ, въ Петербургѣ, она на дняхъ сюда пріѣхала; собирается за границу.

— Что за человѣкъ ея мужъ?—спросилъ я.

— Прекрасный малый, съ состояніемъ. Сослуживецъ мой, московскій. Вы понимаете — послѣ той исторіи.... вамъ это все должно быть хорошо извѣстно.... (Майдановъ значительно улыбнулся) ей не легко было составить себѣ партію; были послѣдствія.... но съ ея умомъ все возможно. Ступайте къ ней: она вамъ будетъ очень рада. Она еще похорошѣла.

Майдановъ далъ мнѣ адресъ Зинаиды. Она остановилась въ гостинницѣ Демутъ. Старыя воспоминанія во мнѣ расшевелились.... я далъ себѣ слово на другой же день посѣтить бывшую мою „пассію“. Но встрѣтились какія-то дѣла; прошла недѣля, другая, и когда я, наконецъ, отправился въ гостинницу Демутъ и спросилъ госпожу Дольскую—я узналъ, что она четыре дня тому назадъ умерла, почти внезапно, отъ родовъ.

Меня какъ будто что-то въ сердце толкнуло. Мысль, что я могъ ее увидѣть, и не увидѣлъ, и не увижу ея никогда—эта горькая мысль впилась въ меня со всею силою неотразимаго упрека. Умерла?—повторилъ я, тупо глядя на швейцара, тихо выбрался на улицу и пошелъ, не зная самъ, куда. Все прошедшее разомъ всплыло и встало передо мною. И вотъ, чѣмъ разрѣшилась, вотъ къ чему, спѣша и волнуясь, стремилась эта молодая, горячая, блистательная жизнь? Я это думалъ, я воображалъ себѣ эти дорогія черты, эти глаза, эти кудри—въ тѣсномъ ящикѣ, въ сырой подземной тьмѣ—тутъ же, недалеко отъ меня, пока еще живого, и можетъ-быть, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моего отца.... Я все это думалъ, я напрягалъ свое воображеніе, а между тѣмъ:

«Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть
«И равнодушно ей внималъ я»—

звучало у меня въ душѣ. О, молодость! молодость! тебѣ нѣтъ ни до чего дѣла, ты какъ будто бы обладаешь всѣми сокровищами вселенной, даже грусть тебя тѣшитъ, даже печаль тебѣ къ лицу, ты самоувѣренна и дерзка, ты говоришь: я одна живу—смотрите! а у самой дни бѣгутъ и исчезаютъ безъ слѣда и безъ счета, и все въ тебѣ исчезаетъ, какъ воскъ на солнцѣ, какъ снѣгъ.... И, можетъ-быть, вся тайна твоей прелести состоитъ не въ возможности все сдѣлать—а въ возможности думать, что ты все сдѣлаешь—состоитъ именно въ томъ, что ты пускаешь по вѣтру силы, которыя ни на что другое употребить бы не умѣла,—въ томъ, что каждый изъ насъ не шутя считаетъ себя расточителемъ, не шутя полагаетъ, что онъ въ правѣ сказать: О, что бы я сдѣлалъ, если бъ я не потерялъ времени даромъ!

Вотъ, и я.... на что я надѣялся, чего я ожидалъ, какую богатую будущность предвидѣлъ, когда едва проводилъ однимъ вздохомъ, однимъ унылымъ ощущеніемъ на мигъ возникшій призракъ моей первой любви?

А что̀ сбылось изъ всего того, на что я надѣялся! И теперь, когда уже на жизнь мою начинаютъ набѣгать вечернія тѣни, что̀ у меня осталось болѣе свѣжаго, болѣе дорогого, чѣмъ воспоминанія о той быстро пролетѣвшей, утренней, весенней грозѣ?

Но я напрасно клевещу на себя. И тогда, въ то легкомысленное, молодое время, я не остался глухъ на печальный голосъ, воззвавшій ко мнѣ, на торжественный звукъ, долетѣвшій до меня изъ-за могилы. Помнится, нѣсколько дней спустя послѣ того дня, когда я узналъ о смерти Зинаиды, я самъ, по собственному неотразимому влеченію, присутствовалъ при смерти одной бѣдной старушки, жившей въ одномъ съ нами домѣ. Покрытая лохмотьями, на жесткихъ доскахъ, съ мѣшкомъ подъ головою, она трудно и тяжело кончалась. Вся жизнь ея

прошла въ горькой борьбѣ съ ежедневной нуждою; не видѣла она радости, не вкушала отъ меду счастія—казалось, какъ бы ей не обрадоваться смерти, ея свободѣ, ея покою? А между тѣмъ, пока ея ветхое тѣло еще упорствовало, пока грудь еще мучительно вздымалась подъ налегшей на нее леденящей рукою, пока ее не покинули послѣднія силы,—старушка все крестилась и все шептала:—Господи, отпусти мнѣ грѣхи мои,—и только съ послѣдней искрой сознанія исчезло въ ея глазахъ выраженіе страха и ужаса кончины. И помню я, что тутъ, у одра этой бѣдной старушки, мнѣ стало страшно за Зинаиду, и захотѣлось мнѣ помолиться за нее, за отца—и за себя.

1860 г.

ПРИЗРАКИ.

ФАНТАЗІЯ.

Мигъ одинъ.... и нѣтъ волшебной сказки—
И душа опять полна возможнымъ....
А. Фетъ.

I.

Я долго не могъ заснуть и безпрестанно переворачивался съ-боку-на-бокъ. „Чортъ бы побралъ эти глупости съ вертящимися столами!—подумалъ я:—только нервы разстраивать....“ Дремота начала, наконецъ, одолѣвать меня....

Вдругъ мнѣ почудилось, какъ будто въ комнатѣ слабо и жалобно прозвенѣла струна.

Я приподнялъ голову. Луна стояла низко на небѣ и прямо глянула мнѣ въ глаза. Бѣлый какъ мѣлъ лежалъ ея свѣтъ на полу.... Явственно повторился странный звукъ.

Я оперся на локоть. Легкій страхъ щипнулъ меня за сердце.—Прошла минута, другая.... Гдѣ-то далеко прокричалъ пѣтухъ; еще дальше отозвался другой.

Я опустилъ голову на подушку. „Вотъ, до чего можно довести себя, — подумалъ я опять: — въ ушахъ звенѣть станетъ“.

Спустя немного, я заснулъ—или мнѣ казалось, что я заснулъ. Мнѣ привидѣлся необыкновенный сонъ. Мнѣ чудилось, что я лежу въ моей спальнѣ, на моей постели—и не сплю, и даже глазъ не могу закрыть. Вотъ, опять раздается звукъ.... Я оборачиваюсь.... Слѣдъ луны на полу начинаетъ тихонько приподниматься, выпрямляется, слегка округляется сверху.... Передо мной, сквозя, какъ туманъ, неподвижно стоитъ бѣлая женщина.

— Кто ты?—спрашиваю я съ усиліемъ.

Голосъ отвѣчаетъ, подобный шелесту листьевъ.—Это я.... я.... я.... Я пришла за тобой.

— За мной? Да кто ты?

— Приходи ночью на уголъ лѣса, гдѣ старый дубъ. Я тамъ буду.

Я хочу вглядѣться въ черты таинственной женщины—и вдругъ невольно вздрагиваю: на меня пахнуло холодомъ. И вотъ, я уже не лежу, а сижу въ своей постели—и тамъ, гдѣ, казалось, стоялъ призракъ, свѣтъ луны бѣлѣется длинной чертою по полу.

II.

День прошелъ кое-какъ. Я, помнится, принимался читать, работать.... ничего не клеилось. Настала ночь. Сердце билось во мнѣ, какъ будто ждало чего-то. Я легъ и повернулся лицомъ къ стѣнѣ.

— Отчего же ты не пришелъ?—раздался въ комнатѣ явственный шопотъ.

Я быстро оглянулся.

Опять она.... опять таинственный призракъ. Неподвижны глаза на неподвижномъ лицѣ — и взоръ исполненъ печали.

— Приходи!—слышится снова шопотъ.

— Приду,—отвѣчаю я съ невольнымъ ужасомъ. При-

зракъ тихо качнулся впередъ, смѣшался весь, легко волнуясь, какъ дымъ,—и луна опять мирно забѣлѣла на гладкомъ полу.

III.

Я провелъ день въ волненіи. За ужиномъ я выпилъ почти цѣлую бутылку вина, вышелъ-было на крыльцо, но вернулся и бросился въ постель. Кровь тяжело колыхалась во мнѣ.

Опять послышался звукъ.... Я вздрогнулъ, но не оглянулся. Вдругъ я почувствовалъ, что кто-то тѣсно обнялъ меня сзади и въ самое ухо мнѣ лепечетъ: „Приди, приди, приди....“ Затрепетавъ отъ испуга, я простоналъ:

— Приду!—и выпрямился.

Женщина стояла, наклонясь, возлѣ самаго моего изголовья. Она слабо улыбнулась и исчезла. Я, однако, успѣлъ разглядѣть ея лицо. Мнѣ показалось, что я видѣлъ ее прежде;—но гдѣ, когда? Я всталъ поздно и цѣлый день бродилъ по полямъ, подходилъ къ старому дубу на окраинѣ лѣса и внимательно осматривался кругомъ.

Передъ вечеромъ я сѣлъ у раскрытаго окна въ своемъ кабинетѣ. Старуха ключница поставила передо мною чашку чаю—но я не прикасался къ ней.... Я все недоумѣвалъ и спрашивалъ себя: „не съ ума ли я схожу?“ Солнце только-что закатилось — и не одно небо зардѣлось—весь воздухъ внезапно наполнился какимъ-то почти неестественнымъ багрянцемъ: листья и травы, словно покрытые свѣжимъ лакомъ, не шевелились; въ ихъ окаменѣлой неподвижности, въ рѣзкой яркости ихъ очертаній, въ этомъ сочетаніи сильнаго блеска и мертвой тишины было что-то странное, загадочное. Довольно большая сѣрая птица вдругъ, безо всякаго шума, прилетѣла и сѣла на самый край окна.... Я посмотрѣлъ на нее—и она по-

смотрѣла на меня сбоку своимъ круглымъ, темнымъ глазомъ. „Ужъ не прислали ли тебя, чтобы напомнить?“ подумалъ я.

Птица тотчасъ взмахнула своими мягкими крыльями и улетѣла попрежнему безъ шума. Я долго еще сидѣлъ у окна—но я уже не предавался недоумѣнью: я какъ будто попалъ въ заколдованный кругъ—и неодолимая, хотя тихая сила увлекала меня, подобно тому, какъ еще задолго до водопада, стремленіе потока увлекаетъ лодку. Я встрепенулся наконецъ. Багрянецъ воздуха давно исчезъ, краски потемнѣли и прекратилась заколдованная тишина. Вѣтерокъ запорхалъ, луна все ярче выступала на посинѣвшемъ небѣ,—и скоро листья деревьевъ заиграли серебромъ и чернью въ ея холодныхъ лучахъ. Моя старуха вошла въ кабинетъ съ зажженной свѣчкой, но изъ окна дохнуло на нее и пламя погасло. Я не могъ выдержать болѣе, вскочилъ, нахлобучилъ шапку и отправился на уголъ лѣса, къ старому дубу.

IV.

Въ этотъ дубъ, много лѣтъ тому назадъ, ударила молнія; верхушка переломилась и засохла, но жизни еще сохранилось въ немъ на нѣсколько столѣтій. Когда я сталъ подходить къ нему, на луну набѣжала тучка: было очень темно подъ его широкими вѣтвями. Сперва я не замѣтилъ ничего особеннаго; но взглянулъ въ сторону—и сердце во мнѣ такъ и упало: бѣлая фигура стояла неподвижно возлѣ высокаго куста, между дубомъ и лѣсомъ. Волосы слегка зашевелились у меня на головѣ; но я собрался съ духомъ—и пошелъ къ лѣсу.

Да, это была она, моя ночная гостья. Когда я приблизился къ ней, мѣсяцъ засіялъ снова. Она казалась вся какъ бы соткана изъ полупрозрачнаго, молочнаго тума-

на—сквозь ея лицо мнѣ виднѣлась вѣтка, тихо колеблемая вѣтромъ—только волосы да глаза чуть-чуть чернѣли, да на одномъ изъ пальцевъ сложенныхъ рукъ блистало блѣднымъ золотомъ узкое кольцо. Я остановился передъ нею и хотѣлъ заговорить; но голосъ замеръ у меня въ груди, хотя собственнаго страха я уже не ощущалъ. Ея глаза обратились на меня: взглядъ ихъ выражалъ не скорбь и не радость, а какое-то безжизненное вниманіе. Я ждалъ, не произнесетъ ли она слова, но она оставалась неподвижной и безмолвной, и все глядѣла на меня своимъ мертвенно-пристальнымъ взглядомъ. Мнѣ опять стало жутко.

— Я пришелъ!—воскликнулъ я наконецъ съ усиліемъ. Глухо и чудно раздался мой голосъ.

— Я тебя люблю,—послышался шопотъ.

— Ты меня любишь!—повторилъ я съ изумленіемъ.

— Отдайся мнѣ,—снова прошелестѣло мнѣ въ отвѣтъ.

— Отдаться тебѣ! Но ты призракъ — у тебя и тѣла нѣтъ.—Странное одушевленіе овладѣло мною. — Что ты такое, дымъ, воздухъ, паръ? Отдаться тебѣ! Отвѣчай мнѣ сперва, кто ты? Жила ли ты на землѣ? Откуда ты явилась?

— Отдайся мнѣ. Я тебѣ зла не сдѣлаю. Скажи только два слова: возьми меня.

— Я посмотрѣлъ на нее. „Что это она говоритъ?“ подумалъ я. „Что это все значитъ? И какъ же она возьметъ меня? Или попытаться?“

— Ну, хорошо, — произнесъ я вслухъ и неожиданно громко, словно кто сзади меня подтолкнулъ. — Возьми меня!

Не успѣлъ я произнести эти слова, какъ таинственная фигура съ какимъ-то внутреннимъ смѣхомъ, отъ котораго на мигъ задрожало ея лицо, покачнулась впередъ, руки ея отдѣлились и протянулись.... Я хотѣлъ-было отскочить; но я уже былъ въ ея власти. Она обхватила меня, тѣло мое поднялось на полъ-аршина отъ земли—и мы оба по-

неслись, плавно и не слишкомъ быстро, надъ неподвижной, мокрой травой.

V.

Сперва у меня голова закружилась—и я невольно закрылъ глаза.... Минуту спустя, я открылъ ихъ снова. Мы неслись попрежнему. Но уже лѣса не было видно: подъ нами разстилалась равнина, усѣянная темными пятнами. Я съ ужасомъ убѣдился, что мы поднялись на страшную высоту.

„Я пропалъ, я во власти сатаны", сверкнуло во мнѣ, какъ молнія. До того мгновенья мысль о навожденьѣ нечистой силы, о возможности погибели, мнѣ въ голову не приходила. Мы все мчались и, казалось, забирали все выше и выше.

— Куда ты несешь меня?—простоналъ я наконецъ.

— Куда хочешь, — отвѣчала моя спутница. Она вся прильнула ко мнѣ, лицо ея почти прислонилось къ моему лицу. Впрочемъ, я едва ощущалъ ея прикосновеніе.

— Отпусти меня на землю; мнѣ дурно на этой высотѣ.

— Хорошо; только закрой глаза и не дыши.

Я послушался—и тотчасъ же почувствовалъ, что падаю какъ брошенный камень.... воздухъ засвисталъ въ моихъ волосахъ. Когда я опомнился, мы опять плавно неслись надъ самой землей, такъ что цѣплялись за верхушки высокихъ травъ.

— Поставь меня на ноги,—началъ я.—Что за удовольствіе летать? Я не птица.

— Я думала, что тебѣ пріятно будетъ. У насъ другого занятія нѣтъ.

— У васъ? Да кто вы такія?

Отвѣта не было.

— Ты не смѣешь мнѣ это сказать?

Жалобный звукъ, подобный тому, который разбудилъ меня въ первую ночь, задрожалъ въ моихъ ушахъ. Между тѣмъ, мы продолжали чуть замѣтно двигаться по влажному ночному воздуху.

— Пусти же меня!—промолвилъ я. Спутница моя тихо отклонилась—и я очутился на ногахъ. Она остановилась передо мной и снова сложила руки. Я успокоился и посмотрѣлъ ей въ лицо: попрежнему, оно выражало покорную грусть.

— Гдѣ мы? — спросилъ я. Я не узналъ окрестныхъ мѣстъ.

— Далеко отъ твоего дома, но ты можешь быть тамъ въ одно мгновенье.

— Какимъ это образомъ? опять довѣриться тебѣ?

— Я не сдѣлала тебѣ зла и не сдѣлаю. Полетаемъ съ тобой до зари, вотъ и все. Я могу тебя отнести, куда только ты вздумаешь—во всѣ края земли. Отдайся мнѣ! Скажи опять: возьми меня!

— Ну.... возьми меня!

Она опять припала ко мнѣ, ноги мои опять отдѣлились отъ земли—и мы полетѣли.

VI.

— Куда?—спросила она меня.

— Прямо, все прямо.

— Но тутъ лѣсъ.

— Поднимись надъ лѣсомъ—только тише.

Мы взмыли кверху, какъ вальдшнепъ, налетѣвшій на березу,—и опять понеслись въ прямомъ направленіи. Вмѣсто травы, вершины деревьевъ мелькали у насъ подъ ногами. Чудно было видѣть лѣсъ сверху, его щетинистую спину, освѣщенную луной. Онъ казался какимъ-то огромнымъ заснувшимъ звѣремъ и сопровождалъ насъ широ-

кимъ, непрестаннымъ шорохомъ, похожимъ на невнятное ворчанье. Кое-гдѣ попадалась небольшая поляна; красиво чернѣла съ одной ея стороны зубчатая полоса тѣни.... Заяцъ изрѣдка жалобно кричалъ внизу; вверху сова свистала, тоже жалобно; въ воздухѣ пахло грибами, почками, зорей-травою; лунный свѣтъ такъ и разливался во всѣ стороны—холодно и строго; „стожары“ блистали надъ самой головой. Вотъ, и лѣсъ остался позади; въ полѣ протянулась полоса тумана: это рѣка текла. Мы понеслись вдоль одного изъ ея береговъ, надъ кустами, отяжелѣвшими и неподвижными отъ сырости. Волны на рѣкѣ то лоснились синимъ лоскомъ, то катились темныя и словно злыя. Мѣстами странно двигался надъ ними тонкій паръ—и чашки водяныхъ лилій дѣвственно и пышно бѣлѣли всѣми своими распустившимися лепестками, точно знали, что до нихъ добраться невозможно. Мнѣ вздумалось сорвать одну изъ нихъ— и вотъ, я уже очутился надъ самой гладью рѣки.... Сырость непріязненно ударила мнѣ въ лицо, какъ только я перервалъ тугой стебель крупнаго цвѣтка. Мы начали перелетывать съ берега на берегъ, какъ кулички песочники, которыхъ мы то и дѣло будили и за которыми гнались. Намъ не разъ случалось налетать на семейку дикихъ утокъ, расположенныхъ кружкомъ на чистомъ мѣстечкѣ между тростниками—но онѣ не шевелились: развѣ одна изъ нихъ торопливо вынетъ шею изъ-подъ крыла, посмотритъ, посмотритъ, и хлопотливо засунетъ опять носъ въ пушистыя перья, а другая слабо крякнетъ, причемъ все ея тѣло немножко дрогнетъ. Мы вспугнули одну цаплю: она поднялась изъ ракитоваго куста, болтая ногами и съ неуклюжимъ усиліемъ махая крыльями: тутъ она мнѣ показалась дѣйствительно похожей на нѣмца. Рыба нигдѣ не плескалась—спала тоже. Я начиналъ привыкать къ ощущенію полета, и даже находилъ въ немъ пріятность: меня пойметъ всякій, кому случалось летать во снѣ. Я

принялся съ бо̀льшимъ вниманіемъ разсматривать странное существо, по милости котораго со мной совершались такія неправдоподобныя событія.

VII.

Это была женщина съ маленькимъ, нерусскимъ лицомъ. Изсѣра-бѣловатое, полупрозрачное, съ едва означенными тѣнями, оно напоминало фигуры на алебастровой, извнутри освѣщенной вазѣ—и опять показалось мнѣ знакомымъ.

— Можно съ тобой говорить?—повторилъ я.

— Говори.

— Я вижу у тебя кольцо на пальцѣ; ты, стало-быть, жила на землѣ—ты была замужемъ?

Я остановился.... Отвѣта не было.

— Какъ тебя зовутъ—или звали, по крайней мѣрѣ?

— Зови меня Эллисъ.

— Эллисъ! Это англійское имя? Ты англичанка? Ты знала меня прежде?

— Нѣтъ.

— Отчего же ты именно ко мнѣ явилась?

— Я тебя люблю.

— И ты довольна?

— Да; мы носимся, мы кружимся съ тобою по чистому воздуху.

— Эллисъ!—сказалъ я вдругъ,—ты, можетъ-быть, преступная, осужденная душа?

Голова моей спутницы наклонилась.—Я тебя не понимаю,—шепнула она.

— Заклинаю тебя именемъ Бога....—началъ-было я.

— Что ты говоришь? — промолвила она съ недоумѣніемъ.—Я не понимаю.—Мнѣ показалось, что рука, лежавшая холодноватымъ поясомъ вокругъ моего стана, тихо шевельнулась....

— Не бойся,—промолвила Эллисъ:—не бойся, мой милый!—Ея лицо обернулось и придвинулось къ моему лицу.... Я почувствовалъ на губахъ моихъ какое-то странное ощущеніе, какъ бы прикосновеніе тонкаго и мягкаго жала.... Незлыя піявки такъ берутся.

VIII.

Я взглянулъ внизъ. Мы уже опять успѣли подняться на довольно значительную вышину. Мы пролетали надъ неизвѣстнымъ мнѣ уѣзднымъ городомъ, расположеннымъ на скатѣ широкаго холма. Церкви высились среди темной массы деревянныхъ крышъ, фруктовыхъ садовъ; длинный мостъ чернѣлъ на изгибѣ рѣки; все молчало, отягченное сномъ. Самые куполы и кресты, казалось, блестѣли безмолвнымъ блескомъ; безмолвно торчали высокіе шесты колодцевъ возлѣ круглыхъ шапокъ ракитъ; бѣлесоватое шоссе узкой стрѣлой безмолвно впивалось въ одинъ конецъ города — и безмолвно выбѣгало изъ противоположнаго конца на сумрачный просторъ однообразныхъ полей.

— Что это за городъ?—спросилъ я.

— ....совъ.

— ....совъ въ ....ой губерніи?

— Да.

— Далеко же я отъ дому!

— Для насъ отдаленности нѣтъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?—Внезапная удаль вспыхнула во мнѣ.—Такъ неси же меня въ Южную Америку!

— Въ Америку не могу. Тамъ теперь день.

— А мы съ тобой ночныя птицы. Ну, куда-нибудь, куда можно, только подальше.

— Закрой глаза и не дыши,—отвѣчала Эллисъ—и мы помчались съ быстротою вихря. Съ потрясающимъ шумомъ врывался воздухъ въ мои уши.

Мы остановились, но шумъ не прекращался. Напротивъ: онъ превратился въ какой-то грозный ревъ, въ громовой гулъ....

— Теперь можешь открыть глаза,—сказала Эллисъ.

IX.

Я повиновался.... Боже мой, гдѣ я?

Надъ головой тяжелыя, дымныя тучи; онѣ тѣснятся, онѣ бѣгутъ, какъ стадо злобныхъ чудовищъ.... а тамъ, внизу, другое чудовище: разъяренное, именно разъяренное море.... Бѣлая пѣна судорожно сверкаетъ и кипитъ въ немъ буграми—и, вздымая косматыя волны, съ грубымъ грохотомъ бьетъ оно въ громадный, какъ смоль черный, утесъ. Завываніе бури, леденящее дыханіе расколыхавшейся бездны, тяжкій плескъ прибоя, въ которомъ по временамъ чудится что-то похожее на вопли, на далекіе пушечные выстрѣлы, на колокольный звонъ—раздирающій визгъ и скрежетъ прибрежныхъ голышей, внезапный крикъ невидимой чайки, на мутномъ небосклонѣ шаткій остовъ корабля—всюду смерть, смерть и ужасъ.... Голова у меня закружилась—и я снова съ замираніемъ закрылъ глаза....

— Что это? гдѣ мы?

— На южномъ берегу острова Уайтъ, передъ утесомъ Блакгантъ, гдѣ такъ часто разбиваются корабли,—промолвила Эллисъ, на этотъ разъ особенно отчетливо и, какъ мнѣ показалось, не безъ злорадства....

— Неси меня прочь, прочь отсюда.... домой! домой!

Я сжался весь, стиснулъ лицо руками.... Я чувствовалъ, что мы понеслись еще быстрѣе прежняго; вѣтеръ уже не вылъ и не свисталъ—онъ визжалъ въ моихъ волосахъ, въ моемъ платьѣ.... духъ захватывало....

— Стань же на ноги,—раздался голосъ Эллисъ.

Я силился овладѣть собою, своимъ сознаніемъ.... Я ощущалъ подъ подошвами землю и не слышалъ ничего, точно все замерло кругомъ.... только въ виски неровно стучала кровь и съ слабымъ внутреннимъ звономъ все еще кружилась голова. Я выпрямился и открылъ глаза.

X.

Мы находились на плотинѣ моего пруда. Прямо передо мною, сквозь острые листья ракитъ, виднѣлась его широкая гладь съ кое-гдѣ приставшими волокнами пушистаго тумана. Направо тускло лоснилось ржаное поле; налѣво вздымались деревья сада, длинныя, неподвижныя и какъ будто сырыя.... Утро уже дохнуло на нихъ. По чистому сѣрому небу тянулись, словно полосы дыма, двѣ-три косыя тучки; онѣ казались желтоватыми—первый слабый отблескъ зари падалъ на нихъ, Богъ вѣсть, откуда: глазъ еще не могъ различить на побѣлѣвшемъ небосклонѣ то мѣсто, гдѣ она должна была заняться. Звѣзды исчезали; ничего еще не шевелилось, хотя все уже просыпалось въ очарованной тишинѣ ранняго полусвѣта.

— Утро! вотъ утро!—воскликнула надъ самымъ моимъ ухомъ Эллисъ.... Прощай! До завтра!

Я обернулся.... Легко отдѣляясь отъ земли, она плыла мимо—и вдругъ подняла обѣ руки надъ головою. Эта голова, и руки, и плечи мгновенно вспыхнули тѣлеснымъ, теплымъ цвѣтомъ; въ темныхъ глазахъ дрогнули живыя искры; усмѣшка тайной нѣги шевельнула покраснѣвшія губы.... Прелестная женщина внезапно возникла передо мною.... Но, какъ бы падая въ обморокъ, она тотчасъ опрокинулась назадъ и растаяла, какъ паръ.

Я остался недвижимъ.

Когда я опомнился и оглянулся, мнѣ показалось, что тѣлесная, блѣдно-розовая краска, пробѣжавшая по фи-

гурѣ моего призрака, все еще не исчезла и, разлитая въ воздухѣ, обдавала меня кругомъ.... Это заря загоралась. Я вдругъ почувствовалъ крайнюю усталость и отправился домой. Проходя мимо птичьяго двора, я услыхалъ первое утреннее лепетанье гусенятъ (раньше ихъ ни одна птица не просыпается); вдоль крыши, на концѣ каждой притужины сидѣло по галкѣ—и всѣ онѣ хлопотливо и молча очищались, четко рисуясь на молочномъ небѣ. Изрѣдка онѣ разомъ всѣ поднимались—и, полетавъ немного, садились опять рядкомъ, безъ крика.... Изъ недальняго лѣса два раза принеслось сипло-свѣжее чуфыканье черныша-тетерева, только-что слетѣвшаго въ росистую, ягодами заросшую траву.... Съ легкой дрожью въ тѣлѣ я добрался до постели и скоро заснулъ крѣпкимъ сномъ.

XI.

На слѣдующую ночь, когда я сталъ подходить къ старому дубу, Эллисъ понеслась мнѣ навстрѣчу, какъ къ знакомому. Я не боялся ея по вчерашнему, я почти обрадовался ей; я даже не старался понять, что̀ со мной происходило: мнѣ только хотѣлось полетать подальше, по любопытнымъ мѣстамъ.

Рука Эллисъ опять обвилась вокругъ меня—и мы опять помчались.

— Отправимся въ Италію,—шепнулъ я ей на ухо.

— Куда хочешь, мой милый, — отвѣчала она торжественно и тихо — и тихо и торжественно повернула ко мнѣ свое лицо. Оно показалось мнѣ не столь прозрачнымъ, какъ наканунѣ; болѣе женственное и болѣе важное, оно напомнило мнѣ то прекрасное созданіе, которое мелькнуло передо мной на утренней зарѣ передъ разлукой.

— Нынѣшняя ночь—великая ночь,—продолжала Эллисъ.—Она наступаетъ рѣдко—когда семь разъ тринадцать....

Тутъ я не дослушалъ нѣсколько словъ.

— Теперь можно видѣть, что бываетъ закрыто въ другое время.

— Эллисъ!—взмолился я,—да кто же ты? скажи мнѣ наконецъ!

Она молча подняла свою длинную бѣлую руку.

На темномъ небѣ, тамъ, куда указалъ ея палецъ, среди мелкихъ звѣздъ, красноватой чертой сіяла комета.

— Какъ мнѣ понять тебя?—началъ я.—Или ты—какъ эта комета носится между планетами и солнцемъ — носишься между людьми.... и чѣмъ?

Но рука Эллисъ внезапно надвинулась на мои глаза.... Словно бѣлый туманъ изъ сырой долины обдалъ меня....

— Въ Италію! въ Италію!—послышался ея шопотъ.— Эта ночь—великая ночь!

XII.

Туманъ передъ моими глазами разсѣялся, и я увидалъ подъ собою безконечную равнину. Но уже по одному прикосновенію теплаго и мягкаго воздуха къ моимъ щекамъ, я могъ понять, что я не въ Россіи; да и равнина та не походила на наши русскія равнины. Это было огромное, тусклое пространство, повидимому, не поросшее травой и пустое; тамъ и сямъ, по всему его протяженію, подобно небольшимъ обломкамъ зеркала блистали стоячія воды; вдали смутно виднѣлось неслышное, недвижное море. Крупныя звѣзды сіяли въ промежуткахъ большихъ, красивыхъ облаковъ; тысячеголосная, немолчная и все-таки негромкая трель поднималась отовсюду—и чуденъ былъ этотъ пронзительный и дремотный гулъ, этотъ ночной голосъ пустыни....

— Понтійскія болота,—промолвила Эллисъ.—Слышишь лягушекъ? чувствуешь запахъ сѣры?

— Понтійскія болота....—повторилъ я, и ощущеніе величавой унылости охватило меня.—Но зачѣмъ принесла ты меня сюда, въ этотъ печальный, заброшенный край? Полетимъ лучше къ Риму.

— Римъ близокъ,—отвѣчала Эллисъ....—Приготовься!

Мы спустились и помчались вдоль старинной латинской дороги. Буйволъ медленно поднялъ изъ вязкой тины свою косматую, чудовищную голову съ короткими вихрами щетины между криво назадъ загнутыми рогами. Онъ косо повелъ бѣлками безсмысленно-злобныхъ глазъ и тяжело фыркнулъ мокрыми ноздрями, словно почуялъ насъ.

— Римъ, Римъ близокъ....—шептала Эллисъ.—Гляди, гляди впередъ.

Я поднялъ глаза.

Что это чернѣетъ на окраинѣ ночного неба? Высокія ли арки громаднаго моста? Надъ какой рѣкой онъ перекинутъ? Зачѣмъ онъ порванъ мѣстами? Нѣтъ, это не мостъ, это древній водопроводъ. Кругомъ священная земля Кампаніи, а тамъ, вдали, Албанскія горы—и вершины ихъ, и сѣдая спина стараго водопровода слабо блестятъ въ лучахъ только-что взошедшей луны....

Мы внезапно взвились и повисли на воздухѣ передъ уединенной развалиной. Никто бы не могъ сказать, чѣмъ она была прежде: гробницей, чертогомъ, башней.... Черный плющъ обвивалъ ее всю своей мертвенной силой—а внизу раскрывался, какъ зѣвъ, полуобрушенный сводъ. Тяжелымъ запахомъ погреба вѣяло мнѣ въ лицо отъ этой груды мелкихъ, тѣсно сплоченныхъ камней, съ которыхъ давно свалилась гранитная оболочка стѣны.

— Здѣсь, — произнесла Эллисъ и подняла руку: — Здѣсь!—Проговори громко, три раза сряду, имя великаго римлянина.

— Что же будетъ?

— Ты увидишь.

Я задумался.—Divus Cajus Julius Cæsar! — воскликнулъ я вдругъ:—divus Cajus Julius Cæsar!—повторилъ я протяжно:—Cæsar!

XIII.

Послѣднія отзвучія моего голоса не успѣли еще замереть, какъ мнѣ послышалось....

Мнѣ трудно сказать, что̀ именно. Сперва мнѣ послышался смутный, ухомъ едва уловимый, но безконечно повторявшійся взрывъ трубныхъ звуковъ и рукоплесканій. Казалось, гдѣ-то страшно далеко, въ какой-то бездонной глубинѣ, внезапно зашевелилась несмѣтная толпа—и поднималась, поднималась, волнуясь и перекликаясь чуть слышно, какъ бы сквозь сонъ, сквозь подавляющій, многовѣковый сонъ. Потомъ воздухъ заструился и потемнѣлъ надъ развалиной....Мнѣ начали мерещиться тѣни, миріады тѣней, милліоны очертаній, то округленныхъ, какъ шлемы, то протянутыхъ, какъ копья; лучи луны дробились мгновенными синеватыми искорками на этихъ копьяхъ и шлемахъ—и вся эта армія, эта толпа надвигалась ближе и ближе, росла, колыхалась усиленно.... Несказанное напряженіе, напряженіе, достаточное для того, чтобы приподнять цѣлый міръ, чувствовалось въ ней; но ни одинъ образъ не выдавался ясно.... И вдругъ мнѣ почудилось, какъ будто трепетъ пробѣжалъ кругомъ, какъ будто отхлынули и разступились какія-то громадныя волны.... „Cæsar, Cæsar venit!“ зашумѣли голоса, подобно листьямъ лѣса, на который внезапно налетѣла буря.... прокатился глухой ударъ—и голова блѣдная, строгая, въ лавровомъ вѣнкѣ, съ опущенными вѣками, голова императора стала медленно выдвигаться изъ-за развалины....

На языкѣ человѣческомъ нѣтъ словъ для выраженія ужаса, который сжалъ мое сердце. Мнѣ казалось, что рас-

крой эта голова свои глаза, разверзи свои губы—и я тотчасъ же умру.—Эллисъ!—простоналъ я:—я не хочу, я не могу, не надо мнѣ Рима, грубаго, грознаго Рима.... Прочь, прочь отсюда!

Малодушный!—шепнула она—и мы умчались. Я успѣлъ еще услыхать за собою желѣзный, громовой на этотъ разъ, крикъ легіоновъ.... потомъ все потемнѣло.

XIV.

— Оглянись,—сказала мнѣ Эллисъ:—и успокойся.

Я послушался—и, помню, первое мое впечатлѣніе было до того сладостно, что я могъ только вздохнуть. Какой-то дымчато-голубой, серебристо-мягкій—не то свѣтъ, не то туманъ—обливалъ меня со всѣхъ сторонъ. Сперва я не различалъ ничего: меня слѣпилъ этотъ лазоревый блескъ—но вотъ, понемногу начали выступать очертанія прекрасныхъ горъ, лѣсовъ; озеро раскинулось подо мною, съ дрожавшими въ глубинѣ звѣздами, съ ласковымъ ропотомъ прибоя. Запахъ померанцевъ обдалъ меня волной—и вмѣстѣ съ нимъ, и тоже какъ будто волною, принеслись сильные, чистые звуки молодого женскаго голоса. Этотъ запахъ, эти звуки такъ и потянули меня внизъ—и я началъ спускаться.... спускаться къ роскошному мраморному дворцу, привѣтно бѣлѣвшему среди кипарисной рощи. Звуки лились изъ его настежь раскрытыхъ оконъ; волны озера, усѣяннаго пылью цвѣтовъ, плескались въ его стѣны—и прямо напротивъ, весь одѣтый темной зеленью померанцевъ и лавровъ, весь облитый лучезарнымъ паромъ, весь усѣянный статуями, стройными колоннами, портиками храмовъ, поднимался изъ лона водъ высокій, круглый островъ....

— Isola Bella!—проговорила Эллисъ.... — Lago Maggiore....

Я промолвилъ только: а! и продолжалъ спускаться. Женскій голосъ все громче, все ярче раздавался во дворцѣ: меня влекло къ нему неотразимо.... я хотѣлъ взглянуть въ лицо пѣвицѣ, оглашавшей такими звуками такую ночь. Мы остановились передъ окномъ.

Посреди комнаты, убранной въ помпейяновскомъ вкусѣ и болѣе похожей на древнюю храмину, чѣмъ на новѣйшую залу, окруженная греческими изваяніями, этрусскими вазами, рѣдкими растеніями, дорогими тканями, освѣщенная сверху мягкими лучами двухъ лампъ, заключенныхъ въ хрустальные шары — сидѣла за фортепіанами молодая женщина. Слегка закинувъ голову и до половины закрывъ глаза, она пѣла итальянскую арію; она пѣла и улыбалась, и въ то же время черты ея выражали важность, даже строгость.... признакъ полнаго наслажденія. Она улыбалась.... и Праксителевъ Фавнъ, лѣнивый, молодой какъ она, изнѣженный, сладострастный, тоже, казалось, улыбался ей изъ-за угла, изъ-за вѣтвей олеандра, сквозь тонкій дымъ, поднимавшійся съ бронзовой курильницы на древнемъ треножникѣ. Красавица была одна. Очарованный звуками, красотою, блескомъ и благовоніемъ ночи, потрясенный до глубины сердца зрѣлищемъ этого молодого, спокойнаго, свѣтлаго счастія, я позабылъ совершенно о моей спутницѣ, забылъ о томъ, какимъ страннымъ образомъ я сталъ свидѣтелемъ этой столь отдаленной, столь чуждой мнѣ жизни—и я хотѣлъ уже ступить на окно, хотѣлъ заговорить....

Все мое тѣло вздрогнуло отъ сильнаго толчка—точно я коснулся лейденской банки. Я оглянулся.... Лицо Эллисъ было—при всей своей прозрачности—мрачно и грозно; въ ея внезапно раскрывшихся глазахъ тускло горѣла злоба....

— Прочь! — бѣшено шепнула она, и снова вихрь и мракъ, и головокруженіе..... Только на этотъ разъ не крикъ

легіоновъ, а голосъ пѣвицы, оборванный на высокой нотѣ, остался у меня въ ушахъ....

Мы остановились. Высокая нота, та же нота, все звенѣла и не переставала звенѣть, хотя я чувствовалъ совсѣмъ другой воздухъ, другой запахъ.... На меня вѣяло крѣпительной свѣжестью, какъ отъ большой рѣки—и пахло сѣномъ, дымомъ, коноплей. За долго-протянутой нотой послѣдовала другая, потомъ третья, но съ такимъ несомнѣннымъ оттѣнкомъ, съ такимъ знакомымъ, роднымъ переливомъ, что я тотчасъ же сказалъ себѣ: „это русскій человѣкъ поетъ русскую пѣсню“—и въ то же мгновенье мнѣ все кругомъ стало ясно.

XV.

Мы находились надъ плоскимъ берегомъ. Налѣво тянулись, терялись въ безконечность скошенные луга, уставленные громадными скирдами; направо, въ такую же безконечность уходила ровная гладь великой, многоводной рѣки. Недалеко отъ берега большія, темныя барки тихонько переваливались на якоряхъ, слегка двигая остріями своихъ мачтъ, какъ указательными перстами. Съ одной изъ этихъ барокъ долетали до меня звуки разливистаго голоса, и на ней же горѣлъ огонекъ, дрожа и покачиваясь въ водѣ своимъ длиннымъ, краснымъ отраженьемъ. Кое-гдѣ, и на рѣкѣ, и въ поляхъ, непонятно для глаза: близко ли, далеко ли — мигали другіе огоньки; они то жмурились, то вдругъ выдвигались лучистыми, крупными точками; безчисленные кузнечики немолчно стрекотали; не хуже лягушекъ понтійскихъ болотъ—и подъ безоблачнымъ, но низко нависшимъ, темнымъ небомъ изрѣдка кричали невѣдомыя птицы.

— Мы въ Россіи?—спросилъ я Эллисъ.

— Это Волга,—отвѣтила она.

Мы понеслись вдоль берега.—Отчего ты меня вырвала оттуда, изъ того прекраснаго края?—началъ я.—Завидно тебѣ стало, что ли? Ужъ не ревность ли въ тебѣ пробудилась?

Губы Эллисъ чуть-чуть дрогнули, и въ глазахъ опять мелькнула угроза.... Но все лицо тотчасъ же вновь оцѣпенѣло.

— Я хочу домой,—проговорилъ я.

— Погоди, погоди, — отвѣчала Эллисъ.—Теперешняя ночь—великая ночь. Она не скоро вернется. Ты можешь быть свидѣтелемъ.... Погоди.

И мы вдругъ полетѣли черезъ Волгу, въ косвенномъ направленіи, надъ самой водой, низко и порывисто, какъ ласточки передъ бурей. Широкія волны тяжко журчали подъ нами, рѣзкій рѣчной вѣтеръ билъ насъ своимъ холоднымъ, сильнымъ крыломъ.... высокій правый берегъ скоро началъ воздыматься передъ нами въ полумракѣ. Показались крутыя горы съ большими разсѣлинами. Мы приблизились къ нимъ.

— Крикни: Сарынь на кичку?—шепнула мнѣ Эллисъ.

Я вспомнилъ ужасъ, испытанный мною при появленіи римскихъ призраковъ, я чувствовалъ усталость и какую-то странную тоску, словно сердце во мнѣ таяло—я не хотѣлъ произнести роковыя слова, я зналъ заранѣе, что въ отвѣтъ на нихъ появится, какъ въ Волчьей-Долинѣ Фрейшюца, что-то чудовищное,—но губы мои раскрылись противъ воли, и я закричалъ, тоже противъ воли, слабымъ, напряженнымъ голосомъ: „Сарынь на кичку!“

XVI.

Сперва все осталось безмолвнымъ, какъ и передъ римской развалиной,—но вдругъ возлѣ самаго моего уха раздался грубый бурлацкій смѣхъ—и что-то со стономъ упа-

ло въ воду и стало захлебываться.... Я оглянулся: никого нигдѣ не было видно,—но съ берега отпрянуло эхо—и разомъ и отовсюду поднялся оглушительный гамъ. Чего только не было въ этомъ хаосѣ звуковъ: крики и визги, яростная ругань и хохотъ, хохотъ пуще всего, удары веселъ и топоровъ, трескъ какъ отъ взлома дверей и сундуковъ, скрипъ снастей и колесъ, и лошадиное скаканье, звонъ набата и лязгъ цѣпей, гулъ и ревъ пожара, пьяныя пѣсни и скрежещущая скороговорка, неутѣшный плачъ, моленіе жалобное, отчаянное,—и повелительныя восклицанья, предсмертное хрипѣнье и удалой посвистъ, гарканье и топотъ пляски.... „Бей! вѣшай! топи! рѣжь! любо! любо! такъ! не жалѣй!“—слышалось явственно,—слышалось даже прерывистое дыханіе запыхавшихся людей,—а между тѣмъ, кругомъ, насколько глазъ доставалъ, ничего не показывалось, ничего не измѣнялось: рѣка катилась мимо, таинственно, почти угрюмо; самый берегъ казался пустыннѣй и одичалѣй—и только.

Я обратился къ Эллисъ, но она положила палецъ на губы....

— Степанъ Тимофеичъ! Степанъ Тимофеичъ идетъ!—зашумѣло вокругъ,—идетъ нашъ батюшка, атаманъ нашъ, нашъ кормилецъ!—Я попрежнему ничего не видѣлъ, но мнѣ внезапно почудилось, какъ будто громадное тѣло надвигается прямо на меня....—Фролка! гдѣ ты, песъ?—загремѣлъ страшный голосъ.—Зажигай со всѣхъ концовъ—да въ топоры ихъ, бѣлоручекъ!

На меня пахнуло жаромъ близкаго пламени, горькой гарью дыма—и въ то же мгновенье что-то теплое, словно кровь, брызнуло мнѣ въ лицо и на руки.... Дикій хохотъ грянулъ кругомъ....

Я лишился чувствъ—и когда опомнился, мы съ Эллисъ тихо скользили вдоль знакомой опушки моего лѣса, прямо къ старому дубу....

— Видишь ту дорожку?—сказала мнѣ Эллисъ,—тамъ, гдѣ мѣсяцъ тускло свѣтитъ и свѣсились двѣ березки?... Хочешь туда?

Но я чувствовалъ себя до того разбитымъ и истощеннымъ, что я могъ только проговорить въ отвѣтъ:—домой.... домой!...

— Ты дома,—отвѣчала Эллисъ.

Я дѣйствительно стоялъ передъ самой дверью моего дома—одинъ. Эллисъ исчезла. Дворовая собака подошла-было, подозрительно оглянула меня—и съ воемъ бросилась прочь.

Я съ трудомъ дотащился до постели и заснулъ, не раздѣваясь.

XVII.

Все слѣдующее утро у меня голова болѣла, и я едва передвигалъ ноги; но я не обращалъ вниманія на тѣлесное мое разстройство, раскаяніе меня грызло, досада душила.

Я былъ до крайности недоволенъ собою. „Малодушный!—твердилъ я безпрестанно:—да—Эллисъ права. Чего я испугался? какъ было не воспользоваться случаемъ?... Я могъ увидѣть самого Цезаря—и я замеръ отъ страха, я запищалъ, я отвернулся, какъ ребенокъ отъ розги. Ну, Разинъ—это дѣло другое. Въ качествѣ дворянина и землевладѣльца.... Впрочемъ, и тутъ, чего же я собственно испугался? Малодушный, малодушный!...“

— Да ужъ не во снѣ ли я все это вижу?—спросилъ я себя наконецъ. Я позвалъ ключницу.

— Марѳа, въ которомъ часу я легъ вчера въ постель—не помнишь?

— Да кто жъ тебя знаетъ, кормилецъ.... Чай, поздно. Въ сумеречки ты изъ дома вышелъ; а въ спальнѣ-то ты

каблучищами-то за полночь стукалъ. Подъ самое подъ утро—да. Вотъ, и третьяго дня то жъ. Знать, забота у тебя завелась какая.

„Эге-ге!—подумалъ я.—Летанье-то, значитъ, не подлежитъ сомнѣнію". — Ну, а съ лица я сегодня каковъ?— прибавилъ я громко.

— Съ лица-то? Дай, погляжу. Осунулся маленько. Да и блѣденъ же ты, кормилецъ: вотъ, какъ есть ни кровинки въ лицѣ.

Меня слегка покоробило.... Я отпустилъ Марѳу.

„Вѣдь этакъ умрешь, пожалуй, или сойдешь съ ума", разсуждалъ я, сидя въ раздумьѣ подъ окномъ. „Надо это все бросить. Это опасно. Вонъ, и сердце какъ странно бьется. А когда я летаю, мнѣ все кажется, что его кто-то сосетъ, или какъ будто изъ него что-то сочится—вотъ, какъ весной сокъ изъ березы, если воткнуть въ нее топоръ. А все-таки жалко. Да и Эллисъ.... Она играетъ со мной, какъ кошка съ мышью.... а впрочемъ, едва ли она желаетъ мнѣ зла. Отдамся ей въ послѣдній разъ—нагляжусь—а тамъ.... Но если она пьетъ мою кровь? Это ужасно. Притомъ, такое быстрое передвиженіе не можетъ не быть вреднымъ; говорятъ, и въ Англіи, на желѣзныхъ дорогахъ запрещено ѣхать болѣе 120 верстъ въ часъ...."

Такъ я размышлялъ съ самимъ собою—но въ десятомъ часу вечера я уже стоялъ передъ старымъ дубомъ.

XVIII.

Ночь была холодная, тусклая, сѣрая; въ воздухѣ пахло дождемъ. Къ удивленію моему, я никого не нашелъ подъ дубомъ; я прошелся нѣсколько разъ вокругъ, доходилъ до опушки лѣса, возвращался, тщательно вглядывался въ темноту.... Все было пусто. Я подождалъ немного, потомъ нѣсколько разъ сряду произнесъ имя Эллисъ, все

громче и громче.... но она не появлялась. Мнѣ стало грустно, почти больно; прежнія мои опасенья исчезли: я не могъ примириться съ мыслью, что моя спутница уже не вернется ко мнѣ.

— Эллисъ! Эллисъ! Приди же! Неужели ты не придешь?— закричалъ я въ послѣдній разъ.

Воронъ, котораго мой голосъ разбудилъ, внезапно завозился въ вершинѣ сосѣдняго дерева и, путаясь въ вѣткахъ, захлопалъ крыльями.... Но Эллисъ не появлялась.

Понуривъ голову, я отправился домой. Впереди уже чернѣли ракиты на плотинѣ пруда, и свѣтъ въ окнѣ моей комнаты мелькнулъ между яблонями сада, мелькнулъ и скрылся, словно глазъ человѣка, который бы меня караулилъ—какъ вдругъ сзади меня послышался тонкій свистъ быстро разсѣкаемаго воздуха, и что-то разомъ обняло и подхватило меня снизу вверхъ: кобчикъ такъ подхватываетъ когтемъ, „чокаетъ“ перепела.... Это Эллисъ на меня налетѣла. Я почувствовалъ ея щеку на моей щекѣ, кольцо ея руки вокругъ моего тѣла—и какъ острый холодокъ вонзился мнѣ въ ухо ея шопотъ: „вотъ и я“. Я и испугался, и обрадовался въ одно и то же время.... Мы неслись невысоко надъ землей.

— Ты не хотѣла прійти сегодня?—промолвилъ я.

— А ты соскучился по мнѣ? Ты меня любишь? О, ты мой!

Послѣднія слова Эллисъ меня смутили.... Я не зналъ, что̀ сказать.

— Меня задержали,—продолжала она,—меня караулили.

— Кто могъ тебя задержать?

— Куда ты хочешь?—спросила Эллисъ, по обыкновенію не отвѣчая на мой вопросъ.

— Понеси меня въ Италію, къ тому озеру—помнишь?

Эллисъ слегка отклонилась и отрицательно покачала

головой. Тутъ я въ первый разъ замѣтилъ, что она перестала быть прозрачной. И лицо ея какъ будто окрасилось; по туманной его бѣлизнѣ разливался алый оттѣнокъ. Я взглянулъ въ ея глаза.... и мнѣ стало жутко: въ этихъ глазахъ что-то двигалось — медленнымъ, безостановочнымъ и зловѣщимъ движеніемъ свернувшейся и застывшей змѣи, которую начинаетъ отогрѣвать солнце.

— Эллисъ!—воскликнулъ я:—кто ты? Скажи же мнѣ, кто ты?

Эллисъ только плечомъ пожала.

Мнѣ стало досадно.... мнѣ захотѣлось отомстить ей,— и вдругъ мнѣ пришло на умъ велѣть ей перенестись со мною въ Парижъ. „Вотъ ужъ гдѣ придется тебѣ ревновать“, подумалъ я.—Эллисъ!—промолвилъ я вслухъ: — ты не боишься большихъ городовъ, Парижа, напримѣръ?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ? Даже тѣхъ мѣстъ, гдѣ такъ свѣтло, какъ на бульварахъ?

— Это не дневной свѣтъ.

— Прекрасно; такъ неси же меня сейчасъ на Италіянскій бульваръ.

Эллисъ накинула мнѣ на голову конецъ своего длиннаго висячаго рукава. Меня тотчасъ охватила какая-то бѣлая мгла, съ снотворнымъ запахомъ мака. Все исчезло разомъ: всякій свѣтъ, всякій звукъ—и самое почти сознаніе. Одно ощущеніе жизни осталось—и это не было непріятно.

Внезапно мгла исчезла; Эллисъ сняла рукавъ съ моей головы, и я увидѣлъ подъ собою громаду столпившихся зданій, полную блеска, движенія, грохота.... Я увидѣлъ Парижъ.

XIX.

Я прежде бывалъ въ Парижѣ, и потому тотчасъ узналъ мѣсто, къ которому направлялась Эллисъ. Это былъ Тюльерійскій садъ, съ его старыми каштановыми деревьями, желѣзными рѣшетками, крѣпостнымъ рвомъ и звѣроподобными зуавами на часахъ. Минуя дворецъ, минуя церковь св. Роха, на ступеняхъ которой первый Наполеонъ въ первый разъ пролилъ французскую кровь, мы остановились высоко надъ Италіянскимъ бульваромъ, гдѣ третій Наполеонъ сдѣлалъ то же самое, и съ тѣмъ же успѣхомъ. Толпы народа, молодые и старые щеголи, блузники, женщины въ пышныхъ платьяхъ, тѣснились по панелямъ: раззолоченные рестораны и кофейныя горѣли огнями; омнибусы, кареты всѣхъ родовъ и видовъ сновали вдоль бульвара; все такъ и кипѣло, такъ и сіяло, все, куда ни падалъ взоръ.... Но, странное дѣло! мнѣ не захотѣлось покинуть мою чистую, темную, воздушную высь, не захотѣлось приблизиться къ этому человѣческому муравейнику. Казалось, горячій, тяжёлый, рдяный паръ поднимался оттуда, не то пахучій, не то смрадный: ужъ очень много жизней сбилось тамъ въ одну кучу. Я колебался.... Но вотъ рѣзкій, какъ лязгъ желѣзныхъ полосъ, голосъ уличной лоретки внезапно долетѣлъ до меня; какъ наглый языкъ, высунулся онъ наружу, этотъ голосъ; онъ кольнулъ меня, какъ жало гадины. Я тотчасъ представилъ себѣ каменное, скулистое, жадное, плоское, парижское лицо, ростовщичьи глаза, бѣлила, румяны, взбитые волосы и букетъ яркихъ поддѣльныхъ цвѣтовъ подъ остроконечной шляпой, выскребленные ногти въ родѣ когтей, безобразный кринолинъ.... Я представилъ себѣ также и нашего брата степняка, бѣгущаго дрянной припрыжкой за продажной куклой.... Я представилъ себѣ, какъ онъ, конфузясь до грубости и насильственно картавя, старается

подражать въ манерахъ гарсонамъ Вефура, пищитъ, подслуживаетъ, юлитъ — и чувство омерзѣнія охватило меня.... „Нѣтъ“, подумалъ я, „здѣсь Эллисъ ревновать не придется....“

Между тѣмъ, я замѣтилъ, что мы понемногу начали понижаться.... Парижъ вздымался къ намъ навстрѣчу со всѣмъ своимъ гамомъ и чадомъ....

— Остановись!—обратился я къ Эллисъ. — Неужели тебѣ не душно здѣсь, не тяжело?

— Ты самъ просилъ меня перенести тебя сюда.

— Я виноватъ, я беру назадъ свое слово. Неси меня прочь, Эллисъ, прошу тебя. Такъ и есть: вотъ и князь Кульмаметовъ ковыляетъ по бульвару; и другъ его, Сержъ Вараксинъ, машетъ ему ручкой и кричитъ: „Иванъ Степанычъ, аллонъ супэ, скорѣй, же ангаже самое Ригольбошъ!“ Неси меня прочь отъ этихъ мабилей и мезонъ-доре, отъ ганденовъ и бишей, отъ жокей-клуба и Фигаро, отъ выбритыхъ солдатскихъ лбовъ и вылощенныхъ казармъ, отъ сержандевилей съ эспаньолками и стакановъ мутнаго абсенту, отъ игроковъ въ домино по кофейнымъ и игроковъ на биржѣ, отъ красныхъ ленточекъ въ петлицѣ сюртука и въ петлицѣ пальто, отъ господина де-Фуа, изобрѣтателя „спеціальности браковъ“, и даровыхъ консультацій д-ра Шарля Альбера, отъ либеральныхъ лекцій и правительственныхъ брошюръ, отъ парижскихъ комедій и парижскихъ оперъ, отъ парижскихъ остротъ и парижскаго невѣжества.... Прочь! прочь! прочь!

— Взгляни внизъ,—отвѣчала мнѣ Эллисъ: — ты уже не надъ Парижемъ.

Я опустилъ глаза.... Точно. Темная равнина, кой-гдѣ пересѣченная бѣловатыми чертами дорогъ, быстро бѣжала подъ нами, и только назади, на небосклонѣ, какъ зарево огромнаго пожара, било кверху широкое отраженіе безчисленныхъ огней міровой столицы.

XX.

Опять упала пелена на глаза мои.... Опять я забылся. Она разсѣялась, наконецъ.

Что это тамъ внизу? Какой это паркъ съ аллеями стриженныхъ липъ, съ отдѣльными елками въ видѣ зонтиковъ, съ портиками и храмами во вкусѣ помпадуръ, съ изваяніями сатировъ и нимфъ Бернинніевской школы, съ тритонами рококо на срединѣ изогнутыхъ прудовъ, окаймленныхъ низкими перилами изъ почернѣвшаго мрамора? Не Версаль ли это? Нѣтъ, это не Версаль. Небольшой дворецъ, тоже рококо, выглядываетъ изъ-за купы кудрявыхъ дубовъ. Луна неясно свѣтитъ, окутанная паромъ, и по землѣ какъ будто разостлался тончайшій дымъ. Глазъ не можетъ разобрать, что это такое: лунный свѣтъ или туманъ? Вонъ, на одномъ изъ прудовъ спитъ лебедь: его длинная спина бѣлѣетъ, какъ снѣгъ степей, прохваченныхъ морозомъ, а вонъ свѣтляки горятъ алмазами въ голубоватой тѣни, у подножья статуй.

— Мы возлѣ Мангейма, — промолвила Эллисъ: — это Швецингенскій садъ.

— Такъ мы въ Германіи—подумалъ я, и началъ прислушиваться. Все было безмолвно; только гдѣ-то уединенно и незримо плескалась и болтала струйка падавшей воды. Казалось, она твердила все одни и тѣ же слова: „Да, да, да, всегда, да“. И вдругъ мнѣ почудилось, какъ будто по самой серединѣ одной изъ аллей, между стѣнами стриженой зелени, жеманно подавая руку дамѣ въ напудренной прическѣ и пестромъ робронѣ, выступалъ на красныхъ каблукахъ кавалеръ, въ золоченомъ кафтанѣ и кружевныхъ манжеткахъ, съ легкой стальной шпагой на бедрѣ.... Странныя, блѣдныя лица.... Я хочу вглядѣться въ нихъ.... Но уже все исчезло, и только попрежнему болтаетъ вода.

— Это сны бродятъ,—шепнула Эллисъ:—вчера можно

было увидѣть много.... много. Сегодня и сны бѣгутъ человѣческаго глаза. Впередъ! Впередъ!

Мы поднялись кверху и полетѣли дальше. Такъ плавенъ и ровенъ былъ нашъ полетъ, что, казалось, не мы двигались, а все, напротивъ, къ намъ двигалось навстрѣчу. Появились горы, темныя, волнистыя, покрытыя лѣсомъ; онѣ выросли и поплыли на насъ.... Вотъ, уже онѣ протекаютъ подъ нами, со всѣми своими извилинами, ложбинами, узкими лугами, съ огненными точками въ заснувшихъ деревушкахъ у быстрыхъ ручьевъ на днѣ долинъ; а впереди опять выростаютъ и плывутъ другія горы.... Мы въ нѣдрахъ Шварцвальда.

Горы, все горы.... и лѣсъ, прекрасный, старый, могучій лѣсъ. Ночное небо ясно: я могу признать каждую породу деревьевъ; особенно великолѣпны пихты съ ихъ бѣлыми прямыми стволами. Кое-гдѣ, на опушкахъ, виднѣются дикія козы; стройно и чутко стоятъ онѣ на своихъ тонкихъ ножкахъ и прислушиваются, красиво повернувъ головы и насторживъ большія, трубчатыя уши. Развалина башни печально и слѣпо выставляетъ съ вершины голаго утеса свои полуобрушенные зубцы; надъ старыми, забытыми камнями мирно теплится золотая звѣздочка. Изъ небольшого, почти чернаго озера поднимается, какъ таинственная жалоба, стенящее уканіе маленькихъ жабъ. Мнѣ чудятся другіе звуки, длинные, томные, подобные звукамъ эоловой арфы.... Вотъ она, страна легендъ! Тотъ же самый тонкій лунный дымъ, который поразилъ меня въ Швецингенѣ, разлитъ здѣсь повсюду, и чѣмъ дальше расходятся горы, тѣмъ гуще этотъ дымъ. Я насчитываю пять, шесть, десять различныхъ тоновъ различныхъ пластовъ тѣни по уступамъ горъ, и надъ всѣмъ безмолвнымъ разнообразіемъ задумчиво царитъ луна. Воздухъ струится мягко и легко. Мнѣ самому легко и какъ-то возвышенно спокойно и грустно....

— Эллисъ, ты должна любить этотъ край!

— Я ничего не люблю.

— Какъ же это? А меня?

— Да.... тебя!—отвѣчаетъ она равнодушно.

Мнѣ сдается, что ея рука тѣснѣе прежняго обвиваетъ мой станъ.

— Впередъ! Впередъ!—говоритъ Эллисъ съ какимъ-то холоднымъ увлеченьемъ.

— Впередъ!—повторяю я.

XXI.

Сильный, переливчатый, звонкій крикъ раздался внезапно надъ нами и тотчасъ же повторился уже немного впереди.

— Это запоздалые журавли летятъ къ вамъ, на сѣверъ,— сказала Эллисъ:—хочешь къ нимъ присоединиться?

— Да, да! подними меня къ нимъ.

Мы взвились и въ одинъ мигъ очутились рядомъ съ пролетавшей станицей.

Крупныя, красивыя птицы (ихъ всего было тринадцать) летѣли треугольникомъ, рѣзко и рѣдко махая выпуклыми крыльями. Туго вытянувъ голову и ноги, круто выставивъ грудь, онѣ стремились неудержимо и до того быстро, что воздухъ свисталъ вокругъ. Чудно было видѣть на такой вышинѣ, въ такомъ удаленіи отъ всего живого такую горячую, сильную жизнь, такую неуклонную волю. Не переставая побѣдоносно разсѣкать пространство, журавли изрѣдка перекликались съ передовымъ товарищемъ, съ вожакомъ, и было что-то гордое, важное, что-то несокрушимо-самоувѣренное въ этихъ громкихъ возгласахъ, въ этомъ подоблачномъ разговорѣ. „Мы долетимъ, небось, хоть и трудно“, казалось, говорили они, ободряя другъ друга. И тутъ мнѣ пришло въ голову, что такихъ людей,

каковы были эти птицы—въ Россіи—гдѣ въ Россіи! въ цѣломъ свѣтѣ немного.

— Мы теперь летимъ въ Россію,—промолвила Эллисъ. Я уже не въ первый разъ могъ замѣтить, что она почти всегда знала, о чемъ я думаю.—Хочешь вернуться?

— Вернемся.... или нѣтъ? Я былъ въ Парижѣ; неси меня въ Петербургъ.

— Теперь?

— Сейчасъ.... Только закрой мнѣ голову твоей пеленой, а то мнѣ дурно дѣлается.

Эллисъ подняла руку.... но прежде чѣмъ туманъ охватилъ меня, я успѣлъ почувствовать на губахъ моихъ прикосновеніе того мягкаго, тупого жала....

XXII.

„Слуша-а-а-а-ай!“ раздался въ ушахъ моихъ протяжный крикъ. „Слуша-а-а-а-ай!“ словно съ отчаяніемъ отозвалось въ отдаленіи. „Слуша-а-а-а-ай!“ замерло гдѣ-то на концѣ свѣта. Я встрепенулся. Высокій золотой шпиль бросился мнѣ въ глаза: я узналъ Петропавловскую крѣпость.

Сѣверная, блѣдная ночь! Да и ночь ли это? Не блѣдный, не больной ли это день? Я никогда не любилъ петербургскихъ ночей; но на этотъ разъ мнѣ даже страшно стало: обликъ Эллисъ исчезалъ совершенно, таялъ, какъ утренній туманъ на іюльскомъ солнцѣ, и я ясно видѣлъ все свое тѣло, какъ оно грузно и одиноко висѣло въ уровень Александровской колонны. Такъ вотъ Петербургъ! Да, это онъ, точно. Эти пустыя, широкія, сѣрыя улицы; эти сѣро-бѣловатые, желто-сѣрые, сѣро-лиловые, оштукатуренные и облупленные дома, съ ихъ впалыми окнами, яркими вывѣсками, желѣзными навѣсами надъ крыльцами и дрянными овощными лавчонками; эти фронтоны; надпи-

си, будки, колоды; золотая шапка Исаакія; ненужная, пестрая биржа; гранитныя стѣны крѣпости и взломанная деревянная мостовая; эти барки съ сѣномъ и дровами; этотъ запахъ пыли, капусты, рогожи и конюшни, эти окаменѣлые дворники въ тулупахъ у воротъ, эти скорченные мертвеннымъ сномъ извозчики на продавленныхъ дрожкахъ,—да, это она, наша Сѣверная Пальмира. Все видно кругомъ; все ясно, до жуткости четко и ясно, и все печально спитъ, странно громоздясь и рисуясь въ тускло-прозрачномъ воздухѣ. Румянецъ вечерней зари—чахоточный румянецъ—не сошелъ еще, и не сойдетъ до утра съ бѣлаго, беззвѣзднаго неба, онъ ложится по шелковистой глади Невы, а она чуть журчитъ и чуть колышется, торопя впередъ свои холодныя, синія воды....

— Улетимъ,—взмолилась Эллисъ.

И, не дожидаясь моего отвѣта, она понесла меня черезъ Неву, черезъ дворцовую площадь, къ Литейной. Шаги и голоса послышались внизу: по улицѣ шла кучка молодыхъ людей съ испитыми лицами и толковала о танцклассахъ. „Подпоручикъ Столпаковъ седьмой!“ крикнулъ вдругъ съ просонку солдатъ, стоявшій на часахъ у пирамидки ржавыхъ ядеръ, а нѣсколько подальше, у раскрытаго окна высокаго дома, я увидѣлъ дѣвицу въ измятомъ шелковомъ платьѣ, безъ рукавчиковъ, съ жемчужной сѣткой на волосахъ и съ папироской во рту. Она благоговѣйно читала книгу: это былъ томъ сочиненій одного изъ новѣйшихъ Ювеналовъ.

— Улетимъ!—сказалъ я Эллисъ.

Минута, и уже мелькали подъ нами гнилые еловые лѣсишки и моховыя болота, окружающія Петербургъ. Мы направлялись прямо къ югу: небо и земля, все становилось понемногу темнѣй и темнѣй. Больная ночь, больной день, больной городъ—все осталось назади.

XXIII.

Мы летѣли тише обыкновеннаго, и я имѣлъ возможность услѣдить глазами, какъ постепенно развертывалось передо мною, подобно свитку нескончаемой панорамы, обширное пространство родной земли. Лѣса, кусты, поля, овраги, рѣки—изрѣдка деревни, церкви—и опять поля и лѣса, и кусты, и овраги.... Грустно стало мнѣ, и какъ-то равнодушно скучно. И не потому стало мнѣ грустно и скучно, что пролеталъ я именно надъ Россіей. Нѣтъ! Сама земля, эта плоская поверхность, которая разстилалась подо мною; весь земной шаръ съ его населеніемъ, мгновеннымъ, немощнымъ, подавленнымъ нуждою, горемъ, болѣзнями, прикованнымъ къ глыбѣ презрѣннаго праха; эта хрупкая, шероховатая кора, этотъ наростъ на огненной песчинкѣ нашей планеты, по которому проступила плѣсень, величаемая нами органическимъ, растительнымъ царствомъ; эти люди-мухи, въ тысячу разъ ничтожнѣе мухъ; ихъ слѣпленныя изъ грязи жилища, крохотные слѣды ихъ мелкой, однообразной возни, ихъ забавной борьбы съ неизмѣняемымъ и неизбѣжнымъ,—какъ это мнѣ вдругъ все опротивѣло! Сердце во мнѣ медленно перевернулось, и не захотѣлось мнѣ болѣе глазѣть на эти незначительныя картины, на эту пошлую выставку.... Да, мнѣ стало скучно—хуже чѣмъ скучно. Даже жалости я не ощущалъ къ своимъ собратьямъ: всѣ чувства во мнѣ потонули въ одномъ, которое я назвать едва дерзаю: въ чувствѣ отвращенія, и сильнѣе всего, и болѣе всего во мнѣ было отвращеніе—къ самому себѣ.

— Перестань,—шепнула Эллисъ:—перестань, а то я тебя не снесу. Ты тяжелъ становишься.

— Ступай домой,—отвѣчалъ я ей тѣмъ же голосомъ, какимъ я говаривалъ эти слова моему кучеру, выходя въ четвертомъ часу ночи отъ московскихъ пріятелей, съ ко-

торыми съ самаго обѣда толковалъ о будущности Россіи и значеніи общины. — Ступай домой, — повторилъ я и закрылъ глаза.

XXIV.

Но я скоро раскрылъ ихъ. Эллисъ какъ-то странно ко мнѣ прижималась; она почти толкала меня. Я посмотрѣлъ на нее и кровь во мнѣ застыла. Кому случалось увидать на лицѣ другого внезапное выраженіе глубокаго ужаса, причину котораго онъ не подозрѣваетъ—тотъ меня пойметъ. Ужасъ, томительный ужасъ кривилъ, искажалъ блѣдныя, почти стертыя черты Эллисъ. Я не видалъ ничего подобнаго даже на живомъ человѣческомъ лицѣ. Безжизненный, туманный призракъ, тѣнь.... и этотъ замирающій страхъ....

— Эллисъ, что съ тобой? — проговорилъ я наконецъ.

— Она.... она....—отвѣчала она съ усиліемъ,—она!

— Она? кто она?

— Не называй ее, не называй, — торопливо пролепетала Эллисъ.—Надо спасаться, а то всему конецъ — и навсегда.... Посмотри: вонъ тамъ!

Я обернулъ голову въ сторону, куда указывала мнѣ трепещущая рука—и увидалъ нѣчто.... нѣчто дѣйствительно страшное.

Это нѣчто было тѣмъ страшнѣе, что не имѣло опредѣленнаго образа. Что-то тяжелое, мрачное, изжелта-черное, пестрое, какъ брюхо ящерицы—не туча и не дымъ, медленно, змѣинымъ движеніемъ, двигалось надъ землей. Мѣрное, широкое колебаніе сверху внизъ и снизу вверхъ, колебаніе, напоминающее зловѣщій размахъ крыльевъ хищной птицы, когда она ищетъ свою добычу; по временамъ неизъяснимо противное приниканіе къ землѣ, — паукъ такъ приникаетъ къ пойманной мухѣ.... Кто ты, что ты, грозная масса? Подъ ея вліяніемъ—я это видѣлъ, я это

чувствовалъ—все уничтожалось, все нѣмѣло.... Гнилымъ, тлетворнымъ холодкомъ несло отъ нея—отъ этого холодка тошнило на сердцѣ и въ глазахъ темнѣло, и волосы вставали дыбомъ. Это сила шла; та сила, которой нѣтъ сопротивленія, которой все подвластно, которая безъ зрѣнія, безъ образа, безъ смысла—все видитъ, все знаетъ, и какъ хищная птица выбираетъ свои жертвы, какъ змѣя ихъ давитъ и лижетъ своимъ мерзлымъ жаломъ....

— Эллисъ! Эллисъ! — закричалъ я какъ изступленный.—Это смерть! сама смерть!

Жалобный звукъ, уже прежде слышанный мною, вырвался изъ устъ Эллисъ—на этотъ разъ онъ скорѣе походилъ на человѣческій, отчаянный вопль — и мы понеслись. Но нашъ полетъ былъ странно и страшно неровенъ; Эллисъ кувыркалась на воздухѣ, падала, бросалась изъ стороны въ сторону, какъ куропатка, смертельно раненная или желающая отвлечь собаку отъ своихъ дѣтей. А между тѣмъ, вслѣдъ за нами, отдѣлившись отъ неизъяснимо-ужасной массы, покатились какіе то длинные, волнистые отпрыски, словно протянутыя руки, словно когти.... Громадный образъ закутанной фигуры на блѣдномъ конѣ мгновенно всталъ и взвился подъ самое небо.... Еще тревожнѣе, еще отчаяннѣе заметалась Эллисъ. „Она увидала! Все кончено! Я пропала!...“ слышался ея прерывистый шопотъ. „О, я несчастная! Я могла бы воспользоваться, набраться жизни.... а теперь.... Ничтожество, ничтожество!“

Это было слишкомъ невыносимо.... Я лишился чувствъ.

XXV.

Когда я опомнился—я лежалъ навзничь въ травѣ и чувствовалъ во всемъ тѣлѣ глухую боль, какъ отъ сильнаго ушиба. На небѣ брезжило утро: я могъ ясно различать

предметы. Невдалекѣ, вдоль березовой рощицы, шла дорога, усаженная ракитами: мѣста мнѣ казались знакомыя. Я началъ припоминать, что̀ произошло со мною— и содрогнулся весь, какъ только пришло мнѣ на умъ то послѣднее, безобразное видѣніе....

„Но чего же испугалась Эллисъ?“ подумалъ я. „Ужели и она подлежитъ *ея* власти? Развѣ она не безсмертна? Развѣ и она обречена ничтожеству, разрушенію? какъ это возможно!“

Тихій стонъ раздался вблизи. Я повернулъ голову. Въ двухъ шагахъ отъ меня недвижно лежала распростертая молодая женщина въ бѣломъ платьѣ, съ разбросанными густыми волосами, съ обнаженнымъ плечомъ. Одна рука закинулась на голову, другая упала на грудь. Глаза были закрыты, и на стиснутыхъ губахъ выступила легкая алая пѣна. Неужели это Эллисъ? Но Эллисъ—призракъ, а я видѣлъ передъ собою живую женщину. Я подползъ къ ней, наклонился....

— Эллисъ? ты ли это?—воскликнулъ я. Вдругъ, медленно затрепетавъ, приподнялись широкія вѣки; темные, пронзительные глаза впились въ меня—и въ то же мгновенье въ меня впились и губы, теплыя, влажныя, съ кровянымъ запахомъ.... мягкія руки крѣпко обвились вокругъ моей шеи, горячая, полная грудь судорожно прижалась къ моей.—Прощай! прощай на вѣкъ!—явственно произнесъ замиравшій голосъ—и все исчезло.

Я приподнялся, шатаясь на ногахъ, словно пьяный— и, проведя нѣсколько разъ руками по лицу, оглядѣлся внимательно. Я находился возлѣ большой ....ой дороги, въ двухъ верстахъ отъ своей усадьбы. Солнце уже встало, когда я добрался домой.

Всѣ слѣдующія ночи я ждалъ—и, признаюсь, не безъ страха,—появленія моего призрака; но онъ не посѣщалъ

меня болѣе. Я даже отправился однажды, въ сумерки, къ старому дубу, но и тамъ не произошло ничего необыкновеннаго. Впрочемъ, я не слишкомъ жалѣлъ о прекращеніи такого страннаго знакомства. Я много и долго размышлялъ объ этомъ непонятномъ, почти безтолковомъ казусѣ—и я убѣдился, что не только наука его не объясняетъ, но что даже въ сказкахъ, въ легендахъ не встрѣчается ничего подобнаго. Что такое Эллисъ, въ самомъ дѣлѣ? Привидѣніе, скитающаяся душа, злой духъ, сильфида, вампиръ, наконецъ? Иногда мнѣ опять казалось, что Эллисъ — женщина, которую я когда-то зналъ—и я дѣлалъ страшныя усилія, чтобы припомнить, гдѣ я ее видѣлъ.... Вотъ, вотъ, казалось иногда—сейчасъ, сію минуту вспомню.... Куда! все опять расплывалось, какъ сонъ. Да, я думалъ много и, какъ водится, ни до чего не додумался. Спросить совѣта или мнѣнія другихъ людей я не рѣшался, боясь прослыть за сумасшедшаго. Я, наконецъ, бросилъ всѣ свои размышленія: правду сказать, мнѣ было не до того. Съ одной стороны, подвернулась эманципація съ разверстаніемъ угодій и пр. и пр.; а съ другой, собственное здоровье разстроилось: грудь заболѣла, безсонница, кашель. Все тѣло сохнетъ. Лицо желтое, какъ у мертвеца. Докторъ увѣряетъ, что у меня крови мало, называетъ мою болѣзнь греческимъ именемъ „анеміей“ — и посылаетъ меня въ Гастейнъ. А посредникъ божится, что безъ меня съ крестьянами „не сообразишь....“

Вотъ тутъ и соображай!

Но что значатъ тѣ пронзительно-чистые и острые звуки, звуки гармоники, которые я слышу, какъ только заговорятъ при мнѣ о чьей-нибудь смерти? Они становятся все громче, все пронзительнѣй.... И зачѣмъ я такъ мучительно содрогаюсь при одной мысли о ничтожествѣ?

1863 г.

ДОВОЛЬНО.

Отрывокъ изъ записокъ умершаго художника.

I.

. . . . . .

II.

. . . . . .

III.

Довольно,—говорилъ я самому себѣ, между тѣмъ какъ ноги мои, нехотя переступая по крутому скату горы, несли меня внизъ, къ тихой рѣчкѣ; „довольно“,—повторялъ я, вдыхая смолистый запахъ сосновой рощи, которому свѣжесть наступавшаго вечера придавала особенную крѣпость и остроту; „довольно“, сказалъ я еще разъ, усѣвшись на моховомъ бугрѣ надъ самой рѣчкой и глядя на ея тёмныя и небыстрыя волны, надъ которыми толстый тростникъ поднималъ свои блѣдно-зеленые стебли.... „Довольно!“—Полно метаться, полно тянуться, сжаться пора: пора взять голову въ обѣ руки и велѣть сердцу молчать.

Полно нѣжиться сладкой нѣгой неопредѣленныхъ, но плѣнительныхъ ощущеній, полно бѣжать за каждымъ новымъ образомъ красоты, полно ловить каждое трепетаніе ея тонкихъ и сильныхъ крылъ.—Все извѣдано—все перечувствовано много разъ.... усталъ я. — Что̀ мнѣ въ томъ, что въ это самое мгновенье заря все шире, все ярче разливается по небу, словно распаленная какою-то все-побѣдною страстію? Что̀ въ томъ, что въ двухъ шагахъ отъ меня, среди тишины и нѣги и блеска вечера, въ росистой глубинѣ неподвижнаго куста, соловей вдругъ сказался такими волшебными звуками, точно до него на свѣтѣ не водилось соловьевъ, и онъ первый запѣлъ первую пѣснь о первой любви? Все это было, было, повторялось, повторяется тысячу разъ — и какъ вспомнишь, что все это будетъ продолжаться такъ цѣлую вѣчность—словно по указу, по закону—даже досадно станетъ! Да.... досадно!

IV.

Эхъ, состарѣлся я! Прежде—подобныя мысли и въ голову бы мнѣ не пришли—прежде, въ тѣ счастливые дни, когда я самъ разгорался, какъ заря, и пѣлъ, какъ соловей. — Надо признаться: все потускнѣло вокругъ, вся жизнь поблекла. Свѣтъ, который даетъ ея краскамъ и значеніе и силу,—тотъ свѣтъ, который исходитъ изъ сердца человѣка—погасъ во мнѣ.... Нѣтъ, онъ еще не погасъ—но едва тлѣетъ, безъ лучей и безъ теплоты. Помнится, однажды, поздней ночью, въ Москвѣ, я подошелъ къ рѣшетчатому окну старенькой церкви и прислонился къ неровному стеклу. Было темно подъ низкими сводами—позабытая лампадка едва теплилась краснымъ огонькомъ передъ древнимъ образомъ—и смутно виднѣлись однѣ только губы святого лика—строгіи, скорбныя; угрюмый мракъ на-

двигался кругомъ и, казалось, готовился подавить своею глухою тяжестью слабый лучъ ненужнаго свѣта.... И въ сердцѣ моемъ—теперь такой же свѣтъ и такой же мракъ.

V.

И это я пишу тебѣ—тебѣ, мой единственный и незабвенный другъ, тебѣ, дорогая моя подруга, которую я покинулъ навсегда, но которую не перестану любить до конца моей жизни.... Увы! ты знаешь, что̀ насъ разлучило. Но я не хочу теперь упоминать объ этомъ. Я тебя покинулъ.... но и здѣсь, въ этой глуши, въ этой дали, въ этомъ изгнаніи—я весь проникнутъ тобою, я попрежнему въ твоей власти, попрежнему чувствую сладостное тяготѣніе твоей руки на моей склоненной головѣ!—Въ послѣдній разъ приподнимаясь изъ нѣмой могилы, въ которой я теперь лежу, я пробѣгаю кроткимъ и умиленнымъ взоромъ все мое прошедшее, все наше прошедшее.... Надежды нѣтъ, и нѣтъ возврата — но и горечи нѣтъ во мнѣ, и нѣтъ сожалѣнья—и яснѣе небесной лазури, чище перваго снѣга на горныхъ высотахъ, возстаютъ, какъ образы умершихъ боговъ, прекрасныя воспоминанья.... Они не тѣснятся толпами, они проходятъ тихой чередою, какъ тѣ закутанныя фигуры аѳинскихъ ѳеорій, которыми помнишь? — мы такъ любовались на древнихъ барельефахъ Ватикана....

VI.

Я сейчасъ упомянулъ о свѣтѣ, который исходитъ изъ сердца человѣческаго и озаряетъ все, что его окружаетъ.... Мнѣ хочется поговорить съ тобою о томъ времени, когда и въ моемъ сердцѣ горѣлъ этотъ благодатный свѣтъ.—Слушай.... а я воображу, что ты сидишь передо

мною и глядишь на меня твоими ласковыми и въ то же время почти до строгости внимательными глазами. О, незабвенные глаза! На кого, куда устремлены вы теперь? Кто принимаетъ въ свою душу вашъ взглядъ — этотъ взглядъ, который какъ будто вытекаетъ изъ невѣдомой глубины, подобно тѣмъ таинственнымъ ключамъ, какъ вы, и свѣтлымъ и темнымъ, которые бьютъ на самомъ днѣ тѣсныхъ долинъ, подъ навѣсами скалъ?... Слушай.—

VII.

Это было въ концѣ марта, передъ Благовѣщеніемъ, вскорѣ послѣ того, какъ я въ первый разъ тебя увидѣлъ— и еще не подозрѣвая, чѣмъ ты станешь для меня—уже носилъ тебя въ сердцѣ—безмолвно и тайно.—Мнѣ пришлось переѣзжать одну изъ главныхъ рѣкъ Россіи. Ледъ еще не тронулся на ней—но какъ будто вспухъ и потемнѣлъ; четвертый день стояла оттепель. Снѣгъ таялъ кругомъ—дружно, но тихо; вездѣ сочилась вода; въ рыхломъ воздухѣ бродилъ беззвучный вѣтеръ. Одинъ и тотъ же, ровный, молочный цвѣтъ обливалъ землю и небо: тумана не было—но не было и свѣта; ни одинъ предметъ не выдѣлялся на общей бѣлизнѣ; все казалось и близкимъ, и неяснымъ. Оставивъ свою кибитку далеко назади, я быстро шелъ по льду рѣчному—и кромѣ глухого стука собственныхъ шаговъ, не слышалъ ничего; я шелъ, со всѣхъ сторонъ охваченный первымъ млѣніемъ и вѣяніемъ ранней весны.... и, понемногу, прибавляясь съ каждымъ шагомъ, съ каждымъ движеніемъ впередъ, поднималась и росла во мнѣ какая-то радостная, непонятная тревога.... Она увлекала, она торопила меня—и такъ сильны были ея порывы, что я остановился, наконецъ, въ изумленіи и вопросительно посмотрѣлъ вокругъ, какъ бы желая отыскать внѣшнюю причину моего восторженнаго состоя-

нія.... Все было тихо, бѣло, сонно; но я поднялъ глаза: высоко на небѣ неслись станицей прилетныя птицы.... „Весна! здравствуй, весна!“—закричалъ я громкимъ голосомъ:—„здравствуй, жизнь и любовь, и счастье!—и въ то же мгновенье, съ сладостно потрясающею силой, подобно цвѣту кактуса, внезапно вспыхнулъ во мнѣ твой образъ—вспыхнулъ и сталъ, очаровательно яркій и прекрасный—и я понялъ, что я люблю тебя, тебя одну, что я весь полонъ тобою....

VIII.

Я думаю о тебѣ.... и много другихъ воспоминаній, другихъ картинъ встаетъ передо мною — и повсюду ты, на всѣхъ путяхъ моей жизни встрѣчаю я тебя.—То является мнѣ старый русскій садъ на скатѣ холма, освѣщенный послѣдними лучами лѣтняго солнца. Изъ-за серебристыхъ тополей выглядываетъ тесовая крыша господскаго дома съ тонкимъ завиткомъ алаго дыма надъ бѣлой трубой—а въ заборѣ калитка чуть раскрылась, словно кто потянулъ ее нерѣшительной рукою—и я стою, и жду, и гляжу на эту калитку и на песокъ садовой дорожки—я дивлюсь и умиляюсь, все, что я вижу, мнѣ кажется необыкновеннымъ и новымъ, все обвѣяно какой-то свѣтлой, ласковой таинственностью—и уже чудится мнѣ быстрый шелестъ шаговъ—и стою я, весь напряженный и легкій, какъ птица, только-что сложившая крылья и готовая взвиться вновь—и сердце горитъ и трепещетъ веселымъ страхомъ передъ близкимъ, передъ налетающимъ счастьемъ....

IX.

То вижу я древній соборъ въ далекой, прекрасной странѣ. Рядами тѣснится колѣнопреклоненный народъ; мо-

литвеннымъ холодомъ, чѣмъ-то важнымъ и унылымъ вѣетъ отъ высокаго, нагого свода, отъ громадныхъ, къ верху развѣтвленныхъ столбовъ.—Ты стоишь возлѣ меня безгласно и безучастно, точно ты мнѣ чужая; каждая складка твоего темнаго плаща виситъ неподвижно, какъ изваянная; неподвижно лежатъ пестрыя отраженья цвѣтныхъ оконъ у ногъ твоихъ, на потертыхъ плитахъ.—И вотъ, сильно потрясая тусклый отъ ладана воздухъ, внутренно насъ потрясая, тяжелой волной прокатились звуки органа—и ты поблѣднѣла и выпрямилась—твой взоръ коснулся меня, скользнулъ выше и поднялся къ небу,—а мнѣ показалось, что только безсмертная душа можетъ такъ глядѣть и такими глазами....

X.

То является мнѣ другая картина. — Не старинный храмъ подавляетъ насъ своимъ суровымъ великолѣпіемъ; низкія стѣны небольшой уютной комнатки отдѣляютъ насъ отъ цѣлаго міра. — Что я говорю! мы одни, одни въ цѣломъ мірѣ; кромѣ насъ двоихъ нѣтъ ничего живого; за этими дружелюбными стѣнами мракъ и смерть, и пустота. То не вѣтеръ воетъ, то не дождикъ струится ручьями: то жалуется и стонетъ Хаосъ; то плачутъ его слѣпыя очи. А у насъ тихо и свѣтло, и тепло, и привѣтно; что-то забавное, что-то дѣтски-невинное, бабочкой — неправда ли?—порхаетъ вокругъ; мы пріютились другъ къ дружкѣ, мы прислонились другъ къ дружкѣ головами и оба читаемъ хорошую книгу; я чувствую, какъ бьется тонкая жилка въ твоемъ нѣжномъ вискѣ; я слышу, какъ ты живешь, ты слышишь, какъ я живу, твоя улыбка рождается у меня на лицѣ прежде, чѣмъ у тебя, ты отвѣчаешь безмолвно на мой безмолвный вопросъ, твои мысли, мои мысли—какъ оба крыла одной и той же въ лазури

потонувшей птицы....—послѣднія преграды пали—и такъ успокоилась, такъ углубилась наша любовь, такъ безслѣдно исчезло всякое разъединеніе, что намъ даже не хочется мѣняться словомъ, взглядомъ.... Только дышать, дышать вмѣстѣ хочется намъ, жить вмѣстѣ, быть вмѣстѣ.... и даже не сознавать того, что мы вмѣстѣ....

XI.

Или, наконецъ, мнѣ представляется то ясное, сентябрьское утро, когда мы гуляли съ тобою по пустынному, еще не отцвѣтшему саду заброшеннаго дворца, на берегу великой не русской рѣки, при кроткомъ сіяніи безоблачнаго неба. О, какъ передать тѣ ощущенія!—Эта безконечно текущая рѣка, эта безлюдность и спокойствіе, и радость, и какая-то упоительная грусть, и колыханіе счастья, незнакомый, однообразный городъ, осенніе крики галокъ въ высокихъ, свѣтлыхъ деревьяхъ—и эти ласковыя рѣчи и улыбки, и взгляды, долгіе, мягкіе, до дна доходящіе, и красота, красота въ самихъ насъ, кругомъ, повсюду—это выше словъ. О, скамейка, на которой мы сидѣли молча, съ поникшими отъ избытка чувствъ головами—не забыть мнѣ тебя до смертнаго моего часа!—Что за прелесть были эти рѣдкіе прохожіе съ ихъ короткимъ привѣтомъ и добрыми лицами, и плывшія мимо, большія, тихія лодки—(на одной изъ нихъ — помнишь? — стояла лошадь и задумчиво глядѣла на скользившую у ней подъ носомъ воду)—ребяческій лепетъ мелкихъ прибрежныхъ волнъ и самый лай далекихъ собакъ надъ гладью рѣки, самое покрикиваніе дороднаго унтеръ-офицера на учившихся тутъ же въ сторонѣ краснощекихъ рекрутовъ съ ихъ оттопыренными локтями и вынесенными впередъ, на журавлиный ладъ, ногами!... Мы чувствовали оба, что лучше этихъ мгновеній ничего въ мірѣ не бывало и не

будетъ для насъ—что все остальное.... Да и какія тутъ сравненія? Довольно.... довольно.... Увы! да: довольно.

XII.

Въ послѣдній разъ отдался я тѣмъ воспоминаніямъ и прощаюсь съ ними безвозвратно.—Такъ скупой, въ послѣдній разъ налюбовавшись своимъ кладомъ, своимъ золотомъ, своимъ свѣтлымъ сокровищемъ — засыпаетъ его сѣрой, сырой землею; такъ свѣтильня истощенной лампады, вспыхнувъ послѣднимъ, яркимъ пламенемъ, покрывается холоднымъ пепломъ. Взглянулъ звѣрекъ въ послѣдній разъ изъ своей норки на бархатную травку, на солнышко, на голубыя, ласковыя воды—да и забился въ самую глубь, свернулся калачикомъ—и заснулъ. Будутъ ли ему хотя во снѣ мерещиться и солнышко, и травка, и голубыя, ласковыя воды?

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

XIII.

Строго и безучастно ведетъ каждаго изъ насъ судьба—и только на первыхъ порахъ, мы, занятые всякими случайностями, вздоромъ, самими собою—не чувствуемъ ея черствой руки.—Пока можно обманываться и не стыдно лгать—можно жить, и не стыдно надѣяться. Истина—не полная истина—о той и помину быть не можетъ,—но даже та малость, которая намъ доступна—замыкаетъ тотчасъ намъ уста, связываетъ намъ руки, сводитъ насъ „на нѣтъ“.—Тогда одно остается человѣку, чтобы устоять на ногахъ и не разрушиться въ прахъ, не погрязнуть въ тинѣ самозабвенія.... самопрезрѣнія: спокойно отвернуться ото

всего, сказать: довольно!—и, скрестивъ на пустой груди ненужныя руки, сохранить послѣднее, единственно доступное ему достоинство, достоинство сознанія собственнаго ничтожества; то достоинство, на которое намекаетъ Паскаль, когда онъ, называя человѣка мыслящимъ тростникомъ, говоритъ, что если бы цѣлая вселенная его раздавила—онъ, этотъ тростникъ, былъ бы все-таки выше вселенной, потому что онъ бы зналъ, что она его давитъ,—а она бы этого не знала. Слабое достоинство! Печальное утѣшеніе! Какъ ты ни старайся проникнуться имъ, повѣрить ему—о, ты, кто бы ни былъ, мой бѣдный собратъ, — не отразить тебѣ тѣхъ грозныхъ словъ поэта: „Наша жизнь—одна бродячая тѣнь; жалкій актеръ, который рисуется и кичится какой-нибудь часъ на сценѣ—а тамъ пропадаетъ безъ вѣсти; сказка, разсказанная безумцемъ, полная звуковъ и ярости—и не имѣющая никакого смысла“ *). Я привелъ стихи изъ Макбета, и пришли мнѣ на память тѣ вѣдьмы, призраки, привидѣнія.... Увы! не привидѣнія, не фантастическія, подземныя силы страшны; не страшна Гофманщина, подъ какимъ бы видомъ она ни являлась.... Страшно то, что нѣтъ ничего страшнаго, что самая суть жизни мелка, неинтересна—и нищенски плоска. Проникнувшись *этимъ* сознаньемъ, отвѣдавъ *этой* полыни, никакой уже медъ не покажется сладкимъ—и даже то высшее, то сладчайшее счастье, счастье любви, полнаго сближенія, безвозвратной преданности — даже оно теряетъ все свое обаяніе; все его достоинство уничтожается его собственной малостью, его краткостью. Ну, да: человѣкъ полюбилъ, загорѣлся, залепеталъ о вѣчномъ блаженствѣ, о безсмертныхъ наслажденіяхъ—смотришь: давнымъ-давно уже нѣтъ слѣда самаго того червя, который выѣлъ послѣдній остатокъ его изсохшаго языка. Такъ,

*) *Макбетъ:* актъ V-й, сцена 5-я.

поздней осенью, въ морозный день, когда все безжизненно и нѣмо въ посѣдѣлой травѣ, на окраинѣ обнаженнаго лѣса—стоитъ солнцу выйти на мигъ, изъ тумана, пристально взглянуть на застывшую землю—тотчасъ отовсюду поднимутся мошки: онѣ играютъ въ тепломъ его лучѣ, хлопочутъ, толкутся вверхъ, внизъ, вьются другъ около друга.... Солнце скроется—мошки валятся слабымъ дождемъ—и конецъ ихъ мгновенной жизни.

XIV.

Но развѣ нѣтъ великихъ представленій, великихъ утѣшительныхъ словъ: „Народность, право, свобода, человѣчество, искусство?“ Да; эти слова существуютъ, и много людей живетъ ими и для нихъ. Но все-таки мнѣ сдается, что если бы вновь народился Шекспиръ, ему не изъ чего было бы отказаться отъ своего Гамлета, отъ своего Лира. Его проницательный взоръ не открылъ бы ничего новаго въ человѣческомъ быту: все та же пестрая и въ сущности несложная картина развернулась бы передъ нимъ въ своемъ тревожномъ однообразіи. То же легковѣріе и та же жестокость, та же потребность крови, золота, грязи, тѣ же пошлыя удовольствія, тѣ же безсмысленныя страданья во имя.... ну, хоть во имя того же вздора, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ осмѣяннаго Аристофаномъ, тѣ же самыя грубыя приманки, на которыя такъ же легко попадается многоголовый звѣрь—людская толпа, тѣ же ухватки власти, тѣ же привычки рабства, та же естественность неправды—словомъ, то же хлопотливое прыганье бѣлки въ томъ же старомъ, даже не подновленномъ колесѣ.... Шекспиръ опять заставилъ бы Лира повторить свое жестокое: „нѣтъ виноватыхъ“—что̀ другими словами значитъ: „нѣтъ и правыхъ“ — и тоже бы промолвилъ: довольно! и тоже бы отвернулся.—Одно развѣ

только: быть можетъ, въ противоположность мрачному, трагическому тирану—Ричарду—иронической геній великаго поэта захотѣлъ бы нарисовать другой, болѣе современный типъ тирана, который почти готовъ повѣрить въ собственную добродѣтель и спокойно почиваетъ по ночамъ или жалуется на черезчуръ изысканный обѣдъ въ то самое время, когда его полураздавленныя жертвы стараются хоть тѣмъ себя утѣшить, что воображаютъ его, какъ Ричарда III-го, окруженнымъ призраками погубленныхъ имъ людей....

Но къ чему?

Къ чему доказывать — да еще подбирая и взвѣшивая слова, округляя и сглаживая рѣчь—къ чему доказывать мошкамъ, что онѣ, точно, мошки?

XV.

Но искусство?... красота?... Да, это сильныя слова; они, пожалуй, сильнѣе другихъ, мною выше упомянутыхъ словъ. Венера Милосская, пожалуй, несомнѣннѣе римскаго права или принциповъ 89-го года. Мнѣ могутъ возразить—и сколько разъ уже слышались эти возраженія!—что и сама красота дѣло условное, что китайцу она представляется совсѣмъ иначе, чѣмъ европейцу.... Но не условность искусства меня смущаетъ; его бренность, опять-таки его бренность, его тлѣнъ и прахъ—вотъ, что̀ лишаетъ меня бодрости и вѣры. Искусство, въ данный мигъ, пожалуй, сильнѣе самой природы, потому что въ ней нѣтъ ни симфоніи Бетховена, ни картины Рюисдаля, ни поэмы Гёте—и одни лишь тупые педанты или недобросовѣстные болтуны могутъ еще толковать объ искусствѣ, какъ о подражаніи природѣ; но, въ концѣ-концовъ, природа неотразима; ей спѣшить нечего, и рано или поздно она возьметъ свое. Безсознательно и неуклонно покорная

законамъ, она не знаетъ искусства, какъ не знаетъ свободы, какъ не знаетъ добра; отъ вѣка движущаяся, отъ вѣка преходящая, она не терпитъ ничего безсмертнаго, ничего неизмѣннаго.... Человѣкъ—ея дитя; но человѣческое—искусственное—ей враждебно, именно потому, что оно силится быть неизмѣннымъ и безсмертнымъ. Человѣкъ—дитя природы; но она всеобщая мать, и у ней нѣтъ предпочтеній: все, что существуетъ въ ея лонѣ, возникло только насчетъ другого и должно въ свое время уступить мѣсто другому—она создаетъ, разрушая, и ей все равно: что̀ она создаетъ, что̀ она разрушаетъ—лишь бы не переводилась жизнь, лишь бы смерть не теряла правъ своихъ.... А потому она такъ же спокойно покрываетъ плѣсенью божественный ликъ Фидіасовскаго Юпитера, какъ и простой голышъ, и отдаетъ на съѣденіе презрѣнной моли драгоцѣннѣйшія строки Софокла. Люди, правда, ревностно помогаютъ ей въ ея истребительной работѣ; но развѣ не та же стихійная сила, не сила природы сказалась въ палицѣ варвара, безсмысленно дробившаго лучезарное чело Аполлона, въ звѣриныхъ вопляхъ, съ которыми онъ бросалъ въ огонь картину Апеллеса? Гдѣ же намъ, бѣднымъ людямъ, бѣднымъ художникамъ, сладить съ этой глухонѣмой, слѣпорожденной силой, которая даже не торжествуетъ своихъ побѣдъ, а идетъ, идетъ впередъ, все пожирая? Какъ устоять противъ этихъ тяжелыхъ, грубыхъ, безконечно и безустанно надвигающихся волнъ, какъ повѣрить, наконецъ, въ значеніе и достоинство тѣхъ бренныхъ образовъ, которые мы, въ темнотѣ, на краю бездны, лѣпимъ изъ праха и на мигъ?

XVI.

Все такъ.... но одно преходящее прекрасно, сказалъ Шиллеръ; и сама природа, въ непрерывной игрѣ своихъ

возникающихъ, исчезающихъ формъ, не чуждается красоты. Не она ли старательно убираетъ самыя мгновенныя изъ своихъ дѣтищъ — лепестки цвѣтовъ, крылья бабочекъ—такими прелестными красками, не она ли придаетъ имъ такія изящныя очертанья? Красотѣ не нужно безконечно жить, чтобы быть вѣчной—ей довольно одного мгновенья. Такъ; это, пожалуй, справедливо—но только тамъ, гдѣ нѣтъ личности, нѣтъ человѣка, нѣтъ свободы: поблекшее крыло бабочки возникаетъ вновь и черезъ тысячу лѣтъ тѣмъ же самымъ крыломъ той же самой бабочки, тутъ строго и правильно, и безлично совершаетъ свой кругъ необходимость.... но человѣкъ не повторяется какъ бабочка, и дѣло его рукъ, его искусства, его свободное твореніе, однажды разрушенное,—погибаетъ навсегда.... Ему одному дано „творить....“ но странно и страшно вымолвить: мы творцы.... на часъ, — какъ былъ, говорятъ, калифъ на часъ.—Въ этомъ наше преимущество—и наше проклятіе: каждый изъ этихъ: „творцовъ“ самъ по себѣ, именно онъ, не кто другой, именно это я, словно созданъ съ преднамѣреніемъ, съ предначертаніемъ; каждый болѣе или менѣе смутно понимаетъ свое значеніе, чувствуетъ, что онъ сродни чему-то высшему, вѣчному— и живетъ, долженъ жить въ мгновеньи и для мгновенья*). Сиди въ грязи, любезный, и тянись къ небу! — Величайшіе изъ насъ — именно тѣ, которые глубже всѣхъ другихъ сознаютъ это коренное противорѣчіе; но, въ такомъ случаѣ—спрашивается,—умѣстны ли слова: величайшій, великій.

---

*) Какъ не вспомнить тутъ словъ Мефистофеля къ Фаусту:

„Er—(Gott) findet sich in einem ew'gen Glanze,
„Uns hat er in die Finsterniss gebracht—
„Und euch taugt einzig Tag und Nacht“.

XVII.

Что же сказать о тѣхъ, къ которымъ, при всемъ желаніи, нельзя примѣнить эти имена, даже въ томъ значеніи, которое придаетъ имъ слабый человѣческій языкъ?— Что сказать объ обыкновенныхъ, дюжинныхъ, второстепенныхъ, третьестепенныхъ труженикахъ — кто бы они ни были—государственные люди, ученые, художники — особенно художники? Чѣмъ заставить ихъ стряхнуть свою нѣмую лѣнь, свое унылое недоумѣніе, чѣмъ привлечь ихъ опять на поле битвы — если только мысль о тщетѣ всего человѣческаго, всякой дѣятельности, ставящей себѣ болѣе высокую задачу, чѣмъ добываніе насущнаго хлѣба, закралась имъ въ голову? Какими вѣнками прельстятся они — они, для которыхъ и лавры, и тернья стали равно незначительны? Изъ чего они станутъ снова подвергаться смѣху „толпы холодной“ или „суду глупца“ — стараго глупца, который не можетъ простить имъ, что они отвернулись отъ прежнихъ кумировъ, — молодого глупца, который требуетъ, чтобы они тотчасъ вмѣстѣ съ нимъ стали на колѣни, легли плашмя передъ новыми, только-что открытыми идолами? Зачѣмъ пойдутъ они опять на этотъ толкучій рынокъ призраковъ, на это торжище, гдѣ и продавецъ, и покупатель равно обманываютъ другъ друга, гдѣ все такъ шумно, громко — и все такъ бѣдно и дрянно? Зачѣмъ, „съ изнеможеніемъ въ кости“, поплетутся они вновь въ этотъ міръ, гдѣ народы, какъ крестьянскіе мальчишки въ праздничный день, барахтаются въ грязи изъ-за горсти пустыхъ орѣховъ, или дивятся, разинувъ рты, на лубочныя картины, раскрашенныя сусальнымъ золотомъ,— въ этотъ міръ, гдѣ живуче только то, что не имѣетъ права на жизнь,—и, оглашая самого себя собственнымъ кри-

комъ, каждый судорожно спѣшитъ къ неизвѣстной и непонятной ему цѣли? Нѣтъ.... нѣтъ.... Довольно.... довольно.... довольно!

XVIII.

. . . The rest is silence. . . . . .

. . . . . .

1864 г.

СОБАКА.

— Но если допустить возможность сверхъестественнаго, возможность его вмѣшательства въ дѣйствительную жизнь,—то позвольте спросить, какую роль, послѣ этого, долженъ играть здравый разсудокъ? — провозгласилъ Антонъ Степанычъ и скрестилъ руки на желудкѣ.

Антонъ Степанычъ состоялъ въ чинѣ статскаго совѣтника, служилъ въ какомъ-то мудреномъ департаментѣ и, говоря съ разстановкой, туго и басомъ, пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Ему, незадолго передъ тѣмъ, по выраженію его завистниковъ, „влѣпили станислашку“.

— Это совершенно справедливо, — замѣтилъ Скворевичъ.

— Объ этомъ и спорить никто не станетъ,—прибавилъ Кинаревичъ.

— И я согласенъ,—поддакнулъ фистулой изъ угла хозяинъ дома, г. Финоплентовъ.

— А я, признаюсь, согласиться не могу, потому что со мной самимъ произошло нѣчто сверхъестественное,—проговорилъ мужчина средняго роста и среднихъ лѣтъ, съ брюшкомъ и лысиной, безмолвно до тѣхъ поръ сидѣвшій

за печкой. Взоры всѣхъ находившихся въ комнатѣ съ любопытствомъ и недоумѣньемъ обратились на него—и воцарилось молчанье.

Этотъ мужчина былъ небогатый калужскій помѣщикъ, недавно пріѣхавшій въ Петербургъ. Онъ нѣкогда служилъ въ гусарахъ, проигрался, вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ. Новѣйшія хозяйственныя перемѣны сократили его доходы, и онъ отправился въ столицу поискать удобнаго мѣстечка. Онъ не обладалъ никакими способностями и не имѣлъ никакихъ связей; но онъ крѣпко надѣялся на дружбу одного стариннаго сослуживца, который вдругъ, ни съ того, ни съ сего, выскочилъ въ люди, и которому онъ однажды помогъ приколотить шуллера. Сверхъ того, онъ разсчитывалъ на свое счастье—и оно ему не измѣнило: нѣсколько дней спустя, онъ получилъ мѣсто надзирателя надъ казенными магазинами, мѣсто выгодное, даже почетное, и не требовавшее отмѣнныхъ талантовъ: самые магазины существовали только въ предположеніи, и даже не было съ точностью извѣстно, чѣмъ ихъ наполнятъ, — а придумали ихъ въ видахъ государственной экономіи.

Антонъ Степанычъ первый прервалъ общее оцѣпенѣніе.

— Какъ, милостивый государь мой?—началъ онъ: — вы не шутя, утверждаете, что съ вами произошло нѣчто сверхъестественное—я хочу сказать: нѣчто несообразное съ законами натуры?

— Утверждаю,—возразилъ „Милостивый государь мой“, настоящее имя котораго было Порфирій Капитонычъ.

— Несообразное съ законами натуры!—повторилъ съ сердцемъ Антонъ Степанычъ, которому видимо понравилась эта фраза.

— Именно.... да; вотъ именно такое, какъ вы изволите говорить.

— Это удивительно! Какъ вы полагаете, господа? — Антонъ Степанычъ потщился придать чертамъ своимъ

выраженіе ироническое, но ничего не вышло,—или, говоря правильнѣе, вышло только то, что вотъ, молъ, господинъ статскій совѣтникъ дурной запахъ почуялъ.—Не потрудитесь ли вы, милостивый государь, — продолжалъ онъ, обращаясь къ калужскому помѣщику, — передать намъ подробности такого любопытнаго событія?

— Отчего же? Можно!—отвѣчалъ помѣщикъ, и развязно пододвинувшись къ серединѣ комнаты, заговорилъ такъ:

— У меня, господа, какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно—а можетъ-быть, и неизвѣстно—небольшое имѣнье въ козельскомъ уѣздѣ. Прежде я извлекалъ изъ него нѣкоторую пользу—но теперь, разумѣется, ничего, кромѣ непріятностей, предвидѣть нельзя. Однако, пò-боку политику! Ну-съ, въ этомъ самомъ имѣньи у меня усадьба „махенькая“: огородъ, какъ водится, прудишко съ карасишками, строенія кой-какія—ну, и флигелекъ для собственнаго грѣшнаго тѣла.... Дѣло холостое. Вотъ-съ; однажды—годовъ этакъ шесть тому назадъ—вернулся я къ себѣ домой довольно поздно: у сосѣда въ картишки перекинулъ — но притомъ, прошу замѣтить, ни въ одномъ, какъ говорится, глазѣ; раздѣлся, легъ, задулъ свѣчку. И представьте вы себѣ, господа: только-что я задулъ свѣчку, завозилось у меня подъ кроватью! Думаю: крыса? Нѣтъ, не крыса: скребетъ, возится, чешется.... Наконецъ, ушами захлопало!

Понятное дѣло: собака. Но откуда собакѣ взяться? Самъ я не держу; развѣ, думаю, забѣжала какая-нибудь *„заболтущая?“* Я кликнулъ своего слугу; Филькой онъ у меня прозывается. Вошелъ слуга со свѣчкой.—Чтò это,—я говорю,—братецъ Филька, какіе у тебя безпорядки! Ко мнѣ собака подъ кровать затесалась.—Какая,—говоритъ, — собака?—А я почемъ знаю?—говорю я;—это твое дѣло—барина до безпокойства не допущать.—Нагнулся мой Филька, сталъ свѣчкой подъ кроватью водить.—Да тутъ,—говоритъ,—никакой собаки нѣту.—Нагнулся и я: точно,

нѣтъ собаки.—Что за притча!—Вскинулъ я глазами на Фильку: а онъ улыбается.—Дуракъ,—говорю я ему,—что̀ ты зубы-то скалишь? Собака-то, вѣроятно, какъ ты сталъ отворять дверь, взяла да и шмыгнула въ переднюю. А ты, ротозѣй, ничего не замѣтилъ, потому что ты вѣчно спишь. Ужъ не воображаешь ли ты, что я пьянъ?—Онъ захотѣлъ-было возражать, но я его прогналъ, свернулся калачикомъ и въ ту же ночь уже ничего не слыхалъ.

Но на слѣдующую ночь—вообразите! — то же самое повторилось. Какъ только я свѣчку задулъ, опять скребетъ, ушами хлопаетъ. Опять я позвалъ Фильку, опять онъ поглядѣлъ подъ кроватью—опять ничего! Услалъ я его, задулъ свѣчку—тьфу ты, чортъ! собака тутъ какъ тутъ. И какъ есть собака: такъ вотъ и слышно, какъ она дышетъ, какъ зубами по шерсти перебираетъ, блохъ ищетъ.... Явственно таково! — Филька! — говорю я: — войди-ка сюда безъ свѣчки! Тотъ вошелъ. — Ну, что̀,—говорю,—слышишь?—Слышу,—говоритъ. Самого-то мнѣ его не видать, но чувствую я, что струхнулъ малый.—Какъ,—говорю,—ты это понимаешь?—А какъ мнѣ это понимать прикажете, Порфирій Капитонычъ?—Навожденіе!—Ты,—я говорю,—безпутый человѣкъ, молчи съ навожденіемъ-то съ своимъ.... А у обоихъ-то у насъ голоса̀ словно птичьи, и дрожимъ-то мы какъ въ лихорадкѣ — въ темнотѣ-то. Зажегъ я свѣчку: ни собаки нѣтъ, ни шума никакого—а только мы оба съ Филькой—бѣлые, какъ глина. Такъ свѣчка у меня до утра и горѣла. И доложу я вамъ, господа—вѣрьте вы мнѣ или нѣтъ — а только съ самой той ночи, въ теченіе шести недѣль, та же исторія со мной повторялась. Подъ конецъ я даже привыкъ и свѣчку гасить сталъ, потому, мнѣ при свѣтѣ не спится. Пусть, молъ, возится! Вѣдь зла она мнѣ не дѣлаетъ.

— Однако—я вижу—вы не трусливаго десятка,—съ

полупрезрительнымъ, полуснисходительнымъ смѣхомъ перебилъ Антонъ Степанычъ.—Сейчасъ видно гусара!

— Васъ-то я бы ни въ какомъ случаѣ не испугался,— промолвилъ Порфирій Капитонычъ, и на мгновенье дѣйствительно посмотрѣлъ гусаромъ.—Но слушайте далѣе. Пріѣзжаетъ ко мнѣ одинъ сосѣдъ, тотъ самый, съ которымъ я въ картишки перекидывалъ. Пообѣдалъ онъ у меня, чѣмъ Богъ послалъ, спустилъ мнѣ рубликовъ пятьдесятъ за визитъ; ночь на дворѣ—убираться пора. А у меня свои соображенія:—останься, говорю, ночевать у меня, Василій Васильичъ; завтра отыграешься, дастъ Богъ. Подумалъ, подумалъ мой Василій Васильичъ,—остался. Я ему кровать у себя же въ спальнѣ поставить приказалъ... Ну-съ, легли мы, покурили, покалякали—все больше о женскомъ полѣ, какъ оно и приличествуетъ въ холостой компаніи, посмѣялись, разумѣется; смотрю: погасилъ Василій Васильичъ свою свѣчку и спиной ко мнѣ повернулся; значитъ: „шлафензиволь". Я подождалъ маленько и тоже погасилъ свѣчку. И представьте: не успѣлъ я подумать, что, молъ, теперь, какой карамболь произойдетъ? какъ уже завозилась моя голубушка. Да мало что завозилась: изъ-подъ кровати вылѣзла, черезъ комнату пошла, когтями по полу стучитъ, ушами мотаетъ, да вдругъ какъ толкнетъ самый стулъ, что возлѣ Василія-Васильевичевой кровати!—Порфирій Капитонычъ,—говоритъ тотъ, и такимъ, знаете, равнодушнымъ голосомъ,—а я и не зналъ, что ты собаку пріобрѣлъ. Какая она, лягавая, что ли?—У меня, говорю, собаки никакой нѣтъ и не бывало никогда!—Какъ нѣтъ? а это что?—Что *это?*—говорю я:—а вотъ, зажги свѣчку, такъ самъ узнаешь.—Это не собака?—Нѣтъ.—Повернулся Василій Васильичъ на постели.—Да ты шутишь, чортъ?—Нѣтъ, не шучу.—Слышу я: онъ чёркъ, чёркъ спичкой, а та-то, та-то все не унимается, бокъ себѣ чешетъ. Загорѣлся огонекъ.... и баста! Слѣдъ простылъ! Глядитъ на меня Васи-

лій Васильичъ—и я на него гляжу.—Это,—говоритъ,—что за фокусъ?—А это, говорю я,—такой фокусъ, что посади ты съ одной стороны самого Сократа, а съ другой Фридриха Великаго, такъ и тѣ ничего не разберутъ.—И тутъ же я ему все въ подробности разсказалъ. Какъ вскочитъ мой Василій Васильичъ! Словно обожженный! Въ сапоги-то никакъ не попадетъ.—Лошадей!—кричитъ—лошадей! Сталъ я его уговаривать, такъ куда! Такъ и взахался.—Не останусь, кричитъ, ни минуты!—Ты, значитъ, послѣ этого, оглашенный человѣкъ!—Лошадей!... Однако, я его уломалъ. Только кровать его перетащили въ другую комнату—и ночники вездѣ запалили. Поутру, за чаемъ, онъ остепенился; сталъ совѣты мнѣ давать.—Ты бы,—говоритъ,—Порфирій Капитонычъ, попробовалъ на нѣсколько дней изъ дому отлучиться: можетъ, эта пакость отъ тебя бы отстала.—А надо вамъ сказать: человѣкъ онъ—сосѣдъ мой—былъ ума обширнаго! Тещу свою, между прочимъ, такъ обработалъ чудесно: вексель ей подсунулъ; значитъ, выбралъ же самый чувствительный часъ! Шелковая стала: довѣренность дала на управленіе всѣмъ имѣніемъ—чего больше? А вѣдь это какое дѣло—тещу-то скрутить—а? Сами изволите посудить. Однако, уѣхалъ онъ отъ меня въ нѣкоторомъ неудовольствіи; я-таки его опять рубликовъ на сотню наказалъ. Даже ругалъ меня: говорилъ, что ты-де неблагодаренъ, не чувствуешь; а я чѣмъ же тутъ виноватъ? Ну, это само собою—а совѣтъ я его къ свѣдѣнію принялъ: въ тотъ же день укатилъ въ городъ, да и поселился на постояломъ дворѣ, у знакомаго старичка изъ раскольниковъ. Почтенный былъ старичокъ, хотя и суровъ маленько, по причинѣ одиночества: вся семья у него перемерла. Только ужъ очень табаку не жаловалъ и къ собакамъ чувствовалъ омерзѣнье великое; кажется, чѣмъ, напримѣръ, ему собаку въ комнату впустить согласиться—скорѣй бы самъ себя пополамъ перервалъ! Потому, говоритъ, какъ же возмож-

но! Тутъ у меня въ свѣтлицѣ, на стѣнѣ, сама Владычица пребывать изволитъ, и тутъ же несъ поганый рыло свое нечестивое уставитъ. Извѣстно—необразованіе! А впрочемъ, я такого мнѣнія: кому какая премудрость далась, тотъ той и придерживайся!

— Да вы, я вижу, великій филозо́фъ,—вторично и съ тою же усмѣшкой перебилъ Антонъ Степанычъ.

Порфирій Капитонычъ на этотъ разъ даже нахмурился.

— Какой я филозо́фъ—это еще неизвѣстно,—промолвилъ онъ съ угрюмымъ подергиваньемъ усовъ:—но васъ бы я охотно взялъ въ науку.

Мы всѣ такъ и впились въ Антона Степаныча: всякій изъ насъ ожидалъ горделиваго отвѣта или хотя молніеноснаго взгляда.... Но господинъ статскій совѣтникъ перевелъ свою усмѣшку изъ презрительной въ равнодушную, потомъ зѣвнулъ, поболталъ ножкой—и только!

— Вотъ, у этого-то старичка я и поселился,—продолжалъ Порфирій Капитонычъ.—Комнатку онъ мнѣ отвелъ, по знакомству, не изъ лучшихъ; самъ онъ помѣщался тутъ же, за перегородкой—а мнѣ только этого и нужно. Однако, принялъ я въ тѣ поры муки! Комнатка небольшая, жара этта, духота, мухи, да какія-то клейкія; въ углу кіотище необыкновенный, съ древнѣйшими образами; ризы на нихъ тусклыя, да дутыя; масломъ такъ и разитъ, да еще какою-то спеціей; на кровати два пуховика; подушку пошевелишь, а изъ-подъ нея тараканъ бѣжитъ.... я ужъ, со скуки, чаю до невѣроятности напился—просто бѣда! Легъ я; спать нѣтъ возможности—а за перегородкой хозяинъ вздыхаетъ, кряхтитъ, молитвы читаетъ. Ну, однако, угомонился наконецъ. Слышу: похрапывать сталъ—да такъ полегоньку, по старомодному, вѣжливенько. Свѣчку-то я давно загасилъ—только лампадка передъ образами горитъ.... Помѣха, значитъ! Вотъ, я возьми, да встань тихо-

хонько, на босу ногу; подмостился къ лампадкѣ, да и дунулъ на нее.... Ничего.—Эге! думаю: знать, у чужихъ-то не беретъ.... Да только-что опустился на постель—опять пошла тревога! И скребетъ, и чешетъ, и ушами хлопаетъ.... ну, какъ быть слѣдуетъ! Хорошо. Я лежу, жду, что̀ будетъ? Слышу: просыпается старикъ. Баринъ,—говоритъ,—а баринъ?—Что̀, молъ?—Это ты лампадку погасилъ?—Да отвѣта моего не дождавшись, какъ залопочетъ вдругъ—что̀ это? что̀ это? собака? собака! Ахъ, ты, никоніанецъ окаянный!—Погоди,—говорю,—старикъ, браниться,—а ты лучше придика самъ сюда. Тутъ,—я говорю,—дѣла совершаются удивленія достойныя.—Повозился старикъ за перегородкой и вошелъ ко мнѣ со свѣчкой, тоненькой-претоненькой, изъ желтаго воску; и удивился же я, на него глядючи! Самъ весь шершавый, уши мохнатыя, глаза злобные, какъ у хорька, на головѣ шапонька бѣлая войлочная, борода по̀поясъ, тоже бѣлая, и жилетъ съ мѣдными пуговицами на рубахѣ, а на ногахъ мѣховые сапоги—и пахнетъ отъ него можжевельникомъ. Подошелъ онъ въ этакомъ видѣ къ образамъ, перекрестился три раза крестомъ двуперстнымъ, лампадку засвѣтилъ, опять перекрестился—и, обернувшись ко мнѣ, только хрюкнулъ: объясняй, молъ! И тутъ я ему, нимало не медля, все обстоятельно сообщилъ. Выслушалъ всѣ мои объясненія старина, и хоть бы словечко проронилъ: только знай, головой потряхиваетъ. Присѣлъ онъ потомъ, этта, ко мнѣ на кроватку—и все молчитъ. Чешетъ себѣ грудь, затылокъ и прочее—и молчитъ.—Что жъ,—говорю я,—Ѳедулъ Иванычъ, какъ ты полагаешь: навожденіе это какое, что ли?—Старикъ посмотрѣлъ на меня.—Что̀ выдумалъ! навожденіе! Добро бы у тебя, табашника,—а то здѣсь! Ты только то сообрази: что̀ тутъ святости! Навожденія захотѣлъ!—А коли это не навожденіе—такъ что̀ же?—Старикъ опять помолчалъ, опять почесался, и говоритъ, наконецъ,—да глухо такъ, потому, усы въ ротъ

лѣзутъ:—Ступай ты въ градъ Бѣлевъ. Окромя одного человѣка, тебѣ помочь некому. И живетъ сей человѣкъ въ Бѣлевѣ: изъ нашихъ. Захочетъ онъ тебѣ поспособствовать—твое счастье; не захочетъ—такъ тому и быть.—А какъ мнѣ его найти, человѣка сего?—говорю я.—Это мы тебя направить можемъ,—говоритъ;—а только, какое это навожденіе? Это есть явленіе, а либо знаменіе; да ты этого не постигнешь: не твоего полёта. Ложись-ка теперь спать, съ батюшкой со Христомъ; я ладанкомъ покурю; а на *утріе* мы побесѣдуемъ. Утро, знаешь, вечера мудренѣе.

Ну-съ, и побесѣдовали мы на *утріе*—а только, отъ этого отъ самаго ладану я чуть не задохнулся. И далъ мнѣ старикъ наставленіе такого свойства: что, пріѣхавши въ Бѣлевъ, пойти мнѣ на площадь и во второй лавкѣ направо спросить нѣкоего Прохорыча; а отыскавши Прохорыча, вручить ему грамотку. И вся-то грамотка заключалась въ клочкѣ бумаги, на которой стояло слѣдующее: „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь. Сергію Прохоровичу Первушину. Сему вѣрь. Ѳеодулій Ивановичъ". А внизу „Капустки пришли, Бога для".

Поблагодарилъ я старика—да безъ дальнѣйшихъ разсужденій велѣлъ заложить тарантасъ и отправился въ Бѣлевъ. Потому, я такъ соображалъ: хотя, положимъ, отъ моего ночного посѣтителя мнѣ большой печали нѣтъ, однако, все-таки, оно жутко, да и, наконецъ, не совсѣмъ прилично дворянину и офицеру—какъ вы полагаете?

— И неужели вы поѣхали въ Бѣлевъ? — прошепталъ г. Финоплентовъ.

—Прямо въ Бѣлевъ. Пошелъ я на площадь, спросилъ во второй лавкѣ направо Прохорыча. Есть, молъ, говорю, такой человѣкъ?—Есть, говорятъ.—А гдѣ живетъ?—На Окѣ, за огородами.—Въ чьемъ домѣ?—Въ своемъ.—Отправился я на Оку, отыскалъ его домъ, т.-е. въ сущности не домъ, а простую лачугу. Вижу: человѣкъ въ синей

свиткѣ съ заплатами и въ рваномъ картузѣ, такъ.... мѣщанинишко по наружности, стоитъ ко мнѣ спиной, копается въ капустникѣ. Я подошелъ къ нему.—Вы, молъ, такой-то?—Онъ обернулся — и доложу вамъ поистинѣ: этакихъ проницательныхъ глазъ я отроду не видывалъ. А впрочемъ, все лицо съ кулачокъ, бородка клиномъ, и губы ввалились: старый человѣкъ.—Я такой-то,—говоритъ:—что вамъ *надобно*?—А вотъ, молъ, что̀ мнѣ *надобно*,—да и грамоту ему въ руку. Онъ посмотрѣлъ на меня пристально таково, да и говоритъ:—Пожалуйте въ комнату; я безъ очковъ читать не могу. Ну-съ, пошли мы съ нимъ въ его хибарку—и ужъ точно хибарка: бѣдно, голо, криво; какъ только держится. На стѣнѣ образъ стараго письма, какъ уголь черный: одни бѣлки на ликахъ такъ и горятъ. Досталъ онъ изъ столика желѣзные круглые очки, надѣлъ себѣ на носъ, прочелъ грамотку, да черезъ очки опять на меня посмотрѣлъ. — Вамъ до меня нужда имѣется? — Имѣется, — говорю, — точно. — Ну, — говоритъ, — коли имѣется, такъ докладывайте, а мы послушаемъ.—И представьте вы себѣ: самъ сѣлъ, и платокъ клѣтчатый изъ кармана досталъ, и у себя на колѣняхъ разложилъ—и платокъ-то дырявый—да такъ важно на меня взираетъ, хоть бы сенатору или министру какому, и не сажаетъ меня. И что еще удивительнѣе: чувствую я вдругъ, что робѣю, такъ робѣю.... просто, душа въ пятки уходитъ. Нижетъ онъ меня глазами насквозь, да и полно! Однако, я поправился, да и разсказалъ ему всю мою исторію. Онъ помолчалъ, поежился, пожевалъ губами, да и ну спрашивать меня, опять-таки какъ сенаторъ, величественно такъ, не торопясь. Имя, молъ, ваше какъ? Лѣта? Кто были родные? Въ холостомъ ли званіи, или женаты? — Потомъ онъ опять губами пожевалъ, нахмурился, палецъ уставилъ, да и говоритъ:—Иконѣ святой поклонитесь, честнымъ преподобнымъ соловецкимъ святителямъ Зосимѣ и Савватію.—Я

поклонился въ землю, и такъ ужъ и не поднимаюсь; такой въ себѣ страхъ къ тому человѣку ощущаю и такую покорность, что, кажется, что бы онъ ни прикажи, исполню тотчасъ же!... Вы вотъ, я вижу, господа, ухмыляетесь, а мнѣ не до смѣху было тогда, ей-ей.—Встаньте, господинъ,—проговорилъ онъ наконецъ.—Вамъ помочь можно. Это вамъ не въ наказаніе наслано, а въ предостереженіе; это, значитъ, попеченіе о васъ имѣется; добрѣ, знать, кто за васъ молится. Ступайте вы теперь на базаръ и купите вы себѣ собаку-щенка, котораго вы при себѣ держите неотлучно—день и ночь. Ваши видѣнья прекратятся, да и кромѣ того, будетъ вамъ та собака на потребу.

Меня вдругъ точно свѣтомъ озарило: ужъ какъ же мнѣ эти слова полюбились! Поклонился я Прохорычу и хотѣлъ-было уйти, да вспомнилъ, что нельзя же мнѣ его не поблагодарить: досталъ изъ кошелька трехрублевую бумажку. Только онъ мою руку отвелъ отъ себя прочь и говоритъ мнѣ:—отдайте, говоритъ, въ часовеньку нашу, али бѣднымъ, а услуга та неоплатная. Я опять ему поклонился—чуть не въ поясъ—и тотчасъ маршъ на базаръ! И вообразите: только-что сталъ я подходить къ лавкамъ—глядь, ползетъ ко мнѣ навстрѣчу фризовая шинель и подъ мышкой несетъ лягаваго щенка, двухмѣсячнаго, коричневой шерсти, бѣлогубаго, съ бѣлыми передними лапками. Стой! говорю я шинели: за сколько продаешь?—А за два цѣлковыхъ.—Возьми три!—Тотъ удивился, думаетъ, съ ума баринъ спятилъ—а я ему ассигнацію въ зубы, щенка въ охапку, да въ тарантасъ! Кучеръ живо запрягъ лошадей, и въ тотъ же вечеръ я былъ дома. Щенокъ всю дорогу у меня за пазухой сидѣлъ—и хоть бы пикнулъ: а я ему все: Трезорушко! Трезорушко! Тотчасъ его накормилъ, напоилъ, велѣлъ соломы принести, уложилъ его, и самъ шмыгъ въ постель! Дунулъ на свѣчку: сдѣлалась темнота. Ну, говорю, начинай! Молчитъ. Начинай же, говорю, та-

кая-сякая! Ни гу-гу, хоть бы на смѣхъ. Я куражиться сталъ. Да начинай, ну же, растакая, сякая и этакая! Анъ не тутъ-то было—шабашъ! Только и слышно, какъ щенокъ пыхтитъ. — Филька! кричу, Филька! Поди сюда, глупый человѣкъ!—Тотъ вошелъ.—Слышишь ты собаку?—Нѣтъ, говоритъ, баринъ, ничего не слышу — а самъ смѣется.—И не услышишь, говорю, уже больше никогда! Полтинникъ тебѣ на водку!—Пожалуйте ручку, говоритъ дуракъ, и впотьмахъ-то лѣзетъ на меня.... Радость, доложу вамъ, была большая.

— И такъ все и кончилось? — спросилъ Антонъ Степанычъ, уже безъ иронiи.

— Видѣнiя кончились, точно—и уже безпокойствъ никакихъ не было — но погодите, всей штукѣ еще не конецъ. Сталъ мой Трезорушко рости — вышелъ изъ него гусь лапчатый. Толстохвостый, тяжелый, вислоухiй, брылястый—настоящiй „пиль-аванцъ“. И притомъ, ко мнѣ привязался чрезвычайно. Охота въ нашихъ краяхъ плохая—ну, а все-таки, какъ завелъ собаку—пришлось и ружьишкомъ запастись. Сталъ я со своимъ Трезоромъ таскаться по окрестностямъ: иногда зайца подшибешь (ужъ и гонялся же онъ за этими зайцами, Боже мой!), а иногда и перепелку или уточку. Но только главное: Трезоръ отъ меня ни на шагъ. Куда я—туда и онъ; даже и въ баню его съ собой водилъ—право! Одна наша барыня меня за самаго за этого Трезора изъ гостиной приказала было вывести, да я такую штурму поднялъ: что̀ однихъ стеколъ у ней перебилъ! Вотъ-съ однажды, дѣло было лѣтомъ.... И, скажу вамъ, засуха стояла тогда такая, что никто и не запомнитъ; въ воздухѣ не то дымъ, не то туманъ, пахнетъ гарью, мгла, солнце какъ ядро раскаленное, а что пыли—не прочихнешь! Люди такъ разинувши рты и ходятъ, не хуже воронъ. Соскучилось мнѣ этакъ дома все сидѣть, въ полнѣйшемъ дезабилье,

за закрытыми ставнями; кстати же жара начинала сваливать.... И пошелъ я, государи мои, къ одной своей сосѣдкѣ. Жила же оная сосѣдка отъ меня въ верстѣ — и ужъ, точно, благодѣтельная была дама. Въ молодыхъ еще, цвѣтущихъ лѣтахъ, и наружности самой располагающей; только нравъ имѣла непостоянный. Да это въ женскомъ полѣ не бѣда; даже удовольствіе доставляетъ.... Вотъ, добрался я до ея крылечка—и солоно же мнѣ показалось это путешествіе! Ну, думаю, ублаготворитъ меня теперь Нимфодора Семеновна брусничной водой, ну, и другими прохладами—и уже за ручку двери взялся, какъ вдругъ за угломъ дворовой избы поднялся топотъ, визгъ, крикъ мальчишекъ.... Я оглядываюсь. Господи, Боже мой! прямо на меня несется огромный, рыжій звѣрь, котораго я съ перваго взгляда и за собаку-то не призналъ: раскрытая пасть, кровавые глаза, шерсть дыбомъ.... Не успѣлъ я дыханіе перевести, какъ ужъ это чудовище вскочило на крыльцо, поднялось на заднія лапы и прямо ко мнѣ на грудь—каково положеніе? Я замеръ отъ ужаса, и руки не могу поднять, одурѣлъ вовсе.... вижу только страшные бѣлые клыки передъ самымъ носомъ, красный языкъ, весь въ пѣнѣ. Но въ то же мгновенье другое, темное тѣло взвилось передо мною, какъ мячикъ—это мой голубчикъ Трезоръ заступился за меня: да какъ піявка, тому-то, звѣрю-то, въ горло! Тотъ захрипѣлъ, заскрежеталъ, отшатнулся.... Я разомъ рванулъ дверь и очутился въ передней. Стою, самъ не свой, всѣмъ тѣломъ на замокъ налегъ, а на крыльцѣ, слышу, происходитъ баталья отчаянная. Я сталъ кричать, звать на помощь; всѣ въ домѣ всполошились. Нимфодора Семеновна прибѣжала съ распущенной косой; на дворѣ загомонили голоса—и вдругъ послышалось: „держи, держи, запри ворота!“ Я отворилъ дверь—такъ, чуточку,—гляжу: чудовища уже нѣтъ на крыльцѣ, люди въ безпорядкѣ мечутся по двору, махаютъ руками,

поднимаютъ съ земли полѣнья—какъ есть, очумѣли. „На деревню! на деревню убѣгла!“ визжитъ какая-то баба въ кичкѣ необыкновенныхъ размѣровъ, высунувшись въ слуховое окно. Я вышелъ изъ дома.—Гдѣ, молъ, Трезоръ?—и тутъ же увидалъ моего спасителя. Онъ шелъ отъ воротъ, хромой, весь искусанный, въ крови....—Да что такое, наконецъ?—спрашиваю у людей, а они кружатся по двору, какъ угорѣлые. — Бѣшеная собака!—отвѣчаютъ мнѣ:—графская; со вчерашняго дня здѣсь мотается.

У насъ былъ сосѣдъ, графъ; тотъ заморскихъ собакъ навезъ, престрашенныхъ. Поджилки у меня затряслись; бросился къ зеркалу, посмотрѣть, не укушенъ ли я? Нѣтъ, слава Богу, ничего не видать; только рожа, натурально, вся зеленая; а Нимфодора Семеновна лежитъ на диванѣ и клохчетъ курицей. Да оно и понятно: во-первыхъ, нервы, во-вторыхъ, чувствительность. Ну, однако, пришла въ себя и спрашиваетъ меня, томно такъ: живъ ли я? Я говорю, живъ, и Трезоръ мой избавитель.—Ахъ,—говоритъ,—какое благородство! И стало-быть, бѣшеная собака его задушила?—Нѣтъ, говорю,—не задушила, а ранила сильно.—Ахъ,—говоритъ,—въ такомъ случаѣ его надо сію минуту пристрѣлить!—Ну, нѣтъ,—говорю,—я на это не согласенъ; я попробую его вылечить.... Тѣмъ временемъ Трезоръ сталъ скрестись въ дверь: я-было пошелъ ему отворять. Ахъ,—говоритъ,—что вы это? Да онъ насъ всѣхъ перекусаетъ! — Помилуйте!—говорю,—ядъ не такъ скоро дѣйствуетъ.—Ахъ,—говоритъ,—какъ это возможно! Да вы съ ума сошли! — Нимфочка, — говорю,—успокойся, прими резонъ.... А она, какъ крикнетъ вдругъ: уйдите, уйдите сейчасъ съ вашей противной собакой!—И уйду,—говорю.—Сейчасъ,—говоритъ,—сію секунду! Удались,—говоритъ,—разбойникъ, и на глаза мнѣ не смѣй никогда показываться. Ты самъ можешь взбѣситься!—Очень хорошо-съ,—говорю я;—только дайте мнѣ экипажъ, потому

что я теперь пѣшкомъ идти домой опасаюсь.—Она уставилась на меня.—Дать, дать ему коляску, карету, дрожки, что хочетъ, лишь бы провалился поскорѣе. Ахъ, какіе глаза! ахъ, какіе у него глаза!—Да съ этими словами изъ комнаты вонъ, да встрѣшную дѣвку по щекѣ—и, слышу, съ ней опять припадокъ.—И повѣрите ли вы мнѣ, господа, или нѣтъ, а только съ самаго того дня я съ Нимфодорой Семеновной всякое знакомство прекратилъ; а по зрѣломъ соображеніи всѣхъ вещей, не могу не прибавить, что и за это обстоятельство я обязанъ моему другу Трезору благодарностью по самую гробовую доску.

— Ну-съ, велѣлъ я заложить коляску, усадилъ въ нее Трезора и поѣхалъ къ себѣ домой. Дома я его осмотрѣлъ, обмылъ его раны—да и думаю: повезу я его завтра, чуть свѣтъ, къ бабкѣ, въ Ефремовскій уѣздъ. А бабка эта—старый мужикъ, удивительный: пошепчетъ на воду — а другіе толкуютъ, что онъ въ нее змѣиную слюну пущаетъ—дастъ выпить—какъ рукою сниметъ. Кстати, думаю, въ Ефремовѣ себѣ кровь брошу: оно противъ испуга хорошо бываетъ; только, разумѣется, не изъ руки, а изъ соколка.

— А гдѣ это мѣсто — соколокъ? — съ застѣнчивымъ любопытствомъ спросилъ Финоплентовъ.

— А вы не знаете? Самое вотъ это мѣсто, на кулакѣ, подлѣ большого пальца, куда изъ рожка табакъ насыпаютъ—вотъ тутъ! Для кровопусканія первый пунктъ; потому, сами посудите: изъ руки пойдетъ кровь жильная, а тутъ она—наигранная. Доктора этого не знаютъ и не умѣютъ; гдѣ имъ, дармоѣдамъ, нѣмчурѣ! Больше кузнецы упражняются. И какіе есть ловкіе! Наставитъ долото, молоткомъ тюкнетъ—и готово!... Ну-съ, пока я этакимъ образомъ размышлялъ, на дворѣ совсѣмъ стемнѣло, пора на боковую. Легъ я въ постель—и Трезоръ, разумѣется, тутъ же. Но отъ испуга ли, отъ духоты ли, отъ блохъ или отъ мыслей—только не могу заснуть, хоть ты что! Тоска

такая напала, что и описать невозможно; и воду-то я пилъ, и окошко отворялъ, и на гитарѣ „камаринскаго“ съ итальянскими варіаціями разыгралъ.... нѣтъ! Претъ меня вонъ изъ комнаты—да и полно! Я рѣшился наконецъ: взялъ подушку, одѣяло, простыню, да и отправился черезъ садъ въ сѣнной сарай; ну, и расположился тамъ. И такъ мнѣ стало, господа, пріятно: ночь тихая, претихая, только изрѣдка вѣтерокъ словно женской ручкой по щекѣ тебѣ проведетъ, свѣжо таково; сѣно пахнетъ, что твой чай, на яблоняхъ кузнечики потрюкиваютъ; тамъ вдругъ перепелъ грянетъ—и чувствуешь ты, что и ему, канашкѣ, хорошо, въ росѣ-то съ подружкой сидючи.... А на небѣ такое благолѣпіе: звѣздочки теплются, а то тучка наплыветъ, бѣлая, какъ вата—да и та еле движется....

На этомъ мѣстѣ разсказа Скворевичъ чихнулъ; чихнулъ и Кинаревичъ, никогда и ни въ чемъ не отстававшій отъ своего товарища. Антонъ Степанычъ посмотрѣлъ одобрительно на обоихъ.

— Ну-съ,—продолжалъ Порфирій Капитонычъ:—вотъ такъ-то лежу я, и опять-таки заснуть не могу. Размышленіе нашло на меня; а размышлялъ я больше о премудрости: что вотъ, какъ, молъ, это Прохорычъ мнѣ справедливо объяснилъ насчетъ предостереженья—и почему это именно надо мной такія чудеса совершаются?... Я удивляюсь—собственно потому, что ничего не понимаю—а Трезорушко повизгиваетъ, свернувшись въ сѣнѣ: больно ему отъ ранъ-то. И еще я вамъ скажу, что̀ мнѣ спать мѣшало—вы не повѣрите: мѣсяцъ! Стоитъ онъ прямо передо мной, этакій круглый, большой, желтый, плоскій, и сдается мнѣ, что уставился онъ на меня, ей-Богу; да такъ нагло, назойливо.... Я ему даже языкъ наконецъ высунулъ, право. Ну, чего, думаю, любопытствуешь? Отвернусь я отъ него—а онъ мнѣ въ ухо лѣзетъ, затылокъ мнѣ озаряетъ, такъ вотъ и обдаетъ, словно дождемъ; от-

крою глаза—что̀ же? Былинку каждую, каждый дрянной сучокъ въ сѣнѣ, паутинку самую ничтожную—такъ и чеканитъ, такъ и чеканитъ! На, молъ, смотри! Нечего дѣлать: оперъ я голову на руку, сталъ смотрѣть. Да и нельзя: повѣрите ли, глаза у меня, какъ у зайца, такъ и пучатся, такъ и раскрываются—словно имъ и неизвѣстно, что за сонъ бываетъ за такой. Такъ, кажется, и съѣлъ бы все этими самыми глазами. Ворота сарая открыты настежь; верстъ на пять въ полѣ видно: и явственно, и нѣтъ, какъ оно всегда бываетъ въ лунную ночь. Вотъ, гляжу я, гляжу—и не смигну даже.... И вдругъ мнѣ показалось, какъ будто что-то мотанулось—далеко, далеко.... такъ, словно что померещилось. Прошло нѣсколько времени: опять тѣнь проскочила—уже немножко ближе; потомъ опять, еще поближе. Что, думаю, это такое? заяцъ, что ли? Нѣтъ, думаю, это будетъ покрупнѣе зайца—да и побѣжка не та. Гляжу: опять тѣнь показалась, и движется она уже по выгону (а выгонъ-то отъ луны бѣлесоватый) этакимъ крупнымъ пятномъ; понятное дѣло: звѣрь, лисица или волкъ. Сердце во мнѣ екнуло.... а чего, кажись, я испугался? Мало ли всякаго звѣря ночью по полю бѣгаетъ? Но любопытство-то еще пуще страха; приподнялся я, глаза вытаращилъ, а самъ вдругъ похолодѣлъ весь, такъ-таки застылъ, точно меня въ ледъ по уши зарыли, а отчего? Господь вѣдаетъ! И вижу я: тѣнь все ростетъ, ростетъ, значитъ, прямо на сарай катитъ.... И вотъ, ужъ мнѣ понятно становится, что это—точно звѣрь, большой, головастый.. . Мчится онъ вихремъ, пулей.... Батюшки! что̀ это? Онъ разомъ остановился, словно почуялъ что.... Да это.... это сегодняшняя бѣшеная собака! Она.... она! Господи! А я-то пошевельнуться не могу, крикнуть не могу.... Она подскочила къ воротамъ, сверкнула глазами, взвыла—и по сѣну прямо на меня!

А изъ сѣна-то, какъ левъ, мой Трезоръ—и вотъ онъ!

Пасть съ пастью такъ и вцѣпились оба—да клубомъ о-земь! Что̀ ужъ тутъ происходило—не помню; помню только, что я, какъ былъ, кубаремъ черезъ нихъ, да въ садъ, да домой, къ себѣ въ спальню!... Чуть подъ кровать не забился—что грѣха таить. А какіе скачки, какіе лансады по̀ саду задавалъ! Кажется, самая первая танцорка, что у императора Наполеона въ день его ангела пляшетъ—и та за мной бы не угналась. Однако, опомнившись немного, я тотчасъ же весь домъ на ноги поднялъ; велѣлъ всѣмъ вооружиться, самъ взялъ саблю и револьверъ. (Я, признаться, этотъ револьверъ вскорѣ послѣ эманципаціи купилъ, знаете, на всякій случай—только такой попался бестія разносчикъ; изъ трехъ выстрѣловъ непремѣнно двѣ осѣчки). Ну-съ, взялъ я все это, и такимъ манеромъ мы цѣлой оравой, съ дрекольями, съ фонарями и отправились въ сарай. Подходимъ, окликаемъ — не слыхать ничего; входимъ, наконецъ, въ сарай.... И что же мы видимъ? Лежитъ мой бѣдный Трезорушко мертвый, съ перерваннымъ горломъ—а той-то, проклятой, и слѣдъ простылъ!

И тутъ я, господа, взвылъ какъ теленокъ и, не стыдясь, скажу: припалъ я къ моему двукратному, такъ сказать, избавителю, и долго лобзалъ его въ голову. И пробылъ я въ этомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока въ чувство меня не привела моя старая ключница Прасковья (она тоже прибѣжала на гвалтъ). — Что это вы, Порфирій Капитонычъ,—промолвила она,—такъ обо псѣ убиваетесь? Да и простудитесь еще, Боже сохрани! (Очень ужъ я былъ налегкѣ). А коли песъ этотъ, васъ спасаючи, жизни *рѣшился*, такъ для него это за великую милость почесть можно!

Я хотя съ Прасковьей не согласился, однако пошелъ домой. А бѣшеную собаку на слѣдующій день гарнизонный солдатъ изъ ружья застрѣлилъ. И, стало-быть, ужъ ей такой былъ предѣлъ положо̀нъ: въ первой разъ отро-

дясь солдатъ-то изъ ружья выпалилъ, хоть и медаль имѣлъ за двѣнадцатый годъ. Такъ вотъ, какое со мной произошло сверхъестественное событіе.

Разсказчикъ умолкъ и сталъ набивать себѣ трубку. А мы всѣ переглянулись въ недоумѣніи.—Да вы, можетъ-быть, очень праведной жизни,—началъ-было г. Финоплентовъ,—такъ въ возмездіе....—Но на этомъ словѣ онъ запнулся, ибо увидалъ, что у Порфирія Капитоныча щеки надулись и покраснѣли, и глаза съежились—вотъ, сейчасъ прыснетъ человѣкъ....

— Но если допустить возможность сверхъестественнаго, возможность его вмѣшательства въ ежедневную, такъ-сказать, жизнь,—началъ снова Антонъ Степанычъ:—то какую же роль, послѣ этого, долженъ играть здравый разсудокъ?

Никто изъ насъ ничего не нашелся отвѣтить—и мы, попрежнему, пребывали въ недоумѣніи.

1866 г.

КОНЕЦЪ

ШЕСТОГО ТОМА.